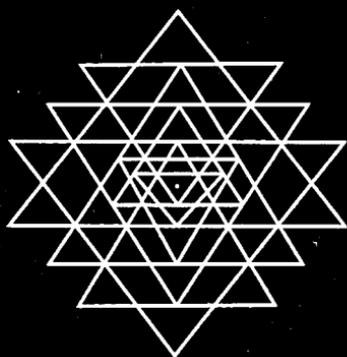

ВВЕДЕНИЕ В МАГИЮ

ТОМ I

ЮЛИУС ЭВОЛА
И ГРУППА «УР»

ЮЛИУС ЭВОЛА
И ГРУППА «УР»

ВВЕДЕНИЕ В МАГИЮ

ТОМ I

ТАМБОВ • 2019

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с итальянского — Олег Молотов.

Эвола Ю. и др.

**Введение в магию. Т. I. / Перевод с итал. О. Молотова.
— Тамбов: Ex Nord Lux, 2019. — 450 с.**

Вниманию читателей предлагается сборник материалов, опубликованных в 1927–1929 гг. группой «Ур» — объединением итальянских эзотериков, наиболее известны из которых философ-традиционалист Юлиус Эвола (1898–1974) и математик, масон и неопифагореец Артуро Регини (1878–1946). Позже эти материалы были собраны в трех томах и заново отредактированы Юлиусом Эволой. Магия понимается авторами прежде всего как инициатическая наука, нацеленная на превосходение человеческого состояния; как тернистый путь, открытый далеко не всем. В сборнике излагаются как теоретические сведения об окружающем мире и месте человека в нем, так и описания конкретных практик и личного опыта. Все авторы выступают под псевдонимами; краткая информация о них приведена в конце книги.

© Олег Молотов,
перевод с итальянского, 2019

© Издательство «Ex Nord Lux»,
издание книги на русском языке, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ПЬЕТРО НЕГРИ SUB SPECIE INTERIORITATIS	14
ЛЕО ПРЕГРАДЫ	20
АБРАКСАС ЗНАНИЕ ВОД	22
ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И БЕЗМОЛВИЕ	30
ЭА О ХАРАКТЕРЕ ИНИЦИАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	36

ГЛАВА II

ПУТЬ ПРОБУЖДЕНИЯ СОГЛАСНО ГУСТАВУ МАЙРИНКУ	45
ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: ОГОНЬ	53
АБРАКСАС ТРОЙСТВЕННЫЙ ПУТЬ	59
ЛЕО ПОДХОДЫ	67
КОММЕНТАРИИ К OPUS MAGICUM.....	71

ГЛАВА III

ЛЕО ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОПЫТУ «ТОНКОГО ТЕЛА».....	76
ПОЗНАНИЕ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ	80
АБРАКСАС ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ КАДУЦЕЙ И ЗЕРКАЛО	89
ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: «СЛОВА МОГУЩЕСТВА» И КЛЕЙМА СУЩНОСТЕЙ	99
ПЬЕТРО НЕГРИ ПОЗНАНИЕ СИМВОЛА	104

ГЛАВА IV

АПАТАНАТИЗМ. МИТРАИСТСКИЙ РИТУАЛ ИЗ «БОЛЬШОГО ПАРИЖСКОГО МАГИЧЕСКОГО ПАПИРУСА».....	121
ПРЕДИСЛОВИЕ	121
ТЕКСТ.....	126
МАГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К РИТУАЛУ.....	157

ГЛАВА V

РЕЗЮМЕ.....	159
АБРАКСАС НАСТАВЛЕНИЯ ПО «ОСОЗНАНИЮ ДЫХАНИЯ»	162
ОСО ЗАМЕТКИ О ЛОГОСЕ	164
АРОМ ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ	171
ЭА ВОПРОС БЕССМЕРТИЯ	175

ГЛАВА VI

ЛЕО ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНА.....	185
ЭА О МАГИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЖИЗНИ	190
АБРАКСАС ВТОРОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ ГЕРМЕТИЧЕСКОГО КАДУЦЕЯ	194
ЯГЛА ОПЫТЫ: ЗАКОНЫ СУЩЕСТВ	202
ПУТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСНО БУДДЕ	208
ЗАМЕТКИ.....	218

ГЛАВА VII

ЛЮЧЕ НАСТАВЛЕНИЯ ПО ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ МАГИИ	224
ЭА ДОКТРИНА «БЕССМЕРТНОГО ТЕЛА»	236
DE PHARMASO CATHOLICO.....	245

ГЛАВА VIII

АБРАКСАС МАГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ «ДВУХ СОСУДОВ»: РЕДУПЛИКАЦИЯ	262
ТИБЕТСКИЕ ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ: «ПУСТОТА» И «АЛМАЗНАЯ МОЛНИЯ».....	274
АРВО О «КОНТРИНИЦИАЦИИ»	282
ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: АРОМАТЫ	292

ГЛАВА IX

АРВО СОЗНАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ — РАССЛАБЛЕНИЕ — БЕЗМОЛВИЕ	300
ЭА РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ И ЕЕ СИЛАХ.....	305
АБРАКСАС МАГИЯ ОБРАЗА.....	316
ПЬЕТРО НЕГРИ ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ АНДРОГИН И ИТАЛЬЯНСКИЙ АЛХИМИЧЕСКИЙ СВИНЦОВЫЙ КОДЕКС.....	324

ГЛАВА X

ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: ЦЕПИ	351
ЛЕО ОБ ОТНОШЕНИИ К ИНИЦИАТИЧЕСКОМУ УЧЕНИЮ.....	355
ЭА СВОБОДА, ПРЕДВИДЕНИЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ.....	359
ПРИМЕЧАНИЯ К OPUS MAGICUM.....	373

ГЛАВА XI

ЯГЛА ЗМЕИНАЯ МУДРОСТЬ	376
ЛЮЧЕ ИНВОКАЦИИ	383
ОТРЫВКИ ИЗ DE MYSTERIIS.....	389
ПОСЛАНИЕ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ.....	395
СИРИУС ТУМАН И СИМВОЛЫ.....	396
ЭА ОБ ОБЩЕМ УЧЕНИИ О МАНТРАХ.....	399

ГЛАВА XII

АЛЬБА DE NATURAE SENSU.....	408
ЛЕО ИЗРЕЧЕНИЯ	420
ПЬЕТРО НЕГРИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ В МАГИИ.....	426
РАЗЛИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ.....	433
АВТОРЫ	445

ВВЕДЕНИЕ

В жизни некоторых людей возникают такие моменты, когда они чувствуют, что все, что прежде казалось несомненным, колеблется, путеводные огни исчезают, смолкают голоса страстей, чувств и всего прочего, что наполняло их существование жизнью и движением. И, возвращаясь к своему центру, человек лицом к лицу сталкивается с вопросом, лежащим в основе всех прочих: *Что такое Я?*

Практически всегда в нем пробуждается чувство, что все, что он делает (не только в повседневности, но также и в области культуры), по сути служит лишь *отвлечению*, создавая видимость цели, позволяя глубоко не задумываться, скрывая от него собственный внутренний мрак и избавляя от экзистенциальной тоски.

В некоторых случаях кризис этого рода может закончиться катастрофой. В других случаях человек сопротивляется. Импульс животной энергии, которая не хочет погибнуть, вновь утверждает себя и подавляет то, что стало интуитивно ясным в опыте подобного рода, заставляя человека поверить, что это был лишь кошмар, момент возбуждения ума и нарушения нервного равновесия — и чтобы вернуться к «реальности», нужно лишь вновь привести в порядок что-то внутри.

Некоторые люди уклоняются от такого решения. Для них экзистенциальная проблема, которую они ощутили, становится «философской», ибо они неспособны принять ее целиком. И тогда игра возобновляется. Некоторая система размышлений помогает им увидеть свет во тьме и дает их воле новый стимул для продолжения жизни. Другим равноценным решением является пассивное упование на традиционные структуры, догматические формы, лишенные живого содержания и являющиеся простыми совокупностями догм и культов.

Но есть и те, кто твердо стоит на ногах. В их жизни произошло нечто новое и бесповоротное. Они намереваются разорвать тот круг, в котором оказались заключены. Они отбрасывают все, во что ранее верили и на что надеялись. Они намерены рассеять туман и проложить себе путь. То, что они ищут — это знание самих себя и знание Бытия внутри себя. И для них не существует пути назад.

Таков один из способов, при помощи которых некоторые, особенно в современную эпоху, могут приблизиться к дисциплинам, в общем называемым *инициативическими*. Другие становятся на тот же путь в результате своего рода воспоминания и в силу природного благородства, вызывающих ясное ощущение того, что этот мир не является подлинным, что существует нечто превосходящее чувственное восприятие и все то, что имеет лишь человеческое происхождение. Такие люди взыскуют непосредственного видения реальности, как при *полном пробуждении*.

И в том, и в другом случае человек осознает, что он не одинок. Он ощутит близость с *другими* — теми, кто дошел до того же самого другим путем, или, возможно, всегда пребывал в этой точке. И тогда он познает их истину.

За пределами рассудочного интеллекта, за пределами верований, за пределами чувств, за пределами того, что сегодня называют наукой и культурой, лежит высшее знание. Там тоска индивидуума прекращается, тьма и случайность человеческого состояния растворяется, а проблема бытия находит свое решение. Это знание трансцендентно в том смысле, что оно предполагает *изменение состояния*. Оно может быть достигнуто лишь путем трансформации одного способа бытия человека в другой за счет изменения его сознания. Предпосылкой высшего знания является трансформация самого себя. Такое знание не ведает «проблем»: ему знакомы только *задачи и достижения*.

Подобные достижения следует понимать как нечто *реальное*. Их предпосылкой является способность воспринимать только конкретную, реальную, обнаженную

связь с собой и с миром. Для современного человека эта связь имеет обусловленный, внешний и случайный характер, свойственный физическому состоянию существования. Что касается всего разнообразия того, что издавна называют «духом», то это зачастую всего лишь противоположная сторона материального существования, которая со всеми своими ценностями (добро и зло, истинное и ложное, высшее и низшее) не изменяет положение «Я» как человеческого существа в иерархии существ. Именно поэтому происходит кризис, резкий переворот. Именно поэтому необходимо усилие, чтобы все отбросить, оторваться от всего. Если речь идет о получении высшего знания, единственное, что имеет значение — это изменение глубинной структуры человека. Это знание, одновременно являющееся мудростью и могуществом, по своей сути «нечеловеческое»; и оно достигается на пути, предполагающем активное и реальное, онтологическое преодоление человеческого состояния.

Современный человек, уже давно заточенный в некоем магическом круге, практически ничего не знает об этих горизонтах. Более того, как верно заметил Жозеф де Местр, те, кого в наше время называют «учеными», сплели настоящий заговор: они монополизировали науку и совершенно не хотят, чтобы кто-нибудь познал *больше*, чем они, и *иным путем*.

Но это не мешает тому факту, что такое высшее знание, знание иного рода, *существует*. К тому учению, о котором идет речь, в гораздо большей степени, чем к господствующей на Западе религии, относится выражение *quod ubique, quod ab omnibus et quod semper*¹. Это учение соответствует единой традиции, которую в разных ее проявлениях можно найти у многих народов. Иногда она предстает как мудрость древних царских или жрече-

¹ Перефразированный фрагмент выражения *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus (creditur)* (лат.) — «то, во что верят всегда, повсюду и все» — *Прим. перев.*

ских элит, иногда как знание, заключенное в священных символах, мифах и ритуалах, чье происхождение теряется в изначальных временах; или же в форме аллегорических писаний, мистерий, инициаций; как теургия, йога и высшая магия, и, в более близкие к нам времена, как тайное знание, несомое подпольными течениями, выходящими на поверхность в западной истории то здесь, то там, вплоть до герметиков и розенкрейцеров.

Здесь метафизике соответствует некоторая техника, которая, не имея ничего общего с внешними силами и феноменами, но будучи связанной с глубинными энергиями человеческого существа, обладает тем же объективным и опытным характером, что и так называемые точные науки. Эта «божественная техника», традиционная в высшем смысле этого слова, дает реальные возможности тому, кто, столкнувшись с кризисом, о котором шла речь выше, нашел в себе способность преодолеть его в положительном смысле и дистанцироваться от всего того, что является исключительно человеческим. Таким же образом она открывает реальные возможности иной категории существ — тем немногим, в ком таинственным образом вновь утверждается древнее наследие, словно следуя инстинкту *иной расы*, исчезнувшей во тьме тысячелетий.

Человеческий ум уже предложил все, что мог. Теперь речь идет о том, чтобы превратить все тело в инструмент сознания, которое, преодолевая ограниченность индивидуума, будет двигаться сквозь уровни, на которых действуют сокрытые глубинные энергии высшего «Я» до тех пор, пока вновь не отыщется путь, ведущий в «закрытый дворец Короля»².

Цель данного сборника — дать указания по этой тайной науке. Мы постарались, насколько это возможно, не просто говорить *в общем*, а передать суть, ничего не

² Намек на название известного алхимического трактата Ириней Филалета «Открытый вход в закрытый дворец короля» (*Introitus apertus ad occlusum regis Palatium*). — *Прим. перев.*

опуская, чтобы достичь полного понимания. Оставшаяся в некоторых местах, несмотря ни на что, неясность вызвана не нашим желанием, а самой природой материи, о которой идет речь. Высшее знание — это главным образом *опыт*. Но любой опыт можно понять только при помощи аналогичного опыта. Любое общение в письменной или печатной форме всегда накладывает некое ограничение, которое может снять лишь тот, кто способен занять «позицию», соответствующую тому или иному учению.

Мы ограничиваем предмет нашего изложения:

1. Описанием методов, дисциплин и техник.
2. Отчетами о реальных исторических опытах.
3. Переизданием или переводом редких или малоизвестных текстов или их отрывков, принадлежащих восточным и западным традициям; при необходимости они будут разъяснены, откомментированы и представлены таким образом, чтобы снабдить читателя ориентирами и помочь ему обнаружить новые перспективы.

4. Сжатыми теоретическими сведениями, призванными разрушить застывшие представления о человеке, мире и жизни, господствующие в современной цивилизации, лечь в основу практики и разъяснить ее предпосылки.

Статьи, вошедшие в эту книгу, взаимно дополняют друг друга. Они расположены с таким расчетом, чтобы элементы, необходимые для адекватного понимания каждой из них, были уже изложены ранее. Авторы в значительной степени работали как согласованные части одного целого, объединенные общим заданием; каждый из них продолжал, дополнял или развивал в ином свете то, что было сказано другим.

Следуя практике, известной как на Древнем Востоке, так и в наших средневековых школах, среди пифагорейцев и герметиков, в инициатических корпорациях и у розенкрейцеров, а также некоторых монастырских авторов (а отчасти и у иезуитов), мы сочли уместным применить принцип анонимности. Личность автора неважна, потому что все, что он может сказать значимого, не со-

творено и не придумано им самим, но отражает надындивидуальное, объективное учение. И организаторы работы над этим сборником постарались сделать так, чтобы в отдельных статьях по возможности нельзя было различить те конкретные течения, с которыми тот или иной автор знакомы лучше всего. Причиной этого является стремление к тому, чтобы изложение сосредоточилось на «константах», присутствующих во всех подлинных инициатических дисциплинах.

В названии сборника был использован термин «*магия*»: это нужно рассматривать максимум как уточнение. Вы увидите, что это слово отсылает здесь не к тому, что оно обозначало в древности; в данном контексте слово «магия» употребляется в переносном смысле и характеризует лишь особо активную позицию — в большей или меньшей степени общее для всех авторов — в области традиционных и инициатических дисциплин. В конце концов, определение магии как «практической метафизики» принадлежит именно Роджеру Бэкону.

Кроме того, все наши авторы отвергают различные проявления того, что сегодня называют «спиритуализмом»: от вульгарного спиритизма до англо-индийской теософии, «окультизма», антропософии и многих других сходных течений. Во всем это мы видим отклонения, не имеющие ничего общего с подлинными традиционными инициатическими учениями; это гибридная смесь фрагментов древних истин, современных ментальных искажений, визионерских течений и второсортной философии, не говоря уже о моралистском и эволюционно-гуманистическом соусе. Составители этой книги в максимальной степени позаботились о том, чтобы читатель ясно почувствовал всю пропасть, отделяющую нас от этих путаных и фальшивых форм, отражающих лишь слабоумие, недостаток принципов и помрачающий импульс отклонений нашей эпохи.

Вряд ли читатель этой работы сможет с легкостью найти подобное представление специализированных уче-

ний, изложенных с точностью и ясностью, где-нибудь в другом месте. Ему надлежит самому решить, до какого момента он ограничится простым чтением с целью получения информации, а где, обнаружив высшее призвание, которое раньше лишь неясно чувствовалось, он решит дерзать, работать и молчать³. Инициатическое учение таково, что те, кто с глубинной пылкостью всерьез стремятся им овладеть, вряд ли останутся одиноки. Возможно, для них — для тех, кто оставил этот берег и сражается с «водами», стремясь уже к другому берегу — контакт с группой «Ур» будет лишь началом, и за ним последуют другие — разной важности и каждый в свое время.

³ Известная максима поведения магического адепта. Иногда встречается в форме «знать, дерзать, желать и молчать» или «знать, мочь, дерзать и молчать». — *Прим. перев.*

ГЛАВА I

ПЬЕТРО НЕГРИ SUB SPECIE INTERIORITATIS⁴

*Coelum..., nihil aliud est quam spiritualis interioritas*⁵
Guibertus, *De Pignoribus Sanctorum*, IV, 82

*Aquila volans per aerem et Buso gradiens
per terram est Magisterium*⁶
M. Mayer, *Symbola Aureae Mensae Duodecim Nationum*
Francoforte, 1617, p. 192

Вот уже много лет прошло с того дня, когда я впервые пережил опыт осознания *нематериальности*. Но, несмотря на бег времени, испытанное мной переживание было столь живым, столь сильным, что до сих пор осталось в памяти — насколько вообще возможно запечатлеть и сохранить в ней некоторые трансцендентные опыты. Здесь я попытаюсь выразить это переживание *humanis verbis*⁷, вызвав его из глубинных тайников сознания.

Чувство нематериальной реальности вспыхнуло в моем сознании неожиданно, без видимой причины или повода. Однажды, примерно четырнадцать лет назад, я стоял на тротуаре возле флорентийского палаццо Строцци, беседуя с другом. Я не помню, о чем мы говорили, но, вероятно, обсуждалась какая-то эзотерическая тема: как бы то ни было, в данном контексте это неважно. Это был совершенно обычный день, подобный прочим, и я находился в отличном состоянии и тела, и духа. Я не был ни уставшим, ни возбужденным, ни опьяненным, я был сво-

⁴ С внутренней точки зрения (лат.) — *Прим. перев.*

⁵ Небеса... не что иное, как духовное начало (лат.). — *Прим. перев.*

⁶ Орел, парящий в небе, и жаба, ползущая по земле, являются Магистерием (лат.) — *Прим. перев.*

⁷ Человеческими словами (лат.) — *Прим. перев.*

боден от забот, меня не обуревали страстные желания. И внезапно, говоря или слушая, я *почувствовал* эту жизнь, этот мир и все вещи иначе. Меня мгновенно *захватило* чувство своей бестелесности и радикальной, очевидной нематериальности вселенной: мое тело *находится* во мне, все предметы находятся внутри меня; все сходится ко мне, т. е. к глубинному тайному центру моего существа. Я испытал внезапное преобразование: чувство нематериальной реальности, пробудившееся в области сознания и соединившееся с привычным ощущением повседневной, «плотной» реальности, заставило меня увидеть все в ином, новом свете. Это было похоже на то, как если бы в один момент луч солнца прошел через внезапно открывшееся в густой пелене облаков окно и озарил землю и море своим легким мимолетным сиянием.

Я чувствовал себя безразмерной, невыразимо абстрактной точкой; я чувствовал, что эта точка содержит в себе все, и это каким-то образом никак не связано с пространством. Это был полный переворот обычного человеческого восприятия: исчезло чувство пребывания, нахождения «я» в теле; я ощутил не только нематериальность собственного тела, но почувствовал, что мое тело находится внутри меня, и все воспринималось *sub specie interioritatis*. Разумеется, здесь необходимо понимать слова «внутри» и «внутренний» в геометрическом смысле — просто как слова, наилучшим образом выражающие изменение положения или связи между телом и сознанием. Впрочем, говорить о сознании, содержащемся в теле, так же абсурдно и неподобающе, как говорить о теле, содержащемся в сознании, учитывая разнородность двух этих понятий.

Это было мощное, неудержимое, захватывающее, реальное и подлинное переживание. Оно возникло спонтанно, без промежуточного состояния и без предупреждения, *аки тать в ноци*, проскользнув внутрь и объединившись с обычным грубым восприятием реальности. Молниеносно достигнув пика своей силы, это ясное ощущение проявилось интенсивно и отчетливо; затем оно

исчезло, оставив меня в изумлении. «Я услышал звук из вечного стиха...»; и, воскрешая его в памяти, я чувствую в глубине сознания его священную торжественность, его спокойную и молчаливую силу, его звездную чистоту.

* * *

Таков был мой первый опыт нематериальности.

Описывая его, я лишь попытался добросовестно передать свои впечатления, рискуя даже вызвать упрек в том, что не придерживался точной философской терминологии должным образом. Готов признать, что моя философская компетенция не была подходящей для таких духовных опытов, как она не является таковой и сейчас, и могу даже согласиться с тем мнением, что с философской точки зрения было бы желательно, чтобы такой опыт переживали лишь те, кто наделен значительными философскими талантами. Но, даже выражая такое сожаление, нужно признать, что философская точка зрения не является единственно возможной, и *дух дышит, где хочет* вне зависимости от чьей-либо философской компетентности.

В случае моего личного опыта этот внутренний переворот произошел независимо от научных или философских размышлений, от любых умственных трудов, и я склонен полагать, что отсутствие здесь прямой связи не является ни случайным, ни исключительным. Честно говоря, мне кажется, что рациональное размышление может развиваться лишь в области простой понятийной абстракции исключительно негативного характера, и оно неспособно подсказать или вызвать непосредственный *живой опыт, восприятие* нематериальности.

Обычный образ жизни основывается на чувстве материальной реальности, или, если угодно, на материальном чувстве реальности. Существует лишь то, что прочно — твердое, плотное и непроницаемое: вещи *существуют* постольку, поскольку занимают место снаружи и даже внутри наших тел; так сказать, чем вещи

тверже, непроницаемое и устойчивее, тем они реальнее. Эмпирическое и обыденное понятие материи как *res*⁸ самой по себе — осязаемой, занимающей какое-то место и прочной на ощупь — порождено телесной жизнью: потребность самой жизни в твердом, плотном, тяжелом теле, привыкшем покоиться на твердой и стабильной земле, порождают привычку отождествлять чувство реальности с определенным человеческим способом восприятия реальности и априорное убеждение в том, что этот способ является единственно возможным.

Тем не менее, эти типичные черты материальной реальности постепенно утончаются и в конце концов исчезают, когда твердая материя переходит в жидкое, текучее или газообразное состояние, и через последовательные стадии молекулярного и атомарного расщепления научный анализ подводит нас к понятию материи, весьма далекому от простого эмпирического, казалось бы, данного нам в опыте таким надежным и непосредственным образом. Если мы перейдем от науки к философии, то универсальная дематериализация физических тел по необходимости соответствует идеалистической концептуальной абстракции и растворению всего в «я». Но признание одухотворенности Вселенной на понятийном уровне не ведет к достижению и реальному обретению *восприятия* духовной реальности, и можно быть последователем идеалистической философии, оставаясь при этом столь же духовно слепым, как материалист самого грубого толка. Можно называться идеалистическим философом и считать себя достигшим вершин идеализма лишь посредством трудоемкого и напряженного мыслительного натиска, отвергая или вовсе не думая о возможности восприятия *ex imo*⁹. Таким же образом можно считать любое духовное проявление всего лишь действием мысли — и полагать, что именно так и нужно поступать.

⁸ Вещь (лат.) — Прим. перев.

⁹ Изнутри, из глубины (лат.) — Прим. перев.

Естественно, обладателю подобной идеи-фикс остается лишь карабкаться по древу абсолютного идеализма, роняя сломанные ветки на головы своих единомышленников, взбирающихся следом. Но, поистине, не стоит с презрением взирать на старых философов-позитивистов — жалких, но честных жертв простого признания эмпирического критерия материальной реальности! Лишить это материалистическое и эмпирическое чувство реальности его исключительного, реального и незаменимого характера не означает лишить его ценности вообще — это лишь определит его настоящую ценность. Оно продолжает обладать правом на свое пребывание в этом мире, наряду с иными способами ощущения реальности.

Итак, осознание идеалистической понятийной абстракции еще не является поводом распевать победные гимны. И из признания существования нематериальной реальности таким же образом еще не следует, что нужно поменять все местами, наделяя новое чувство реальности привилегиями старого, вознося первое за счет последнего. Истинность одного не подразумевает ложности другого, существование одного не исключает его сосуществования с другим. Иллюзорна и субъективна вера в то, что существует и должен существовать только один способ восприятия реальности; если в конечном счете эмпирический критерий материальной реальности неизбежно сводится к чистой иллюзии, тем не менее эта модальность сознания, основанная на иллюзии, *действительно существует* — тем более, что это чувство остается основой жизни бесчисленных существ, даже если чувство нематериальности преодолевает этот критерий как в понятийном, так и в духовном плане.

Мой опыт, хотя и непродолжительный, на практике продемонстрировал мне возможность реального и синхронного сосуществования двух видов восприятия реальности — чисто духовного и обычного телесного восприятия, каким бы противоречивым это ни казалось с точки зрения рассудка. Этот простой опыт, безусловно, не явля-

ется поводом для гордости; но, тем не менее, это фундаментальное переживание, подобное тому, что испытал Арджуна в «Бхагавад-Гите» или Тат в «Поймандре». Как бы то ни было, это первое действенное прямое восприятие того, что каббалисты называли «священным внутренним дворцом»; Филалет — «закрытым дворцом Короля»; а св. Тереза — «внутренним замком». Сколь прост бы ни был этот опыт, он начинает новую, двойственную жизнь человека: герметический дракон обретает крылья и становится амфибией; отныне он способен как жить на земле, так и летать.

Но почему же, спрашивается, мы обычно глухи к такому восприятию, и сам я, пишущий эти строки, раньше не замечал ничего подобного? Почему оно ушло? И какую цель преследовало? Возможно, лучше даже не задумываться о существовании столь волнующих тайн? И почему никто не учит тому, как получить подобное переживание? И справедливо ли то, что лишь немногие общаются к нему, а прочие — нет?

Дать исчерпывающий ответ на этот и другие подобные вопросы непросто. Что касается духовной глухоты, то, мне кажется, она проистекает из того факта, что обычно наше сознательное внимание настолько сосредоточено на чувстве материальной реальности, что любое другое ощущение проходит незамеченным. Таким образом, это вопрос слуха: мелодическая тема, исполняемая солирующими скрипками, обычно привлекает внимание, а мощный аккомпанемент виолончелей и контрабаса остается незамеченным. Также возможно, что именно монотонность этой глубокой низкой ноты скрывает ее от обычного восприятия. Я хорошо помню изумление, испытанное мною таким же образом однажды в горах на огромном цветущем лугу, когда мой слух резанул глухой и ровный звук, производимый бесчисленными насекомыми. Только в какой-то момент случайно, или, лучше сказать, только в этот момент и без видимой причины я осознал это жужжание — конечно же, существовавшее и до этого.

Ответ, как можно догадаться, лежит только в сопоставлении со сходными феноменами, и, возможно, не удовлетворит читателя. Таким же образом я опасаясь, что пока не смогу дать более вразумительные ответы на другие вопросы. Поэтому я заканчиваю это эссе, что, впрочем, уже пора сделать — помимо прочего, из соображений скромности.

ЛЕО ПРЕГРАДЫ

Первым шагом того, кто ищет Путь, должно стать разрушение привычного представления о самом себе. Только тогда он сможет сказать «Я», когда этому магическому слову будет соответствовать внутреннее представление, ощущение, неподвластное ограничениям пространства, времени или власти.

Люди должны прийти к чувству собственной реальности. Пока что они лишь ограничивают и подавляют самих себя, чувствуя себя иными и меньшими, чем они есть на самом деле; всякая их мысль, всякое их действие — это еще одна стена их тюрьмы, еще одно покрывало на их глазах, еще одно отрицание своего могущества. Они запираются в пределах собственных тел, они привязываются к земле: это подобно тому, как если бы орел воображал себя змеей и ползал по земле, не зная о своих крыльях.

Человек не только не знает, искажает и отвергает себя — он также воспроизводит миф о Медузе, превращая в камень все, что его окружает. Он наблюдает за природой и оценивает ее посредством меры и веса; он сводит окружающую его жизнь к мелким законам и отвергает тайны ради мелких гипотез; он превращает вселенную в статичное целое, робко и покорно размещаясь на ее периферии, словно некая случайность, лишенная сил и надежды.

* * *

Человек является центром вселенной. Вся масса холодной или раскаленной материи мириадов миров не перевесит по своей ценности простейшее изменение в человеческом сознании. Телесные ограничения — это всего лишь иллюзия: человек не пребывает только на земле, он выходит за ее пределы и простирается дальше в космическое пространство. Двигается ли его мысль или его руки — весь мир движется вместе с ним; тысячи таинственных сил спешат за человеком в его творящем жесте, а все его обыденные дела — не более чем карикатура на то божественное, что течет сквозь него.

Итак, человек должен оглядеться и освободить от состояния окаменелости все, что его окружает. Но прежде он должен допустить, что в земле, водах, воздухе и огне существуют некие энергии, и что т. н. силы природы — это всего лишь модальности нашей собственной сущности, отображенной вовне. Оживляет растение не земля, а силы самого растения, берущие из земли элементы, необходимые для его жизни. К ощущению красоты вещей должно быть привито ощущение тайны вещей как еще неясной, но все же интуитивно постигаемой реальности. В нас должно действовать не только то, что можно видеть и осознавать, но также и непознанное, в котором мы имели смелость убедиться и ощутить его силу.

* * *

Здесь уместно отметить необходимость особого отношения к такой точке зрения, равно как и к любой другой, связанной с эзотеризмом. Речь идет о том, чтобы положить начало тому, что впоследствии так часто будет нам служить на всем пути духовного развития — способу овладения концепцией, не являющимся простым пониманием или заучиванием. Необходимо ЗАДАВАТЬ РИТМ:

иначе говоря, периодически и ритмически¹⁰ представлять эту концепцию собственному сознанию, которое волевым образом сможет постичь его, и не только как мысль, но и как ощущение. Созерцание своего существа и мира вышеописанным образом пробуждает чувство величия и могущества: необходимо удерживать это чувство в себе, чтобы проникнуться им в полной мере.

Таким образом мы сможем установить действительную связь с этим новым видением, которое сначала потечет в подсознание, а затем, после некоторого времени, будет внедряться, во все более определенном стиле, в то чувство, о котором мы сказали выше. Тогда проявится новое состояние, в котором то, что вначале было всего лишь концепцией, сможет стать *присутствием силы*, и будет достигнуто состояние освобождения, на основе которого станет возможным построить новую жизнь.

Все упражнения по внутреннему развитию будут бессильны, если не разбить скорлупу ограничений, создаваемую вокруг человека повседневной жизнью и сохраняющуюся в человеческом подсознании в том или ином виде даже после смены образа восприятия.

АБРАКАС ЗНАНИЕ ВОД

Жизнь всех без исключения существ направляется глубинной изначальной Силой. Природой этой силы является *жажда*: неутолимый голод, бесконечное недовольство, непреодолимая нужда и слепое, дикое желание.

¹⁰ Этот фундаментальный момент — посредством ритма заставить знание опуститься в тело, пока не произойдет его передача — может прояснить, почему столько повторений, по существу бесполезных, встречается в речах Будды, а также в молитвах, магических инвокациях, и так далее, вплоть до применения в дыхательных практиках хатха-йоги. — *Прим. гр. «Ур».*

Становление, хаотическая и беспорядочная трансформация, неукротимый поток — порождение-разрушение, притяжение-отторжение, ужас-желание, образование-распад, объединенные в пылающей смеси, не знающей покоя — такова сущность этой изначальной космической природы.

Мудрецы говорят о ней как о чуде и как о ужасе. Ее называют вселенским и живым огнем, ὕλη¹¹, Зеленым драконом, квинтэссенцией, первой субстанцией, Великим магическим агентом. Принцип работы всего мира — это также и принцип «Великого Делания» мудрецов, ибо магистерий Творения и магистерий, в соответствии с которыми человек создает себя согласно Искусству, являются одним и тем же.

Эта наша Материя не является ни абстракцией профанической философии, ни мифической идеей, ни волшебной сказкой — наоборот, это живая и могущественная реальность, дух, жизненная сила Земли, сила Жизни.

Человеческий род *не знает* ее. Ниспосланный свыше природный закон скрывает ее от сознания посредством иллюзорного зрелища материальных феноменов, плотной реальности, без которой в нашей жизни не было бы никакого покоя. Согласно тому же закону эта завеса незнания спадает, а глаз Знания открывается только в определенный момент на пути развития и лишь при наличии силы, достаточно мощной, чтобы обеспечить это зрение.

Итак, знай, что Жизнь твоей жизни находится в Ней. Наблюдай за Ней.

Она проявляется, например, в моменты внезапной опасности.

Это может быть несущаяся на тебя машина; трещина в земле, разверзшаяся под ногами; тлеющий уголь или какая-то вещь под напряжением, к которой ты нечаянно прикоснулся. И вот в твоей внезапной реакции утверждается нечто непосредственное, необузданное, молниенос-

¹¹ Материя (греч.) — *Прим. перев.*

ное. Действует ли здесь твоя «воля», твоё «сознание», твоё «я»? Нет. Твоя воля, твоё сознание, твоё я обычно вступают в игру только позже, уже после того, как это действие свершилось. Они временно отсутствовали, были вытеснены чем-то другим. Нечто более глубокое, более быстрое, более абсолютное, нежели все, чем ты являешься, внезапно проявилось, взяло бразды правления и произвело действие.

Чувствуя власть голода, ужаса, полового влечения, паники и тревоги, ты вновь встречаешь эту силу — неукротимую, буйную, непонятную. И если ты будешь чувствовать ее в подобных проявлениях, постепенно ты сможешь осознать ее и как невидимую основу всей твоей сознательной жизни.

Глубинные корни пристрастий, верований, атавизмов, неуязвимых и иррациональных убеждений; привычки, характер, все, что живет в тебе как животный инстинкт, как биологическое наследие расы, вся телесная воля, слепая воля к жизни, таящая в себе порождение, сохранение и продолжение — все это объединяется и перемешивается в одном и том же принципе. По отношению к нему твоя свобода обычно подобна свободе цепного пса. Ты не видишь своей цепи и считаешь себя свободным, пока не попытаешься перейти определенную границу. Если ты идешь дальше, цепь натягивается и останавливает тебя, или же играет с тобой: ты движешься по кругу и не замечаешь этого.

Не обманывайся: даже «высшие вещи» повинуются этому богу. Будь бдителен: чем более независимыми и свободными они кажутся по причине его опьяняющей магии, тем более тонко и строго они ему повинуются. Что Ему до той или иной формы, той или иной «причины», которыми ты оправдываешь себя — лишь бы Он утверждался в их глубине! Сменив свое одеяние, он вновь надевает на тебя свои цепи.

Наблюдай за этой силой и познавай ее в необузданном могуществе воображения и побуждения. Она пора-

бощает своей скоростью — когда она проявилась, ты уже неспособен что-либо сделать: чем сильнее ты «хочешь» противостоять ей, тем сильнее питаешь ее собой.

Это тот страх, который становится тем сильнее, чем сильнее ты пытаешься его прогнать. Это тот сон, который ускользает, когда ты «заставляешь себя» уснуть. Это узкая доска над бездной: в ней сокрыто желание упасть, и ты непременно упадешь, если заставишь себя перейти бездну, «желая» преодолеть ее.

Это пламя страсти, которое разгорается тем ярче, чем больше твое «сознание» пытается задушить его; оно не исчезает, а проникает внутрь и отравляет все вокруг!

Здесь вновь прорывается Она. Осознай, что эта Сущность смешивается с эмоциональными и иррациональными силами и погружается в силу, управляющую глубинными функциями физического существования, чтобы отождествиться с ней. Что могут сделать с ними «воля», «мысль», «я»? По отношению к этим функциям они являются чем-то внешним. Подобно паразитам, они живут за их счет, питаюсь важнейшими жизненными соками и оставаясь неспособными проникнуть к центру ствола.

Без страха копай острым орудием — скажи: «*Какую часть моего тела я способен оправдать своей волей? Повелеваю ли я собственным дыханием или пищеварительным огнем? Желая ли я свою форму, свою плоть, этого конкретного человека, то счастливого, то несчастного, благородного или простолюдина?*». Но если я задаю такие вопросы, то не должен ли я пойти еще дальше? Повелеваю ли я «своей» волей, «своим» сознанием, «своим» я, или же они просто *есть* ? Если я желаю чего-либо, то я должен также быть способен и не желать этого, таким образом, обходясь без него. А мое «я» — я управляю им или оно управляет мной ?

Раз ты приблизился к «науке магов», ты должен быть достаточно тверд, чтобы осознать следующее: *жизнь в тебе — это не ты*. Ты не существуешь. Нет ничего, что ты мог бы назвать «своим». Ты не владеешь

Жизнью — это она владеет тобой. Ты претерпеваешь ее. И вера в то, что призрак «я» может обрести бессмертие после разрушения тела — это иллюзия. Ты же знаешь, что для твоего «я» жизненно необходима связь с этим телом, что обычная болезнь, травма или несчастный случай непосредственно воздействуют на его функции, какими бы «духовными» и «высшими» они ни были!

А теперь отстань от себя, переступи порог и опусти, подчинившись ритмам чувства аналогии, все дальше в темные глубины той силы, которая правит твоим телом.

Здесь она теряет имя и индивидуальность. Здесь возникает ощущение силы, которая распространяется, охватывая «меня» и «не-меня», пронизывая всю природу, составляя суть времени, неся мириады словно опьяненных или загипнотизированных существ, возобновляясь в тысяче форм — непреодолимая, дикая, безграничная, сжигаемая вечной нехваткой и нуждой.

Подумай: «Вот она». Если это знание приведет тебя обратно к себе, и ты, скованный смертельным холодом, чувствуя разверзающуюся бездну, поймешь: «Я существую в этом» — значит, здесь ты обрел ЗНАНИЕ «ВОД»¹².

В нашей Традиции эти «воды», или «корневая влага», символизируются знаком ∇ (нисходящее направление, осадок); ее называют также «земной Венерой», женщиной и космической утробой (∇ в индуизме является символом Шакти и йони), или «изначальным Змеем» (по причине змеиного поведения \approx — астрологического соответствия ∇). Это первичное демиургическое могуще-

¹² В буддизме это «знание Вод» соответствует осознанию так называемого «сансарического сознания» и истины *анатта*. За пределами сознания уникальной жизни данного человека лежит ствольное сознание, лишь часть которого представляет собой эта жизнь — и при этом осознании ощущается изначальная сила этого ствола. Становится очевидной также нереальность «я» и всего того, что имеет видимость «я» (это и есть *анатта*). Ощущение сансары и себя в ней в буддизме является предпосылкой реализации того, что по-настоящему является духовным и трансцендентным. — Прим. гр. «Ур».

ство, «магия» Бога, изначальная субстанция, осевшая, когда Бог сказал: «Да будет Свет!».

На самом деле ты со временем научишься распознавать ее и как Свет: первичный свет, несущий по своей вихревой природе «знаки» всех вещей. Он недифференцирован, будучи одновременно идеей, сущностью и движением, физическим и психическим; он безразличен к добру, ко злу и к любой форме по причине своей способности плавно преобразоваться во все предметы. Это слепое томление; в этой силе идея и реальность являются одной вещью, молниеносно, «магически», как в ее отражении, как в «пути», ведущем к ней, который в человеке является силой воображения.

Так как все лежит во власти этой силы и все существует через ее посредство, знай, что тот, кому удастся полностью подчинить ее себе, будет способен повелевать всей природой: огнем, землей, воздухом и водой, жизнью и смертью, силами небес и преисподней, потому что она объединяет их все.

И теперь тебе, пожелавшему приблизиться к ней, ясно, что наука магов *желает этого* и презирает все, что *этим* не является.

Создать нечто стабильное, бесстрастное, бессмертное, спасенное из «Вод», живущее и дышащее без них, свободное; и, подобно силачу, берущему разъяренного быка за рога и медленно, но верно укрощающего его, подчинить себе эту космическую природу — вот тайна нашего Искусства, Искусства Солнца и Могущества, «могучей Силы всех сил». Иные науки каббалы и магии обещают человеку бессмертную природу и реальное могущество: их нужно считать тщетными и лживыми, если они не смогут дать ему этого (Элифас Леви).

Придержи свой мелкий ум: если он думает, что все это безумие, что это надменная мысль, порожденная жалкой гордыней, будь уверен, что это говорит в тебе страх. Ты не обязан верить: наоборот, ты *должен не верить*. Пробуй. Дерзай.

«Материя Делания» находится здесь, в твоём желании, в твоей глубинной воле, ближе к тебе, чем ты сам. Призови ее. Пробуди ее. Стойко выдерживай ее напор.

Тогда ты почувствуешь в себе все ее дикое могущество — пропорционально тому, как далеко сможет зайти твоя смелость. И если ты сможешь постичь *еще большую* силу, что еще ты сможешь постичь, способное противостоять ей, неспособное быть ей разрушенным или склониться перед ней?

Ты познаешь возможность Делания: а также пригоден ты для него или нет.

* * *

Взгляни.

Вот берег, пораженный отчаянием, тьмой и загрязнением. Вот необузданный поток. Там — другой берег.

Здесь — вялые люди, чуждые Знанию, бледные, пассивные, отравленные; их жизни все еще протекают вне Вод, на этой их стороне. Там — мужественные люди, героические души, пробужденные к отвращению, восстанию, Великому Пробуждению. Оставив один из берегов позади, они лицом к лицу встретились с потоком, с бурей, с водоворотом, всегда ведомые своей все время укрепляющейся, непоколебимой волей. В итоге они стали «Спасшимися из Вод», «Ходящими по Водам», «Священной Расой Свободных», «Триумфаторами», «Господами Жизни и Процветания», «Лучезарными». Это «Убийцы Дракона» и «Укротители Быка», «Посвященные Солнцу», «Преображенные» силой и мудростью Амона.

Скованные, замороженные, оплодотворенные ими Воды становятся магической силой, повинующейся им. Солнце восходит над водами и управляет ими при помощи своего отражения. Свободное желание, не имеющая центра лунная сила (○ = Луна, символ *Materia Prima* или корневой Власти) обретает здесь центр (⊙ = символ Солнца).

Позитивное восхождение (Δ , символ УР, инициатического Огня), подчинившее себе влажное лоно нисходящего ∇ , уравнивает его. Это слияние известно как символ Властелинов — *печать Соломона*, состоящая из двух противоположных треугольников, наложенных друг на друга ✨.

Если ты хочешь приблизиться к нашему Искусству, знай: это жестокая борьба и путь по лезвию бритвы. Можно как выиграть, так и проиграть, и к катастрофе ведут прежде всего две вещи — страх и остановка. Однажды начав, нужно идти до самого конца, так как остановка влечет за собой опасную реакцию с противоположным результатом. Это можно легко понять: с каждым твоим шагом все больше кружащейся в вихре энергии удерживается и выталкивается против течения; возбужденная и спровоцированная, она наполняется напряжением; и как только ты остановишься, она обрушится на тебя и собьет тебя с ног.

Приготовься.

Определись со своей целью и никогда не теряй ее из виду.

Закрой глаза. Создай образ и смотри на него. Привыкни видеть во тьме свет, недоступный зрению. Этот эфирный свет несет в себе первую тайну Делания.

Будь бесстрастен по отношению к добру и злу, справедлив, абсолютен, наг.

Научись направлять свою волю без желания, без страха, без сожаления.

Создай в себе неустанно действующую силу — холодную, твердую и в то же время восприимчивую и гибкую. Секрет Силы состоит в том, чтобы направлять свою волю правильно, направлять свою волю продолжительно, направлять свою волю непрерывно, при этом *не желая*.

Рассеки пути чувственности, опьянения и страсти: превратись в *простоту, направляющую свою волю*.

Уничтожь все потребности. Пользуйся всем и воздерживайся от всего согласно своей воле. Стань абсолютным повелителем своей души.

Создай сопротивление. Подвижное подчиняется неподвижному, а силы природы подчиняются тому, кто способен воспротивиться им.

Когда придешь к тому, что не желаешь ничего и ничего не боишься, лишь немного останется тебе неподвластным. Но не наслаждайся ничем, что прежде не победил в себе.

Сила не отдается сама. Возьми ее. Дерзай.

Будучи свободен и уравновешен, тверд, спокоен и чист, уничтожив желание, скажи: «Я ХОЧУ».

Таков первый урок. Тебе открыта дверь. СИЛА — В ТЕБЕ.

ЛЮЧЕ
OPUS MAGICUM:
СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И БЕЗМОЛВИЕ

Возможность достижения полной теургической и магической реализации основывается на прямом и опытном знании оператора о духовных силах, составляющих глубинную суть реальности; оно приобретает посредством выполнения *ритуала*, помогающего раскрыть соответствующие способности, ранее неизвестные или не принимавшиеся во внимание.

Тот, кто выбрал свой путь, кто тверд и уверен, что его воля выдержит встречу с многочисленными преградами на этой стезе, и никакая минутная слабость не сможет заставить его отклониться от установленных норм, начинает ритуал.

Чтобы прояснить сказанное о сакральных операциях, приведем несколько коротких отрывков из классических магических и герметических текстов, способных продемонстрировать важные наставления на точному выполнению ритуальных действий.

Для начала стоит указать на сущность человеческой природы, которую необходимо правильно *понять* во всем

многообразии ее внешних и видимых проявлений и словесных выражений.

«В основе всех материальных вещей лежат четыре стихии — огонь, вода, земля и воздух, которые образуют все земные вещи, но не при помощи механического сочетания, а посредством *трансмутации* и объединения; к ним же они возвращаются при своем распаде»¹³. Очевидно, что в физической реальности эти стихии указывают на определенные опыты духа, действующего сознательно или несознательно; и так как «ни один из них не встречается в состоянии чистоты, они в большей или меньшей степени смешаны и склонны к взаимной трансмутации»¹⁴. Эта работа по трансмутации проводится Огнем — духом, который воздействует на Землю — материю для достижения совершенного Магистерия, обретения Камня Philosophов.

Помните: *Aurum igitur aurificandi verum, unum, solum principium esto*¹⁵. Принцип совершенствования, обретения достоинства и возвышения духа пребывает в самом духе, и он создает (или, если угодно, определяет) внутри себя условия восхождения. Но не стоит думать, что эта операция легка, особенно в ее начальной, двойственной фазе, в которой мы сначала учимся обособлять дух, делаю его недоступным для любого влияния извне — и в итоге, достигнув в этом состоянии совершенства, он приобретет качественно иное самосознание, наделенное совершенно новыми способами восприятия.

На необходимость усердного и твердого постоянства указывает использовавшееся алхимиками выражение «Сталь Philosophов»: оно требуется для первой операции получения Меркурия, который затем должен воздействовать на металлы, символизирующие земные *привязанности*. Эти металлам изначально свойственна нечистота из-

¹³ С. Agrippa, *De Occulta Philosophia*, I, 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ I. Filalete, *Introitus apertus ad occl. Regis Palatium*, I. [«Золото есть исключительный, подлинный и единственный принцип создания золота» (лат.) — *Прим. перев.*]

за того, что, пребывая в Земле, они смешались с посторонними веществами, и они должны быть отделены от Земли и постепенно очищаться до состояния конечного совершенства космических сил — небес и планет, чтобы они смогли соединиться с сущностью верховного творца и, наконец, отождествиться с ней в процессе совершенствования Делания.

* * *

Основной способностью, по своей важности следующей непосредственно за волевым стремлением к цели, является СОСРЕДОТОЧЕНИЕ. Многим людям, привычным к учебе, будет легко сосредоточиться, восстановив психологический процесс внимания, которое, однако, в нашем случае в первых фазах свободно от фиксации на каком-либо объекте. На этой, равно как и на любой другой стадии, соблюдается общая норма, каждый раз прилагаемая к все более продолжительным периодам времени с постоянно возрастающей интенсивностью.

Здесь прежде всего стоит отметить, что существуют два вида сосредоточения: первый, который можно назвать внешним, имеет чисто церебральный и умственный характер; второй же по своей сути является действием духа.

Расположитесь в по возможности тихом и спокойном месте, попытайтесь устранить все внешние препятствия для сосредоточения, и примите наиболее удобную и подходящую позу, чтобы тело не испытывало ни малейших неудобств и не прикладывало никаких мышечных усилий. Полностью расслабьтесь в положении абсолютного отдыха. Целесообразно использовать кресло с высокой спинкой и подлокотниками, достаточными для размещения предплечий по всей длине. Можно даже лечь на спине головой на восток так, чтобы она находилась на одном уровне с телом. В том случае, если ритуал выполняется совместно несколькими людьми, следуют особым правилам.

Первоначальная суть сосредоточения заключается в освобождении от привычного способа мышления; в том, чтобы почувствовать свою мысль как нечто реальное, фиксированное, материальное, массивное, *находящееся* в разуме, в мозге как нечто сгущенное и собранное в определенном месте, и имеющее такую *плотность* и твердость, что ее можно обнаружить, полностью подчинить себе, схватить, поместить за пределы тела и удерживать там. В данном действии происходит постепенное отделение сознательного духа, полностью осведомленного о том, что он совершает, от собственно действия, *производимого* духом — как чего-то отдельного от духа, обладающего иной природой и находящегося на ином плане «плотности»: и посредством сосредоточения дух, с напряжением определяющий и ощущающий таким образом сгущенную мысль, мало-помалу сознательно отделяется от нее.

Для этой цели можно использовать различные приспособления — например, зеркала,¹⁶ и в любом случае стоит подчеркнуть возможность *расположить* мысль на некотором расстоянии. Концентрация мысли в точке между глаз является объектом конкретных практик, направленных на определенные цели.

Другой метод сосредоточения — более совершенный, но и более сложный — состоит в том, чтобы *не обращать внимания на свои мысли*, предоставив их самим себе, до тех пор пока, будучи лишены жизненной силы, извлекаемой ими из *внимания*, они не остановятся и не смогут нарушить чистое действие духовного сознания.

В этом состоянии лежит *безмолвие*.

Двойная функция духа в этой фазе, активная и пассивная, была ясно описана Филалетом¹⁷: *Est autem aurum nostrum duplex, quod ad opus nostrum expetimus, maturum*

¹⁶ Использование зеркал было разъяснено в № № 8 и 9 журнала *Ignis* при описании определенного метода реализации. Но нужно заметить, что при рассмотрении фаз ритуала и выполняемых опытов были указаны только наиболее важные моменты, а масса деталей была опущена.

¹⁷ I. Filalete, *Introitus apertus ad occl. Regis Palatium*, I.

*puta, fixum, Latonem flavum cuius cor sive centrum est ignis purus. Quare corpus suum in igne defendit, in quo depurationem recipit, ut nihil eius tyrannidi cedat, aut ab eo patitur. Hoc in opere nostro vices maris gerit, quare auro nostro albo crudiori, spermatis foemineo, conjungitur, etc.*¹⁸

Что касается природы огня как оживляющего духа, а не как конкретной данной в опыте стихии, то Агриппа говорит о ней так¹⁹: «Огонь проявляется во всех вещах, и все же его нет ни в одной из них в конкретный момент времени, потому что он освещает все, оставаясь тайным и невидимым, существуя сам по себе, не смешиваясь с материей, на которую он воздействует и посредством которой проявляется. Он необъятен и невидим, он сам собой располагает в своих действиях... он постигает другие стихии, сам оставаясь непостижим, он не нуждается ни в одной из них, он растет сам по себе, сообщая свое величие объектам, которые наполняет собой...».

* * *

В БЕЗМОЛВИИ дух, свободный от любых уз, устремляется в самого себя, видит и познает самого себя. Это происходит в последовательности осознаваемых актов восприятия, которое можно разделить на три фазы.

Сперва присутствует ясное ощущение отрешенности, уединенности, в котором дух, подобно слегка колыхающейся непостоянной воздушной массе, удобно располагается в слегка освещенной среде. Постепенно появля-

¹⁸ «С другой стороны, наше золото, которое требуется для нашей работы, двойственно. [Золото], доведенное до зрелости, фиксированное, является золотистой Латоной, чье сердце или центр — чистый огонь. Вот почему его тело противостоит огню, в котором оно проходит очищение, не уступая его тирании, но терпеливо перенося ее. В свою очередь, наше белое сырое золото является порождающим морем, женской спермой, с которым соединяется первое, испуская в него свое семя и образуя нерасторжимый союз, из которого получается наш Гермафродит, обладающий силой обоих полов» (перевод Г. Бутузова). — *Прим. перек.*

¹⁹ С. Агриппа, *De Occulta Philosophia*, I, 5.

ется чувство погружения в бездну, спуска в нечто такое, что постепенно не уплотняется, а, напротив, истончается; в то же время появляется осознание расширения, словно все окружающее неспешно разлетается до бесконечности. Это первое ощущение бесконечности.

По мере погружения все глубже и глубже легкое ощущение света слабеет и, наконец, исчезает совсем. На смену ему приходит мрак, густая тьма, и в то же время смутное, но и более четкое осознание большей плотности темной среды, в которую вы погружаетесь. Затем начинает казаться, что ваше существо, приобретя черную плотность, расширяется за свои пределы дальше во вселенную. Это второе ощущение бесконечности.

Плотность становится гуще, массивнее, тьма становится тотальной: дух погружается еще глубже. В некоторый момент он останавливается — здесь плотность становится абсолютной. Кажется, что раскалывается огромная каменная глыба — причем в одно мгновение, после чего внизу раскрывается новая бездна — глыба исчезает, и дух погружается еще глубже. Это абсолютное духовное головокружение, которое можно победить лишь посредством осознания себя как нематериальной, неразрушимой, неизменной и всепобеждающей реальности. Помимо прочего, это еще и ощущение свободной тьмы, тьмы-воздуха. Дух еще упорствует, он по-прежнему сосредоточен и полон решимости пересечь бездонные глубины; он остается недвижим. Со дна начинает струиться новый свет; поначалу слабый, он становится все ярче, пока не начинает восприниматься как субстанция, чья плотность схожа с плотностью воды: она растворяет и преобразует всю бесконечность вещей в молочный океан.

По достижении этой точки чувство бесконечности и необусловленной свободы становится абсолютным, и лучшего состояния не существует: *Requiem adeptus es*²⁰. Однако не стоит полагать, что следует продолжать пре-

²⁰ Ты обрел покой (лат.) — Прим. перев.

бывать в этом состоянии абсолютной неподвижности: хотя первая, необходимая и наиболее сложная операция выполнена, впереди достаточно важная созидательная фаза ритуала, ведущая к познанию и опыту чисто духовных способов общения. В ней человек учится постигать суть вещей в их непосредственной реальности, по ту сторону их внешнего вида, внутренне реализуя Имена силы и Знаки вещей. Таким образом дух будет совершенен не только в состоянии, но и в действии.

Для краткого сравнения с алхимической традицией необходимо отметить, что в ее текстах вышеописанным темным фазам соответствуют ряд других символов, связанных с черным цветом. Вышеупомянутую фазу великолепно описал Филалет в седьмой главе книги «Открытый вход в закрытый дворец короля» после исчерпывающего изложения всех свойств активного духа и его целей, его «почему?» и «как?». Читателям, особенно интересующимся этим вопросом, стоит обратиться к этому тексту и попытаться понять эти символы *в духе*.

ЗА

О ХАРАКТЕРЕ ИНИЦИАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Тот, кто приближается к нашим дисциплинам, должен прежде всего прочего отдавать себе отчет в следующем фундаментальном положении: проблема знания и сам его смысл здесь представляются совершенно иначе, нежели в различных областях современной культуры.

С инициатической точки зрения *знать* означает не «мыслить», а *быть* познанным объектом. Вещь не познана по-настоящему, пока она не *реализована*; иными словами, пока сознание не сможет преобразиться в нее.

Таким образом понимаемое познание тождественно *опыту*, а инициатический метод — это опытный метод в чистом виде. Достоверным здесь в общем считается связанное с чем-то вытекающим из непосредственного и ин-

дивидуального опыта. В обыденной жизни такой характер имеет всякое ощущение, эмоция или непосредственное восприятие (боль, страсть, цвет, свет). Здесь говорить об «истинном» или «ложном» не имеет смысла, вещь является знанием вещи согласно абсолютному ЕСТЬ, переживаемому ЕСТЬ, которое не ждет признания интеллекта. В знании этого рода нет степеней или приблизительности или вероятности: оно или есть, или нет.

Однако для обычного человека подобное знание ограничивается чувственной областью, которая обладает конечным и случайным характером. То, что обычно он сегодня понимает под знанием, является чем-то иным: это система понятий, отношений и предположений, имеющая уже не опытный, а абстрактный характер. Что касается того, что дано непосредственно в опыте, иначе говоря, то, что вытекает непосредственно из собственного сознания, его склонны понимать как простое «явление» и *насчет* него нужно допускать или предполагать нечто, чему приписывают характер истинной и объективной реальности — для науки это «материя» или разнообразная игра вибраций эфира, для философов это «вещь в себе» или какая-нибудь другая из их идей, для религии — та или иная божественная ипостась. В общем ситуация такова: знание — профанное знание — не выходит за пределы чисто чувственного опыта и не имеет никакой степени объективности, если не превосходит все того, что имеет ценность индивидуальной и живой очевидности, видения, осознанного смысла. Поэтому здесь имеется противоречие в том смысле, что то, что является чистым опытом, ибо имеет конечный характер явления, не является «знанием», а то, что считается «знанием», по существу не является опытом.

Инициатический опыт преодолевает это противоречие, указывая на сущностно иное направление, на котором критерий прямого опыта не отвергается. Если для обычного человека этот опыт тождественен чувственному опыту, инициатическое учение утверждает возможность многих форм опыта, лишь частным случаем которых яв-

ляется чувственный опыт. Каждая из этих форм соответствует определенному способу восприятия реальности; они допускают переход одна в другую и составляют иерархию способов восприятия, имеющих все большую степень абсолютности. Следовательно, согласно такому взгляду мира «феноменов» и «абсолютного» мира позади него не существует: «феноменально» то, что отмечает определенную степень опыта и определенное состояние «Я», а «абсолютно» то, что соответствует другой степени опыта и другому состоянию «Я», которому первое может уступить место при помощи соответствующей трансформации. Что касается меры абсолютности, ее можно приблизительно описать так: она определяется степенью *активного отождествления*, то есть степенью вовлечения и единения «Я» в своем опыте, и степенью прозрачности объекта для «Я», если говорить о *смысле*. И согласно этим степеням иерархия следует от «знака» к «знаку», от «имени» к «имени» вплоть до достижения состояния совершенного интеллектуального сверхрационального видения, полного осуществления или осознания объекта в «Я» и «Я» в объекте, что является состоянием абсолютной очевидности познанного: состояния, при достижении которого всякое рассуждение и размышление кажутся поверхностными, а всякий спор — лишенным смысла. Известно, что в древних Мистериях речь шла не об «обучении», а о достижении священного опыта при помощи глубинного впечатления²¹.

Вследствие этого инициатическое учение считает крайне отрицательным, а не положительным фактором тенденцию ума бродить в интерпретациях и в решении той или иной философской проблемы обращаться к теориям, интересоваться той или иной точкой зрения профанной науки. Все это бесполезно и не приводит ни к чему. Реальная проблема имеет исключительно *практический*, оперативный характер. «Каковы средства достиже-

²¹ Синезий Киренский, *О жизни по Диону*, 48.

ния трансформации и интеграции моего опыта?» — вот то, что нужно спрашивать. И именно поэтому инициация на Западе связывается не столько с методом познания, сколько с методом Искусства (*Ars Regia*), Делания («Великое Делание», *opus magicum*), символического строительства (строительство «Храма»), в то время как на Дальнем Востоке понятия Абсолюта и *пути* совпадают в одном термине — *Дао*.

Следовательно, представляется очевидным, что тот «спиритуализм» более или менее теософского толка, наполняющий сегодня головы своих сторонников всеми видами спекуляций и фантазерства в области космологии, сверхчувственных миров и существ и так далее, кроме прочего, может приводить лишь к ошибочному подходу уже с самого начала. Правильным с инициатической точки зрения является только опытный, практический подход, подход сдержанного ума и безмолвного, тайного действия, совершаемого под знаком золотого герметического изречения: *Post laborem scientia*²². Более того, мы не побоимся утверждать, что точно так же обстоят дела в отношении всего того, в чем «образованный» человек сегодняшнего дня видит свое превосходство и что он присваивает себе право называть своим. Культура в современном профанном смысле не является ни необходимой предпосылкой, ни предпочтительным условием духовной реализации. Наоборот! Личность, остающаяся далекой от перекрестков культуры, сциентизма и интеллектуализма, но обладающая открытой, уравновешенной, храброй душой, является более квалифицированной для получения высшего знания, нежели любой академик, профессор, писатель или «критический ум» наших дней. Так те, кто на деле является в инициатической области не пустым местом, узнаваемы в силу того, что по своей сути крайне далеки от теоретизирования и дискутирования. При условии, что они видят в вас искреннее стремление, они ска-

²² После работы — знание (лат.) — *Прим. перев.*

жут лишь следующее: «вот проблема, а вот средства ее решения — идите же вперед».

Иное следствие инициатического понятия знания — это принцип *дифференциации*, также резко контрастирующий с идеями, формирующими профанное современное знание. Фактически во всей современной «культуре» (с наукой в первых рядах) господствует демократическая, уравнивающая, стремящаяся к однообразию тенденция. Для нее имеет смысл «достижения» то, что в принципе предназначено для передачи всем: так, истина для нее является таковой только тогда, когда признать ее могут все — при условии, что у них есть некоторый уровень образования или, максимум, они возьмут на себя труд предпринять некоторые исследования, которые, однако, оставят их такими же людьми, которыми они являлись и ранее. Это может работать, пока речь идет о чем-то концептуальном и абстрактном, что нужно вложить в голову, как вещь кладут в мешок. Но когда речь идет об опыте, — и не просто об опыте, но об опыте, обусловленном сущностной трансформацией субстанции сознания, здесь нужно установить четкие пределы. Знание, постигаемое таким образом, не может быть передано всем без его деградации и профанирования. Это дифференцированное знание, и его дифференциация соответствует дифференциации инициации в ее разных степенях, определенных человеческой природой. Оно может быть по-настоящему понятым, то есть «реализованным», лишь теми, кто находится на том же уровне — иными словами, кто стоит на одинаковой ступени в иерархии, имеющей строго объективный и онтологический характер. Таким образом, даже не обращая внимания на оккультистские или теософские толкования, которые являются просто болтовней или фантазиями, можно говорить о бесполезности коммуникации и распространения информации исключительно теоретического характера в области действительно инициатического и эзотерического знания. Сводить инициатическое знание к «теории» — это худшее, что можно сде-

лать. Здесь может помочь *намек*, *символ*: он может как бы вызвать некий проблеск. Но если, как следствие, не происходит *начала движения* внутри, даже он не имеет никакой ценности. Следовательно, дифференциацию навязывает сам характер инициатического знания. Для тех, для кого обычное существование и чувственный опыт представляют начало и конец всего, естественным будет отсутствие всякой общей почвы с тем знанием, которое по своей сути является *реализацией*. Все это должно быть абсолютно ясно, и естественным следствием будет прекратить игру, то есть признать, во имя истины и знания, иные критерии — отличные от тех, которые господствуют в современных культуре и мышлении. Путь инициации — это путь, который определяет сущностные различия между существами и который в противоположность идее равенства и однообразия вновь утверждает принцип *suum cuique*: каждому свое, то есть знание, истину, свободу, пропорциональную тому, чем человек является.

Здесь стоит рассмотреть следующее возражение: если исходить из осязаемых и «конкретных» вещей, можно было бы сказать, что трансцендентные состояния и опыты, о которых сказано выше — при условии, что они достижимы — как таковые скрываются в «субъективной» области и исчерпываются мистицизмом; что критерий знания как опыта и отождествления является более или менее критерием простого ощущения; он не проливает никакого света, не разъясняет, не способствует пониманию причин вещей и, в итоге, того, что происходит в нас. В других эссе этот вопрос будет исследован подробнее. Здесь же будет достаточно прояснить две вещи.

Во-первых, как уже сказано выше, когда говорят об «отождествлении» в инициатическом смысле, всегда имеется в виду *активное* отождествление, а не смещение, исчезновение или погружение; речь идет не субинтеллектуальном и эмоциональном состоянии, а о состоянии сверхрациональной сущностной ясности. В этом состоит разница между мистической и инициатической сфера-

ми — разница сущностная, даже если она не может стать очевидной для тех, кто, когда речь больше не идет ни о вещах, ни об абстрактных понятиях, видят только ночь, в которой все коровы черные.

Во-вторых, стоит коснуться самого понятия «объяснения», и если нужно было бы дойти до самого конца, это завело бы нас далеко. Нужно было бы начать с предъявления встречного возражения, отмечая, что никакая из дисциплин профанного характера никогда не давала и не даст нам какого-либо *реального* объяснения. Кто под «объяснением» понимает, например, демонстрацию непостижимости противоположного, должен указать, где за пределами абстрактной области математики и формальной логики (где «рациональная необходимость», то есть как раз непостижимость противоположного сводится к простой непротиворечивости предварительно обговоренных суждений) ему удалось бы «объяснить» что-нибудь на самом деле. Мы говорим о конкретной реальности — но здесь с рациональной точки зрения не существует вещей, чья противоположность непостижима априори; и, оставляя в стороне различные псевдообъяснения, насчет всего можно поставить вопрос: «Почему так, а не иначе?».

Древняя, традиционная наука, связанная с инициатическим знанием, шла по сущностно иному пути: пути познания следствий в их реальных причинах, «фактов», во власти которых лежат проявления — что эквивалентно *отождествлению с причинами*, если выражаться в «магическом» смысле. Только такое состояние может объединить абсолютную причину и явление, только оно «может объяснить себя» в высшем смысле, потому что в ней это явление схвачено, более того, *утверждено*, в своем реальном бытии.

Однако отсюда в качестве важного следствия вытекает, что на инициатическом пути приобретение знания параллельно приобретению силы: активное отождествление с причиной на практике дарует власть над этой при-

чиной²³. Современные люди полагают, что их наука производит то же самое, ибо она делает возможной всем известную материальную реализацию посредством техники. Но они сильно ошибаются: власть, даруемая техникой, в такой же невеликой степени является подлинной властью, насколько объяснения профанной науки являются подлинными объяснениями. Причина в обоих случаях одна и та же: это тот факт, что человек остается человеком; то, чем он на самом деле является, не меняется ни в какой осязаемой степени. Вот отчего возможности, даруемые техникой, имеют такой же «демократический», и, в итоге, *имморальный* характер, как и соответствующее знание: разница индивидов для нее ничего не значит. Это власть, созданная механизмами, принадлежащая всем и никому, не являющаяся *ценностью*, не являющаяся *справедливостью*, и способная делать человека сильнее, не делая его никоим образом выше.

Кроме того, это возможно только из-за того, что в мире техники о *подлинном* действии, то есть действии, которое происходит непосредственно от Я и утверждает-ся в области реальных причин, речь не идет и не может идти. Более того, абсолютно механистичный и неорганический, то есть лишенный связи с сущностью Я, мир техники представляет собой противоположность того, что может иметь характер подлинной власти, созданной превосходством — превосходством несообщаемым, неотчуждаемым, духовным. И нужно признать, что человек со своим знанием явлений, находящийся посреди своих бесчисленных дьявольских машин, сегодня жалок как нико-

²³ Если понять, что знание в инициатическом смысле обозначает отождествление и реализацию, то больше не будет вызывать удивления тот факт, что в некоторых традиционных текстах после объяснения образов действия или имен некоего божества добавляется, что тот, кто их «знает», обретает ту или иную власть; как не будут удивлять и частые упоминания о «тайне», которая, будучи «познанной» или «переданной», дает ключи к силе. Только глупцы могут полагать, что здесь речь идет о какой-либо формуле, которую можно сообщить голосом или на письме, если вообще не в записи.

гда. Он заблудился; в духовном отношении он достоин называться варваром гораздо больше, чем те, кого, как он полагает, он может клеймить этим именем; он становится все больше обусловлен, и поэтому является слугой своих реакций в игре иррациональных сил, что делает эфемерным мираж его власти — власти исключительно материальной и над материальными вещами. Он находится так далеко от пути реализации самого себя, как никогда не уходил человек какой-либо иной цивилизации: потому что место подлинного знания и власти занимает их суррогат, который можно назвать дьявольским.

Повторим, что в инициатической области *справедливость* — это утверждение достоинства, естественное и неотчуждаемое распространение интегрированной жизни согласно степени этой интеграции. Как знание, преодолевшее пределы неуверенности и двусмысленности чувственных феноменов, в этой области отсылает не к формулам или абстрактным объяснительным принципам, а к реальным сущностям, улавливаемым непосредственным духовным восприятием, так и идеал власти здесь является идеалом действия, осуществляющегося не в силу естественного детерминизма, а превыше его, не посреди явлений, а посреди их причин, с непреодолимостью и правом, свойственным тому, что является высшим — высшим из-за реальной свободы от условий человеческого состояния и достижения инициатического пробуждения.

ГЛАВА II

ПУТЬ ПРОБУЖДЕНИЯ СОГЛАСНО ГУСТАВУ МАЙРИНКУ²⁴

Начало есть то, чего недостает человеку.

И найти его нетрудно. Трудность состоит в том, что нам свойственно верить, что это начало нужно найти.

Жизнь полна милости к нам: каждое мгновение дарует нам начало. Каждая секунда дает нам возможность задать вопрос: «Кто я?». Но мы не догадываемся спросить, и по этой причине и не находим начала.

Однако если бы мы всерьез задались этим вопросом, забрезжил бы рассвет того дня, закат которого означает смерть для мыслей, проникших в *хоромы Царя* и усевшихся прихлебателями за пиршественный стол нашей души.

Коралловый риф, воздвигнутый ими за столетия с усердием инфузорий, мы именуем «нашим телом». В нем они живут и размножаются. Нам нужно прежде всего проделать брешь в этом рифе из извести и слизи, а затем растворить его в существовавшем изначально духе, если мы хотим вновь обрести вольный морской простор.

* * *

Тот, кто не научился *видеть* на земле, в *потустороннем мире* тем более ничего не увидит.

Ключ к владычеству над низшей природой покрыт ржавчиной со времен всемирного потопа. Он называется *бодрствование*.

Бодрствование — это всё.

Ни в чем так твердо не убежден человек, как в том, что он бодрствует. На самом же деле он угодил в сети сна

²⁴ Данный текст составлен из отрывков романов Г. Майринка «Голем» и «Зеленый лик». — Прим. перев.

и грез, которые сам и связал. Чем гуще эти сети, тем сильнее господство сна. Связанные этими путями бредут по жизни, как скот, ведомый на убой — покорно, равнодушно и бездумно.

Бодрствование — это всё.

Первый шаг к тому так прост, что его может сделать даже ребенок. Только человек, искалеченный образованием, разучился делать первые шаги и остается парализованным, ибо не может обойтись без костылей, унаследованных от предков.

Бодрствуй при всяком деле! Не думай, что уже достиг этого. Нет: ты спишь и грезишь.

Напрягись, собери все свои силы и на момент сосредоточься только на ощущении, которое отзывается мурашками по всему телу: «Отныне я бодрствую!».

И если тебе удастся *почувствовать* это, то состояние, в котором ты только что пребывал, по сравнению с этим чувством покажется тебе дремотой и оглушением.

Таков первый шаг на долгом, долгом пути от рабства к всемогуществу.

Двигайся таким образом шаг за шагом от одного пробуждения к другому.

И не будет ни одной мучительной мысли, которую ты не смог бы прогнать: она отступит и больше не сможет вернуться к тебе; ты совладал с ней, вознесся, как зеленеющая крона над засохшими ветками.

С тебя опадут все печали, как пожухлая листва, как только ты дойдешь до той точки, где это пробуждение затронет и твое тело.

Ледяные ванны иудеев и брахманов, ночные бдения учеников Будды и христианских аскетов, муки индийских факиров, лишаящих себя сна, — все это не что иное, как застывшие обряды, осколки колонн, говорящие ищущему: «Здесь в далекие седые века стоял тайный храм, посвященный воле к бодрствованию».

Прочитай священные писания всех народов земли: красной нитью через них проходит скрытая идея бодрст-

нования. Это небесная лестница Иакова, который всю «ночь» боролся с ангелом Господним «до наступления дня» и одержал победу.

Ты должен подняться по ступеням все более ясного и отчетливого бодрствования, если хочешь одолеть смерть; основа ее защиты — это сон, грезы и ошеломление.

Даже низшая ступень этой лестницы именуется гениальностью. Как тогда назвать более высокие! Толпе они неизвестны и считаются вымыслом.

На пути к пробуждению первейшим врагом, что встанет у тебя на пути, окажется твое собственное тело. До первого крика петуха оно будет вступать с тобой в борьбу. Когда, однако, тебе удастся увидеть день вечного бодрствования, он обособит тебя от лунатиков, которые считают себя людьми и не знают, что они спящие боги; и от тебя также отступит сон тела, и вся вселенная будет в твоей власти.

Ты сможешь творить чудеса, если захочешь, и тебе не придется смиренно ждать, как стонущему рабу, пока жестокий идол окажет тебе милость или же снесет твою голову.

Несомненно, счастье верного и виляющего хвостом пса, счастье знать хозяина выше себя, которому можно служить — такое счастье у тебя будет отнято. Но спроси себя: сменял бы ты свою человеческую участь на участь своей собаки?

* * *

Всякий, ощущающий эту землю тюрьмой, всякий, взывающий о спасении — все они неосознанно заклинают *мир призраков*.

Поступай так же и ты. Но в полном сознании!

Существует ли для тех, кто делает это бессознательно, некая незримая десница, которая волшебным образом превращает болото в твердую землю, на которой они в итоге должны оказаться? Я не знаю. Спорить с этим не хочу — но сам не верю.

Когда на пути *пробуждения* ты минуешь царство призраков, тебе мало-помалу станет ясно, что это суть мысли, которые ты вдруг сумел увидеть собственными глазами. Вот почему они кажутся тебе необычными и одушевленными — ибо язык форм отличается от языка рассудка²⁵.

И *потом* наступит час, когда с тобой может произойти странная метаморфоза: люди, тебя окружающие, обратятся призраками. Все, кто был тебе мил, вдруг предстанут всего лишь призраками. Таковым станет даже твое собственное тело.

И самое ужасное одиночество, которое можно себе представить — это одиночество пилигрима, идущего по пустыне. И тот, кто не найдет источника жизни, умрет от жажды.

...Это знак — стигмат — всех тех, кто укушен «змеем духовного царства». Внутри нас как бы сцеплены две жизни — сцеплены, пока не произойдет *чудо пробуждения*²⁶. То, что обычно отделяется смертью, в этом случае происходит путем угасания памяти — иногда путем внезапного внутреннего переворота.

²⁵ «Мир призраков» или «астральный мир» есть не что иное, как мир глубинных сил (частично индивидуальных, частично коллективных и надындивидуальных), которые действуют в человеке, рассматриваемом в целом. Как только сознание освобождается от своей взаимосвязи с мозгом, эти силы проецируются и визуализируются в виде символических образов. Тогда человек видит вовсе не то, что раньше находилось у него внутри и что он не мог по-настоящему понять. В мире призраков (или «сходных природ», *Simili Nature*, как называл их Кримерц) человек познает самого себя и *должен познать лишь самого себя*. Эти образы обнаруживаются в виде призраков, привидений, и к человеку приходит пугающее чувство одиночества. За этим опытом приходит другой, на который намекает тот же Майринк, говоря о «глубинном смысле» каждого из образов: от различных энергий, символами которых являются астральные образы, можно вознестись к *реальным, подлинным космическим сущностям*, под чье воздействие попал человек и которые существенны для его жизни. Если в *огне познания и очищения* мир призраков сгорает, из него рождается первый опыт царства «Тех, кто есть». Все это является введением в то, о чем будет сказано далее. — *Прим. гр. «Ур».*

²⁶ См. в связи с этим упоминание о подготовительной дисциплине «опущения двух» в эссе Абраксаса в этой главе. — *Прим. гр. «Ур».*

Все люди могли бы прийти к этому состоянию. А ключ заключается просто в том, чтобы человек, погруженный в сон, осознал «форму своего я», так сказать, свою кожу — нашел те узкие щели, сквозь которые проникает сознание между состоянием бодрствования и глубоким сном.

Борьба за бессмертие — это битва за господство над живущими внутри нас звуками и призраками; а ожидание воцарения собственного «я» — это *ожидание Мессии*.

Все, что я тебе сказал, встречается в священных книгах всякого народа: всюду толкуют про пришествие нового царства, про бдение, про победу над плотью и про одиночество. Однако с этими религиозными людьми нас разделяет непроходимая пропасть. Они *верят* в приближение дня, когда добрые войдут в рай, а злые провалятся в бездны ада. Мы же *знаем*, что придет время, когда многие будут разбужены и отделены от спящих, как господа от рабов, ибо спящим не понять бодрствующих. Мы *знаем*: нет зла и нет добра, есть лишь ложное и истинное. Они *верят*, что бодрствовать означает не закрывать ночью глаза и не ложиться в постель во время чтения молитвы. Мы же *знаем*, что «бодрствование» означает пробуждение бессмертного «Я», а бодрствование тела является его естественным следствием. Они *верят*, что тело нужно презирать, ибо оно греховно. Мы *знаем*, что греха не существует, а тело есть начало, от которого мы должны оттолкнуться, а на землю мы спустились для того, чтобы претворить его в дух. Они *верят*: тело нужно испытывать аскетическим одиночеством, чтобы очистить дух. Мы *знаем*: прежде всего одиночество должно быть познано духом, чтобы преобразилась плоть.

Какой путь выбрать — наш или их — решать тебе одному. Это дело твоей свободной воли.

Я сказал тебе, что начало пути — твое собственное тело. Тот, кто знает это, может начать странствие в любую минуту.

Сейчас я хочу научить тебя первым шагам.

Ты должен отделиться от тела, но не так, будто бы твоей целью является покинуть его. Ты должен освободиться от него подобно тому, как человек, созерцающий огонь, отделяет свет от тепла.

И уже здесь тебя подстерегает первый враг.

Тот, кто *отрывается* от тела, чтобы летать в пространстве, встает на путь ведьм, которые вытягивают призрачное тело из грубой земной оболочки и в Вальпургиеву ночь скачут на нем как на метле.

Ведьмы верят, что находятся дьявольском шабаше, пока их одеревенелые и бесчувственные тела лежат в их комнатах. Они просто променяли земные ощущения на духовные; они потеряли лучшее, чтобы добиться худшего; они не обогатились, а обнищали.

Уже из этого можно понять, что это не путь, ведущий к пробуждению. Чтобы уразуметь, что ты нетождествен своему телу — как люди обычно верят — ты должен узнать, каким оружием пользуется тело, чтобы сохранить свое господство над тобой. Конечно, сейчас ты до такой степени находишься в его власти, что твоя жизнь угаснет с последним ударом сердца, и ночь поглотит тебя, как только твои глаза закроются. Ты считаешь, что ты управляешь движениями тела. Но это иллюзия: двигается именно оно само, используя твою волю лишь в качестве подсобной силы. Ты считаешь, что сам творишь мысли. Нет — это тело посылает их тебе, чтобы ты вообразил себя их творцом и чтобы ты делал все, что оно захочет.

Сядь прямо и постарайся не шевелить даже ресничкой, оставайся неподвижным как столб — и тогда ты увидишь, что охваченное яростью тело сразу же постарается принудить тебя к повиновению. Оно обрушит на те-

бя всю мощь своего оружия, и ты не обрешь мира, пока вновь не позволишь ему двигаться. И по этому яростному гневу, по этому поспешному граду выпущенных в тебя стрел ты сможешь понять — если заметишь, — как страшит его утрата своего господства и как велика твоя сила, если оно так боится тебя.

Однако господство над телом не должно быть твоей конечной целью. Когда ты запретишь ему двигаться, ты осознаешь силы, которыми оно располагает. Это легионы, почти неодолимые в силу своей численности. Если ты не дрогнешь и не сдашь позиции, завоеванные таким простым способом, как неподвижное сидение, оно будет бросать их в бой один за другим. Сначала это будет грубая сила дрожащих мышц, потом кипение крови, от которого на лбу выступит пот, а также сердцебиение; и бегущие по коже мурашки от озноба; и, наконец, колебания всего тела, как если бы сместилась ось притяжения. Все это ты сможешь встретить лицом к лицу и победить, но не только усилием воли. На самом деле за твоей волей незримо, словно в шлеме Зигфрида, стоит высшее бодрствование.

Но и эта победа ничего не стоит. Даже если ты сумеешь повелевать дыханием и биением сердца, ты будешь всего лишь факиром, то есть «нищим».

После своего тела ты встретишься с новыми врагами. Это будут неуловимые рои мыслей.

Против них бесполезен меч воли. Чем яростнее ты будешь бросаться на них, тем настойчивее они будут вертеться у тебя в голове, а если тебе на какое-то мгновение удастся освободиться от них, ты падешь, сраженный сном — то есть иным их оружием.

Попытка заморозить их — это тяжелый и напрасный труд. Единственный способ спастись от них — это восхождение на *более высокую степень бодрствования*.

Как тебе начать этот путь, ты должен узнать сам.

Это постоянное осмотрительное движение наощупь, и в то же время железная решимость.

Это все, что я могу сейчас сказать тебе. Всякий совет, который тебе доведется услышать относительно этой мучительной борьбы, есть яд. Тебя ждут такие трудности, преодолеть которые ты сможешь только сам.

По достижении цели к тебе приблизится царство призраков, о котором я уже говорил.

Перед тобой появятся образы — как ужасающие, так и светоносные. Они будут прикидываться сверхъестественными существами. Но это лишь видимая форма мыслей, которыми ты еще не вполне овладел.

И чем величественнее они будут казаться, тем пагубнее они будут — помни об этом!

Однако когда ты обнаружишь «глубинный смысл», сокрытый в каждом из этих призраков, тебе удастся узреть духовным оком не только его, но и свою живую суть. И тогда тебе, как Иову, будет сторицей возвращено все у тебя отнятое. Как будут утверждать глупцы, ты снова окажешься там, где и был. Они не знают, что вернуться домой после долгих скитаний на чужбине совсем не то, что оставаться все время дома.

Обретешь ли ты — как когда-то обрели многие — на этом пути те чудесные силы, которыми владели пророки древности, или же вечный покой, никому знать не дано.

Наш путь ведет к ступени зрелости. Если ты достиг ее, значит, достоин дара.

Ты станешь *фениксом* в обоих случаях. *Добиться* этого — в твоей власти.

* * *

Один из тех, кто хранит ключи от магии, остался на земле: он ищет и собирает призванных.

Как не суждено умереть ему самому, точно так же не будет предана забвению легенда о нем.

Одни болтают, что это *Вечный Жид*, другие называют его Илией, гностики уверяют, что речь идет о евангелисте Иоанне. И неудивительно, что все видят его по-

разному. Такое существо, как он, то есть обратившее свое тело в дух, не может быть связано какой-либо формой.

Поистине бессмертен только *пробужденный* человек. Звезды и Боги появляются и исчезают — лишь он один остается и может вершить все, что желает. И нет над ним Господа.

Не зря наш путь называется *языческим*. То, что верующий считает Богом, есть лишь *состояние*, которого он мог бы достичь сам, если бы был способен верить в самого себя. Но в своей неисцелимой слепоте он сам ставит перед собой преграду, через которую не отваживается перепрыгнуть. Он сотворяет себе образ для поклонения вместо того, чтобы *стать* им.

Если хочешь молиться, молись своему незримому существу. Это единственный Бог, который внемлет молитвам: другие подают камни вместо хлеба.

Если твое невидимое существо откроется тебе как *сущность*, ты постигнешь, что оно отбрасывает *тень*. Я тоже раньше не знал, кто я, пока не увидел свое тело как тень.

ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: ОГОНЬ

Важнейшим, хотя и не единственным элементом магического ритуала считается стихия *огня*.

Она наделяется множеством различных значений в соответствии с выполняемыми ей функциями — и прежде всего функцией животворящего начала и очищающей стихии, которые мы и рассмотрим.

Из всего многообразия огненных символов можно выделить символ *ignis centrum terrae*²⁷ — центрального огня, известного всем традициям. В центре человеческого

²⁷ «Земля», как и «камень», символизирует человеческое тело, и в особенности Материю Делания: «...и на сем камне Я создам Церковь Мою». — *Прим. гр. «Ур»*.

существа располагается сердце — красное из-за горячей крови, вытекающей из него и питающей волнами жизни весь организм. Оно изображается сияющим и пылающим. Мы говорим о пламени и свете любви, но чтобы лучше это понять, нужно вспомнить, что в Древнем Египте сердце считалось органом разума (*intelligenza*) — исключительно духовной способности, являющейся наиболее совершенным и непосредственным проявлением духа, неизменного в своей абсолютной гармоничной спонтанности. Иероглиф, соответствующий сердцу, имеет вид *сосуда* (*h'tj*) с двумя ручками или *ушами*. Эта точность понимания функции сердца, определенной Данте как *любовный интеллект*, мало-помалу размывалась на протяжении последних двадцати веков, пока, наконец, не только органическую функцию обычного мышления, но и *intelligere*²⁸ не стали приписывать мозгу. Стоит заметить, что и в современном языке существуют формы, обозначающие определенные функции интеллекта — таков глагол *ricordare* и выражения *apprendre par coeur*, *learn by heart* и т. п.²⁹ Следует также отметить разницу между глаголами *recordari* и *meminisse*, *ricordare* и *rammentare*³⁰. Языкознание могло бы внести значительный вклад в современную психологию, пролив свет на некоторые вопросы, остающиеся до сих пор неяс-

²⁸ Здесь: понимание, разумение (лат.) — *Прим. перев.*

²⁹ Данте ясно указывал на это в разных местах — в особенности в «Новой жизни» (*Vita Nuova*, § 2): «В это мгновение — говорю поистине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца...». Представитель латинской традиции Плавт говорил: *Mihi sunt tria corda* («У меня три сердца»), указывая, что знает три языка — осканский, латинский и греческий. [*Recordare* (лат.) — форма глагола *recordor* — «воскресить в памяти, вспомнить». Этот глагол этимологически связан со словом *cor*, обозначающим сердце. Выражения *apprendre par coeur* (фр.) и *learn by heart* (англ.) имеют значение «выучить наизусть», дословно «выучить сердцем». — *Прим. перев.*]

³⁰ *Recordari* и *meminisse* — формы латинских глаголов со значением «вспоминать». Первый этимологически связан со словом *cor* («сердце»), а второй — со словом *mēns* («ум, разум»). Разница между итальянскими глаголами *ricordare* и *rammentare* аналогична. — *Прим. перев.*

ными, и подсказав внимательному наблюдателю утерянное значение многих символов.

Таким образом, необходимо, чтобы во время ритуала все функции духа в своих связях с материальным телом были сведены к состоянию изначальной и совершенной гармонии и осознанности. Необходимо не только убедиться в той или иной истине, нужно действовать таким образом, чтобы предоставить духу полный контроль того, что происходит.

* * *

Приведенный здесь ритуал связан с дыхательной практикой, выполняемой в соответствии с формулой $2n$ (вдох), n (задержка), $2n$ (выдох), n (задержка) в первой фазе и $2n$, $4n$, $2n$, n во второй. Однако имейте в виду, что весь ритуал можно провести и в первой фазе. Об этом мы поговорим позже отдельно; сейчас же достаточно понять обретенное посредством Сосредоточения и Безмолвия значение духа, который, будучи оживляющей и защищающей сущностью человека, символизируется дыханием. Он так же неотделим от телесной жизни, как огонь — от всех форм жизни физической: отсюда «огненное дыхание» в различных символических системах. Мы подчеркиваем этот момент, чтобы сориентировать читателя в тех опытах, в которых иногда встречаются схожие аспекты.

Лежа на спине после достижения совершенной ритмичности дыхания согласно указанным фазам — так, чтобы эта органическая функция дыхания осуществлялась совершенно спонтанно, не требуя какого-либо особого внимания, вы спускаетесь к корням своего существа посредством «сосредоточения» и «безмолвия». Достижение высшей фазы — освобождения духа — осознается как возникающее чувство слабого огня, горящего в сердце. Тело словно пропитано *волной* тонкого тепла, растекающегося по венам, по нервам. Пламя говорит: «АЗ

ЕСМЬ!». Сердце ощутит это горение и растворится в стихии магического Огня.

Самой большой трудностью (если в связи с подобным действием духа уместно использовать слово «трудность») здесь может являться *спуск* ума, духа или, если угодно, «Я», в сердце. На самом деле мы привыкли ощущать самих себя в мозге: кто-то даже способен ощущать себя в каком-либо органе, если восприятие имеет достаточную интенсивность, чтобы стягивать все внимание к воспринимающей части тела, и человек может на мгновение почувствовать, что *погружается* туда, где возникает чувство боли или наслаждения. Процесс нисхождения в сердце аналогичен вышеописанному — с той разницей, что не возникает ни одного из этих ощущений³¹.

Здесь нужно вспомнить «чувство бесконечности и неограниченной свободы духа» — последнюю стадию ритуала *безмолвия*. Следовательно, не должно возникнуть никаких трудностей в том, чтобы действовать безупречно, заставляя дух концентрироваться, *сгущаться* там, где пожелаете. Однако привычка сознания, привязанного к одному инструменту — мозгу, заключается в том, что дух почти автоматически привлекается туда, где он обычно пребывает. Поэтому в данном случае необходимо осознавать и ощущать себя легкой субстанцией, медленно нис-

³¹ В этом отношении может быть полезным привести следующие указания из древнего устава монастыря на горе Афон, составленные настоятелем Ксерокаркой (Хегосагса): «Сядь один в углу. Будь внимателен к тому, что я говорю тебе. Закрой дверь и вознеси свой дух над всеми светлыми и мирскими вещами. Затем опусти подбородок на грудь и всей силой своей души открой око восприятия, *пребывающее в середине твоего сердца*. Сдерживай выдох, чтобы дыхание не было слишком простым. Постарайся отыскать точное местоположение сердца, в котором уготовано обитать всем силам души. Сперва ты встретишь тьму и сопротивление непроницаемых масс; но если ты будешь упорствовать и продолжать свой труд денно и ночью, то в итоге ощутишь невыразимую радость. Едва отыскав местоположение сердца, дух сможет увидеть то, что раньше был не в состоянии познать. Он увидит, что воздух между ним и сердцем ярко сияет, пронзанный чудесным светом». — *Прим. гр. «Ур»*.

ходящей из мозга через центры в гортани вниз к сердцу, следуя идеальному, а не физическому маршруту, мягко и без какого-либо усилия. Сама спонтанность осуществляется в магическом действии и в своей наиболее совершенной и полной форме.

В процессе самоопределения духа тело приобретает консистенцию густого раствора, пределы которого в пространстве невозможно определить. Дух же — изначально теплое и мерцающее безмолвие — становится плотнее, ярче, теплее. Несмотря на отсутствие *восприятия* телесного пространства дух осознает свое местонахождение в нем (волна теплого колышущегося света). Тело становится плотнее по мере того, как дух направляется к сердцу — это осознанное действие: «Я в сердце, я чувствую его, я живу им». И это осознается как новая чудесная безмерность, о которой известно немногим. Она больше не связана привычными физическими ограничениями и распространяет свою *огненную* массу до пределов тьмы.

А теперь необходимо сделать пояснение, которое следует глубоко осознать: в жизни человека его действия обычно не связаны напрямую с объектами, на которые они направлены — напротив, именно они, влияя на его физические органы чувств, заставляют его воспринимать их совершенно конкретным образом. Таким образом, в реальности человек становится зависим от всего того, что является по отношению к нему внешним и посторонним. Для утверждения подлинной свободы недостаточно и комплексной работы нервных рефлексов.

Отсюда происходит основополагающее понятие *нечистоты*, которая, согласно классическим ритуалам различных инициатических систем, должна быть превращена в изначальную чистоту горения тайного пламени прежде, чем неопит осознает магическую силу и сможет ее использовать. Таким образом, духовный огонь вначале направляется на очищение темных элементов, безраздельно господствовавших до этого момента; на сжигание всего, что является «неведением», в деянии совершенного «познания»;

на проникновение в недра «Земли» и очищение «металлов» от шлаков. «Золото» посредством «Сульфура» возносит низшие элементы до своего божественного достоинства; Сперма, будучи смешана с менструальными выделениями Блудницы, порождает Божественное Дитя³².

Говоря языком ритуала, как только дух утвердился в сердце, представляющем как огненная масса, в сознании, за пределами границы тьмы возникают волны и яркие вспышки — символы и центры бесформенной пассивной жизни. Дух разжигает в сердце маленький огонек, претворяя сущность сердца в сущность пламени. Огонь горит *самостоятельно*, не имея иной поддержки, кроме собственной чудесной силы — свет, сияющий в красной глубине сердца.

Время исчезло.

Затем пламя-дух-сознание растет самостоятельно, мало-помалу разгораясь все сильнее, разрастаясь во всей своей яркости и жаре, становясь все более сильным, живым, насыщенным, более твердым, чем алмаз...

Все сильнее и сильнее.

Огонь горит и поглощает все за пределами сердца, расширяясь до тех пор, пока не заполнит собой всю телесную природу и не растворит ее в себе.

Так завершается очищение элементов, и дух постепенно приобретает непосредственный контроль, сознательное восприятие всех органов, всех малейших частей физического тела.

После достижения и *фиксации* последнего описанного состояния необходимо вернуться в повседневное сознание, специально следуя через все фазы в обратном

³² В некоторых алхимических и гностических текстах «Блудница» символизирует влажный принцип — прежде всего в его характере желания и в то же время пассивности и открытости к безразличному принятию всякой формы. Будучи поглощена и подвергнута воздействию инициатического огненного принципа, она трансформируется и фиксируется, давая начало природе перерождения. Теперь она соответствует символу «*Девы*», которая попирает ногами лунный и змеиный символ, представляющий ее изначальную природу, и держит на руках божественного младенца, «Дитя Искусства». — *Прим. гр. «Ур».*

порядке, вплоть до ощущения небольшого пламени в сердце. Затем, оставаясь в этом состоянии, необходимо резко завершить ритуал.

Через некоторое время вы сможете легко и быстро перемещаться в сердце и раздувать в нем огонь, который в итоге будет продолжать гореть в течение дня, будучи внутренним действием; так же легко вы сможете проникать в любую часть тела, начиная с сердца, и проживать все ее сложные функции. Таким образом сознание, окончательно восстановленное в своем естественном месте, будет способно испытывать отличные от привычных состояния и соответствующим образом действовать, реализуя все, что выражено символами негасимого пламени.

Данный ритуал уместно проводить в середине дня, когда солнце стоит в зените.

АБРАКАС ТРОЙСТВЕННЫЙ ПУТЬ

Тебе ясна первая задача нашего Искусства: нужно отделиться от влажной природы, из которой состоит твое существо, и возродиться в солнечной силе таким образом, чтобы из нее создать «то, что есть», *дышащий* центр, свободный от ограничений подлунной природы. Необходимо ослабить жажду, лихорадку, бесконечную и темную одержимость существованием: в этом состоит условие преодоления законов, которым подчиняются люди.

Однако эта операция, которую герметики называли «умерщвлением» или «гниением», может быть проведена разными путями. Ознакомься с ними, но знай, что их возможности в достижении главной цели неодинаковы. Пойми то, что каждый из них может дать, чтобы посредством их сочетания ты смог прийти к смыслу совершенного мастерства.

Первый путь я буду называть *опытным*. Здесь развитие имеет прерывистый характер: речь идет о трансфор-

мации сознания из одного состояния в другое без тесной связи между ними. «Я» просто *переносится* из одного в другое: это мгновенное отождествление или пробуждение в том или ином состоянии, без прямой индивидуальной инициативы и подлинной, активной подготовки. Как в химическом опыте, здесь известны компоненты и условия, необходимые для изготовления определенной смеси, но результат приносит нечто новое, новую субстанцию — и в происходящем невозможно уловить глубинную последовательность возникновения нового вещества. Таким же образом существуют точные методы, аналогичным образом формирующие новые состояния сознания.

К таким методам можно отнести технику, основанную на воздействии особых веществ в сочетании с определенным душевным настроем, а также некоторые практики хатха-йоги, эффективные в качестве предпосылок создания некоторых психофизических предрасположенностей. Также можно упомянуть некоторые опыты, осуществляемые для прямого достижения определенных целей теми, кто обладает соответствующими способностями, и, наконец, ряд феноменов очевидно спонтанного характера — внезапное просветление (молниеносное или волевое), проявление паранормальных чувственных способностей или восприятие себя в сознании (Пьетро Негри описал один из подобных случаев в предыдущей главе). Также и в последних двух случаях сохраняется разрыв и стремительная внезапность изменения состояний сознания. «Сначала это, затем — то».

Отрицательной стороной такого пути является то, что состояния, к которым он может привести, в общем случае имеют исключительный характер. Техника, способная совершенно *умертвить* или преобразовать природную сущность, требует реального и постоянного самообладания, а не опасений и колебаний: в противном случае, когда влияние прекратится, тебя вернет в исходную точку, потому что чувство себя сохранило свою привычку отождествляться с этой сущностью. Когда же, на-

против, ты потеряешь *все*, станет ясно, что *если* ты продолжишь жить, то твоим новым состоянием будет твое собственное возрожденное сознание. Я говорю «если ты продолжишь жить», но будь осторожен, ибо существует *большая* вероятность (если ты собираешься достичь полной реализации посредством лишь этого пути), что твой скачок окажется *слишком мал*: и если ты не окажешься полностью «по ту сторону», тебя ожидает борьба, для которой у тебя нет подходящего оружия³³.

Положительной стороной этого пути является тот факт, что разрыв между обычным и инициатическими состояниями сознания никогда не сможет быть устранен полностью. Это пробуждения, просветления и свидетельства чего-то нового, дать адекватное определение которому нет никакой возможности. Можно говорить о приближении, о стремлении к ним; однако сама трансформация, *присутствие*, всегда будет скачком. С другой стороны, только это «присутствие» волеет в тебя трансцендентную силу понимания и действия, без которой все твои усилия останутся тщетными. Без нее тебе останется лишь поиск в самом себе, погруженном во тьму; твоя воля останется скованной, борющейся, притупленной, не ведающей освобождающей ясности и легкости высших существ.

Таким образом, на нашем пути ты встретишь элементы «опытного» метода, которые, однако, нужно встроить в индивидуальное стремление к трансформации, чтобы полностью овладеть трансцендентными состояниями и переместить в них все твое существо — ты не потеряешься в них, не станешь объектом их действий, не будешь «похищен», но останешься действующим, утверждающим, присутствующим.

³³ См. Синезий Киренский, «О сновидениях» (*De insomniis*), 4–5, где говорится о тех, кто пытался вернуть свою свободу силой, перенося свой дух «туда, где природа не могла их схватить». Но «если прыжок не достигал цели, тяжкие испытания становились их уделом... Даже если впоследствии они отказывались от восхождения, то все равно подвергались наказанию за свою попытку».

На втором направлении человек может использовать возможности, предоставляемые *мистическим опытом* — при условии соответствующей инициатической интеграции. Это метод, которые по своей сути действует посредством души и чувств.

Чтобы правильно понять его, знай, что секрет становления на него заключается в создании в себе *двойной сущности*. Нужно выделить — сначала представить, а затем ощутить — высший принцип, противостоящий всему, чем ты обычно являешься — инстинктивной жизни, мыслям, чувствам. Он должен постоянно, минуту за минутой, ясно созерцать и оценивать это все. Вы окажетесь вдвоем: ты напротив «другого» — и тогда ты поймешь, что такое «внутренний диалог», внутренний приказ и повиновение, внутренняя просьба о совете и его получение, о чем образно говорили многие христианские и исламские мистики. То же самое отражено в многочисленных индийских текстах, построенных в форме диалога — их персонажи на самом деле не являются людьми; пробужденный ученик распознает в них две части своей собственной души.

В конечном счете работа здесь состоит в «перестановке»: ты превращаешь «другого» в «себя», а «себя» в «другого». В зависимости от того, на каком из двух принципов личность делает акцент, этот путь является *Сухим* или *Влажным*, магическим или мистическим методом.

Разум мистика порождает «другого», который, однако, так и остается «другим» (Учителем, «Христом», которому нужно подражать, или даже образом Божества). При этом «я» не преобразуется: оно остается в женской части, состоящей из желания, потребности, жажды, и подобно *душе* стремится к Нему в порыве самоотречения, любви, обожания и полной преданности. *Sui juris non esse*³⁴, полностью погибнуть по собственной воле, отдаться Богу в своей внутренней нищете и смирении, посвящая

³⁴ *Здесь*: не жить по собственным законам, не быть самостоятельным (лат.). — *Прим. перев.*

Ему всякое деяние в чистой вере, не желая ничего для себя, испытывая невыразимые страдание и любовь — вот чего требует «умерщвление» от тех, кто следует «влажному пути», не обладая силой активной отстраненности, но взыскав при этом Вечного. Их центр расположен в «Водах», в «душе» — следовательно, именно в том, что нужно ослабить³⁵.

Однако этот путь имеет много изъянов. Прежде всего это трудность преодоления свойственного любви дуализма (в любовном союзе любящий и любимый взаимодействуют, но все же остаются разделенными) в *отождествлении*, которое является законом всякой подлинной инициатической реализации. Таким образом, даже на вершинах христианского мистического богословия (которое следует именно этому пути) еще виден дуализм, крайне редко приводящий к подлинной сущностной трансформации в «другого», и дуальность с соответствующими божественными персонификациями становится отражением данной фазы этого процесса.

Далее, отношение, основанное на желании и любви, имеет негативный и зависимый характер *потребности* — и для превращения его в чисто утвердительную, центральную, самодостаточную ориентацию солнечной природы требуется качественный скачок и смелость, которую мистику трудно проявить по причине самой природы предшествующего процесса умерщвления.

Вследствие изначальной предрасположенности, которая в данном случае связана не с активным привлечением и решимостью, а с надеждой, желанием, порывом, трансцендентные состояния предстают как *откровение*; ты еще не *воссоединился* с ними, оставаясь пассивным, неукорененным в их поразительной, чудесной мощи. «Посреди чувства изумления рождается действие: это благодать. Господи, я не достоин!», — говорит Рейс-

³⁵ Стоит отметить, что это лишь одна из возможных интерпретаций «влажного пути». — *Прим. гр. «Ур».*

брук³⁶ (ed. Surius, II, 20, p. 453). «Ты войдешь в Свет, но никогда не притронешься к Пламени», — можно прочитать в тексте под названием «Свет на Пути» (§ 12, п.)³⁷.

Так на мистическом пути реализуется «состояние единства». Оно подхватит и поглотит тебя; вливаясь во вселенский Свет, ты внезапно станешь тождественен Ему. Твой центр будет погружаться в него, угасая и утихомиривая твою тоску по Богу, и это погружение покажется тебе высшим Благом и конечной целью. Но на нашем пути этот «экстаз» считается «растворителем» и испытанием, через которое нужно *пройти* — и ни в коем случае не конечной целью³⁸. Нужно не «выйти» за свои пределы (экстаз = выход³⁹), а вновь овладеть своим «местом Центра». Мистический Свет представляет для нас «высшие воды», в которых твоя сущность должна не исчезнуть, а, напротив, *вновь ожить*.

Позитивная сторона этого пути заключается в том, что он позволяет проявить индивидуальную инициативу. Но обрати внимание, что мистик, как веруя в объективную личную и отдельную от себя реальность идеала своего высшего принципа (например, Иисуса Христа как примера для подражания, или самого Бога), так и не относя к себе возрождающее действие («действие благодати»), неосознанно активизирует некоторые общие законы трансцендентного порядка. Согласно этим законам образ «действует» именно тогда, когда не *осмысливается*, а представляется образно и созерцательно фиксируется в воображении, и когда он *возлюблен*, словно он является

³⁶ Рейсбрук, Иоанн (или Ян ван Рейсбрук, 1294–1381) — датский христианский мистик. — *Прим. перев.*

³⁷ «Свет на Пути» (Light on the Path) — книга американца Уильяма Уолкера Аткинсона (1862–1932), более известного как «Йог Рамачарака», автора многочисленных книг по йоге и эзотерике. Книга считается переводом отрывка из древнеиндийской «Книги Золотых правил». — *Прим. перев.*

³⁸ В алхимическом герметизме это отчасти соответствует «работе в белом», за которой, однако, следует «работа в красном» — *Прим. гр. «Ур».*

³⁹ Слово «экстаз» происходит от др.-греч. ἔκστασις — дословно «смещение». — *Прим. перев.*

подлинной реальностью, отличной от созерцающего. Стремление к прогрессу на пути должно быть уничтожено: внутренняя сущность должна расти в тишине благодаря безличной спокойной и скрытой силе, а не благодаря желанию прогресса, которое парализовало бы этот рост и лишь усилило бы тебя вследствие неизбежного усиления уз «Я». Это чисто технические детали, не имеющие ничего общего ни с моралью, ни с религиозностью, ни с чувственностью, хотя мистик и проживает их в иллюзорном и мифологическом аспекте. К примеру, в «подражании Христу» важен ряд образов, пробуждающих тонкие силы, которые сначала приводят к «смерти», а затем к «воскрешению», независимо от того, существовал ли Христос в действительности.

Наконец, имей в виду, что для современного человека Королевский Путь обычно начинается с влажного принципа, даже если после этого вода нагревается и испаряется. К этому Пути часто приводит духовный *голод*, деспотическая потребность всего твоего естества. Это «хриплый и невнятный крик влажной природы», из которого «световой *логос*» (согласно «Поймандру»⁴⁰) разжигает «чистый, тонкий, всепроникающий, стремящийся ввысь огонь».

Так особые методы, основанные на усилении вплоть до крайности энергии низшей природы можно понимать как промежуточные формы между Сухим и Влажным путем. Это жертвенный путь, неистовый, оргиастический, дионисийский экстаз, а также путь *Тантры*. Подробнее об этом позже.

Есть и третий путь — магический, сухой или солнечный. На нем ты создашь двойственность в своем существе не как мистик — неосознанно и пассивно, а волевым и сознательным образом. Ты перенесешься на более высокий уровень, ты *отождествишься* с высшим и существующим принципом, в то время как мистик обычно

⁴⁰ Название первого из четырнадцати трактатов, составляющих «Герметический корпус». — *Прим. перев.*

отождествляется с его более низким уровнем, в связи, подразумевающей нужду и заброшенность. Медленно, но верно ты укрепишь этого «другого» (который и есть ты), сделаешь его главным, и в итоге он сможет получить власть над всеми силами твоей природной стороны и полностью ими распоряжаться. Ты подчиняешь себя твердой и отстраненной дисциплине, пока в тебе не создается равновесие — когда ты сам себе хозяин, свободен от себя; когда ты не запятнан инстинктивностью, темным желанием природного естества как в плоти, так и в уме. Только тогда ты сможешь извлечь пользу из обращения к вспомогательным методам, «коррозийным водам» — это алхимическое выражение, обозначающее сильнодействующие средства (ядовитые вещества, секс, задержка дыхания и т. д.). Ослабляя естественные узы, они дадут зафиксированному ядру и уже сформированному действию возможность расширяться, возможность более энергичной экспансии. Но если это ядро еще не сформировано, из-за этого растворения ты окажешься не выше, а ниже того состояния, из которого ты начинал.

Утверждающая дисциплина дополняется *преобразованиями*, вызванными определенным методом прямого воздействия. На их основе вся сущность, подготовленная и податливая, вновь утверждает себя, усваивает и позволяет быть усвоенной и подниматься полностью, не оставляя ничего позади. Эти скачки составляют тот более быстрый ритм, в который ты должен преобразовать медленный ритм твоего воплощенного существа — так же, как пловец ловит ход волны: он принимает ее и позволяет себя нести; но туда, куда она дошла, прибыл и сам пловец, который воссоединяется с самим собой, оставаясь утверждающим, устойчивым, центральным.

И тогда солнечная и золотая природа, содержащаяся в тебе, сможет нарушить равновесие и стать *сильнее*: другой — твое «я», твои чувства и разум — окажутся *в твоей власти*. Ты сможешь отстраниться от них, сделать их инертными, нейтрализовать, зафиксировать: таково *Без-*

молвие, «угасание одержимости», рассеивание тумана. Тогда в твоих проясненных глазах засияет циклическое, интегральное видение: ты *увидишь* свою трансцендентальную сущность, судьбу существ и всех вещей, и царство «Тех, кто есть». Ты постигнешь способ действия в свободном состоянии, способ нематериального движения, происходящего вне всякого пространства или тела с бесконечной созидательной скоростью. Твой центр сольется с неподвластной становлению вселенской природой и получит из нее божественное качество, проявляющуюся в удивительных способностях. Ты сможешь прийти к знанию Имен и браку с «Буквами». Ты станешь *посвященным*.

«Знание Вод» и чувство пробужденности необходимо объединить с представлением о возможностях метода, чтобы обрести силу понимания и различения до знакомства с элементами практической магии.

ЛЕО ПОДХОДЫ

В предыдущем эссе под названием «Преграды» мы обрисовали некоторые изменения восприятия, которые должны стать в нас *органичными*. Безусловно, должно пройти много времени, прежде чем исчезнут некоторые укоренившиеся идеи, парализующие любую возможность внутренней реализации. В мыслях мы чувствуем себя свободными, и нам кажется, что мы достигли больших результатов, когда наш взгляд на некоторые традиционные предрассудки изменился. Но это только начало. Существуют идеи, ставшие органичной частью нас самих, и преграда, преодоленная при помощи ума, еще существует в нас и в момент претворения задачи в жизнь затрудняет обретение опыта. Отсутствие результатов кажется нам удивительным, поскольку мы не знаем, что в нас самих мешает их достижению. Если же мы знаем все это, то сможем осознать этот дуализм между просто мыслью и внутрен-

ним укладом; между мыслями, связанными с мозгом, и мыслями, живущими в нашей *сущности*, укоренившимися в других органах. Мы уже говорили про *ритм*. Итак, когда мозг теряет интерес к познанному и повторенному понятию и отпускает его на свободу, тогда понятие может погрузиться в нас. Оно станет в нас реальной силой.

То, что мы сказали об изменениях в восприятии и о новом — бесконечном — понятии себя и мира, превращающихся после обретения ритма в новое ощущение себя и мира, нужно повторить относительно некоторых подходов, которые необходимо вызвать и развивать. Подобные подходы являются необходимым условием развития: они не должны оставаться на поверхности нашего сознания. Недостаточно о них думать или даже в них упражняться: они должны проникнуть в самый корень нашего существа, понимаемого во всей его совокупности.

* * *

Один из таких подходов можно назвать *чувством воздуха*. Мы можем оживить в нашем воображении стихию «воздуха», пронизывающую и оживляющую все вокруг, вместе с ее переменчивым характером, безмолвным присутствием и всеми оттенками движения от тонкого, неуловимого дуновения до мощи, порыва и неистовства. Мы воспринимаем стихию воздуха как беспредельно свободную, неукорененную, нерожденную, беспричинную, меняющееся вплоть до противоположности в мгновение ока. После того как наше воображение, овладев этим чувством, *прочувствует* и переживет его, необходимо *перелить* его в нас, *сделать его состоянием собственного сознания*, чтобы оно сохранялось в нашем опыте взаимодействия с внешним миром.

Эту форму воображения, как и прочие, используемые в инициатических целях, нужно перенести из центра головы в «сердце»: именно здесь образ может преобразиться во внутреннее состояние, стать глубинным каче-

ством, подобной *силой*. То, что мы называли «чувством воздуха», становится в этом случае глубинным чувством свободы от всего наследственного и приобретенного автоматически. Это освобождение от цепей произвольных, непропорциональных или искаженных реакций; это гибкость, которая позволяет добиться наряду с максимальным покоем или сосредоточением максимального развертывания активной силы. Это чувство непредвзятости, готовности к восприятию знания и опыта в их собственном истинном свете — без инстинктивных и эмоциональных искажений. Это обладание всеми силами прошлого, но при этом способность к перерождению в любой момент в *новом* качестве.

* * *

Другой подход, связанный с использованием воображения, можно назвать *чувством огня* или чувством тепла. Он заключается в представлении наслаждения благотворным теплом; оно проникает в нас и оживляет нас; это тепло жизни, цветущей внутри и вокруг нас; вечно присутствующее, как солнечный свет. Необходимо почувствовать в себе это тепло как собственное, как если бы внутри взошло сияющее солнце.

Этот образ спонтанно перемещается в «сердце» — он найдет прямой путь в тонкие центры сердца, ибо невозможно напряженно ощущать его и одновременно удерживать его в мозге. Это пробужденное центральное тепло всегда будет присутствовать в нашем внутреннем опыте в качестве *активной эмоции*, противоположной рефлексивным и пассивным эмоциям, вызванным внешними причинами. Холодное и чисто церебральное пробуждение невозможно. Без этого чувства огня, пробужденного в сердце, все правила и наставления инициатического обучения не принесут плода. Именно поэтому в древности люди шли путем поклонения — однако такой путь слишком часто был засорен предрассудками и пассивны-

ми эмоциями и не мог даровать знание. Нисходя в сердце, люди зачастую теряли чувство «Я», теряясь в чувственно-сентиментальной сфере.

* * *

Использование практик, использующих воображение, легко недооценить, ибо они представляются незначительными на фоне величественных перспектив эзотерических наук. Но опыт следования различными путями с затратами времени и сил побуждает меня помочь новичкам избежать ошибок, на долгое время оставляющих свой отпечаток и искажающих гармонию нашего существа. Практические предупреждения, изложенные выше, помогут нам вести насыщенную внутреннюю жизнь отдельно от чувственных впечатлений, но со всей живостью и реализмом, присущим последним. Так мы придем к спонтанному развитию тех тонких сил, что действуют в высшем восприятии.

Также необходимо подготовиться к тому, что нам предстоит увидеть и познать, предвосхищая это знание ясным умственным образом того, что нас ожидает. Представьте невозможное: человек, всю жизнь проживший в темной одиночной камере, без общения с людьми, без света и звуков, будет внезапно выброшен во внешний мир. То, что с ним произойдет, будет поистине ужасно. Именно таково состояние того, кто после пребывания в тесной темнице чувств внезапно открылся для духовного зрения.

Даже если бы человек преодолел растерянность и ужас, то смог бы увидеть, но не объяснить, что значит видеть, и еще меньше — как суметь увидеть. И то, что ищут люди — это не столько мощные экстатические состояния, сколько осознание и знание духовного мира внутри и вовне себя.

КОММЕНТАРИИ К OPUS MAGICUM

Эссе Люче и Лео, включенные в эту главу, разъясняют ход одной из первых и основных операций инициатического искусства: *перевод ощущения себя в область сердца*. Однако сердце понимается здесь не как физическая реальность, а с внутренней точки зрения (*sub specie interioritatis*) и как *центр* человеческого существа.

Добавим, что, в противоположность общепринятому мнению, согласно традиционному учению все связанное с умом, рефлексам и мозгом по своей сути имеет лунный, женский, пассивный характер, в то время как сердцу приписываются качества солнечной, мужественной, центральной стихии.

Однако в этой связи не нужно думать о том, что обычно приписывается сердцу — о сентиментальности, страстности и т. д. Тайное познание сердца — или себя в сердце — на самом деле означает первое изменение состояния.

Существуют образы, которые, будучи познаны посредством созерцания, благоприятствуют перемещению ощущения себя (косвенный метод); или же можно попробовать произвести это перемещение напрямую, что вызовет опыт определенного состояния (прямой метод). Эти пути описаны Лео и Люче.

Существует практика, позволяющая продвинуться в этом направлении достаточно далеко, а также оживить и облегчить многие другие дисциплины. Она подразделяется на две фазы: момент, предшествующий погружению в сон, и момент, следующий за утренним пробуждением.

Речь идет в первую очередь о том, что нужно интенсивно проникнуться следующей мыслью: так называемое бодрствование обычных человеческих существ есть не что иное, как состояние оцепенения, ошеломления: состояние тумана и чего-то нереального. Когда же буйные голоса внешнего мира, впечатления и возбуждение чувств, звучание ощущений, мыслей и действий исчезают, когда невидимая, тайная рука сна набрасывает на

это все покров *внутреннего безмолвия* — именно тогда открывается путь к внутреннему росту, к пробуждению, могучему восхождению Солнца Знания и Реальности. Но в этот момент мы лишаемся чувств.

Помня об этом в течение всего вечера, перед отходом ко сну, в спокойном состоянии, не будучи уставшим, очистите ум от одолевающих мыслей, представьте, что ранним утром вы стоите у подножия горы и начинаете восхождение — медленно, по мере того как тьма отступает и появляются первые лучи, а затем и само Солнце. Продолжайте восхождение, одновременно представляя восход Солнца в небе, его рост, торжество, растущий свет, освещающий все и вся. Когда вы достигните вершины, осознайте, что Солнце достигло зенита, наивысшей точки своего подъема в чистом и ярком небе. В этот момент прекратите созерцание и осознайте все это как *то, что действительно произойдет внутри, за порогом сна, до полуночи*. Разумеется, восхождение на гору и восход Солнца нужно прочувствовать в строгой взаимосвязи; вы должны осознавать все это как продвижение к пробуждению, которое по достижении вершины должно смениться чувством *отождествления* с этим полуденным светом — лучистым, безмолвным, достигшим чистоты света в бескрайнем эфире.

Утром сразу же после пробуждения очистите ум от всякого остатка сонливости и мысленно вернитесь на полуденную вершину горы, где вы пребывали, и медленно спускайтесь в долину. В то же самое время и Солнце заходит, садится, и к моменту спуска в долину весь свет исчезает. Это необходимо представить и *запомнить* в качестве *смысла* промежутка между полуночью и утром. Когда после пробуждения вы окажетесь *во мраке дня*, сохраняйте отблеск небесного Света, *полуночного Солнца*, чувство того, что *вы носитель этого Света*, ныне пребывающего в вашем центре, в сердце.

Когда эти дисциплины осознаны и *прожиты*, может появиться новое, *живое* чувство, определяющее восприятие света физического солнца. Также стоит отмечать

и обращать внимание на любой иной новый смысл, внезапно возникающий посреди обыденного восприятия. Наряду с воспоминанием представлений попытайтесь *настоящему* вспомнить что-то из впечатлений (помимо сновидений) того промежутка времени, когда осознанность прерывается сном.

Однако имейте в виду, что *желание* вспомнить отгоняет воспоминания. Необходимо, напротив, *привлечь* воспоминание, вызвав его на тонком уровне. Для этой же цели необходимо просыпаться спонтанно, а не из-за шума, и в особенности не из-за присутствия других людей в вашей комнате. Пробуждению памяти также способствует легкий аромат мускуса, розы или флорентийского ириса.

* * *

Одним из инструментов оперативной магии является способность *зафиксировать* чувство, осознать его как объективное *нечто*, не связанное со своим физическим телом; как состояние, которое можно разместить вне себя, так сказать, в пространстве — но от этого оно не перестанет быть фактом сознания. В оперативной магии мало чего можно добиться без умения пробуждать и питать чувство или мысль, а затем освободиться от него посредством принуждения или отбрасывания. Это умение некоторым образом связано со спуском к месторасположению сердца.

Еще одна техническая деталь: чтобы продвигаться в интересующей нас области, необходимо *возлюбить* каждый образ. Его необходимо принять в великом внутреннем покое, затем согреть, почти что вскормить, с нежностью, без какого-либо усилия воли или иного стремления, и в особенности — не ожидая следствий. Действующий фактор этого процесса герметики называли «нежным огнем», «неопалющим огнем» и даже «огнем лампы», так как в отношении образов он действительно обладает *просветляющим* эффектом.

В дополнение к тому, что написал Абракасас, можно отметить два момента.

Первый состоит в том, что на пути высшей Магии, следуя определенной дисциплине, изначально нет необходимости придерживаться некоей «морали» в общепринятом смысле. Она может быть необходимой для духа, лишенной составляющей, которая может приказывать; только ее отсутствие ведет к необходимости внешнего авторитета. Существо, являющееся полным и цельным на основе *дуальности*, о которой говорил Абракасас, создает *в себе самом* силу приказывать и силу подчиняться, обе из которых одинаково абсолютны. Когда же, напротив, недостает не только силы приказывать — ноши для большинства людей более тяжелой, чем тяжелейший груз, — но и силы подчиняться; когда эта *неспособность подчиняться* низшей составляющей берет верх, распускаясь и узурпируя права высшей части, — лишь тогда наблюдается распушенность, вседозволенность и та «ложная свобода», в которой многие мистики видели одну из наибольших опасностей на пути. Но это отклонение нельзя путать со свободой высших существ, которые умеют дать закон самим себе. Любая дисциплина, направленная на *умерщвление* личной воли ради пробуждения в нас того, что умеет подчиняться в абсолютной степени, является сущностной составляющей магического пути.

Второй момент — особенно в том, что касается оперативных аспектов магии — состоит в том, чтобы вскормить способность, определяемую как *бытие собой по ту сторону себя*: речь идет об активном самопреодолении, о стремлении за пределы своей индивидуальности. В обыденной жизни героизм, героическое и даже оргиастическое опьянение, вкус к риску, а в некоторые моменты готовность к самопожертвованию уже указывают на движение в этом направлении. Сила, свойственная жизни, свободной от самой себя, способная выйти за свои преде-

лы подобным активным образом, так же важна для магической и теургической практики, как и принципы абсолютного повелевания и абсолютного подчинения, сопричастующие друг в друге. Те же, кто смирился с внутренними путями «Я», либо не смогут выйти за пределы, либо преодолеют их лишь ценой собственной гибели.

* * *

Абракасас показал, что для того, чтобы мистический путь привел к эффективным с инициатической точки зрения результатам, в определенный момент необходимо произвести *обмен ролями*. Речь идет о состоянии, в котором после создания двойственности божественный образ, воплощающий высшее «Я», является для мистика другим существом. Интересно, что в исламском эзотеризме существует технический термин, указывающий на это изменение — *шатх*. Это слово дословно означает «смену ролей» и описывает момент, когда мистик *поглощает* божественный образ, ощущает его как самого себя, а себя как другого, и говорит от его лица. В исламе присутствуют некоторые «несомненные знаки» для определения ситуаций, когда шатх имеет место на самом деле, и речь не идет о простом человеческом ощущении (см. случай ибн Араби). Тем не менее нужно заметить, что эзотерические истины, познанные в этом новом состоянии, необходимо хранить в секрете, так как они опасны для простых верующих. Видимо, конец аль-Халладжа, считающегося одним из главных учителей эзотерического ислама (суфизма), был следствием нарушения этой заповеди.

ГЛАВА III

ЛЕО ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОПЫТУ «ТОНКОГО ТЕЛА»

Подобно тому, как мы выражаем наши мысли и чувства посредством звуков, слов и жестов, которые таким образом входят в чувственный мир, точно так же и наше тело — это не что иное, как выражение в материальном мире индивидуализированной сознательной сущности, скрытой под маской человеческого обличья и являющейся его подлинным центром и силой. Однако бесполезно искать параллели между органами и функциями материального тела и внутренней сутью человека, ибо первые определяются условиями, присущими животной жизни, а также своими взаимоотношениями с внешним миром; они представляют собой отклонение, пусть даже необходимое для некоторых целей существования. Поэтому, исходя непосредственно из функции того или иного органа, знакомой обыденному сознанию, мы не можем прийти к ее ценности в качестве *смысла и выражения* внутреннего Человека.

Слова о том, что центр сознания пребывает в «сердце», являются отзвуком Истины, выражением интуитивной мудрости. Когда было «продемонстрировано», что этот центр расположен в мозге, подлинное знание умолкло, сменившись чувственной иллюзией.

Наблюдение за органами расскажет нам о внутренней сути человека не в большей степени, чем разглядывание букв передаст смысл предложения человеку, не умеющему читать. Единственная возможность узнать лежит в погружении внутрь себя, чтобы там следовать таинственным путям, ведущим к материальному телу.

Первый шаг заключается в том, чтобы сформировать «внутреннюю среду», в которой органы нашего *тонкого тела* (условный и весьма неточный, хотя и бесполезный, гермин) смогут пробудиться для осознания таким же образом, как наши физические органы просыпаются от ощущений, приходящих из внешнего мира. К этой цели ведут различные пути, и я расскажу только об одном из них, который мне кажется одним из лучших и наиболее безопасных.

Учитывая, что сам «внешний» мир, равно как и мы сами, является проявлением скрытых духовных сил, мы можем вступать с внешними предметами во взаимодействие, превосходящее обыденное, чувственное: и в таком взаимодействии наша внутренняя сущность будет вынуждена проявиться.

Мы должны пытаться постичь то особое ощущение, которое постоянно сопровождает любое чувственное впечатление, но обладает совершенно иной природой — это внутренний отзвук глубинной, сверхчувственной природы вещей, безмолвно проникающее в нас.

Любой живой и неживой предмет передает нам особое скрытое послание. Если в глубине своей сущности мы попытаемся уловить то, что происходит при сосредоточении внимания на двух различных случаях восприятия (например, растения и животного), то, мало-помалу абстрагируясь от чувственного образа и всех сопровождающих его элементов, мы постигнем два различных «тонких» ощущения, видимо, поднимающихся изнутри и, в отличие от чувственной стороны восприятия, недоступных для внешнего выражения (как в случае свойств, присущих предмету) и живущих сами по себе.

Эта отделенность от чувственных ощущений *в пределах* самих чувственных ощущений (отделение «тонкого» от «плотного», если использовать термины герметизма, или же «реального» от «нереального», если использовать индуистские термины) достигается *посредством*

чувства отделения и перемещения вверх головы как чего-то внешнего⁴¹. Обыденное ощущение исчезнет из нашего центра осознания, и его место займет иное.

Это упражнение нужно методично повторять, и посредством интенсивного, длительного и возрастающего сосредоточения мало-помалу реализуется ряд точных и непосредственно узнаваемых *изменений*, соответствующих изменениям в ощущениях и образах, полученных посредством чувств, но имеющих совершенно иную природу, хотя и обладающих таким же *объективным* характером.

К этому трудно добавить что-нибудь еще: лишь получившие подобный опыт знают, что такой обновленный, пробужденный способ познания сопровождается чувством определенности и непосредственного понимания, более сильного и полного по сравнению с тем, что можно получить при помощи любого чувственного ощущения⁴².

То же самое можно делать и с нашими мыслями при помощи упражнения по отделению их от головы; мало-помалу мы сможем схватывать и использовать мысль еще до того, как она будет сформулирована умом. Здесь мы также начнем воспринимать новый ряд отличий: новое будет замещать собой привычное. Это напоминает соответствие каждой мысли некой особой музыкальной ноте в бесконечной тональной гамме, и каждую из них можно

⁴¹ Это нужно сопоставить с «восприятием посредством ушей сердца», о котором Люче говорил в предыдущей главе. Оно является солнечным и чистым в противоположность отраженному, лунному и нечистому восприятию, связанному с мозгом и физическими чувствами. — *Прим. гр. «Ур».*

⁴² Стоит отметить, что здесь подразумевается *очищение сердца*, символизируемое знаком \dagger , о чем говорит Абракасас в этой же главе. Без него чувство наивысшей ясности и определенности может приложиться и к миру чистых иллюзий, и тогда произойдет переход от реальности к миру иллюзии, который поработит нас, сделав своим пленником, если принимать его за высшую истину. Большую часть современной так называемой ясновидческой литературы (даже когда речь не идет о мистификациях) стоит оценивать именно так. См. также слова Майринка о *мире призраков* в предыдущей главе. — *Прим. гр. «Ур».*

распознать безошибочно и непосредственно. В качестве подтверждения после постижения некоторой последовательности мыслей-нот можно в определенный момент вернуться в голову и дискурсивным образом сформулировать соответствующий ряд мыслей, *которые ранее не были пережиты в качестве мыслей*. Однако иногда могут быть достигнуты такие глубины, когда их изложение практически невозможно, поскольку область опыта расширяется и ее содержание более не связано с нашей обыденной жизнью и порождаемыми ей проблемами.

Аналогичная практика может выбрать своим объектом эмоциональное наполнение нашего сознания или различные его импульсы. Я не буду на этом останавливаться. Смысл тот же самый: стремительное и тонкое внимание на пороге «Я», схватывающее и удерживающее ощущения на полпути и реализующее таким образом познание стихий, замещающее собой обыденное, совершенно условное, грубое и чувственное познание. Впрочем, мое эссе — не методический трактат по эзотерике: я скорее пытаюсь пробудить воспоминание о некоторых формах внутренней активности, зачастую проявляющихся спонтанно и спорадически, и обратить на них внимание, чтобы их можно было узнавать и развивать.

Я лучше расскажу о чувстве самого себя, замещающем на основе подобных практик сугубо телесное ощущение. Само тело кажется нам чем-то отдаленным, посторонним, а ощущения, порожденные внешними объектами вышеописанным образом, представляются возникающими и живущими в нас как часть нас самих.

Чувство пространства уходит — но сохраняется *последовательная деятельность*, иное, внутреннее, ритмичное чувство времени.

После того, как вновь установлены взаимоотношения с телом, мы почувствуем себя в нем *свободными и подвижными*. Это рождение так называемого *чувства тонкого тела*.

Здесь сокрыта опасность, жертвой которой становятся многие: необходимо избегать *ощущения блаженства и величия* (здесь можно сослаться на то, что Джеймс в своей известной работе «Многообразии религиозного опыта»⁴³ называет «космическим чувством»), затемняющего сознание экстатическим оцепенением. Напротив, необходимо сохранять чувство «Я» и активную жизнь сознания, опыт которой всегда имеет высший и качественно иной характер по отношению к различным способам тонкого восприятия, описанным мной.

Таким образом, любое чувство удовлетворения и гордости отбрасывает нас обратно в тело — и осознание искажается, а взор замутняется.

Тонкое тело дарует нам *обладание* — но *наслаждение* обладанием является атрибутом физического тела и чувств, которые вновь нас порабащают.

ПОЗНАНИЕ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ

(Отрывки из первой главы Куларвана-тантры)

1. Парвати задала вопрос Богу богов, величайшему блаженному и Учителю мира, восседающему на вершине Кайласы⁴⁴.

2. Богиня сказала: «О святой, ты Владыка богов, повелитель пяти жертвенных обрядов, всеведущий, напрямую достижимый посредством йоги. Ты великодушен к тем, кто ищет в тебе прибежище, о Владыка *кулы* [инициатического тантрического ордена], Всевышний властитель, Океан нектара благодати!

⁴³ Уильям Джеймс (William James, 1842–1910) — американский философ и психолог. Речь идет о его книге *The Varieties of Religious Experience* (1902). — *Прим. перев.*

⁴⁴ Тантра преимущественно составлена в форме диалогов между персонификациями мужского (Шива, «Владыка горы») и женского (Шакти, Парвати) принципов.

4–5. О учитель, бесчисленные массы живых существ в этой случайной и устрашающей изменчивости, заключенные в различные тела, подвержены страданиям всех видов. Они рождаются и умирают, и нет для них никакого освобождения. Без какой-либо помощи их страданиям ни один из них не является счастливым. Скажи, о Господь, каким образом они могут достичь спасения?».

6. Господь сказал: «Услышь, о Богиня, мой ответ на твой вопрос! Даже простое понимание его освобождает от сансары [становления]!

7. Шива всеведущ и неразделен в себе, это всевышний Брахман и творец всего. Майя не изменяет его, и над всякой вещью он Господин. Он единственный, нет такого другого; он — сам Свет. Нет в нем перемен, нет начала, нет конца. Он лишен качеств, он превосходит всё. Он — Бытие, Сознание и Блаженство, а существа являются лишь его частями.

9–11. Окутанные лишенным начала неведением, [отдельные существа] подобны искрам огня. Их действия и чувства управляют ими согласно их качествам, в различных именах [=в различных способах индивидуации]; добрые или злые⁴⁵, они обуславливают их и является источником их страдания. Блуждающие от рождения к рождению, они получают тела различной долговечности, счастья и страдания, что свойственны их состоянию и итогу их трудов. И, о Любимая, причинное тело и тонкое тело не погибнут, пока освобождение не будет достигнуто⁴⁶.

⁴⁵ Согласно данной традиции как «доброе», так и «злое» деяние создает узы: если второе связано с низшей формой существования, то первое связано с высшей формой — но не ведет к трансценденции, к свободе от какой-либо формы и обусловленности, даруемой только состоянием Знания.

⁴⁶ На вопрос об освобождении Господь отвечает не теоретически, а указанием на состояние — состояние Шивы, которое должно быть *познано*, то есть реализовано. Согласно этому индийскому учению человек или иное конечное существо поддерживается и материализуется лишь тем *неведением* (*авидья*), в силу которого полагает себя отдельным от Него (*двайтабхава*). Именно поэтому здесь в центре всего стоит осозна-

12–13. Концом всех вещей, недвижимого мира и существ, наделенных движением — ползающих червей, скользящих рыб, птиц, зверей, людей, сосредоточенных и добродетельных созданий и богов, является освобождение. Прошедшие через мириады рождений в одном или другом из четырех видов и, как следствие великих заслуг, являются наконец людьми, и, при помощи реализации Знания, Освобожденным⁴⁷.

15–16. О Парвати, до человеческого состояния существования добираются только в силу заслуг и с большими трудностями, после тысяч и тысяч рождений в этой вселенной. Кто больше виновен, чем тот, кто, получив это состояние, такое трудное для достижения, основу освобождения, не хочет пересечь [поток становления]?

ние (*видья*), в смысле внутреннего освобождения.

Это «неведение» согласно индийскому учению всегда связано с *кармой*, которую здесь нужно понимать как *сакамакарму* и *бахирмукти*, то есть как действие, являющееся желанием, «смотрим вонне» и «на другого» и отождествлением с другим (*ахамкара*). «Осознание» — это состояния «бытия в себе», карма — это беспокойное движение, этот пьяный бег в роли того или иного объекта, той или иной цели, являющейся опорой и оправданием собственной жизни. Реальность *одна*, а мир того, кто желает «другого» — мир иллюзии (*майя*). Говорится, что *карма* и *авидья* действуют в круге, то есть из метафизического неведения происходит действие в вышеуказанном смысле, и это действие в свою очередь подтверждает неведение и состояние опьянения и оглушения живых существ. Из них плетется все более тесная сеть цепей и зависимостей, несущая в потоке становления существо, которое посредством «тонкого тела» организует данную телесную форму и связано с той или иной формой существования так называемого «причинного тела». Оно состоит из совокупности усилий и досознательных трансцендентальных устремлений (*самскара*), с которыми дух отождествляется на основе «неведения». Следовательно, «причинное тело» как «кармическое тело» является препятствием к освобождению, «стражем Порога» — страшным призраком, который уступает только Солнцу Сознания.

⁴⁷Что касается различных «рождений», не следует думать о популярных и экзотерических взглядах на «реинкарнацию»: речь идет о переходе в различные стадии существования, одной из которых является человеческая или земная. В тексте упоминание «мириадов рождений» несет в первую очередь символический смысл.

17. Поистине, убивает сам себя тот, кто, получив достойное рождение и будучи наделен совершенными чувствами, не может увидеть то, что нужно для его блага.

18. Без тела цели человеческого существования нельзя реализовать. Поэтому, приняв драгоценное тело, совершай то, что соответствует цели.

19. Тело нужно сохранять любимыми средствами, в нем содержится всякая вещь. Старайся хранить его, пока не осознаешь Истину.

22. То, что согласно своей природе тело требует, является в точке зрения следования Знанию. Знание пробудит силу созерцательной йоги (*дхьянайогашакти*), при условии которой освобождение легко реализовать⁴⁸.

23. Если не сохраняешь свое собственное Я от зла, где найти того, кто, возлюбив его, поможет ему перейти [поток становления]?

24–25–26. Тот, кто не хранит себя от Преисподней, что будет делать там, где нет лекарств? Пока это тело живет, делай то, посредством чего Истина может быть осознана. Стремись к лучшему, пока зло тебя не победило, пока опасности окружают тебя, а чувства теряют свою силу⁴⁹.

35. Повинуясь Твоей *майе*, [человек] не видит, хотя и имеет глаза, не слышит, хотя имеет слух, не понимает, хотя умеет читать.

⁴⁸ Тантризму свойственно особое использование тела вместо презрения и умерщвления оногo. В теле познают и господствуют все стихии и все силы — таков смысл тантрической йоги. Состояние абсолютной гармонии тела и души, а не их контраста и страдания — согласно тому, что можно назвать «классической» формой инициатического учения — может благотворно влиять на внутренний рост.

⁴⁹ Здесь подчеркивается мысль, что тот, кто стремится к «осознанию», должен достичь его в этом земном существовании. Майринк (см. предыдущую главу) говорил как раз об этом: «Тот, кто не научился *видеть* на земле, ничего не увидит и *по ту сторону*».

Человеческое «Я» извлекает чувство себя из тела, однако когда тело исчезает, непосвященный теряет сознание вплоть до перехода в другую форму обусловленного существования. Сознание может продолжить существование и устоять после смерти только в той мере, в которой в *этом* существовании смогло продвинуться по пути «осознания».

36. Этот мир падает в бездну глубинного океана времени, будучи заражен акулами разложения, болезни и смерти; и тем не менее ничего в нем не будет познано в соответствии с этим знанием⁵⁰.

41. О возлюбленная, смерть убивает человека, пока он думает «Это сделано», «Это не сделано», «Это еще не полностью сделано».

42. Работу на завтра нужно выполнить сегодня, работу на вечер — утром. Смерти безразлична работа — и выполненная, и невыполненная.

46. Даже для богов Брахмы, Вишну, Махеша и прочих проявленных существ настанет день, когда они перестанут существовать. Поэтому работай над освобождением⁵¹.

55. Непривязанность — это освобождение. Всякое зло происходит от привязанности. Поэтому откажись от привязанности и сосредоточься на Реальности — и за этим последует блаженство. Даже [высший] Познавший из-за привязанности обречен на деградацию — что тогда говорить о всего лишь «знающих мало»?⁵²

58. Пока человек в своей жажде удовольствия создает узы для самого себя, стрелы беспокойства будут пронзать его сердце.

⁵⁰ При первом снятии покрывала майи человек испытывает ужасающий опыт: как если бы лунатик в один прекрасный момент пробудился и увидел, что идет по краю пропасти. Мир как бы уходит у него из-под ног, и нет ничего прочного. Это *махакала*, пожирающая сила времени, океан сансары, в который мир низвергается со все увеличивающейся скоростью. Это «воды, которые внушают дрожь» (*фрктòv òðòp*), о которых будет сказано в «Митаристском ритуале» и о которых говорил Абракас в первой главе. Их общим обозначением является выражение «сансарическое сознание».

⁵¹ С инициатической точки зрения «боги» — это силы, которые вновь вступают в обусловленный мир. Длительность их существования может достигать даже космических периодов, но оно не вечно. Поистине бессмертен только освобожденный — он переживет даже великое растворение (*махапалайя*) в тот период, когда все проявление в силу циклических законов будет вновь поглощено.

⁵² «Реальность» в текстах этого рода постоянно является синонимом «состояния сознания», то есть недвойственности.

66. Увы, каждый день его изнуряют чувства — во-ры, поселившиеся в его теле, питающиеся объектами желания и разочаровывающие его в своем постоянном страстном стремлении.

67. Как рыба жаждет пищи приманки, не замечая крючка, так и человек, жаждущий наслаждения, не осознает пытку [которую влечет за собой попадание в руки] Бога преисподней.

69. Спать, спариваться, принимать пищу и другие аналогичные функции общи для всех животных. Только человек способен на Знание. Тот, кто лишен его, — всего лишь скот.

72. Люди поглощены обязанностями своих разнообразных каст или стадий жизни (*ашрама*). Эти глупцы, о Парвати, не ведают высшей Истины и погибнут.

73. Другие, полные своим невежеством, вводят людей в иллюзии, проповедуя соблюдение обрядов и жертвоприношений.

74. Есть и те, кто, удовлетворившись простыми словами и занятые церемониями, растеряны, разрываясь между кучей обрядов, полных призывающих формул.

75. Невежды, которыми играет Твоя *майя*, думают приобрести освобождение, заставляя себя есть один раз в день, постясь и используя другие дисциплины, ослабляющие тело⁵³.

⁵³ Как было сказано выше, данный текст разворачивается в качестве диалога между Шивой и его супругой Парвати. «Супруга» бога олицетворяет, среди прочего, его силу проявления. В тантре высшее божество имеет как раз два аспекта: мужской неизменный (*шива-шакти*) и женский, изменчивый, динамичный (*майя-шакти*). Всякое проявление — это освобождение от цепей женской *майя-шакти* благодаря *шива-шакти*. Различие между состояниями зависимого бытия и бытия освобожденного таково: в первом стихия *майя-шакти* господствует над *шива*, а во втором — наоборот. Бог господствует над своей *майей* (которая здесь означает не «иллюзию», а силу, из которой исходит проявление), а «живое существо» (*джива*), напротив, находится под властью *майи*. Именно в этом смысле Шива говорит, что с глупцами, которые хлопочут, находясь далеко от пути подлинного метафизиче-

76. К какому освобождению могут привести этих глупцов настоящие пытки плоти? О Богиня, возможно ли, чтобы змея была убита, когда разрушили муравейник [который находится только на поверхности ее норы]?

77. Эти лицемеры ради корысти или ради славы строит из себя мудрых и обманывают народ.

78. Избегай тех, кто предан удовольствиям этого мира, кто хвастается, что познал Брахмана, хотя чужд подлинной практике и Брахману. Избегай его так, как избегают негодяев.

86. О Госпожа Кулы, все эти практики могут лишь дурачить человека. Настоящее освобождение дает только реальное постижение Истины.

87. О возлюбленная! *Пашу*, провалившиеся в глубокую яму шести философий (*даршан*), погибают в цепях и не знают того, что является конечной целью жизни⁵⁴.

88. В пустых спорах они барахтаются в сбивающем их с толку океане Вед и других писаний, и, несомые волнами времени, становятся жертвами обитающих там прожорливых животных.

88–89. Тот, кто говорит о познании Вед, Агам и Пуран, но не знает высшей цели, является лжецом. То, что он говорит, похоже на карканье ворон.

90. Высшая Истина находится в одном направлении, а страдание человека — в другом: подлинный смысл писаний один, а они толкуют его иначе.

91–97. Глупец не знает, что Истина находится в Себе: он одержим писаниями. Чисто словесное знание не рассеивает тоску становления. Тьма не рассеется, если просто сказать «лампа».

ского Знания, которое не имеет ничего общего ни со следованием ритуалам, ни с дурно понятым аскетизмом, играет *майя* его супруги.

⁵⁴ Здесь игра слов, частая в тантре, между *паша* и *пашу*. *Паша* означает связь уз, а *пашу* — животное; это термин, относящийся в тантре в общем к каждому существу, находящемуся в подчинении или у инстинктов, или у морально-религиозных норм. *Кауле*, тантрическому посвященному, свойственно освобождение от всех видов уз, от *паша*.

98. Чтение, в результате которого не происходит пробуждение, подобно зору слепца через очки. О Богиня, писания дадут знание Истины только тому, в котором уже есть Знание.

104. О Богиня, как вкусивший нектар и выздоровевший человек брезгует всяким прочим питанием, таким же образом тот, кто познал Брахмана, не имеет потребности ни в каком виде писаний⁵⁵.

105. Освобождение не может быть достигнуто ни при помощи изучения Веды у Учителя, ни при помощи чтения текстов. О обожаемая *вирами*, лишь освобождение может произвести духовную реализацию, и ничего иного⁵⁶.

⁵⁵ В этих отрывках находит свое подтверждение с индийской стороны один из существенных моментов эзотерического учения. Можно читать эзотерические тексты, можно практиковать более сложные дисциплины. Но все это само по себе дает немного. «Высшая истина лежит в одном направлении, людской труд — в другом». Необходимо, чтобы было положено *начало* — только тут вещи, слова и знаки смогут заговорить и в дальнейшем способствовать прояснению внутренней сущности. В данном тексте говорится о методе передачи. Эпитетом Шивы в начале текста служит выражение «господин *кулы*». *Кула* дословно означает благородную семью, но здесь это название организации или ордена, тантрических посвященных, а также их «цепи». Как в теле, в организациях этого рода привлекается и живет *присутствие*, состояние трансцендентного сознания, которому каждый из членов организации (*каула*) участвует и которое он может вызвать. Это состояние может также быть передано, вызвано в других; и более или менее на этой основе нужно понимать эту «Истину», которая «может быть познана только из уст Учителя, а не из десяти миллионов текстов», то «слово» *Гуру*, которое воз-рождает (гі-генста), передает освобождение, создает жизнь — *иницирует*. «Присутствие», несомое некоторыми тантристскими общинами (*кула*), связано с принципом Шивы, а несомое некоторыми другими — с принципом Шакти.

⁵⁶ В тантризме типы *виры* играет значительную роль. *Ви́ра* означает мужа в глубинном смысле, героический тип. Путь тантры называется *ви́ра-марга*, путь героев, и слова *ви́ра* и *каула* (участник инициатической тантрической общины) часто употребляются как синонимы. Так в тантризме подтверждается утверждающее и мужское поведение на инициатическом плане, что побуждает нас часто использовать на этих страницах термин «магия» в переносном смысле.

106. Соблюдение различных обязанностей и поклонение в ашрамах не приводят к освобождению, и даже философия или писания не являются его причиной; его причиной является лишь Знание.

107. Только слово Учителя передает освобождение, а всякое учение [основанное на простой теории] сбивает с пути; только оно — податель жизни, и ее реальность подобно маслу [заставляющего вспыхивать огонь лампы].

108. Недвойственность, возвещенная Шивой, не связана с обрядовостью и трудами, она понимается из уст Учителя, а не из чтения десяти миллионов трактатов (*агам*).

110. Некоторые склоняются к монизму, другие к дуализму: вследствие этого они не знают Мою истину, которая находится за пределами как монизма, так и дуализма.

111. Есть два пути: один ведет к рабству, другой к освобождению. Их принципами являются «это я» и «это не я»; один порабощает, другой — освобождает⁵⁷.

112. Таково действие, которое не ведет к рабству, таково знание, которое ведет к освобождению. Всякое иное действие — лишь одержимость, всякий другой вид знания — лишь упражнение и механическая вещь.

113. Пока продолжает гореть страстное желание, пока ты привязан к становлению, пока чувства не закреплены, как можно говорить о Реальности и Истине?

114. Пока присутствует влечение к действию [направленность на внешний мир], пока ум колеблется между любыми видами решений, пока он не стал неподвижным, как можно говорить о Реальности и Истине?

115. Пока плоть хвалится собой и существует чувство «Я таков» [конечное существо], пока мы не заслужили Учителя, как можно говорить о Реальности и Истине?

⁵⁷ Принцип пути освобождения — «Я — не это». Речь идет об уничтожении не в мыслях, а в глубинном корне жизни, *ахамкара*, то есть очевидности, выраженной фразой «Я — это существо, обусловленное так и этак: каково оно, таков и я». И мы уже указывали на *растождествление* или *отделение* как первую и обязательную операцию *Ars Regia*.

116. Аскетизм, желания, странствования, повторение формул, огненные жертвоприношения, поклонение и подобные вещи, как и трактаты о Ведах, агамах и других текстах, могут быть полезны, лишь пока Реальность и Истина не познаны.

117. Поэтому, о Богиня, тот, кто стремится к освобождению, должен всегда, любыми способами твердо придерживаться Реальности и Истины.

119. О Парвати, к чему много слов? За пределами законов *каулы* нет освобождения. Такова истина, и она не допускает сомнения.

120. Поэтому я говорю тебе, о Богиня, что человек легко освобождается от уз этого страшного скитания посредством прямой передачи Истины от Учителя.

121. (Вот), о Возлюбленная, я кратко рассказал тебе о происхождении живых существ и об их жизни.

АБРАКСАС

ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ КАДУЦЕЙ И ЗЕРКАЛО

Всякое наше учение является иллюзорным, пока оно не переведено в *практику и действие*. Я передам тебе указания о первых операциях на пути, о которых тебе уже известно из того, что было сказано ранее.

Прежде всего ты должен овладеть некоторым промежутком своей жизни или своего дня, чтобы твердо и активно зафиксировать новое качество. Нужно поступать следующим образом.

Внутренне отделись от себя и от всего, что тебя окружает, и придерживайся простой, нейтральной и уравновешенной жизни, без напряжения и крайностей. Уделяй достаточное время сну и будь умерен в еде.

Твое тело станет цельным, спокойным, гармоничным. Твоя душа при помощи твоей силы успокоится, очистится от импульсивности, страсти, беспокойства, после чего зафиксируется и сольется с телом.

Других существ не существует. Их действия, их мысли или мнения не трогают тебя — какими бы они ни были.

Сделай так, чтобы ничто не смогло проникнуть в тебя незаметно: следи за всем тем, что приходит извне и тем, что поднимается из глубин, в которые еще не проникло твое сознание; наблюдая в тишине при помощи интеллекта и бесстрастия, быстро и энергично обуздывая всякое суждение.

Если страсти докучают тебе, не реагируй и не тревожься. Напротив, сознательно веди их к удовлетворению и потом растворяй их.

Прилагай усилия в этом направлении, пока у тебя не получится почувствовать несерьезность, бесполезность и *коварство* всех мыслей — так, что и твой ум малопомалу успокоится и притаится в тишине у твоих ног.

Так ты медленно поставишь на ноги свою силу, подобную господину, который своим взором вызывает молчание, уважение или смущение у находящихся вокруг слуг. Это *наше Золото*: ☉.

Когда все это будет сделано с тонким и постоянным, твердым и мягким искусством; когда уравновешенное и нейтральное состояние в тебе станет непрерывным и естественным — тогда ты почувствуешь, как в тебе образуется такое внутреннее чувство, о котором ранее ты ничего не знал. В этот момент ты испытаешь чувство внутреннего покоя, и этот светлый покой породит чувство духовной и освобожденной радости.

Наблюдай за этим чувством и удерживай его. Когда оно будет усвоено тобой внутренне, при помощи внутреннего действия, о котором нельзя сказать ничего, потому что ты осознаешь его, только *создав* его, пытайся соединить его с телом так, чтобы оно разлилось как тепло в воде, и в итоге из этих двух вещей образовалась *одна вещь*, одно состояние.

Таково *флюидическое* состояние.

Эта операция в нашей Традиции называется *первой экстракцией Меркурия* (или Гермеса ♃) *из Шахты*⁵⁸.

Удерживай со спокойной твердостью свое сознание в этом состоянии. Позже отпусти его на волю, потом вновь призови его несколько раз: изучай его, *узнавай* его, пока не будешь чувствовать его как реальность, которая *ждет* в подсознании, готовая восстать по твоему зову. Когда достигнешь этой точки, будь уверен, что зашел достаточно далеко.

О различных свойствах *флюидического тела* я скажу только в связи с различными операциями. Сейчас я научу тебя первой из них. Знай, что всякая половая связь, господствующая над твоей волей путем желания, парализует ее, делает ее инертной и бессильной — особенно при нервном темпераменте. Знай, что это тело насыщается энергией при вегетарианском режиме⁵⁹, при голодании, и даже от магических ароматов, как это подчеркивает одно из его имен — «тело ароматов», и, в его частном аспекте, «вампирическое тело». Знай, что когда сознание находится в связи с ним, любая неожиданная потеря равновесия или эмоция может причинить вред, даже серьезный, на физическом и психическом уровне. Знай, наконец, что его свойства совершенствуются посредством особой дисциплины. Я дам тебе простейший намек на нее, чтобы ты мог понять смысл инициатического обучения ощущению.

⁵⁸ Или Рудника (ит. *Miniera*) — Прим. перев.

⁵⁹ Существует оккультный закон, согласно которому *любая энергия сущности, которая в ней не действует, превращается в бремя и помеху для любой инициатической операции*. В человеке имеются особые силы, при помощи которых пища поглощается и преобразуется. Далее, при переходе от области минералов к человеческой материя все усложняется. При принятии в пищу овощей вступают в действие те силы, которые не проявляются, если мы питаемся мясом. Растительная пища может вызывать более высокий уровень флюидического присутствия и динамики. Вдобавок мы избегаем опасности некоторых психических инфекций, которые в ином случае могут быть обезврежены лишь применением внутреннего огня в специальной работе по трансмутации, направленной на превращение «ядов» в «жизненные соки». — Прим. гр. «Ур».

Тебе не нужно уничтожать само чувство, но ты должен уничтожить свое смутное присоединение к нему, то есть наслаждение, страстное желание и отвращение, тоску — все это в этом чувстве. Нужно очиститься от этих шлаков, освободиться от уз *сердца*, стать открытым, свободным в чувстве, изгнать страх и мелочность. Как чистая и не бурная вода позволяет проглядывать вещам, лежащим на дне, так переставший отождествляться с чувствами человек встречает их и наблюдает за ними как за вещами внешнего мира. «Как я не *являюсь* пищей, которую ем, таким же образом я не *являюсь* чувствами, которым позволяю свободно звучать в себе — они не *мои*, они не *являются* себе *мною*» — такое свидетельство рождается в тебе.

Лишь когда чувства перестанут быть ловушкой для тебя, лишь когда ты прекратишь сосредотачиваться лишь на удовольствии или страдании — только тогда чувства смогут *говорить с тобой*. Они откроют тебе новый орган чувств за пределами животных органов, — такой же «объективный», несмотря на то, что он обращен к более тонкому аспекту реальности. Это новое чувство вырастается при помощи внутреннего внимания, обращенного к *слуху сердца*: сделай его как можно более тонким. Ты будешь подобен пауку, который тянет все нити своей сети и контролирует все ее вибрации. В твоём центре — центре совершенной чувствительности, очищенной и бесстрашной, открытой всякому звуку — будет находиться господство и спокойная и пытливая ясность.

Это выращивание сердца, которое ты совершишь при помощи «убеждения», при помощи медленного и нежного «огня», вошьет в твое жидкое тело силу сверхчувственного сознания. Она реализует «дистиллированную воду», прозрачную воду, освященную в знаке твоей нейтральности, который повелевает ей: †⁶⁰.

⁶⁰ Католическая церковь сохранила различные символы, поддающиеся эзотерическому толкованию. К примеру, «сердце», которое Иисус «несет в своей руке», увенчанное крестом и окруженное пламенем, достаточно слегка стилизовать, чтобы получился именно † —

Добившись всего этого, попробуй освободить центральную силу ☉ и встретить Змею. Это случится, когда сознание твоего «я» сможет перейти в место флюидического тела и оторвется от животных чувств, и вследствие этого обособится от физического мира.

Для этого используются различные техники. Мелкие методы «медитации» слишком осторожны, и поэтому их ценность невелика: они редко способны вытащить тебя — в реальности, а не в твоей фантазии — из болота ментальных форм и тюрьмы мозга. Обратись к прямым методам. Используй, например, «Зеркало».

Чтобы отделить флюидическое тело, нужно нейтрализовать чувствительность животного тела. Техника «зеркала» воздействует на зрительный нерв и изматывает его до тех пор, пока сила, сконцентрированная во взгляде, не выйдет из физического органа и совершит действие во флюидическом свете⁶¹.

Действуй так. Найди чистую комнату, по возможности за пределами мутной беспокойной атмосферы больших городов, в сельской местности, в месте, где царит тишина и ничего не сможет отвлечь твое внимание. Герметично закрой двери. Благоприятны сухие и ясные ночи. Не надевай одежду, стягивающую тело, и не ешь слишком много, чтобы тело не было отягощено. Зажги немного мирры с открытым окном, после этого — еще меньшую дозу с закрытым окном, и сядь напротив зеркала.

Четко сформулировав свою волю, несколько раз убедительно призови флюидическое состояние, которое усилит медленное и глубокое вдыхание аромата, и крепко свяжи его с чувством себя как «присутствия» и невозму-

алхимический знак, имеющий вышеупомянутое значение. И его «пламя» связано с «пыланием астрального света», которое имеет смысл, весьма отличный от того, каковой ему приписывают набожные люди.

⁶¹ Отметим, что ту же самую цель преследует йогическая техника *пратьяхара*, также состоящая в сосредоточении на определенной части тела или внешнем объекте. — Прим. гр. «Ур».

тимого превосходства, предназначенного повелевать⁶².
Сосредоточься на Зеркале в этом положении.

Зеркало может располагаться в кристалле, то есть в стали, меди, бронзе; в любом случае оно должно быть вогнуто так, чтобы собирать в центральной точке свет лампы, расположенной таким образом, чтобы оператор не видел ее, и все, за исключением зеркала, оставалось в полутьме⁶³. Итак, сосредоточься на этой точке, не меняя взгляда, пока не перестанешь видеть ничего другого. Упорствуй. Изменения произойдут в черной точке. Она расширится в синеватое пятно, которое позже станет сиянием — сначала неясным, а потом бело-молочным. Еще один шаг, и из этой близны произойдет стремительное распространение освещенной ясности: свобода-свежесть-свет.

Это порог сверхчувственного, первый контакт с «астральным светом», где ядро психики в принципе перестают отягощать условия воплощения существ, находящихся на дне «Вод».

Я сказал: *сосредоточься*. Это всё и это ничто. Это слово, которое содержит долгую проверку, неопределенный путь, составленный из тайного искусства усердного, тонкого, осмотрительного отмеривания, сочетания и уравновешивания активного и пассивного, чувственного и решительного элементов души. Я мало чем могу помочь тебе. Ты должен сам открыть путь и вступить на него.

Твое внимание не должно подразумевать усилия, явной воли — оно подобно тому, как если бы ты сам нежно погружался в сон (как огонь под пеплом). Сосредоточься, а потом оставь его, старайся больше не думать о нем, позабыть о нем. Взгляд — это исходная точка, но в реальности в этой операции будет задействована вся твоя

⁶² Это происходит еще более непринужденно и непосредственно, если присутствует *перенос ощущения себя в сердце*, о котором сказано в предыдущей главе. — *Прим. гр. «Ур»*.

⁶³ Различные полезные технические подробности построения и использования магических зеркал можно найти в книге П. Б. Рэндольфа «Половая магия» (P. B. Randolph, *Magia sexualis*, Paris, 1952, pp. 133–215).

душа. Сосредоточение взгляда — это только средство для сосредоточения всего себя.

Усиливай эту отстраненность, *возлюбив* ее, нисходя до ее и смягчая ее нежной настойчивостью, пока она не станет *непрерывной*, пока она не прекратит попытки избавиться от тебя, когда ты проникнешь еще глубже. С другой стороны, ты должен твердо и стойко, находясь в тонком присутствии, держаться себя самого — себя как *простой* точки, которая не поддается страху, которая умеет сохранить себя и в этом сохранении не мешает направлению отстраненности, управляя ей, *ускользая* и *освобождаясь* и при переходе не растворяясь, но восставая как внезапный опыт еще большей ясности, простоты и твердости. Здесь входит в действие первая конъюнкция Сульфура и Меркурия, Луны и Солнца: познай эту работу как первое *приготовление Кадуцея Гермеса*.

Препятствия — помимо тех, что вмешаются в уже созданную связь — заключаются в чрезмерной или несбалансированной дозировке меркуриального и сульфурного компонентов. Я уже говорил относительно приготовления, что оно должно сделать телесную природу умиротворенной, гибкой, гармоничной и подвластной тебе. Теперь ты должен нежно взять ее и направить на операцию так, чтобы она практически не осознавала этого. Если ты будешь нетерпелив и неловок и применишь излишнюю силу, телесная природа отреагирует на это и освободится от тебя — ты будешь незамедлительно отброшен к исходной точке. Этих инстинктивных реакций в самом начале нельзя избежать, но они не должны обескураживать тебя: пробуй вновь, с новым духом, в то же самое время, с тонкой настойчивостью, подобно «волне, которая всегда возвращается и, в конце концов, точит даже железо», как говорил Элифас Леви.

За смятением духа, еще недостаточно укрепленного, последуют реакции и инстинктивные страхи твоего тела. Ты почувствуешь нечто наподобие обморока — как будто обрушивается удар, от которого ты содрогнешься и

на который ты мгновенноотреагируешь — и вновь окажешься в начале пути⁶⁴. Путь будет оставаться закрытым до тех пор, пока ты не пробудишь в себе еще более быструю готовность, при помощи которой ты молниеносно остановишь реакцию раньше, чем она сможет вмешаться и воспрепятствовать флюидической отстраненности.

Противоположный изъян состоит в возможности *уйти в отстраненность*, которая растворяет присутствие в тебе самом. Это означает падение из мира магов в мир медиумов и визионеров, из мира сверхчувственного в мир подчувственного. Центр медиума растворяется, а сознание сползает вниз, погружается в тело, превращаясь в сознание этого последнего. Медиум всецело зависит от тела, и то, что он ощущает — это не что иное, как проявления и «проекции» смутных устремлений и стихийных сил, заключенных в его организме. Знаком подобного искажения и неудачи операции служит чувство *смертельной усталости*, которая овладеет тобой, как только ты вернешься в нормальное состояние, поскольку твоей силой питаются другие.

Задача «приготовления», обозначенная в начале нашего эссе, состоит в создании еще более решительного превосходства интеллектуального центра над периферийной чувственностью в контакте с внешним миром, и, таким образом, над органическими и подсознательными элементами вообще. Это превосходство ведет к уже упомянутому состоянию ☺, в котором разум соединяется сам

⁶⁴ Читатель должен обратить внимание на аналогию с теми *внезапными вздрагиваниями*, каковые часто без видимой причины возникают в момент засыпания: на самом деле во время сна происходит естественное, произвольное, бессознательное отделение флюидического тела, сопровождаемое состоянием пассивности Я перед лицом тех сил, которым оно обязано своей жизнью и которые занимают свое место во время сна. Тем, кто *понимает*, эта аналогия уже может дать указания относительно второго метода. Мы можем напомнить, что в предыдущей главе Майринк точно замечает, что весь секрет состоит в *познании «формы» собственного Я, собственной «кожи», пока спишь*, или, точнее, в момент засыпания. — Прим. гр. «Ур».

с собой и реализует опыт независимости, существования и превосходства по отношению ко всему тому, что имеет телесный и животный характер. Когда в твоём сосредоточении возникает непрерывность и, неустрашимо усиленная внутри, приходит отстраненность флюидического тела — твоё основание исчезает, и ты должен оставаться абсолютно твердым в этом чистом, нематериальном, внецеребральном состоянии разума и «Я». Если ты не сможешь ему соответствовать, возникнет медиумическое и сомнамбулическое состояние, в котором освобожденное флюидическое тело, лишённое своего ядра, превратится в пассивное орудие низшего мира.

Если же ты, наоборот, преобладаешь нейтральную точку, то осуществишь *«Возрождение в разуме»* в *«Магнетизм Мудрецов»*. Иными словами, из золотого ядра твоего собранного, сосредоточенного и единого (= \odot) разума *вырвется интеллектуальный свет*, в котором ты обретешь новое, могущественное, преображенное ощущение Я. Ты увидишь. Ты будешь пробужден.

Филалет говорит (*Introitus*, гл. I и XIII): «Благодаря нашему золоту (\odot = Солнце, являющееся пробужденным ядром, возникшим посредством приготовления) происходит то же самое (что и благодаря семени): вначале оно мертво, или, точнее, его живительное качество скрыто под толстой кожурой его тела... Как только оно омыто нашей Водой (т. е. ♀, флюидической), оно возрождается, вновь обретает жизнь и превращается в Золото Философов... Фиксированное = \odot становится летучим, чтобы однажды унаследовать более благородное качество, которое затем послужит, чтобы зафиксировать летучее».

Итак, при помощи этого опыта твоё «Я» оставляет свой животный носитель, раба «вод», и облекается флюидическим телом (или «телом воздуха»), чтобы стать инструментом действия, при помощи которого, а также благодаря соответствующим устремлениям, оно способно осуществлять разнообразные и волшебные деяния. И когда из-за возвращения в животное тело ты столкнешься с

трудностями, помни, что средство от этого состоит в том, чтобы призвать образ и *возжелать* его.

Для мага проблемой в одном или другом случае является избежание атмосферы порабощенности и опьянения — «души земли»; вход в сознательный контакт с потусторонним миром и активное действие в нем, управление соответствующими реакциями и результатами в реальной жизни. Его дух — как говорит Креммерц — подобен пламени, которое то вздымается, то ниспадает: он способен подняться к поверхности потока «вод», где, освященный «воздухом», он фактически обретает возможность повелевать всеми сущностями, что зависят от этого потока, который ныне предстает как сам «астральный Свет»⁶⁵.

Я дал тебе путь. Попытайся осуществить то, о чем я сказал, прежде чем думать о других операциях. Не считай, что эта задача легка и свободна от опасностей, и не ожидай ничего от первоначальных попыток. Если ты будешь упорен, если останешься господином над своими сомнениями, тебе удастся это предприятие. Дерзай и *храни молчание*.

Воля человека, который *знает*, чего он хочет, является величайшей силой. Следовательно, определись с целью и никогда ее не меняй. Начав единожды, не останавливайся без точно определенной причины, ибо, как я уже говорил, путь Магии не знает «белых пятен»: подумай об этом, прежде чем вступить на него.

⁶⁵ Помимо прочего, благодаря этим учениям нам открывается смысл символа «птиць», — животного, «живущего в воздухе», и «рыбы», — животного, свободнодвигающегося в «воде».

ЛЮЧЕ
OPUS MAGICUM:
«СЛОВА МОГУЩЕСТВА» И КЛЕЙМА СУЩНОСТЕЙ

Все занимающиеся Магией — из простого любопытства, или из искреннего стремления к знанию, или же из желания овладеть чудесными *способностями* — весьма удивляются, встречая в каком-либо ритуале формулы, содержащие слова, кажущиеся совершенно непонятными, а также знаки, геометрические или нет, называемые «печатами» или «сигиллами» «духов», которые рекомендуются к использованию без каких-либо обоснований.

Я уже кратко упоминал об этом в другом месте, указав на некоторые важные детали, когда описывал магические травы⁶⁶.

Прежде всего стоит отметить, что почти все слова, используемые в ритуалах, являются настоящими *nomina barbara*⁶⁷, то есть словами из других языков — латыни, греческого, древнееврейского, халдейского, египетского, — сначала неправильно транскрибированными, а затем искаженными безграмотными переписчиками и такими же *авторами*⁶⁸. Следовательно, чтобы узнать точное значение этих

⁶⁶ См. журнал *Ignis* за 1925 г., стр. 338–339. — *Прим. гр. «Ур».*

⁶⁷ *Здесь:* «варварские имена» (лат). — *Прим. перев.*

⁶⁸ Классическим примером общепринятого невежества может служить ошибка, обнаруживаемая в Евангелии от Матфея (27: 46) и в Евангелии от Марка (15: 34), где последние слова Иисуса даны как «Eli, Eli, lamma sabacthani?» (Марк дает вариант *Eloi*, возможно, из-за того, что в греческом дифтонг *oi* произносился как «и»). За почти двадцать столетий никто не обратил внимания, что слова *sabacthani* не существует ни в одном из живых или мертвых языков. Это многое говорит о великой мудрости тех, кто транскрибировал арамейское *nasavtani* в практически идентичной фразе, встречающейся в Псалмах Давида (21: 2): A.L.I. A.L.I. L.M.H. 'S.V.T.N.I., означающей: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил?». Всех, кто хочет узнать о фантазиях вокруг «имени Иисуса», мы отсылаем к исследованию С. Савини в журнале *Ignis* за 1925 г., стр. 144 и далее. [Savino Savini, *Il Nome di Gesù — De nomine I. H. SC. V. in Martinistas, Ignis, 1925, № № 4–5.* — *Прим. перев.*]

слов, достаточно привести их к оригинальному написанию, которое почти всегда указывает на некоторые свойства высшей сущности. Например, всюду пишут *Eye Seraye*, но лучше использовать *Eièh ascèr Eièh* — одно из «божественных имен» из книги Исхода (гл. 3, стих 14), где сам Бог из горящего куста отвечает вопрошающему Моисею, называя себя:

A.H.I.H. À. SC. R. A.H.I.H.

Согласно одному из многочисленных толкований это означает «Аз есмь Тот, кто есть».

В других случаях, следуя совету Тритемия, уместно использовать для транскрипции халдейский алфавит, ибо в ряде случаев эти слова обладают смыслом на этом языке, использовавшемся жрецами народа, принадлежавшего к первым и главным хранителям Средиземноморской традиции. Кроме того, в текстах встречаются слова, которым, как бы нам ни хотелось, нельзя приписать никакое из возможных значений — они состоят только из гласных или согласных, либо из таких их сочетаний, которые с филологической точки зрения невозможно ни интерпретировать, ни вывести из известных слов. Это и есть настоящие «*слова могущества*».

Слова могущества, как их называли в Египте, по-разному именовались разными народами, школами и орденами, которые их использовали. К примеру, греки пользовались термином ἄσμη ὀνόματα, который, во-первых, может указывать, что подобные имена непонятны и неясны, а также, согласно другим значениям, что они неизвестны и неведомы для непосвященных — то есть, также возможно, что они являются именами без знака — иными словами, именами, чье глубинное звучание можно воспроизвести или воспринять только в просветлении духа, свободного от всяких телесных уз. Во всех формах Традиции, дошедших до наших дней, встречаются

ся их следы — это *магические звуки* или *nomina arcana*⁶⁹, а также *voces mysticae*⁷⁰ или *мистические слоги* — так называли в первую очередь сочетания гласных. Греки называли их «причинными словами» (λόγοι σπερματιχοί)⁷¹, а в индийской традиции они известны как *биджа-мантра* или «естественные имена» — в том смысле, что они принадлежат к изначальному и совершенному языку, который отражает взаимосвязь между именем, содержащим суть вещи, и самой обозначаемой вещью.

Несмотря на то, что осознание слов могущества происходит на практическом уровне, где лучше оставаться свободным от всех теорий или предположений, я вкратце опишу доктринальную сторону дела.

В высочайшем могуществе Слово реализуется в полноте и совершенстве, ибо содержит в себе принцип всякого проявления, и осуществляется в нем посредством прямого соответствия между реализующей волей и реализованным существом.

Слово является средством реализации и может быть доступно для человеческого восприятия, будучи приведенно в звуковой диапазон, слышимый человеческим ухом.

На то, что *слово* является подобным средством, указывают законы аналогии: при наблюдении любого явления мы обнаружим, что оно рождается в силовом центре, который *распространяет* свою энергию *волнами* с определенной частотой и масштабом. Эти волны можно воспринимать как *звук*.

Также по аналогии можно интуитивно понять закон формирования клейм сущностей, вспомнив графики, полученные Лиссажу⁷² при использовании камертонов, а

⁶⁹ Здесь: «тайные имена» (лат.). — Прим. перев.

⁷⁰ Здесь: «тайные звуки» (лат.). — Прим. перев.

⁷¹ Λογοι σπερματιχοι (греч.) — дословно: «сперматический логос». — Прим. перев.

⁷² Жюль Антуан Лиссажу (Jules Antoine Lissajous, 1822–1880) — французский математик, изобретатель гармонографа — устройства, использовавшегося для визуализации и графического изображения природных процессов и явлений. — Прим. перев.

также странные фигуры, которые Хладни⁷³ получил, заставив вибрировать тонкие пластины, покрытые слоем мельчайшего песка.

Таким образом, слово — это не только звук, но и форма. Поэтому всякой сущности соответствует имя и клеймо, или *подпись* (сигнатура), присущая только ей и никому другому.

Традиционные элементы этой доктрины сохранились в «Сефер-Йецира» — классическом каббалистическом тексте, где понятие звука связывается с понятием сияния, а *nomina arcana* и *signatura rerum*⁷⁴ называются именами или буквами света.

* * *

Погрузитесь в «Безмолвие» (см. гл. I) и, достигнув его, попытайтесь ощутить собственное тело, а в особенности ваши способности воображения как функции сами по себе, отделенные от всего, что составляет глубинную реальность существа, но не как свободные, а, напротив, как полностью вам подвластные.

Это действие духа следует довести до такого совершенства, что его достижение не должно ни в малейшей степени мешать состоянию «безмолвия» и, следовательно, заставляя дух вернуться к более обычному, более телесному уровню сознания.

На этой первой стадии двигайтесь постепенно, сперва исследуя свое физическое тело, затем разум как мысль, затем воображение, являющееся высочайшей и непознанной способностью создания образов, которая крайне важна в магической практике.

Очевидно, что то, о чем я говорю, не может и не должно быть опробовано тем, кто не достиг абсолютного

⁷³ Эрнст Флоренц Фридрих Хладни (Ernest Florenz Friedrich Chladni, 1756–1827) — немецкий физик, пионер изучения акустики. — Прим. перев.

⁷⁴ Здесь: «клейма вещей» (лат.). — Прим. перев.

совершенства в ранее описанном ритуале, и на то есть две причины: во-первых, *вы не получите никаких результатов*, кроме бесполезной траты времени и, возможно, психического шока, а во-вторых, в случае недостаточной проработки предыдущей операции на нее могут наложиться некоторые элементы, действие которых препятствует выполнению данной стадии — возможно, навсегда. Таким образом, необходимо достичь совершенства в ранее описанном ритуале, прежде чем приступать к первой фазе этого ритуала, который, в свою очередь, требует значительной настойчивости для овладения им.

Во время второй фазы, поскольку вы уже способны *проживать* собственное воображение как послушный инструмент, создайте образ любого существа, *возьмите* его и *погрузите* в дух. Тогда вы услышите звук, который не позволено слышать уху никого из *смертных* — это тайное имя Сущности. В то же самое время без помощи глаз вы «увидите» легкий светящийся след там, где *разместилось* существо — это его *клеймо*.

Сделав это, *растворите* образ и поднимитесь из «безмолвия».

Так можно поступать с бесконечным множеством вещей.

* * *

В операциях церемониальной магии подобные результаты могут быть достигнуты посредством соответствующего «сгущения» спроецированной формы и инвокацией высших *разумов* при помощи подходящих для этой цели формул. В этом случае тайное имя может начать вибрировать столь интенсивно, что его услышат даже ассистенты; клеймо же проявится в начертании ярких огненных линий.

ПЬЕТРО НЕГРИ
ПОЗНАНИЕ СИМВОЛА

Согласно Данте (*Пир*, II, 1), «писания могут быть поняты и должны толковаться в четырех смыслах»: *буквальном, аллегорическом* (который, как говорит Данте, является «истиной, скрытой под прекрасной ложью»), *моральном и анагогическом*. Этот анагогический смысл является «духовным объяснением писания; он остается [истинным] также и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе»; иначе говоря, это тайный смысл текста, который, даже в своем буквальном смысле, затрагивает темы духовного порядка; и нужно четко отделять его от аллегорического и от морального, которые по сравнению с ним, по крайней мере с духовной точки зрения, имеют во многом второстепенную важность. Кстати говоря, анагогическую интерпретацию «Божественной комедии» еще только предстоит осуществить.

Данте называл этот анагогический смысл *сверхсмыслом* (*sovra senso*). «Анагогия» (*ἀν-αγωγή*) — это действительно ведение или несение вверх, поднятие; и как технический морской термин это слово обозначает поднятие якоря и отчаливание. В метафорическом смысле в приложении к духовным темам анагогия означает духовное восхождение, отрыв от *земли*, и в символизме «мореплавателей» указывает на отчаливание от той «земли», с которой постоянно связаны люди, от *твердой земли* (как им кажется), чтобы поднять паруса для лучших вод, снарядив корабль для открытого моря.

Данте говорил о писаниях «поэтов»; но разделение на четыре смысла можно, без сомнения, приложить также к священным и инициатическим текстам и ко всякому иному способу выражения и изображения фактов и духовных учений. Таким образом, согласно такому различию высший смысл, *сверхсмысл* во всяком виде символизма будет анагогическим смыслом. Полное понимание

символов будет состоять в восприятии скрытого в них анагогического смысла; и, анагогически понятые и использованные, они смогут также внести свой вклад в духовное возвышение. В этом смысле символам приписывается анагогическое *достоинство* (*virtu*).

Естественно, не все символы наделяются таким качеством. Действительно, символами в более широком смысле слова называются простые сокращения или буквы, имеющие исключительную или почти исключительную ценность изображения. Таким образом, символы математики и химии не обладают, по крайней мере как таковые, подобным анагогическим качеством; и в этих областях можно приписать одинаковый смысл весьма разным символам: например, операция алгебраического умножения может с равным успехом использовать обычный символ крестика или точки. Но слово «символ», взятое в своем наиболее подходящем значении, имеет гораздо более точный и сложный смысл, что легко увидеть из того же этимологического анализа.

В греческом языке слово $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\omicron\lambda\eta$ обозначает действие по объединению, собирание вместе, а родственное слово $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon$ указывает на согласие и отсюда *знак*, *признак*. Оба этих слова состоят из двух элементов: первый, префикс $\sigma\upsilon\nu$ (в латыни *sim*), указывает просто на объединение, а второй обозначает и уточняет характер этого объединения. Слова $\beta\omicron\lambda\eta$ и $\beta\omicron\lambda\omicron\varsigma$ означают бросок; они связаны с глаголом $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ — «бросать», «кидать», «поражать». Следовательно, глагол $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ («собираю») и отсюда совершенно аналогичное ему слово $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\omicron\lambda\omicron\nu$ («символ») обозначают *действие* объединения, в то время как синтез ($\sigma\upsilon\nu\text{-}\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$, на латыни *compositio*) означает *результат* этого действия, свершившийся факт. Динамическому характеру символа противостоит статический и имманентный характер синтеза. Что касается следствия действия глагола $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ («собираю»), оно противоположно глаголу $\delta\iota\alpha\text{-}\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ («разъединяю», «пересекаю», «сопротивляюсь»); соответственно, $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon$ — это противоположность

«дьявола» (διά-βολος, «пересекающий», «противник»); и здесь напрашивается приписывание динамических и магических качеств символам, предназначенным для победы дьявольских козней и враждебности. И как символ ведет к синтезу, его противоположность, «дьявол», таким же образом ведет к противоположности синтеза, то есть анализу (ἀνάλυσις), который на самом деле является растворением, распадом, разложением, смертью.

Таким образом, динамическое качество символов в некотором роде противостоит всякому анализу и является инструментом и средством достижения синтеза. И как в дискурсивном сознании приходят к некоему положению *при помощи понятий*, логическим путем, исходя из гипотез, так в инициатическом *эндогенезе* можно прийти к синтезу, пользуясь динамическим качеством символа, магическим путем, исходя из начального человеческого состояния. Таким образом, эти простые этимологические соображения уже позволяют увидеть, как в высшем сознании символы играют роль, соответствующую роли понятий в дискурсивном мышлении. Соответствие между символами (σύμβολοι) с одной стороны и понятиями (*con-ceptus, concipio*) и силлогизмами (συν-λογίζονται, *com-puto*) с другой имеет абсолютный характер: силлогизм в логике собирает при помощи слова (λόγος) и мысли (из *pondus = peso*, груз, вес; *repensare, думать = pesare*, взвешивать) и дискурсивно ведет к обдумыванию, к измерению (*mensura*, от *mens* — разум, связанного с *mensis*, месяц, и отсюда с *луной*, которая не дает света сама, но отражает, *рефлексия*); символ в магической науке или науке чистой и очищенной Магами (персидское *majidan*, очищающий посредством *огня*) действует при помощи *βολή*, излучения, проецирования, сверкания. *Слову* логики в магии соответствует операция, *действие*; философской речи — *деяние*, «Великое Делание» герметической и масонской традиции.

По характеру своего формирования символ отличается от эмблемы, знака, параболы, метафоры и аллегории и несет высший смысл.

Эмблема (из ἐν-βάλλω, «бросать внутрь») и знак имеют скорее характер представления, нежели познавательный и духовный характер, а парабола, метафора и аллегория обладают характером символа лишь частично. В аллегории (ἄλλο-ἄγορεύω, «иначе-говорю») вместо того, что на самом деле подразумевается, говорится иное; буквальный смысл слова — «красивая ложь», ибо подлинный смысл — иной, вероятно, противоположный буквальному. В символе нет ни контраста, ни подлинной разницы между тем, что кажется с первого взгляда и тем, что обозначается; более того, символ и его значение или значения состоят обычно в отношениях гармонии, аналогии и соответствия, и речь идет не о том, чтобы, как в случае с аллегорией, воспринять подлинный смысл, при этом не обманываясь видимым смыслом, который неважен — а о том (насколько это касается простого понимания), чтобы подняться от очевидного значения к тайным значениям так, чтобы осознать *полное* значение символа, дополняя начальный смысл, а не отрицая его. Кроме того, аллегория всегда выражается словами, в то время как это ограничение неприменимо к символам, поскольку существуют различные виды символов, а не только вербальные.

Не обладает ценностью символа и парабола. Она (παραβολή, παρα-βάλλω = «размещаю одно рядом с другим») является лишь простым сопоставлением, сравнением, подобием. Параболы не могут уводить за пределы сопоставления; и известный успех использовавших их Менения Агриппы⁷⁵ и Иисуса демонстрирует, что они прекрасно подходят для толпы и престоляродья. Что касает-

⁷⁵ Агриппа Менений Ланат (Agrippa Menenius Lanatus, ум. 493 до н. э.) — римский политический деятель, консул. — *Прим. перев.*

ся метафоры и тропа, оба этих термина более уместны для использования в риторике: мы увидим, что они также относятся к словесным выражениям и обычно указывают, что нужно произвести перенос значения слов или фраз, использованных метафорически, от конкретного к абстрактному. Метафора (латинское *trans-latum*, переносный) является лишь переносом (μετα-φέρω, на латыни *trans-fero*), перемещением.

Таким образом, аллегория, параболa и метафора не являются собственно символами: это способы выражения, которые могут быть и часто бывают связаны с символами, и в этом случае черты этой темы, то есть символа, встречаются, по крайней мере отчасти, также и в данных словесных выражениях. В таком случае на основе символа или сочетания символов или особого символизма строится целый аллегорический язык, а иногда даже разбивается тайный и условный жаргон.

У нас уже был случай сказать, что существуют разнообразнейшие виды символов. На самом деле всякая вещь может послужить основой для символа; но, естественно, здесь есть свои критерии отбора или определения. Так, существует числовой символизм, где целые числа (абстракции сами по себе) составляют символы, и из их степеней (δυνάμεις), их остатков или корней (πυθμήν), их простых соотношений и свойств символически создаются аналогические качества — этот символизм в особой мере использовался пифагорейцами, а позже каббалистами и вольными каменщиками. Существует символизм букв алфавита, очевидным образом связанный с численным символизмом — он лежит в основе каббалистической традиции. С этими видами символизма, и особенно первым из них, связан геометрический символизм платоников и неоплатоников; с численным и геометрическим символизмом связан символизм всех священных наук и искусств, в которых задействованы взаимосвязи, пропорции, ритм и гармония — таких, как архитектура, песни, музыка, танец, поэзия, живопись (в сочетании с символизмом цветов и

прочего). В свою очередь геральдика и эмблематика использует их ответвления и приложения в социальной и политической области. Из области физических явлений заимствована основа полярного, солнечного, метеорологического символизма и герметического символизма трансмутации; из области биологических явлений — символизм ферментации, путрефакции и герминации семени растения, половой символизм, символизм метаморфоз и воскресения, а также символизм пищи и питья духа и бессмертия (индийская *сома*, маздеистская *хаома*, индийская *амрита*, греческие нектар и амброзия, архаичная латинская *anna peremna*, иудейско-христианские «хлеб» и «вино»). Из различных форм человеческой деятельности вырос царский символизм (королевский дворец Филалета, царское или королевское искусство неоплатоников и масонов, царский путь, царская вода, царская свадьба герметиков), символизм войны, особенно «священной войны» («Бхагавадгита»), пастушеский символизм (в «Поймандре» и в Евангелии), символизм возделывания «земли» или земледелия, «мореплавания» (Гомер, Вергилий, Данте), символизм основания храмов и городов и символизм «строительства» в общем (отсюда титул понтифика — высшего римского священнослужителя) и «сооружения», который является фундаментом традиционного символизма каменщиков и естественно связывается с архитектурным символизмом (отсюда Великий Архитектор Вселенной); символизм охраны священных объектов, храмов и земель (рыцари Грааля и тамплиеры). И, наконец, служить основой символизма и представлять для него ценность могут индивидуальные и коллективные истории и легенды (Троянская война, подвиги Геракла, экспедиция аргонатов, жизнь Иисуса). Мифы (*μῦθος* = сказанное, *tra-ditio*) и сказки (*fabula*, говорить, разговаривать) являются рассказами и ничем иным; мифология — это повествование об истории Богов и героев. Мифы не являются символами, но могут обладать символическим характером и служить основой некоторого символизма: так, языческая мифология предоставила много-

численные символы герметикам (Михаэль Майер, Пернети). Это наше перечисление не является ли подробным, ни полным, но его будет достаточно, чтобы дать читателю представление о широте и разнообразии символизма.

* * *

По очевидным причинам словесное выражение, даже в своих различных иносказательных формах, не может состязаться с жизненной, синтетической природой символов. Символ превосходит слово, и, даже если ограничиваться его рассмотрением исключительно как средства выражения и сообщения фактов и учений, он обладает еще одним преимуществом над языком: слова изменяются во времени и пространстве, подвержены порче и разнообразию как в своих формах, так и в значениях, и не могут достичь стабильности и универсальности символа.

Тем не менее, и слово, и символ обладают по меньшей мере одной фундаментальной чертой — это их метафорическая природа, связывающая конкретную ценность с абстрактным значением. Они оба предполагают признание универсального единства, соответствия и аналогии, и поэтому безоговорочно допускают и человеческое «подобие». Мы говорим «подобие», а не «тождество» или «эквивалентность»; иными словами, мы допускаем, что существа и, в частности, люди похожи между собой с внутренней точки зрения примерно так же, как с внешней точки зрения, и что чувства и внутренние органы разных индивидов подобны между собой и эквивалентны приблизительно так же, как чувства и физические органы. Если мы допускаем это, то наш внутренний опыт обладает характером, превосходящим нашу индивидуальность, и может быть выражен в словах и символах, понятных для тех, кто имеет аналогичный опыт, и может помочь вызвать его в том, кто его еще не испытал. Это же происходит с обыденным языком для выражения обычного человеческого опыта: когда мы говорим о свете, о зву-

ке, о цвете, мы предполагаем на самом деле не только то, что звук наших слов воспринят тем, кто его услышал, как мы сами способны воспринимать звуки, слышимые нашим ухом, но также что наш опыт, выраженный нашими словами, понят благодаря соответствию подобному опыту, знакомым слушателю.

Итак, в основе символизма, как и в основе метафорического языка, находится универсальная аналогия, и отсюда можно ожидать, что символизм сообразуется с определенной нормой, как переход конкретного смысла слова в абстрактный повинуется нормам семантики. «Изумрудная скрижаль», которую герметическая традиция приписывает Гермесу⁷⁶, начинается как раз с торжественного утверждения этой связи и универсальной аналогии: *Истинно — без всякой лжи, достоверно и в высшей степени истинно: то, что внизу, соответствует тому, что пребывает вверху; и то, что вверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи*⁷⁷.

Аналогия между физическим и метафизическим, между внешним и внутренним; и аналогия между человеком и вселенной. По этой причине человек потенциально является Богом, а микрокосм — макрокосмом. Бог, говорит Библия, создал человека по своему образу и подобию. Связь по аналогии одной вещи с другой делает из всякой вещи естественный символ других вещей, ей соответствующих; отсюда понятие и использование магии

⁷⁶ Текст «Изумрудной скрижали» впервые встречается у Джабира ибн Файяна (Гебера), который говорит, что почерпнул его из работы пифагорейца Аполлония Тианского (см. E. J. Holmyard, *Chemistry in Islam // Scientia*, 1, XI, 1926). Согласно герметической традиции, приводимой Альбертом Великим (*De Alchemia*), «Изумрудная скрижаль» была найден Александром Великим в гробнице Гермеса; а Гермес, в свою очередь, согласно этой традиции, нашел после «потопа» скрижали, которые древние мудрецы и Енох высекли в предвидении потопа, чтобы увековечить традицию. Массонская традиция приписывает находку этих скрижалей Гермесу и Пифагору.

⁷⁷ Перевод К. Богуцкого. — Прим. перев.

signaturae rerum. Сходство между вещью и ее символом, между объектом и его образом может быть прямым и обратным. В первом случае эта связь подобна связи между нотой и ее октавами: от символа к обозначаемой вещи восходят путем анагогической транспозиции. Во втором случае связь подобна связи между объектом и его отображаемым образом, и здесь восходят от символа к вещи, представленной путем отражения и инверсии. При интерпретации символов нужно принимать в расчет этот факт. Впрочем, эти два подобия не обязательно исключают друг друга. Так, солнечный свет, преломляясь и отражаясь в каплях воды, дает начало феномену двух концентрических радуг, в которых цвета радуги расположены в обратном порядке; теория Декарта объясняет формирование внутренней радуги простым отражением светового луча, а внешней концентрической радуги — двойным отражением. Аналогично двойная или повторяющаяся четное количество раз инверсия ведет второй тип символов к типу простой транспозиции; и здесь можно полагать, что в тех символах, где соответствие происходит согласно транспозиции, инверсия символа не происходит просто потому, что повторяется четное число раз. Метеорологический феномен радуги, обязанный собой рассеянию «солнечного» света в «воде», отсюда имеет смысл естественного символа того же процесса универсальной аналогии. И как в языческой мифологии Ирида была вестником Богов, специальной посланницей Юпитера и Юноны, потому что радуга была символом союза неба и земли, таким же образом подобие между процессом анагогической инверсии и процессом инверсии в оптическом отражении по аналогии означает связь, соединяющую небо и землю, дух и материю, внутреннее и внешнее, божественное и человеческое.

Характер аналогии, присущий символу, наделяет его многозначностью и неопределенностью означаемого, что, с одной стороны, составляет его богатство и продуктивность по сравнению с точностью и определенностью слова; с другой стороны, он гораздо сложнее и недоступнее для проникновения и использования. Также в случае слов знание этимологического значения и связей с родственными словами позволяет уловить их скрытый смысл и обнаружить путь к большему знанию, но в случае символа аналогичный процесс имеет весьма иную ширину и глубину. Понимание значения составляет ступень в движении к постижению дальнейших значений в смежных и высших областях; также в этом случае нет необходимости останавливаться в непрерывном преодолении загадки дальнейших корней языка, что неизбежно лежит в основе всякого этимологического анализа.

В силу постоянного созерцания символ в итоге запечатлевается в уме, и посредством своего постоянного присутствия всегда готов вдохновлять его, подсказывать аналогические связи, которые время от времени являются объектом размышления. На основе содержащихся в нем связей по аналогии, независимо от разных идей, в силу своего внутреннего синкретизма символ предоставляет уму элементы для работы — так сказать, оплодотворяет его, наделяя творческой способностью. В этом смысле символы образуют способы движения и действия, факторы эндогенеза, которые побуждают, управляют и ведут к еще не испытанным условиям сознания, и отсюда к реальному, прямому, *выдающемуся*⁷⁸ знанию. Таким образом человек от скрытого и заключенного в знаках значения восходит к сознательному ими обладанию, и обучение, достигнутое при помощи знаков (*insegna-mento*) —

⁷⁸ Игра слов: итальянское слово *insigne* («выдающийся») этимологически восходит к латинскому слову *signum* («знак»). — Прим. перев.

это также обучение фактическое (*in-segnamento*). Более того, здесь интересно констатировать, исторически и филологически, как сам язык прибегает к таким образом созданному слову для обозначения обучения.

Это плодотворное, магическое воздействие символа на ум в абсолютной степени соответствует схожему действию символов в политике и в религии — действию, которое могут констатировать все. Подумайте о волнах энтузиазма, о героических настроениях, которые может вызывать знамя, гимн, национальный или партийный символ у отдельных людей и масс, подумайте о пыле и фанатизме, который может вызвать религиозный символ, и вы поймете, как магия символа может иметь схожую энергию, схожую стимулирующую силу и схожую силу духовного подъема. Однако здесь есть и сущностная разница: в то время как в политике и в религии символ обращается к любви к родине, к привязанности к какой-то точке зрения, к вере и религиозному предрассудку, то есть исключительно к чувству, вызывая его экзальтацию и проявление, в эзотеризме символ *никогда* не обращается к чувству. Он обращается к возвышенной способности ума и духа, к способности понимания и созидания. Чувства, верования, теории, вообще любое чувство причастности и подчинения массе — все это человеческие элементы, и является ошибкой основываться на них или так или иначе их поддерживать, когда речь идет о превосхождении уровня смертных и переходе от человеческого к божественному. Магия, а также все инициатические традиции здесь абсолютно последовательны, заменяя догматизм религиозной и философской веры и многословие, типичное для некоторых наук, символическим учением, то есть духовным процессом, который при помощи символов выражает внутренний опыт и обстоятельства, позволяя прямое восприятие и понимание трансцендентного.

Это магическое использование символов является традиционным в герметизме и в ритуалах некоторых организаций, частично подвергшихся его влиянию. Оно включается в практику *ритуала*, ведущего к осуществлению *Делания*.

Герметическая традиция говорит, что для выполнения Делания с начала до конца достаточно только одного *сосуда*, или максимум двух (кажется, таков случай Фламелья). Этот сосуд, *атанор* «философов», закрыт герметически, то есть согласно герметическому ритуалу (слово-сочетание «герметическое закрытие» осталось для обозначения соответствующей химической операции) таким образом, чтобы было можно действовать *внутри* него после его изоляции от внешней среды. В известном герметическом изречении по этому поводу говорится: *Visita interiora terrae, recificando ivenies occultum lapidem*⁷⁹ (*Aurelia occulta philosophorum* Василия Валентина, *Theatr. Chemic.*, II ed., 1613; но оно встречается также и раньше в немного иной форме). Сосуд, *grasale*, чаша Святого Грааля, поистине является «земным», но «земля», обильные остатки архаического символизма которой встречаются в разных языках, — это человеческое тело; люди (*umani*, от *humus*, «земля») суть земные существа; их тело создано из праха земного (см. этимологию имени Адам⁸⁰), это их местопребывание (нем. *Boden* = земля; англ. *body* — тело, *abode* — местожительство). Посетив внутренность этого сосуда и *ректифицировав* ее (другой технический термин, оставшийся в химии для обозначения соответствующей операции), мы обнаружим *камень философов*.

Кардинал Николай Кузанский (1401–1464) говорил (*Opera*, Basilea, 1563, p. 632), что учитель *нисходит* из

⁷⁹ Посети недра земли и очищением обретешь сокрытый камень (лат.) — *Прим. перев.*

⁸⁰ На иврите имя Адам (אָדָם) однокоренное со словом «адама» (אִמָּה) со значением «земля». — *Прим. перев.*

Иерусалима в суровые горы пустыни, чтобы вытесать камни, перенести их и поместить в святое здание (место для изображения Богов); и что душа, избранная в супруги сыну Божьему, пребывающему в бессмертии, приспособляется к трансформации, *sicut lapides poliuntur* — как отшлифовываются камни, которые должны быть перенесены в здание Иерусалимского храма, где находится изображение Бога. Этот *строительный* символизм Кузанского с точностью соответствует более позднему символизму масонов, в котором рабочие (*fellows*) работают над шлифовкой камня, над его обтесыванием и формированием *кубического* или совершенного камня в *inner chamber*, «срединной комнате». И Данте в начале «Новой жизни» изрекает: «Говорю *истинно*, что дух жизни пребывает в самой тайной комнате сердца». Если сосуд и герметическая земля являются ничем иным, как человеческим организмом, то внутренняя область земли, «сердце» организма, не может быть ничем иным, как сердцем. Это святилище, *крипта* храма, изображаемая у древних храмов как раз *под землей*. И понятно, почему древний французский алхимик, имени которого не сохранилось, объяснял название «Святой Грааль» (*Saint Graal*) при помощи ошибочной, но показательной этимологии из *sang real*, «царская кровь». Впрочем, эта связь сосуда с сердцем восходит к Древнему Египту, так как идеограмма сердца — это сосуд с «маленькими ушками» (*ушами* сердца). Это сближение сердца и *атанора* довольно интересно, если вспомнить о египетском происхождении герметической традиции.

* * *

Мы уже говорили о *спуске* во внутренности земли. Использованный нами таким образом символ до такой степени распространен, что стал незаметен. Мы хорошо знаем, что сознание не является объектом, который находится *внутри* тела; мы знаем, что не существует ни «небесного мира», ни «подземного мира», и что абсурдно мо-

лить Бога, направляя взор к гипотетическому «небу» и натягивать маску умоляющего и набожного нахальства пса, ждущего от хозяина остатков еды (впрочем, не без смутного страха получить пинка). Ощущение провала сознания в его глубинный тайник можно выразить на человеческом языке, только обратившись к аналогичным ощущениям материальной человеческой жизни. Происхождение многих древних и важных символов (если здесь можно вообще говорить о происхождении), и отсюда их интерпретации нужно искать в необходимости *выразить* внутреннее путем аналогии (анalogии, которая *существует*, и которую человеческий разум распознает и использует) между этими ощущениями и ощущениями обычной жизни. В Египте подземный мир, *нетер херт*, жилище мертвых, называется Аменти от слова Амен, которое обозначает *невидимое, тайное*; так греческий Аид таким же образом является *ἀείδις*, невидимым. Нужно спуститься в этот нижний, невидимый мир, освещенный тайным солнцем, *Амен-Ра*, «полуночным солнцем» инициации Исида; и этот спуск должен осуществляться без потери самосознания, без опьянения или ощущения *летальных* эффектов вод Леты — напротив, нужно выпить из свежего источника *Мнемозины*, подательницы бессмертия в орфизме, из вод реки Эвное у Данте. Мнемозина, память, *ri-cordarsi (corda)*⁸¹, которая противостоит Лете и побеждает ее, является *матерью Музы*; соответственно, истина по-гречески — *алетейя*, и ее познание является ничем иным, в платоническом смысле, как *ан-амнезисом*, воспоминанием.

Также и символизм камня, *occultum lapidem*, который очищается изнутри (или *снизу*, и сегодня мы понимаем, почему именно так сказано в некоторых поздних вариантах изречения Василия Валентина) берет свое начало (не хронологически) во внутреннем ощущении; это, по меньшей мере, кажется весьма правдоподобным. В то

⁸¹ См. сказанное о связи воспоминания и сердца в эссе Люче «Orus Magicum: Огонь» (гл. II). — *Прим. перев.*

время как первое и неуверенное ощущение провала в глубинный тайник сознания легкодоступно, то чтобы приблизиться к ощущению «окаменения», в общем требуется долгий период усердной ритуальной практики. В итальянском документе, датированном примерно 1600 г., озаглавленном «Практика философского экстаза» (*La pratica dell'estasi filosofica*), возможно, авторства Кампанеллы, и опубликованном Алессандро д'Анкона вместе с текстами Кампанеллы (Torino, 1854, Vol. I, pag. CCXXIII), сказано, что на определенной стадии практики становишься «неподвижным, как растение или природный камень»; и это подтверждает, как точно это сравнение достижения такого состояния с обнаружением камня. Согласно розенкрейцеру Михаэлю Майеру, философский камень является ничем иным, как камнем, который Кибела заставила проглотить Сатурна, чтобы спасти своего сына Зевса от ненасытности отца; так Зевс смог ускользнуть и стать царем Олимпа. «Черный камень», символ Кибелы, был перенесен в Рим и хранился на Палатине теми же римлянами, которые уже не один век почитали другой «*lapis niger*», находящийся на Форуме, в начале «Священной дороги». Этот камень упал с неба; римляне называли его *abadir*, а греки — *betilo*. Согласно Рене Генону (*Il Re del Mondo*, p. 69, Milano, Fidi, 1927) слово *betilo* — не что иное, как еврейское *Beth-el* = дом Бога. Так Иаков назвал камень, который служил ему подушкой, когда он в своем знаменитом сне увидел дом Бога и дверь в небо; точно так же он назвал город рядом с тем местом, где он увидел свой сон. Интересно заметить, что в книге Бытия уточняется, что первоначальным названием этого города было Луз; но слово *луз* — это еврейское название *неразрушимой* косточки, с которой душа остается связанной после смерти до своего «воскрешения», и в то же время название миндального дерева. Рядом с городом Луз росло миндальное дерево, у корней которого находился вход в подземелье, которое вело в город, также совершенно скрытый. Весь символизм «духовного строительства»,

использованный в Евангелии и типичный для масонства, а также символизм «камня философов» развился из этого фундаментального символа, который нельзя понять и которому нельзя научить, пока не обнаружен «тайный камень».

* * *

Мы уже видели, что речь идет о *lapis niger*; и здесь стоит изложить наблюдения и сближения относительно важности *черного камня* в Древнем Риме, в мусульманской традиции и в традиции *Агартхи*, подземного мира, о котором писали Сент-Ив д'Альвейдр в «Миссии индийцев», Оссендовский в своей знаменитой книге «Звери, люди и боги» и Генон в своей книге «Царь мира». То, что этот тайный камень, который встречается сошедшим в преисподнюю, в «темные царства», находящиеся под «землей», должен быть черным, может указывать просто на последовательность в развитии символизма; но, помня о том, сколько всего может быть связано с пышным цветением символизма, кажется, что этот символ также имеет свое точное соответствие в смысле выражения *черный, чернее черного* из герметической традиции. Не надо забывать, что «тайный камень» — это Камень Философов, а не философский камень, то есть это материя делания, а не материя для совершенного делания; и когда камень найден, ощущение «окаменения» сочетается с ощущением полной черноты.

При достижении этого состояния понимание символа становится реальным; и из него становится ясным смысл следующего символизма, что может таким образом подсказать все, что сейчас нужно сделать, и привести к дальнейшей стадии делания. Впрочем, это отождествление отсылок и определение символов не оставлено одному лишь разуму. По мере продолжения начинает действовать внутренний голос («голос сердца») и внутренний слух («слух сердца»). Так осуществляется, в точности и герметически, передача символизма. Иногда эти голоса отвечают на вопрос, который разум ставит на определен-

ной стадии или при каком-то ощущении, или относительно их; иногда в подходящий момент он вмешивается напрямую и кратко проясняет тайну. Здесь нужно уточнить, что речь не идет ни о «голосе разума», «категорическом императиве» и схожих проявлениях того, что Ницше называл *моралином*, ни о медиумических голосах и феноменах; речь идет о тех внутренних ощущениях, которые люди обычно не удостоивают внимания, потому что оглушены внешним шумом и неспособны почувствовать и различить тонкие внутренние впечатления. Поистине, *oculos habent et non vident, aures habent et non audint*⁸². Этот внутренний голос и этот внутренний слух могут функционировать в состоянии бодрствования, во сне, а также в различных стадиях сознания, которые достигаются в практике *ритуала*. И в то же время при их содействии иногда производятся настоящие, материально ощутимые феномены, способные рассеять всякий возможный скептицизм. Часто эти феномены обладают также явным символическим характером, и иногда демонстрируют несравнимые красоту и благородство. Можно было бы сказать о них кое-что; но мы коснулись этой темы только чтобы упомянуть о фактах, которые абсолютно невозможно спутать с *мыслями* или галлюцинациями, как можно было бы поверить в случае внутренних голосов и ощущений, а также для указания на расширение символического характера также и в этих проявлениях. Символизм связан и с ними, возвышаясь до некоего рода универсального языка — языка инициатического. Символизм находит свое соответствие и выражение в инициатическом языке посредством знаков, жестов и «универсальных слов», используемых некоторыми организациями, более или менее дочерними по отношению к инициатической традиции.

⁸² Глаза имеют и не увидят, уши имеют и не услышат (лат.). Псалтырь, 113, 13–14. — *Прим. перев.*

ГЛАВА IV

АПАТАНАТИЗМ⁸³. МИТРАИСТСКИЙ РИТУАЛ ИЗ «БОЛЬШОГО ПАРИЖСКОГО МАГИЧЕСКОГО ПАПИРУСА»

*Перевод с греческого Люче
Предисловие и комментарии Эа, Лео, Люче, П. Негри*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Текст, чей первый перевод на итальянский с греческого оригинала мы приводим, сличен с немецкой версией А. Дитериха (A. Dieterich, *Eine Mithrasliturgie*, Leipzig, 1903) и английской версией Дж. С. Р. Мида (G. S. R. Mead, *A Mithraic Ritual*, London a. Benares, 1907); он содержится в Большом парижском магическом папирусе (№ 574 в *Supplément grec de la Bibliothèque Nationale* — см. варианты в лекции Уэсли на стр. 12 и далее (*Jahresbericht des kk. Staatgymnasiums Hernals*, 1899) и N. Novossadsky, *Ad papyrus magicum bibl. Parisinae nat. additiones paleographicae*, Petropoli, 1895).

Здесь представлен *единственный* ритуал древних Мистерий, дошедший до нас полностью — в редакции, сделанной, со всей вероятностью, в начале четвертого века н.э. Традиция, с которой он связан, по своей сути является митраистской, то есть адаптацией древней арио-иранской традиции, которая, как известно, во время упадка Древнего Рима некоторое время оспаривала у христианства право на духовное наследие Запада. В этом тексте элементы митраистской теургии смешаны с элементами, свойственными египетско-гностическим магическим тра-

⁸³ Apathanatismos — становление бессмертным (греч.) — *Прим. перев.*

дициям, особенно в связи с присутствующими в нем многочисленными «именами силы». Это не мешает тому факту, что за пределами всех узких филологических или исторических соображений все они представляет собой некое единство, в котором эти разные элементы дополняют друг друга в практической реализации этого ритуала.

Этот митраистский ритуал имеет особый смысл. Речь идет не о церемонии, в которой принимают участие много человек (отсюда неточность термина «литургия», использованного Дитрихом), но об индивидуальной операции, направленной на трансформацию человеческой природы, глубинную и тайную — по всей видимости, человека, уже прошедшего через более низкие ступени посвящения. Характер этого ритуала не является ни чисто внутренним, ни магическим в смысле обычной церемониальной магии. Он не является чисто внутренним, потому что, в отличие от пути индийской йоги, и также от пути, с которым связана герметико-алхимическая символика, речь не идет о состояниях и метафизических смыслах, которые нужно понимать *прямо*, в их непроизносимой сути без формы: напротив, эти обозначения даны в качестве инвокационных и ритуальных действий, и *продемонстрированы* в виде магических образов и визуализаций. Тем не менее, сфера церемониальной магии в узком смысле здесь превзойдена, потому что здесь нет связи с явлениями внешнего мира, нет использования ритуала ради какой-то частной цели, но все сходится в цели трансцендентной самореализации. Следовательно, здесь мы встречаем что-то промежуточное: впрочем, это присуще всему тому, что является *теургией*.

Также отметим, что описанные и объясненные в ритуале опыты, видимо, не происходят ни в обычных телесных состояниях, ни вне тела, — они происходят в *особом состоянии флюидического опьянения*, хорошо известного тому, кто работает с магией. В нем обретение контакта с «астральным Светом» и последующее освобождение от чувственных обусловленностей не мешает

поддерживать связь с телом и проводить определенные ритуальные действия. Поэтому в тексте ссылки на различные явления даны вместе с *логосами*, которые обязательно должны произноситься только в уме, и настоящими физическими действиями, такими как закрытие глаз, дыхание, втягивание живота, и т. п. В связи с этим любопытно отметить, что, судя по митраистскому ритуалу, наука о дыхании и особых положениях тела (асанах) не является исключительной прерогативой индийской йоги, но была известна также в древних Мистериях Запада, особенно в Египте — по каковой причине она дошла до нас в иероглифах «*Книги Дыхания*». То же самое можно сказать и в отношении науки и использования «слов силы», соответствующих *мантрам* и *биджам* эзотерической индийской традиции.

Можно реконструировать следующий путь, который митраистский посвященный проходит, следуя Ритуалу.

Прежде всего необходимо оторваться от «закона Вод», от нужды, от ядовитой, нестихающей необходимости, которая обременяет человека, скованного низшей и смертной природой. В первом *логосе* митраистский посвященный (как и орфический) провозглашает свой благородный титул — бытие *Его* сыном, пока смертным, но уже ставшим лучше при помощи «сильной Силы из всех сил» и «непоколебимой Десницей». Он призывает собственную трансцендентную реальность — собственное «*совершенное тело*»; от тленных элементов, составляющих животную природу, инвокация восходит к изначальным, небесным, нетленным элементам. Оператор выдерживает их и продолжает: держится на ногах, фиксирует под собой, в «чистоте», силу собственной души, и переходит к действию, направленному на то, чтобы сила освободилась, а глаза открылись для трансцендентного видения.

После реализации момента «чистоты» при помощи дуновения образуется контакт со стихией воздуха до конца первой «трансформации»: *опыт воздуха* — состояние

бестелесной легкости, *рассеянной духовной чувствительности*, свободной от оков физических чувств.

За опытом воздуха следует опыт ветра, который является принципом, движущим сверхчувственный эфир и позволяющим подняться к причине, к первой иерархии «существ» или «Богов». Здесь посвященный должен выстоять перед лицом сил, стремящихся сбить его с ног, растворить напряжение, определенное его появлением посредством призыва *Безмолвия*, то есть оказываясь в состоянии покоя, глубиннейшем бытии-в-себе. И когда видение проясняется, он продолжает.

«Гром», о котором сказано во втором наставлении, можно считать указанием на проход через одну из так называемых «точек безразличия» (*лайябинду* — согласно соответствующему санскритскому выражению), с последующей внезапной трансформацией состояния. Фактически из второго *логоса* вытекает, что посвященный принимает способ существования, свойственный тем самым Богам конкретной области, и ему открывается циклическое зрелище, в котором он творчески воспринимает звездные сущности, заполняющие эфирное пространство. Опыт завершается видением необъятного «колеса» и закрытых «огненных врат», означающих вселенскую «Необходимость»: невыносимое зрелище, причина обморока, который посвященный пытается победить при помощи великого устремления, содержащегося в третьем *логосе* Ритуала, посредством которого призывается, вызывается посредством своих «имен» привлеченное и закрепленное состояние, соответствующее «Господину Необходимости», «Огненному Началу» или «Повелителю Колеса».

Отсюда следует дальнейшая трансформация или изменение состояния: «Безмолвие» дает новую силу душе, небесный мир предстает освобожденным, очищенным, более не ограниченным судьбой, но, в тени высшего принципа, прозрачным как мир Бога, что вызывает экзальтацию и экстаз.

Призывание продолжается: сначала определяется опыт нового, «центрального» способа бытия, свойственного этому миру; отсюда следует появление или проявление Бога Солнца. Дальнейший ритуал приводит посвященного к контакту со стихийной космической силой, с изначальной природой того самого κόσμος τῶν θεῶν⁸⁴. Бог Солнца ведет к «полюсу», «центральной» или «основной» точке. Она должна быть «зафиксирована» одновременно с «мычанием», пробуждающим изначальную силу Амона и быка, «силу сил». Это определяет второе открытие «врат» и последующее появление из глубины семеричной иерархии, ощущаемой вначале в своем «женском» аспекте — явном и динамическом, а позже в мужском аспекте — непроявленном, неизменном.

Но и здесь ход ритуала не останавливается. Эта иерархия преодолевается, и посредством уже другого углубления и фиксирования (которое можно сопоставить с прохождением огдоады, о которой говорили гностики) осуществляется сама природа Митры, к которому и относится бычьа, космическая, ведущая и движущая сила всех вещей: посвященный принимает ее и повелевает ей. Сначала становится видно магическое изображение или образ этого высшего начала, а после происходит его непосредственная реализация. При помощи нового «мычания» природа Митры призвана и подчинена, «зафиксирована» посвященным. Он *приказывает* ей стать постоянной в силу совершенства состояния того, кто свободен от необходимости, от рождения и смерти.

Перевод осуществлен по большей части с труда Дитриха. Во многих неясных моментах текста, или там, где в пределах филологической точности возможен и иной перевод, мы старались представить что-то понятное и связное, потому что в этой публикации мы стремились не внести свой вклад в профанную филологию, а пролить свет на феноменологию мистериософского опыта.

⁸⁴ Мир богов (греч.) — *Прим. перев.*

ТЕКСТ

I

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА

Провидение и Удача, будьте милостивы ко мне, пишущему эти Таинства, передаваемые только сыну [которому будет дано] Бессмертие, Посвященному, достойному этой нашей силы — [Тайны], которую великий бог Солнце-Митра приказал, посредством Архангела [его], передать; будьте милостив ко мне, чтобы я один, Орел, достиг неба и узрел все.

II

ПРИЗЫВАЮЩИЙ ЛОГОС

Первое рождение моего рождения: АЕËÏΟΥΟ; начало моего первого начала: ΡΡΡ ΟΟΟ ΡΗΡ; дух духа, первое дыхание во мне: Μ Μ Μ; Огонь, который Бог дал в смеси смесей во мне, [Огонь] первый из огня во мне ËΥËÏΑΑËË; Вода воды во мне, [Вода] первая из вод во мне Ο Ο Ο Α Α Α Ε Ε Ε, земная сущность первая моей земляной сущности Υ Ë Υ Ò Ë, Совершенное Тело мое, такого-то, [сына] такой-то, честной рукой и нетленной десницей созданное в темном и прозрачном мире, бездушном и ставшем одушевленным ΥËÏ ΑΥÏ ΕΥÒËΕ!

Коль вам угодно, [вознесите] мою низшую природу, [еще] удерживаемому, в Бессмертное Рождение, чтобы я за пределами настоящей потребности, которая меня ужасно подчиняет, мог узреть бессмертное Начало в бессмертном духе [в силу] бессмертного Дыхания ANCHRE PHRENESUPHIRINCH, [в силу] бессмертной Воды ERONOYIPARAKOYNETH, в силу Земли и Воздуха ΕÏΟΑËΡSENABÒTH, чтобы я смог переродиться в разуме ΚΡΑΟΧΑΧΡΟ, чтобы задышал во мне Священный Дух ΝΕCΗΤΕΝ ΑΡΟ ΤΟΥ ΝΕCΗΤΗΝΑΡËËΤΗ, чтобы я

увидел Священный Огонь КΥΡΗΕ, чтобы я созерцал бездну Востока, ужасную Воду ΝΥÒ ΤΗΓΩÒ ΕΣΗΟ (ΥΟСНІЕСНÒА, и услышал меня живительный Эфир, разлитый вокруг ΑRΝΟΜΕΤΗΡΗ, поскольку я — рожденный смертным из смертного лона, [но] улучшенный силой величайшей Силы и нетленной Десницей — намереваюсь узреть сегодня бессмертными очами, в вечном духе Эона, Господина Огненных Венцов.

Существующая во мне человеческая душевная сила ненадолго побыла чистой, будучи очищенной священными церемониями, и я вновь обрету ее за пределами моей настоятельной и резкой нужды, подчиняющей меня, [для которой] бесполезна [всякая жалоба]: я, такой-то, которого [родила] такая-то, [этого хочу] по неизменному решению Бога ΕΥÈΥΙΑΕÈΙΑ ÒΕΙΑΝΙΥ ΑΠΕÒ.

[Но] поскольку для меня, рожденного смертным, невозможно восходить вместе со златовидными блестящими лучами бессмертного блеска, [приказываю тебе] ÒÈΥ ΑΕÒ ΕΥΑ ΕÒΕ ΥΑΕ ÒΙΑΕ: будь твердой, о природа смертных, осужденная на гибель, и позволь мне [сделать шаг] за пределы неумолимой и срочной нужды. Ибо я — Сын, я дышу ΜΟΥΠΡΟСНÒ ΡRÒΑ, я ΜΟΥ ΡRÒ, дышащий ΡRÒΕ!

III ПЕРВОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Втягивай из [солнечных] лучей дыхание, три раза столь [глубоко], как сможешь, и увидишь, что ты возносишься все выше, так что покажется, что ты посреди воздуха.

Не услышишь [больше] никого — ни человека, ни [другое] живое существо, и не увидишь никого из земных смертных в это время, но все, что увидишь — бессмертно.

Увидишь также божественное установление того дня и часа, [увидишь] движущихся по кругу Богов, восходящих на небо, а других — нисходящих. И тебе станет ясно шествие видимых Богов через диск отца моего — Бога.

[Увидишь] также и так называемую Флейту, таким же образом, начало Ветра на службе Деяния. Ты на самом деле увидишь как бы флейту, висящую на Диске, в тех частях, где источники [небесные течения и которые дуют из] себя, [как] нескончаемый восточный ветер; [но] если позже увидишь другой [ветер, тогда] в восточных частях, подобным образом в этих частях увидишь [, однако, как бы] противоположное увиденному ранее.

И увидишь ты Богов, пристально на тебя смотрящих и устремляющихся на тебя. Но в этот момент приложи правый палец к устам и скажи:

IV ПЕРВЫЙ ЛОГОС

Безмолвие! Безмолвие! Безмолвие!

*Символ бога живого нетленного, охраня меня, о
Безмолвие NEKTHEIRTHANMELY!*

Затем свистни долгим свистом, затем дунь, говоря:

*PROPROFENGÈ MORIOS PROPHYR PROPHENGE
NEMETHRIE ARPSENTEN TITETMIMEÒYENARTH-
PHYRKERÒPSYRIDA RIÒTYRÈPHILBA!*

И тогда увидишь, что Боги благожелательно на тебя глядят и больше не устремляются на тебя, но шествуют к собственному порядку занятий.

V ВТОРОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Итак, когда увидишь, что верхний космос чист и все прояснилось и ни один из богов или ангелов не устремляется [на тебя], жди, когда послышится великий гро-

хот [наподобие] грома, так что ты поразишься. [Но] ты вновь скажи:

VI ВТОРОЙ ЛОГОС

Безмолвие! Безмолвие!

*Я — блуждающая вместе с вами звезда, и из бездны сияющая
ОХУОХЕРТНУТН!*

Как только ты это скажешь, сразу же [солнечный] Диск начнет расширяться.

И после того, как ты прочтешь этот второй логос — то есть два раза «безмолвие» и прочее, — дважды свистни и дважды подуй и сразу же увидишь исходящие от диска многочисленные пятиконечные звезды, наполняющие собой весь воздух.

[Итак,] вновь скажи:

Безмолвие! Безмолвие!

и [так как] диск закроется, ты увидишь необъятное колесо и запертые огненные врата.

Закрыв глаза, [тотчас] быстро читай нижеследующий логос.

VII ТРЕТИЙ ЛОГОС

Прислушайся ко мне, слушай меня, такого-то, [сына] такой-то, о Господин, закрывший в духе огненные засовы Небес! [Ты] двойного тела, [ты] живущий в огне, PENPTERUNI, Создатель света, владетель Ключей SEMESILAM, огнедышащий PSYRINEY, душа Огня IAÖ, дуновение Света AOI, радость Огня AILURE, красота

Света AZAIAIÒNACHBA, [ты] властитель Света PEPPERPREPEMPIPI, огнетель PHMUENIOK, пода-
 тель Света, распространитель Огня AREIEÏCHTA, ис-
 пускающий Огонь GALLABALBA; [ты], имеющий жизнь в
 Свете AIAIÒ [и] сила Огня PYRIKIBOOSÈIA; [ты], дви-
 житель Света SANKERÒB, и вызывающий Молнию
 ÒÈIÒÈIÒ, слава Света BAIEGENNÈTE, возвращающий
 Свет SUSINEPHI, [ты], повелевающий небесным Све-
 том, SUSINEPHI ARENBARAZEI MARMARENTEY, [ты],
 командующий звездами!

Отвори мне, PROPROPHENGE EMETHEIRE MO-
 RIOMOTYREPHILBA! Ибо я призываю из горькой, ост-
 рой, и вынужденной необходимости твои бессмертные
 чтимые живые Имена, еще никогда не снисходившие до
 смертной природы, еще никогда не выразившиеся чле-
 нораздельно человеческим языком, голосом или смертной
 речью!

ÈÒ

ÈÈÒ. OÈÈÒ. IÒÒ. OÈ. ÈÈÒ. ÈÈÒ. O ÈÈÒ.
 IÒÒ. OÈÈÈ. ÒÈÈ. ÒOÈ. IÈ. ÈÒ. OÒ. OÈ
 IEÒ. OÈ. ÒOÈ. IEÒOÈ. IEEÒ. EÈ. IÒ
 OÈ. IOÈ. ÒÈÒ. EOÈ. OEÒ. ÒIÈ. ÒIÈÈÒ
 OI. III. ÈOÈ. ÒÈÚ. ÈÒ. OÈÈ. EÒÈIA.
 AÈAEÈA. ÈEEEÈ. EEÈ. EEÈ. IEÒ. ÈÈÒ.
 OÈÈEOÈ. ÈÈÒ. EYÒ. OÈ. EIÒ. EÒ. OÈ.
 ÒÈ. ÒÈ. EE. OOOYIOÈ

Скажи все это с огнем и духом с начала до конца,
 затем второй раз [и так далее], пока не осознаешь семе-
 рых бессмертных Богов космоса.

Когда это скажешь, услышишь гром и потрясение
 всего того, что [тебя] окружает [и] почувствуешь также
 глубинное потрясение. Еще раз скажи: «безмолвие» [с
 последующим призыванием].

Затем раскрой глаза и увидишь отпертые врата и мир богов, что внутри врат, и от удовольствия и радости от зрелища дух твой соберется и взойдет вверх.

Тогда, твердо, вдохни божественного, внимательно наблюдая в духе.

И когда душа твоя успокоится, скажи:

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛОГОС

Прийди, Господи.

*ARKANDARA PHÒTAZA PYRIPHÒTAZA BYTHIX
ETIMENNEROPHORATHÈNERIÈ
PROTHRIPHORATHI*

Когда это скажешь, поворотятся к тебе солнечные лучи. Ты будешь посреди них.

Когда ты это сделаешь, увидишь Бога юного, прекрасного, огневолового, в белой тунике и алом плаще, с огненным венцом.

Тотчас приветствуй его огненным приветствием:

IX ПЯТЫЙ ЛОГОС

Приветствую, Господин, многосильный, Царь великой власти, величайший из богов; Солнце, Господин неба и земли, Бог Богов, мощно твое дыхание, мощна твоя сила.

О Господин, если тебе угодно, Расскажи обо мне великому Богу, тебя родившему и сотворившему, потому что человек, я, такой-то, [сын] такой-то, рожденный из смертного лона такой-то и порождающего семени и, сегодня это было тобой возрождено; [я] стал бессмертным из мириадом [существ] в этот час по воле Бога, превосходящего благо — прошу поклониться тебе по человеческой силе.

Как только ты это скажешь, Он перейдет на Полюс и ты увидишь, что он шествует как бы по некоему пути. [Тут] внимательно наблюдая за ним, издавай громкое мычание, как будто дуют в рог, используй все дыхание, напрягая [в то же время] ребра, целуй амулеты и говори сначала направо:

X ШЕСТОЙ ЛОГОС

Охрани меня PROSYMÈRI

Сказав это, ты увидишь отпершиеся врата и выходящих из глубины семь Дев в виссоне⁸⁵, с лицами змей. Они называются Господами Доли, золотыми судьями Неба. Видя [все] это, приветствуй [их] так:

Приветствую, семь небесных Богинь Судьбы (οὐρανοῦ Τύχαι), почтенные и благие Девы, священные и живущие вместе с MINIMIRROPHOR, святейшие охранительницы четырех столбов.

Приветствую, первая, KREPSENTHAÈS!

Приветствую, вторая, MENESKEÈS!

Приветствую, третья, MEKRAN!

Приветствую, четвертая, ARARMAKÈS!

Приветствую, пятая, EKOMMIE!

Приветствую, шестая, TIKNONDAÈS!

Приветствую, седьмая, ERUROMBIÈS!

⁸⁵ Драгоценная тончайшая ткань древности, белая, реже золотистая.
— Прим. перев.

XI СЕДЬМОЙ ЛОГОС

И выходят еще семь богов с лицами черных быков в льняных поясах, держа семь золотых венцов. Это так называемые Господа небесного Полюса, которых ты [также] должен встретить, [приветствуя] каждого собственным именем:

Приветствую, Хранители Опоры, священные и сильные юноши, одним приказанием поворачивающие вращательную Ось небесного Колеса и посылающие громы и молнии, удары землетрясений и огонь молний на род нечестивых. Мне же, благочестивому и чтящему Бога, [пошлите] здоровье тела, силу интеллекта [буквально: зрения], твердость взгляда, и спокойствие, в наступившие благие часы сегодняшнего дня, о Господа мои и великовластительные Боги!

Приветствую, первый — ΑΙΕΡΟΝΘΗ!

Приветствую, второй — ΜΕΡΚΕΙΜΕΡΟΣ!

Приветствую, третий — ΑΚΡΙΚΙΟΥΡ!

Приветствую, четвертый — ΜΕΣΑΡΓΙΛΤΟ!

Приветствую, пятый — ΚΙΡΡΟ ΑΛΙΘΗ!

Приветствую, шестой — ΕΡΜΙΚΤΗΑΤΗΟΨ!

Приветствую, седьмой — ΕΟΡΑΣΙΚΕ!

Когда они расположатся там и сям согласно своему порядку, устреми сосредоточенный взор в воздух и увидишь ниспадающие молнии и блистающие лучи света, и земля сотрясется, и снизойдет Бог — великий, со светящимся ликом, юный, златовласый, в белой тунике и золотом венце и ниспадающих одеждах (ἀναξυρίδες), держащий в правой руке золотое плечо Тельца.

Это Медведица, движущая и поворачивающая небо вверх и вниз согласно времени года.

Затем увидишь молнии, выпрыгивающие из его глаз, а из тела звезды.

Тотчас издай долгое мычание, напрягая живот, чтобы все пять чувств были задействованы вместе; делай это до самого конца и, снова целуя амулеты, скажи:

ХII ВОСЬМОЙ ЛОГОС

[Ты,] ΜΟΚΡΙΜΟΡΗΕΙΜΟΡΗΕΡΕΡΙΖΟΝ мой — тако-го-то, — останься со мной в моей душе. Не покинь меня, потому что приказывает тебе ΕΝΘΟΡΗΕΝΕΝΘΡΟΠΙΟΤΗ.

И устрями пристальный взор на Бога, долго мыча, и приветствуй так:

ХIII ДЕВЯТЫЙ ЛОГОС

О Господин, приветствую, Повелитель Воды; приветствую, Источник Земли; приветствую, Властелин Духа!

О Господин, возрождаясь, я погибаю, увеличиваясь, и увеличившись, я достигаю завершения.

*Возникший от животного рождения, [сейчас] освобожден, перенесен по ту сторону [смертного] порождения как ты предписал,
как ты установил,
и как ты завершил, [о] Таинство!*

КОММЕНТАРИЙ

Можно связать «Провидение» и «Судьбу» (πρόνοια καί τύχη), вызванную в формуле умилоствления, с фар-

ном — «славой» или «небесным огнем»), который, согласно более древней иранской традиции, сходит свыше, об- ляская властью Царей, жрецов и победителей. Отсюда эта формула связана с силой посвящения и освящения, кото- рой, как вызывающий провозглашает, он уже обладает, чтобы можно обратиться к следующей задаче — и перей- ти от степени «Сына» к степени «Орла» согласно ритуа- лу, приведенному в тексте.

Как бы то ни было, *πρόνοια* — это один из эпитетов Афины, богини Мудрости, которая согласно своему беско- печному знанию также обладает способностью *предвиде- ния* будущих событий и поэтому может одарить соответ- ствующей наукой, дабы ничто не могло потревожить исход священного делания. *Τύχη* является эквивалентом богини Судьбы (Фортуны) у римлян, представляемой обычно с крыльями, опирающейся на шар или колесо — символы ее скорости. Иногда она также закутана — это указание на то, что она действует на своем пути, не следуя никакому кри- терию человеческой природы. Вызывание двух богинь подсказывает вложенный в него смысл: неопит в своей попытке завоевания бессмертия не только вызывает Судь- бу, то есть непредсказуемую и моментальную силу, но также и мудрость, необходимую, чтобы осознать «дары» и принять их, когда это наиболее подходяще. (Другое про- чтение дает *ψύχη* вместо *τύχη*. — Посвященный тут призы- вает в помощь себе не только все сознательные способно- сти, но также и саму душу — *ψύχη* — в ее бесконечной мощности: внутренняя сила жизни в нем). В более общем смысле слово *ψύχη*, понятое как «судьба», может отсылать к «фатальной» стороне всего процесса.

«Сына» нужно понимать как «Сына Искусства», а также «рожденного согласно силе» в силу двусмысленно- сти термина *δύναμις*, который при этом в гностически- христианской литературе принимает значение спаситель- ной, чудесной, священной силы (см. *Римлянам*, I, 16; *Матф.*, VII, 22; *Мк.* VI, 5; *2-е Кор.*, XII, 12, и т. д.). Этот термин как таковой должен отсылать к субъекту Мисте-

рии, к «Отцу», который есть тот, кто в инициатическом деянии передает через себя *начало*, возможность пробуждения. В конце ритуала мы увидим, что эта сила раскрывает саму природу Митры: посвященный, если присвоит и зафиксирует ее в себе, станет в свою очередь таким деянием, центром и «Отцом», максимальной ступенью иерархии этих Мистерий. И «Отец» является завершением «Орла» — животной способности не только оторваться от «земли» и парить в «воздухе» (согласно тому, что говорит *первое наставление*), но также и *пристально смотреть на Солнце* согласно закону Митры, победителя Солнца.

В этой связи мы вместе с Дитрихом и Мидом полагаем, что выражение «Солнце-Митра» является вставкой малообразованного переписчика: в данной традиции Митра является не Богом Солнца, а тем, кто становится его союзником и делает из него своего посланника только после того, как его победил.

В древней западной традиции Орел был священной птицей Юпитера и изображался с пучком *красных* молний между когтей (*белые* молнии принадлежали Минерве, *черные* — Вулкану; исследователь герметических наук мог бы найти здесь отсылки к трем главным «цветам» «материи» Делания). Это символ силы и верховной власти; знак имперского Рима и легионов. Он был также атрибутом города, особенно в Египте, где его иероглиф обозначал Гелиополь — «Город Солнца». Что касается иконографии Юпитера, заметим только то, что Высший представлен *сидящим*, что указывает на то, что верховная власть, управляющая вселенной, является твердой и стабильной, и никогда не меняется (см. символизм «Полюса»), о котором мы скажем ниже). Обнаженный торс Юпитера обозначает, что он проявляется для *божественного* ума, в то время как низшая покрытая часть обозначает *непознаваемое* для человека.

Еще одна отсылка такова: в герметическом трактате «Дева Мира» Изиды заявляет, что верховенство Мудрости находится в руках Харнабешиниса — имя, которое При-

тшманн (*Hermes Trismegistos nach ägypt., griech., u. orient. Ueberlieferungen*, Leipzig, 1875) восстанавливает как *Horneb eb Xennu* («Гор, господин Ксенну»), чьим иероглифом как раз является золотой *opel*, летающий рядом с Солнцем и смотрящий на него пристально, не отводя глаз.

Выражение *παράδοτος μυστήρια* — где *mysterion* имеет смысл инициатического действия — от митраизма ведет к общей доктрине традиции как передачи (*traditio*, от *tradere*) некоей высшей энергии — которая в каббализме является Шехиной, в арабских традициях — Бараккой или «благодатью», а здесь — *πρόνοια καὶ τύχη* или *фарном*, призываемым в самом начале теургом — учение, которое мы уже упоминали в гл. III по случаю тантрического текста, в ней опубликованного; ее разделяют все мистерии древности (см. A. Reghini, *E. C. Agrippa e la sua Magia*, Introduzione a testo di Agrippa tradotto, Milano, 1926, а также библиографию в Lobeck, *Aglaophamus*, 39).

См. данную в тексте формулу умилоствления, с данной в магическом ритуале Пьетро д'Абано (*Eptameron*, § XI): «Отец мой небесный... если дозволено грешнику, разъясни мне в этот день, дозволено ли достойному твоему сыну, явить *руку* твоей силы против этих неотступных духов: дабы, если будет на то твоя воля, мог быть просветлен твоей мудростью, и всегда прославлять твое Имя и благоговеть перед ним».

II

В *первом логосе* теург вызывает из глубин своего существа ощущение «совершенного» или «завершенного» тела *σῶμα τέλειον*, которое является как бы «действием» различных «стихий», в своей темной и тленной форме составляющих его животное тело. Это «тело» образовано из «мира Света и Тьмы, Жизни и Смерти» — то есть из вещей, которые, будучи подвержены становлению, «существуют и не существуют» — благодаря «Силе Десницы» — таково имя инициатической силы, о которой мы говорили,

осуществляющей «трансформацию согласно субстанции», понимаемую в гностицизме, герметизме и неоплатонизме как интеграцию, очищение, фиксацию, исправление. Режим «стихий», которые находятся в животном теле человека, является *двусмысленным*, искаженным, слабым, темным, ускользающим: это *режим теней и мертвецов*. Сущностно мужественное качество «Десницы» — которая является «Рукой Власти» (в иврите, как и в арабском, само слово *йод*, «рука», означает также и *власть*) и «Справедливости» — отмечает эти стихии; активизирует их, поднимает их, делает их *живыми*.

Так действует закон «*симпатии*». Согласно инициатическому учению в каждом органе целого человеческого тела находится в закованном в цепи виде некая форма *космической восприимчивости*, которая составляет способ общения с соответствующими стихиями высшего и внутреннего мира «согласно субстанции».

В *логосе инвокации* теург пытается вознести собственное сознание в этом «чувстве» и к этой космической связи, потому что только на основе ритуального или магического действия можно произвести эффект (см. эссе Лео в гл. I). Учение «Совершенного тела» имеет соответствия во многих других традициях: вспомним только «духовное тело» Павла, *augoeides* или «лучащееся тело» Плотина и Олимпиодора и ваджра-кайя или «тело алмазной молнии» буддийского тантризма (Ваджраяна). Это «тело» является «телом воскресения» и «магическим телом». У Агриппы (*De occulta philos.*, III, 44) сказано: «Во всем мире нет ничего столь восхитительного, столь выдающегося, столь волшебного, что человеческая душа, обладающая во всей своей сложности образом божественности, *называемым магами душой стоящей и не падающей*, не смогла бы сделать самостоятельно при помощи ее собственного качества и без какой-либо внешней помощи. Форма (реальность) всего магического качества происходит из этой души человеческой, *стоящей и не падающей*». Традиционное техническое выражение «стоящая и не падающая», использо-

наившееся в древнейшие времена, отсылает как раз к вышеупомянутому «строительству» посредством «силы правой руки». В «Герметическом корпусе» Тат, «сын Искусства», говорит своему учителю Гермесу-Тоту: «Усиленный Богом, отче мой, я созерцаю, но не посредством глаз, а посредством духовной энергии, полученной мною от Сил»⁸⁶. Здесь использовано слово ἀ-κλίνης, то есть *сделанный стабильным*, не падающий, — откуда можно прийти к термину *саху*, обозначавшему в древности как раз тело, посредством которого покойный утверждался в бессмертии. На самом деле египетское слово *аха* означает «стоять», а с префиксом *с-*, который в этом языке оформляет каузативный глагол, слово *саха* означает «поставить», «поднять», «выпрямить». В древнеегипетском языке умершего также называли словом *херит*, то есть «(у)павший»; и бессмертие было возможным только благодаря сформированному ритуалом *саху*. С другой стороны, само имя герметического собеседника «Тат» в египетском языке означало стабильность, продолжительность, а иероглиф, соответствующий его произношению — это нилометр, иными словами, ствол тамариска, на котором, согласно традиции, лежало тело убитого Осириса до его воскресения. В греческом слова ἀν-ίρτημι и ἀνά-ρταρις имеют этимологически тот же смысл, что и египетское *саху*, и использовались начиная с Гомера (в том числе Геродотом) в смысле поднятия из мертвых. Инициативческая сила заставляет восстать того, кто погиб, превращая его из «мертвеца» и «тени» — в «совершенном» или «очищенном» теле — в *Живого*.

Итак, именем трансцендентной реальности, вызванной собственным телом, теург взывает к переходу к «рождению, свободному от смерти», прекращению «нужды». Идея ἀνάγκη встречается в более древней эллинской мистериософии, и, как и индийская идея кармы и буддийская идея танхи, отсылает к иррациональному глубинно-

⁸⁶ XIII. Тайная проповедь на горе о возрождении и правиле молчания, § 11. Использован перевод К. Богуцкого. — *Прим. перев.*

му желанию, из-за которого существо низвергается в животную жизнь, к тому желанию, которое из состояния «бытия-в-себе» ведет к состоянию *ex-sistenza*, то есть «бытия-за-пределами».

В особом и более техническом аспекте «нужда» и «горькая, бесконечная потребность», о которой в тексте говорится не один раз, может отсылать к опыту, неожиданно наступающему у многих людей, которым едва ли не в ходе первых практик удалось (осознавая это или нет) прикоснуться к чему-то в подземной области их сущности и привести это в движение. Этот опыт схож с неопишуемым *голодом*, органическим, абсолютным, породителем тоски и неудовлетворенности, не имеющих равных. Он ищет вокруг, пыгается погаснуть, устремляясь на тот или иной объект, отождествляясь с тем или иным человеческим стремлением или желанием — начиная с того же физического голода до томления страсти, подобной страсти *Тристана и Изольды*. Но это тщетная попытка, потому что это голод, который не способен удовлетворить ничто земное и человеческое: он отчаянно обостряет любое ощущение, которое, тем не менее, оказывается всегда недостаточным — всегда остается некий вид поглощающей тяги, ведущей в пустоту. И здесь *умереть* может показаться высшей радостью и единственным адекватным объектом желания (см. *muero porque non muero* — «умираю, потому что не умираю» — св. Терезы: в гимне тьме и смерти как высшему завершению любви в *Тристане* можно найти ту же ситуацию): как раз из-за темного предчувствия, что смерть и ночь (см. «Гимны ночи» Новалиса и А. Опoffi, *Guida al Tristano e Isotta*, Milano, 1924) таят в себе то, что может погасить эту жажду без имени, о которой, как мы увидим, говорится и в орфизме. Можно указать даже на более чем один случай, в котором самоубийство стало катарстрофическим эпилогом пробуждения этого рода.

Раба «нужды» (ἀνάγκη) пассивно уносит «течением» согласно закону, который посвященный желает нарушить. Поэтому ему нужно *зафиксировать* силу своей

человеческой души, остановить ее и держать в твердом подчинении, посредством высшей силы превзойти ее — только тогда узы могут пасть, вместе с изменением состояния, которое сможет растворить в нем «нужду»: Я «дохнет — вдохнет «космический воздух» — эфир свободы и освобождения, бытие-в-нигде и свежесть, созданную нематериальной деятельностью; это также «эфир жизни» или «эфир Живых», слышимый в духовной форме звука, в слогах, созданных очевидностью и просветлением. В древнеегипетской традиции эти слоги являются так называемыми «именами силы»; это также мантры индуизма и «буквы света» каббалы.

Аристид в отношении Элевсинских мистерий говорил, что в них переживалось нечто весьма страшное и весьма чудесное, весьма ужасающее (φρικώδεοτατον) и весьма успокаивающее (φαιδρότατον), что божественные вещи могут предложить людям (*Eus.*, 256). Таким же образом в нашем ритуале говорится о «чуде Огня», об «ужасе Вод» («Воды, вызывающие дрожь»), об «изначальных безднах». Мы помним, что эти ощущения отсылают к Великим Мистериям, предназначенных для тех, кого предшествующий опыт закалил настолько, что он смог преодолеть обморок, страх, восторг, которые вызываются у массы людей. Текст указывает на защиту: быстрое заклинание или вызывание «Безмолвия» — «состояния безмолвия», о котором уже ранее было сказано.

«Бессмертное око» — это «третий глаз», «лобовой», «циклопический» или «солнечный» глаз, глаз *духовного видения*. Инициатическая литература богата ссылками и на эту тему. Это не только действие по фиксации Эона: ему открываются вещи, которые «огонь очищения» лишает их частного, внешнего и чувственного способа проявления. На это указывает в его соответствии «глазу Шивы», на который в свою очередь указывает налобная жемчужина, встречающаяся в изображении Будды.

Содержащееся в этом *логосе* утверждение, что сила человеческой души должна возвратиться из состояния

«нужды», подтверждает точку зрения, что инициация является не мистической гибелью, а интеграцией; интеграцией в высшее и предшествующее условиям формы и низшего существования состояние.

В призывании первого *логоса* присутствует множество таинственных звуков (*voces mysticae*). О них уже говорилось: это звуки, которые, будучи употреблены в особом состоянии флюидической экзальтации, имеют возбуждающую, призывающую силу — почти как «абсолютные выражения», жесты силы, в которых проецируются значения, которыми нагружены остальные слова. Для того, чтобы они возымели эффект, эти слова следует «пробудить». Теургический «энтузиазм» должен «разжечь» и «раскрыть» их до того момента, когда в призывах они вырываются почти что спонтанно.

В этих «голосах» также нужно отметить присутствие семи греческих гласных, в своем порядке, возможно, соответствующим семи планетам и семи ступеням магической иерархии, о которых скажем позже, и нагруженных обширнейшим символизмом.

III

Мы уже сказали, что *первое наставление* касается реализации стихии «воздуха», полученной посредством дуновения. Это предполагает знание науки о дыхании в смысле индийской праны — сокрытой в дыхании магической энергии жизни. Три вдоха, вероятно, отсылают к трем глубинам дыхания, внутренне проходимых при помощи движения, которое в итоге переводит сознание в «воздушное состояние».

Первое видение Богов, которое за этим следует, является сверхчувственной проекцией, ставшей возможной как раз при помощи этого состояния, где, как мы уже сказали, человек, свободный от гнета физической чувственности, в прозрачности солнечного Ока или Диска может

осознать в виде образов то, что спит, будучи погребенным внутри самого человека.

Боги, которые восходят и нисходят, заставляют думать о лестнице Иакова и *телесме*, которая, согласно «Изумрудной скрижали», с земли восходит на небо и вновь спускается на землю, держа в себе силу высших и низших вещей. Эти два потока силы двигают космический воздух в соответствии с модуляцией, которая в «ветре» запечатлена «флейтой», и проявляют единую Силу разными, антагонистичными способами: эти способы обозначаются как Восток (символ мира восхода, роста и порождения) или как Запад (символ мира упадка и перехода). И если эта оппозиция возвращает нас к оппозиции, свойственной так называемому «Великому магическому агенту», мы равным образом склонны приписывать этот смысл таинственным «дадофорам» (факелоносцам) — одному с факелом кверху, а другому с факелом книзу, часто изображаемых на митраистских памятниках.

«Ветер» не в первый раз встречается в митраизме. Если в герметизме он несет в своем чреве телесму, «отца всех вещей», в других митраистских памятниках (например, в Моденском барельефе, см. F. Cumont, *Les Mystères de Mithra*, Bruxelles, 1913, p. 109) он с четырех сторон обдувает Эон, находящийся посередине двух половинок «яйца» — символа, родственного символу алхимического атанора.

В реконструкции мифа от Ф. Кюмона (*ibid.*, p. 133) вновь появляется «Ветер», бичующий «обнаженного» Митру, вышедшего из «камня» и стоящего на краю «вод». Но Митра принадлежит к типу тех существ, кто применяют к «дереву» насилие: сорвав с него листья, чтобы создать защищающее его «одеяние», и насытившись его плодами, он хочет померяться с господами чудесного мира, в который он проник, наблюдающими с высоты «горы» за чудом его рождения из «камня». Все эти символы достаточно ясны для исследователя эзотерических наук. Согласно интерпретации Ю. Эволи (*I Misteri di Mithra*, Ultra, № 3, 1926) «ветер» связан с первым опытом космической

силы, воздействие которой он испытывает в момент освобождения от телесных условий; следовательно, посвященному нужно утвердить над ней свое владычество при помощи проекции позитивного огня, который вызывает нисхождение женской космической силы. Она окутает ядро посвященного «одеянием силы» или «пламени» — одеянием, которое будет его сверхчувственным телом.

В нашем ритуале имеется примерно то же самое: посвященный в Мистерии проживает смыслы, сокрытые в мифе. Поэтому в опыте «ветра» мы видим устремление Богов на новоприбывшего, ибо они являются врагами того, кто стремится освободиться от всякого их воздействия и отождествиться с высшим принципом.

IV

Именно призыв этого принципа, связанного с «Безмолвием», заставляет теурга побеждать испытания и превращает во благо действия Богов — они остаются позади, «занимаясь обычными делами», в законах, их превосходящих. Это «безмолвие», которое разрешает напряжение, отсылает к *лаѳе лаѳе* из гностического наассенского фрагмента: «Так тот же Человек называется фригийцами *Папа*, ибо он успокоил все вещи, которые до его проявления двигались в беспорядке и дисгармонии. Ибо его имя принадлежит одновременно всем созданиям на небе и земле и под землей, кто говорит «Спокойствие, спокойствие» (*аѳѳе елат*) раздору космоса. Фригийцы также называют его «мертвецом», погребенным в [материальном] теле как в могиле и, после трансформации, Богом» (согласно Ипполиту, V, I, 21–22)⁸⁷.

Движение пальца над губами отсылает к известному рисунку бога Гарпократа (см. Апулей, *Метаморфозы*, I), который в египетской традиции выражает форму рож-

⁸⁷ Имеется в виду труд Ипполита Римского «Философумена» («Философские мнения, или Обличение на все ереси»). — *Прим. перев.*

дающегося Солнца, персонификацию Гора-Младенца, то есть изначальной силы, которая возрождается и утверждается после того, как Осирис был расчленен (символ процесса индивидуации). Эта сила, пробуждаясь и выходя из «гробницы», накладывает печать безмолвия на хаос и мятеж стихийной природы, еще не прирученной.

Филалет (*Introitus*, VI, XI) указывает на нечистоту «воздуха», на формирование «туч», затемняющих небо, которые нужно очистить до белизны Луны; на обильные дожди, которые нужно вызвать с целью наведения на Воздух их спокойствия. Вероятно, здесь говорится о таком же опыте.

Встреча с хранителями небесных врат и их прохождение при помощи магических формул встречаются в гностических текстах: например, в том, о котором сообщает Дитрих (р. 35, n.): «Отступите, Иалдабаоф и Куро, вы, архонты третьего зона, ибо я призываю ZUZÊZÂZ ZAÔZUZ KÔZÔZ. И вот архонты третьего зона спускаются, бегут на запад, налево, а вы поднимаетесь».

Свист встречается в «Эптамероне» (цит., § XII) Пьетро д'Абано: за ним следуют «великие движения», а позже появление сущностей, которые ранее устремлялись на оператора, закрытого в магическом круге, а теперь, когда он также демонстрирует им «Печать Соломона», принимают мирную форму и повинуются ему.

VI

Провозглашение посвященным своего звездного достоинства часто встречается в мистериософской литературе. Это подтверждается также в орфических скрижалях перед хранителями источников Мнемозины: «Мой род — небо (ἐμοί γένος οὐράνιον), и вы также это знаете. Меня томит и поглощает жажда». «Я сын земли и звездного неба. Небо — мой род» (*Lam. Petelia*). — «Я из вашего прекрасного рода. Но Мойра и блеск молнии меня свергли и иссушили» (*Lam. Thuriî*, II).

В нашем ритуале это провозглашение всегда имеет решающий, стабилизирующий смысл: это сущностное отождествление с небесными природами, в область которых посвященный проник. За ним следует солнечное видение, обозначенное «Диском». «Свист» и «дуновение», вероятно, связаны с практикой дыхания. Можно отважиться на сближение с так называемым «очищением нади» (надишуддха) йогов, состоящим как раз в свисте с маленькими промежутками, оживленном в духе таким образом, чтобы спроецировать смутные и нечистые элементы флюидического тела и сделать действующими все их «течения». Это действие в тексте идет после «звука» (о значении уже было сказано — см. звук, посредством которого Данте в своем подземном путешествии «лишился чувств» — см. *Ад*, III, 130 и далее) — и, кажется, ведет к подтверждению своей стойкости посреди бунта низших элементов, произведенным самим «звуком».

Солнечное видение имеет характер отождествления; оно осуществляется в пространстве, которое является тем самым сознанием в его нематериальной простоте. Что касается пятиконечных звезд, то можно соблазниться той интерпретацией, что это зрелище указывает на человеческие существа, потому что их число — как раз пять. Здесь огромное Колесо — это то же самое Колесо порождений (*ὁ κύκλος τῆς γενέρεως*), Колесо судьбы и нужды (*ὁ τῆς μοίρας τροχός*), эквивалентные в индийских терминах сансаре. Встречаем один из мотивов, повторяющихся в буддийской «Мадджхима-никайе»: «Оком небесным, проясненным, надземным увидь, как существа исчезают и появляются вновь — обычные и благородные, красивые и безобразные, счастливые и несчастные; познай, как существа всегда появляются вновь согласно своим действиям».

Нужде, властвующей над земными вещами, соответствует барьер небесных врат; и невозможно пройти дальше, если не преодолеть это зрелище, тоска которого пронизывает древнейшую Элладу: это осуществляется

при помощи нейтрализации растерянности человеческой природы призыванием Господина Огня.

VII

Это призывание — одно из самых прекрасных и мощных из всех, которые встречаются в подобном жанре литературы. Здесь присутствует настоящий оккультный ритм, соединяющий различные атрибуты с *nomina arcana* в крещендо экзальтации, кульминирующей в ряду божественных имен, где кажется, что выражение освобождается от произношения и вибрирует под формой чистых действий. В тексте говорится, что логос нужно повторять до того, как семь Богов будут достигнуты, то есть *реализованы*, запечатлены во внутреннем свете. И тут, после нового «Безмолвия», в котором освобождается и «фиксируется» порыв призывания, «врата» на самом деле отворяются («звук» и «шум» означают новое изменение состояния, новое «падение потенциала», используя физический образ), появляются Боги и сознание переносится ввысь вместе с ними.

«Имена», как говорится в тексте, нужно произносить «в Огне и Духе» — в соединении с огненной мужской силой и женским флюидическим дыханием и с подходящим «направлением действенности». Различные свойства должны воздействовать на дух призывающего таким же образом, как дрова, брошенные в огонь, всегда вызывают еще более высокое пламя.

VIII

Мы указывали, что призывание в одно и то же время является единым и семеричным действием: обращение происходит к семи планетарным Богам и к Единому, солнечному Эону, их корню, который их включает и превосходит. На самом деле именно он призывается в новом логосе и именно он появляется после семеричной иерархии Богов и Богинь.

Эон, хранящий небесные ключи — это, без сомнения, митраистский Хронос. Эпитет «ты, с двойным телом» находит подтверждение в монументальных митраистских изображениях, где эта сущность имеет голову льва с распахнутой пастью (символ пожирающего Огня) и человеческого тела. Кроме того, он несет крылья, змея обвивает его тело (см. «змея кундалини», в тантрической символике обвивающая сваямбху-лингам Шивы, начало трансцендентной мужественности), а потом кладет ему голову между глаз. В одной руке он держит молнии, в другой ключи (или, на других изображениях, скипетр). Его ноги попирают лунный знак — как в символе *Rebis* как «двойной вещи», гермафродита — алхимиков, и в знаке той «Девы», эзотерический смысл которой утерян христианами. Как Феникс, он выходит из огня.

IX

В пространстве четвертого *логоса*, когда формируется режим центральности (посвященный становится центром схождения лучей), появляется посланник Митры.

В следующем, пятом, *логосе* стоит подчеркнуть некоторые моменты. Прежде всего подтверждается, что «Солнце» здесь не означает высшее божество. Мы уже говорили, что Митра вместо того, чтобы покориться божественной силе — как происходит в иудейском мифе с тем, кто точно так же срывает плоды с «Древа» и другими бесстрашными, которые, согласно намеку цитируемой орфической скрижали, сокрушены и высушены молнией — побеждает ее, и эта победа становится предпосылкой его союза с Солнцем.

Во-вторых, отметим выражение, касающееся Сока Жизни семени, которое, как создатель животного тела посвященного, в ритуале подвергается *трансформации*. Кажется, что здесь присутствует намек на учение об оккультном возрождении половой силы, «преобразования Вод, текущих вниз, в Воды, текущие вверх». Более того, похоже на

то, что можно проверить схожесть теургического действия с йогической техникой. Мы имеем в виду отрывок после пятого логоса, где говорится о солнечном Боге, который направляется к «Полюсу», к «Опоре» и позже *двигается*; там сказано также о «мычании» и полном выдыхании. Вспомним, что в кундалини-йоге «место» кундалини (которая в своей спящей форме считается как раз порождающей силой человека) — змеиной Силы, обвивающей тело митраистского Эона, как и изображение божества, свойственное сирийским культам Исиды — называется *муладхара*, то есть «корневая опора» — идея, соответствующая идее «полюса» или «опоры». И принцип ведет теурга к корню собственного существа (= муладхаре), и отсюда к пробуждению силы. Мычание может быть мантрой освобождения, и его сопоставление или с мантрой ОМ (согласно Миду), или с другой — HUM, которую тантрические тексты дают как раз для этих практик, не кажется необоснованным, учитывая «переворот», которому подвергаются словесные выражения в их «стонком» употреблении. И в этом исчерпании всего дыхания при мычании нельзя не заметить одно из главных учений кундалини-йоги, где именно *кумбхаке* — временное прекращение дыхания, или после полного выдоха, или при задержке — приписывается создание состояния, свойственного пробуждению кундалини.

Во всяком случае, остается вне всяких сомнений, что мычание связано с «бычьей силой», созидательной и мужской силой, силой Амона. Мычание, помимо митраизма, встречается во фракийских ритуалах Диониса, и Дитерих на основе исследований А. Лэйга (*Custom and Myth*, 43) связывает его с так называемым *bull-roarer* — инструментом, который в церемониях многих первобытных народов Новой Мексики, Австралии, Новой Зеландии производит своего рода шум или мычание, которое призывает Бога или объявляет о его прибытии. Этот священный инструмент под страхом смерти нельзя видеть ни одной из женщин. Эзотерическая интерпретация этого может быть таковой: бычья сила сжигает и уничтожает

«женщину в Я», поэтому того, кто ее пробуждает, не утвердившись ранее в твердой и сухой природе «Стали Мудрых», ждет катастрофа.

Здесь также могут представлять интерес следующие стихи экстатического шаманского гимна: «Могучий бык замычал! Степная лошадь заржала! Я выше вас всех, я человек! Я человек, наделенный всем! Я человек, сотворенный Господином Бесконечности!» (по М. Eliade, *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*, Paris, 1951, p. 210).

Кажется, особый технический смысл имеет также предписание *сосредоточиться* на солнечном Боге, как только он, став на «Полюс», будет продвигаться по «тропе», которая, если наше сближение оправдано, является путем огненного маршрута кундалини и пространством, в котором — привлекая дальневосточный символизм — «Дракон» начнет свой полет. Это «сосредоточение» выражает абсолютное и чисто нематериальное упорство, необходимое во время такого «полета», без чего операция может иметь упомянутые нами летальные последствия. У Агриппы (*De occul. phil.*, I, 20) говорится о «некоторой маленькой кости, называемой иудеями луз, которая негленная, которая не побеждаема огнем, но сохраняется невредимой, из которой (как говорят) как растение из семени в воскресении мертвых наше человеческое тело вновь растет — и это свойство объясняется не умозаключением, но опытом». А. Регини заметил, что в арамейском языке луз является как раз названием кости, крепящейся к нижнему краю *священной* кости, к основе позвоночного столба. Именно это место, согласно индийскому учению, является местонахождением муладхары, местонахождением кундалини, а кундалини *возрождает* тело: иными словами, уносит из «гробницы», в которой покоится таинственный «Папа» — Мертвец, о котором говорится в цитате из наассенского фрагмента — «совершенное тело» нашего ритуала.

В предыдущей главе мы сказали, что согласно Пятикнижию (*Быт.*, XXVIII) «Луз» является древним названием города Бетель (= Дом Бога), рядом с которым Иаков

увидел свой знаменитый сон. Поэтому сам Иаков, проснувшись, сказал: «истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!», и, поглощенный ужасом, добавил: «как *страшно* сие место! это не иное что, как дом Божий, это *врата* небесные!». Но муладхара в данной традиции называется как раз «порогом Брахмы» (брахмадвара). Хватает отсылок на это и в алхимическом герметизме. Мы уже цитировали Филалета (*ibid.*, IV): «Средоточие это извечным влечением притягивается к Полюсу, где доблесть халибов возрастает многократно. На Полюсе пребывает сердце Меркурия, каковое есть истинный огонь (в котором находит покой его Хозяин), плывущий через это великое море и достигающий обеих Индий»⁸⁸.

Кроме того, повествуется, что во входе в «пещеру» — что объединяет герметические символы «сокровищницы» и «пещеры Меркурия» и грота Трофония, а также то, что может отражаться на материальном уровне в различных доисторических «культурах пещер» — рядом с Лузом росло миндальное дерево с отверстием в стволе; через это отверстие можно было пробраться в «город», который был совершенно скрыт, и «ангел Смерти» не мог ни проникнуть туда, ни иметь над ним никакой власти (см. *Jewish Encyclopedia*, VIII, 219). Тот, кто озаботился чтением тантрического текста (Shiva-Candra, *Tantratattva*, III, 2a s.), возможно, удивился бы, встретив почти что тождественную аллегория в отношении тайного ритуала йоги.

Относительно «Полюса», к которому движется солнечный принцип, «наше Золото», можно развернуть важные символические соображения. В дальневосточной традиции он соответствует «неизменной середине», из которой проявляется деятельность Неба: и во многих других традициях присутствует «Полярная гора» — гора, в которой часто встречается вход в *Землю Живых*. И здесь появляется другая область идей: от учения о тайном искусстве можно прийти к учению о невидимом царстве и о «Царе Мира» (см. книгу Генона с таким названием).

⁸⁸ Перевод Г. Бутузова. — Прим. перев.

Х-ХІ

Из-за всего этого, а также в связи с последующими фазами ритуала, где встречаются семь богов и богинь, можно также обратиться к характеризующему их эллинскому мифу: поскольку уже из того, что мы сказали (в том числе и только что относительно города Луз), можно понять ту меру, в которой традиционные мифы и легенды не сводятся к басням, а содержат в зашифрованной форме общие инициатические учения.

Речь идет о мифе, изображающем Гермеса и Аполлона и обмен Кадuceя и лиры на семь струн. Аполлон — это солнечный бог; однако в своем появлении, которое следует за четвертым *логосом*, он тождественен тому богу, который до того перешел на полюс и позднее следовал по тропе до того момента, когда он был «зафиксирован» и вмешалось мычание, ведущее к пробуждению изначальной силы. Это «пробуждение» в йоге основывается на соединении двух потоков тонкой силы (солнечного и лунного), которые в обычном человеке разделены и текут змеевидно по двум сторонам идеальной линии, которая пересекает тело, исходя из верхушки головы до священной кости, следуя таким образом приблизительно вдоль линии позвоночного столба — как две змеи герметического кадуцея вокруг центрального жезла (об этом см. А. Avalon, *The Serpent Power*, Madras, 1924). Кадuceей в мифе может намекать на это соединение, из которого происходит осуществление третьего центрального направления (жезла кадуцея), которое будет маршрутом кундалини; и на этом внутреннем направлении воспламеняются и пробуждаются так называемые чакры или центры силы, которые соответствуют по своему количеству семиричной иерархии — семи планетам, семи богам, семи струнам лиры, семи сферам, семи спиралям змеи, несомым фригийским божеством и митраистским зоном, и т. д. Следовательно, посредством составления Кадuceя посвященный получает от солнечного принципа (Апол-

лона) доступ к этому «Царскому пути», где, несомый огненной бычьей силой, которая открывает ему «врата», он реализует опыт трансцендентных состояний, составляющих нематериальную иерархию дней недели и символической «Земли живых».

У этой реализации две фазы: сначала появляются семь дев, потом — семь богов. Вновь сошлемся на индийское учение: в каждой из семи чакр «спят» бог (дэва) и богиня (дэви), которые нужно понимать как мужской и женский аспект соответствующих существ. Мы уже указали, что «женский» аспект — это проявленный, и поэтому динамический, активный, имманентный, демиургический аспект: это аспект шакти, то есть силы, основа вещей, существующих, поскольку они существуют. В этом отношении в нашем ритуале примечательны обозначения «стражи *четырёх Основ*» и «богини судьбы».

Мужской аспект, напротив, отсылает к аспекту трансцендентному, обособленному, неподвижному; аспекту, которому согласно символизму разных традиций соответствует *чёрный* цвет в противоположность «свету», который начинается там, где начинается проявление, *прóодос*⁸⁹ без возможности обрести изначальную творящую силу, чью природу разделяют чёрные боги с бычьими мордами. Таким образом, это «опоры», центры семи центров; и из них происходит, как говорит текст, вихревой оборот небесных колес, упомянутый уже не как «четвертной», а как «тройной».

Следовательно, ритуал отсылает к видениям, в которых испытывается космический септeнер⁹⁰ сначала в своем имманентном аспекте, а потом в своем трансцендентном аспекте.

Здесь можно вспомнить также известный пассаж из Апулея (*Метаморфозы*, XI, 23): «Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся,

⁸⁹ Движение вперед (греч.) — *Прим. перев.*

⁹⁰ Семь планет. — *Прим. перев.*

пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред *богами подземными и небесными* и вблизи поклонился им»⁹¹. Соответствие этих фаз и приведенного в нашем ритуале пути достаточно очевидно. Но подлинное завершение находится за пределами этого опыта. Посвященный постепенно освобождается от орбит богов и планет и следует дальше. Это аскеза, тождественная *упрощению*, ἀπλῶσις, используя плотинский термин: в каждой из сфер душа освобождается от разных элементов «страсти», из-за которых подчиняется в своей смертной жизни Господам этой самой сферы, вплоть до того, что остается внутренне обнаженной, «одетой только в свою силу» — как написано в отрывке из «Герметического корпуса».

В нашем тексте различные преодоления показаны в виде приветствий каждому из богов совместно с криками, которые могут иметь смысл как благословления, так и заклинания. Из текста непосредственно не вытекает драматический характер, который могут принимать подобные опыты, когда посвященный преодолевает разные космические иерархии при помощи отождествления с ними, не лишаясь чувств, сопротивляясь и защищаясь, пробуждая на том же самом направлении или «восхождении» силу *более сильную*, чем каждая из них располагает — с каковой силой и обнаруживается переход в следующую иерархию.

Ритуал ведет к состоянию «за пределы семи», где, наряду с дрожанием земли, которое имеет тот же самый смысл, что и смысл «звука» (см. голос «великого человека», видимого с «высокой горы», о котором см. *Евангелие от Евы* — Епифаний, *Ереси*, XXVI, 3), происходит встреча посвященного с Митрой.

Посредством символа «Медведицы» бычья сила (теленка) вновь обозначена в качестве центральной космической силы. Митра — ее повелитель. На различных монументах он изображен несущим бедро теленка, что должно

⁹¹ Перевод С. Маркиша. — *Прим. перев.*

указывать на его качество «быкоубийцы». И тавроболия в этой традиции означает перерождение в вечности (см. N. Turchi, *Le relig. misteriosofiche del mondo antico*, Roma, 1923, p. 123). Митраистское учение усматривает, так сказать, трансцендентную тавроболию в переходе духа за пределы семи сфер. Не следует упускать из виду, что со-звездие *Медведицы* в его образе фигуры повозки с запряженными быками в тексте отсылает к Митре; и «север» (*settentrione*), на который оно указывает, может означать как раз *septem-triones*, то есть, согласно использованию этого термина Вергилием, семь быков. Отсюда можно снова прийти к тому, что управляет уже встреченными семью богами с бычьими мордами, причем «черными».

Что касается наставления в конце *седьмого* логоса, то мы сказали, что оно отсылает к прославлению посвященного в той же природе Митры, к реализации того же качества Митры. Оно завершается в высшем принятии бычьей силы, которая уже открыла небесные врата, на которую должна сейчас воздействовать та самая трансформация, выраженная в символе или ритуале тавроболии.

ХII

В предпоследнем логосе теург *фиксирует* эту реализацию в собственной душе. Это «усвоение» природы Митры — *по приказу*. Это новое свидетельство орлиной природы посвященного, которая интенсивно фиксирует магический образ Великого Бога, в то время как в «мычании» звучит предвестник этой силы, наконец-то принятой.

Аналогичное призывание египетского происхождения дано в другом греческом магическом папирусе (A. Dieterich, *Abraxas*, Leipzig, 1891, 195, 4 и далее): «Да пребудешь ты в моем уме и в моем сердце на все дни моей жизни, и да исполнишь все то, что моя душа пожелает! Ибо ты — это я, а я — это ты. Что бы я ни говорил, да будет это сделано навсегда, ибо я твое Имя [в магическом смысле — то есть твое «присутствие»] стоит на страже в моем сердце».

ХIII

Завершение работы увенчивается итоговой формулой «Приветствия» бога Ритуала, который завершил Мистерию трансформации. В эпитете «Господин Воды» просвечивает смысл, уже знакомый читателю. Эпитет «Господина духа», находящий свое точное соответствие в «Герметическом корпусе», свойственен «магическим» положениям инициатической традиции. Здесь самая высшая ценность состоит не в том, чтобы *быть* духом, а в том, чтобы быть *Господином* духа.

«Перерождение» посвященного — это его интеграция, его осуществление, его пробуждение к той жизни, по отношению к которой темная, томимая жаждой суета смертных — не что иное, как *смерть*; к той жизни, которая является «жизнью в себе самой» и «от себя самой» (αὐτοοζῆν), жизнью нетленной. Освобожденный в этой Жизни, адепт идет по «Пути», по непроницаемому *Дао* дальневосточной традиции — более того, он — *сама* эта Жизнь, ибо, согласно сказанному суфиями, «на пути Бога тот, кто идет, путешествие и путь — это *одно*».

От «священных посвящений», от «сильной Силы сил» и от «нетленной Десницы», избранный из множества «мертвецов», посвященный, «Сын» Традиции и Искусства, в ритуале Великих Мистерий восходит к силе «Орла», поднимаясь над всякой высотой к вершине, в которой звучит формула египетской «Книги Мертвых»:

«Я — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА И СИЛА ВОЗРОЖДЕНИЯ. Я ЗНАЮ БЕЗДНЫ — ЭТО МОЕ ИМЯ».

МАГИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К РИТУАЛУ⁹²

(I)

«Я — PHEROYRA MIURI»

После того, как скажешь это, быстро окажешься в пророческом состоянии. Будешь освобожден в духе и не будешь в себе самом, когда (Бог) тебе ответит. (Он) даст тебе учение посредством изречений и, пока говорит, будет видим. Ты пребывай будто немой.

Заверши все это со спонтанностью, потом (ты) вспомнишь навечно вещи, сказанные великим Богом, даже если это учение состоит из тысячи изречений.

(II)

Если захочешь дать учение товарищу, (можешь сделать его) при условии, что только он услышит сказанные тобой вещи; живи целомудренно в его обществе (семь) дней, отдельно, вдыхая флюид.

(III)

Даже если ты будешь один (при операции), и (после нее) будешь рассказывать вещи, сказанные Богом, (так) ты будешь говорить вдохновенно, как в экстазе.

(IV)

Если после (ты) захочешь учить кого-нибудь, (можешь сделать это) оценив (прежде) его как человека, — достоин ли он (получить учение); если пророчество (Бога) благоприятствует тому, чтобы стал он бессмертным, по-

⁹² Это дополнение в папирусе следует непосредственно за текстом, но, по всей вероятности, ей нужно приписывать иную редакцию того же самого текста. Мы приводим самые важные ее части, переведенные непосредственно с греческого.

советуй ему первую инвокацию, (но) не главную: «Прежде происхождения моего происхождения, (и т. д.)».

Сразу после этого, так как (ты уже посвящен), скажи (остаток инвокации) возле его головы, тихим голосом, чтобы он не слышал, посвящая его зрение в мистерию (которая совершается).

Это посвящение в бессмертие совершается три раза в год.

Если некто захочет, о сын, услышать (Бога) посредством наставления (данного другим), (он) не получит от этого пользу.

(V)

Если ты захочешь наставлять другого, возьми сок травы *κεντρίτις*, намажь глаза того, кого хочешь (наставлять) листьями розы, и он увидит так ясно, что удивит тебя.

(VI)

Деяние, более великое, чем это, не найти во вселенной. Проси, что хочешь, у Бога и (Он) тебе это даст. Такова природа Великого Бога.

(VII)

Часто, служа ритуал, я сильно удивлялся. Бог сказал мне: Мне не нужно освящение, но (могу) пророчествовать (как) посредством хлынувшего потока, который переносит великую мистерию очищения, (которая может быть) восстановлена (как если бы ритуально) посредством двадцати пяти живых птиц; (могу также) пророчествовать раз в месяц, во время полнолуния (каждого месяца), а не три раза в год.

ГЛАВА V

РЕЗЮМЕ

Прежде чем продолжить в следующих эссе развитие интересующих нас тем, имеет смысл бросить взгляд на уже пройденный путь.

Первым шагом инициатической практики является *познание* того *безмолвия* и *сосредоточения*, о которых шла речь в первой главе, где в то же время при помощи объяснения символов «вод», «Спасенных из вод» и «Повелителей вод» был раскрыт более общий смысл *Opus Magicum*. Во многом он был дополнен в комментарии к митраистскому ритуалу (гл. IV).

Второй шаг состоит в переносе самоощущения из головы в сердце, то есть в переходе от отраженного сознания к сознанию органичному и центральному (гл. II). Здесь открывается возможность установления контакта с *тонким телом*, и в третьей главе мы начали давать указания на этот счет.

Как материальное тело является сосредоточением опытов, относящихся к материальной реальности, так и тонкое тело является сосредоточением опытов, относящихся к тонкой реальности — или, говоря точнее, относящихся к тонкому аспекту реальности. Опыт этого аспекта связан с так называемыми звуками, знаками, именами вещей и существ, о чем говорилось в третьей главе и в комментариях к митраистскому ритуалу. В этой же главе мы перейдем к изложению общей концепции мира как Слова и Символа.

Эти опыты не происходят посредством физических чувств и превосходят дискурсивные и рациональные способности, сущностно связанные с мозгом и материализующиеся при помощи этих физических чувств. При помощи перемещения Я в сердце в принципе утверждается

возможность получения знания, являющегося уже не косвенным, перцептивно-дискурсивным, а непосредственным или *символическим*: присутствие вещей и их влияний ощущается, так сказать, *в воздухе*, прежде чем произойдут реакции, благодаря которым они представляются «физическими предметами». Об этом уже говорилось в третьей главе, когда мы рассматривали *символы* как инструменты или опоры формы знания, более не являющегося чувственно-дискурсивным, независимого от мозга и действующего при помощи тонких чувств. Позднее мы обсудим различные символические традиции — например, алхимико-герметическую.

Существуют разные пути пробуждения чувства «тонкого тела» и упрощения основывающихся на нем операций. В этой связи мы обсудим, например, использование магических благовоний. В то же время мы хотим дополнить этот раздел указаниями, уже данными во второй главе: то есть относительно созерцания Солнца, восходящего в ночи и заходящего днем, параллельного с ощущением нашего собственного подъема и спуска с «горы».

Ночью происходит нечто, сравнимое с «освобождением» или «отделением» тонкого тела от физического (выражаясь материалистическим языком). Но Я, привыкшее полагаться на физическое тело, не может следовать за этим отделением; таким образом, в результате происходит не *пробуждение*, а погружение сознания в оцепенение. Если вышеупомянутому упражнению сопутствует *правильное намерение*, оно создает предрасположенность к сознательному следованию этому процессу и «введению Я в тонкое состояние».

Однако нужно отметить, что это естественное отделение не является полным: тонкое тело поддерживает определенную связь с одушевляемым им физическим телом, а резонирующие в нем подсознательные импульсы и процессы организма (как нормальные, так и ненормальные) порождают мир сновидений. Оно освобождается лишь частично и входит в контакт со сверхчувственным миром; но многие

возможности познания и действия, которые в этом отношении могли бы быть следствием этого контакта, парализованы из-за сохранения этой частичной связи с жизнью органического подсознания, порождающей обычные сны.

Таким образом, необходимо стремиться к *полному и сознательному* отделению, создав иную поляризацию флюидического тела по отношению к физическому. Те, кто добился результата в предыдущем упражнении (например, ощущения неуловимого колышущегося свечения во время сна) и уже установил некоторый контакт с тонким телом, следуя тому, что написано в третьей главе, могут попробовать сделать следующее. Перед тем как заснуть, после того, как вы созерцательно сопроводили восход Солнца к зениту и собственный подъем на вершину «горы», *следует визуализировать образ своего тела точно в той позе, в которой оно находится, связать его с чувством тонкого тела и затем представить медленное движение образа, таким образом оживленного, пока он не достигнет противоположного положения.* Например, если тело лежит на левом боку, представьте его медленное вращение, пока не *почувствуете*, как оно лежит на правом. После этого засыпайте. В силу этой практики возникает возможность остановки даже частичной зависимости тонкого тела от органической жизни.

Условием эффективности этого ритуала является отход ко сну без чувства усталости, со спокойным и ясным умом, с внутренним желанием подъема и просветления, почти что с чувством благоговения и доверия к тайне, таящейся во сне. Обычный настрой отдаться сну, поддаться ослаблению физического напряжения прямо противоположен цели описанных практик.

А теперь несколько общих принципов, над которыми мы рекомендуем поразмыслить тем, кто практикует инициатические дисциплины:

1. Желание, надежда, ожидание неизбежно уведут от результатов.

2. Все эзотерические упражнения принесут плоды лишь в том случае, если желать и любить их ради них самих, словно их цель состоит только в них самих.

3. Устойчивое отсутствие результатов даже после постоянных и серьезных попыток может быть просто испытанием.

4. Считать все это естественным — уже само по себе результат.

АБРАКАС

НАСТАВЛЕНИЯ ПО «ОСОЗНАНИЮ ДЫХАНИЯ»

Прими горизонтальное положение, вытянись.

Покинь свое тело.

1. Представь, что если бы кто-то поднял одну из твоих конечностей, она бы резко упала, словно неживая.

2. Представь, что если бы кто-то сдвинул твое тело с места, где оно лежит, оно бы перекатилось на земле без движения, словно неживая вещь.

3. Представь, что твое тело больше не способно пошевелиться, даже если захочешь. Оно инертно, как тяжелейший груз. Оставь его, не думай больше о нем.

Спокойно и твердо погрузись в себя. Направься к порогу «безмолвия».

После того, как исчезнет все, кроме ясности и осознания сознания, возвращайся назад, пока не появится легчайшее чувство своего тела.

Ты заметишь, что за это время твое дыхание замедлилось, стало практически незаметным.

Затем:

1. Вызови образ воздуха: свободной, безначальной и беспричинной сущности, свободной от пут, мимолетной, бесконечной, всепроникающей, склонной к внезапным изменениям, ни на что не опирающейся (см. гл. II).

2. Сделав так, максимально медленно пробуди дыхание, не «касаясь» своего тела — то есть посредством *действия ума*, а не напряжением мышц.

Если твоя душа созрела, она сможет пройти ТРАНСФОРМАЦИЮ, называемую *познанием воздуха*, а также *познанием праны*.

а) Обычное ощущение себя в теле будет *перевернуто*. Ты перестанешь чувствовать себя телом и *в* теле, а станешь *воздухом*, пространством — воздухом, которым, как ты почувствуешь, переносится, движется и пропитывается тяжелая и неодушевленная масса твоего тела.

б) Прежде ты чувствовал, как воздух нагнетается твоими легкими, то есть действиями, связанными с телом. Теперь ты осознаешь, что это воздух заставляет легкие двигаться: он движет телом в материальной функции дыхания, сообщает потоку крови в теле ритм и жизнь.

в) Итак, функция дыхания перестанет быть *автоматическим* действием, превратившись в *действие* живого духа.

Если после всего этого ты *задержишь* дыхание, оно покажется тебе *светом* («И жизнь была свет человеком»; *Ин. 1: 4*).

Если, продолжая, ты проникнешь дыханием в «замерзшее», *окаменевшее* чувство формы или структуры твоего неподвижного тела, возникнет волнообразное восприятие *тела, созданного из светового движения*. Это эфирный или флюидический ♀ (Меркурий) как «материя в белом».

Наконец, если ты, обретя магическое достоинство, удержишь дыхание и действием духа сосредоточишь его в легких, ты станешь точкой без измерений, и из этого состояния безмолвно возникнет видение *Архангела воздуха*.

Проживая такие опыты, ты начнешь испытывать чувство удивительной физической легкости и свободы в повседневной жизни.

Тебе будет дана естественная сила побеждать усталость и утомление, которая другим людям покажется волшебной.

Ты также начнешь «видеть» в воздухе внезапно вспыхивающие точки.

Вечером, когда ты будешь засыпать, в твоих глазах может появляться нечто, напоминающее безмолвные световые взрывы.

Наблюдай за всем старательно и непредвзято, и *храни молчание*.

Говорят так: «Можно заниматься дыхательными практиками даже десятки лет и в весьма в них преуспеть, но пока в твоём дыхании не активизирована *прана*, пока дыхательный процесс не дематериализован, не стал функцией потока живого света, все твои усилия будут напрасны».

осо ЗАМЕТКИ О ЛОГОСЕ

Во время тонких операций происходит переход от сферы интеллектуального познания (*intus-lègere*⁹³), неизбежно разворачивающегося в ФИЗИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ (первом измерении «времени»), то есть в ряде мыслей в их последовательном логическом соединении, к сфере воображения или познания посредством образов⁹⁴ (*imut ago = imago = действую посредством imut, посредством глубин*). Это переход от *познания того, что внутри*, к *воздействию на то, что внутри*. Посредством духовного вдохновения происходит вход в сферу ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ или психического времени (второе измерение «времени»).

Я не намереваюсь касаться здесь третьей сферы действия, в которой действие не ограничивается познанием и работой с тем, что находится внутри, а речь идет о *бытии* непосредственно внутренней частью мира, и действие происходит в ВЕЧНОСТИ (третьем измерении «времени»)

⁹³ Дословно «внутреннее чтение» (лат.) — *Прим. перев.*

⁹⁴ См. эссе Люче в гл. III.

или причинном времени). Это знание может быть получено человеком лишь *мгновенно*; оно называется духовной интуицией (*intùeor = intus-eor = я введен внутрь = я внутри = я отождествляюсь с тем или этим = я есть то или это*). В данном случае можно говорить не о познании чего-либо, а, скорее, о *бытии* чем-либо; и соответствующая операция состоит в переносе себя в другие существа.

Сейчас остановимся на том, что касается ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ, и скажем, что продолжительность — это состояние времени, проявляющееся в виде *одновременности*. То, что произошло, происходит и произойдет — все это является тройственным *настоящим* (в безличностном, конечно), своей троичностью сплетающим подлинное пространство, по отношению к которому наше *трехмерное* пространство — лишь образ, отраженный во времени. Это нужно разъяснить.

Когда наши глаза или мысли исследуют какое-либо «пространство», это неизбежно занимает некоторое время, пусть даже ничтожно малое. Это так называемое отраженное, физическое пространство. Напротив, в психическом или душевном пространстве, настоящим именем которого является *продолжительность*, физическое время либо отсутствует, либо является исчезающе малой величиной. Последовательности более не существует: вместо нее существует форма-образ, чье тело соткано из времени: то есть, существует *фигура*, или, точнее, *фигуры* времени. Эти фигуры предстают перед взором как сгустки светящейся и прозрачной психической энергии (таким же образом, как земные тела сотканы из непрозрачной и тяжелой материи). Эта светящаяся и прозрачная психическая энергия несет в своей глубине (*imim ago*) одновременность «прошлых», «настоящих» и «будущих» событий — это действия этих существей, уже совершенные, а также настоящие и будущие.

Можно сказать, что очертания или внешние контуры этих образов (форм) относительно стабильны в своей яркости (отсюда их форма), но внутренние линии, про-

свечивающие из этих образов на различных объемных уровнях их глубин, являются движениями; и это движение проявляется в виде звука. Таким образом, речь идет о внутреннем звуке, воспринимаемом лишь внутренним ухом, которое называется «ухом сердца».

Эти светящиеся образы исходят из их внутренностей-в-движении на различных глубинах прозрачности, и эти глубины являются тем, чем эти фигуры были, есть и будут. Они *выражают время*, но в то же время выражают три «времени», и эта тройственная темпоральность синхронно откликается в единой внутренней динамике, которую можно назвать лишь *становлением*. Однако их становление, в свою очередь, также тройственно. Становление их собственной сущности, откликаясь в звуковых сферах, распространяющихся вовне (первая область), встречает иные звуки, исходящие от других фигур (или образов). Эти звуки смешиваются, иногда гармонируя, образуя полифонию, а иногда сталкиваясь во взаимном влиянии, останавливая звучание. Они проявляются в этой (настоящей) музыкальной драме, на этом плане одновременности или как консонанс (гармония, равновесие, любовь), или как диссонанс (отвращение, борьба, война), и в подобном взаимном влиянии (вторая область действия звука) они совершают реальные действия, когда господство тех или иных образов заставляет поддающийся психический звук пасть в находящуюся ниже физическую сферу (третья область) и стать, так сказать, остановленным, зафиксированным, как материальная вещь внешнего мира.

Павшие в этом космическом сражении — это «предметы» и «существа», которые мы видим глазами нашего тела.

Все объекты и формы, которые в трехмерном физическом «пространстве» вокруг нас мы можем воспринимать своими чувствами, суть не что иное, как остановленные звуки, мертвые звуки, превращенные в материю слова, которые посредством освободительных и заклинательных операций внутреннего слова, называемых *ман-*

трами, магических формул, мистических голосов и волшебных слогов мы можем заново пробудить в нашем сознании, вплоть до того, что они снова станут словами — словами, живущими во внутреннем звуке.

[Нужно помнить, что *мантра*, или формула, — это лишь рычаг и инструмент для воскрешения «распятого» звука; мантра сама по себе — не сам этот звук, присутствующий лишь в живой сути вдохновения пробужденного индивидуального сознания, и поэтому всегда творящий (находящийся *в становлении*) и недоступный для повторения в стереотипных формулах].

«Смерть» этих звуков в видимой форме не абсолютна сама по себе; это смерть относительно звукового архетипа, внешняя форма которого является только образом (символом): это смерть, в реальности представляющая собой лишь умолкание внутренних отзвуков, и, следовательно, изгнание из рая абсолютной активности в остановке, обусловленной временной инерцией (по этой причине, воспринимая мир в его физическом аспекте и не осознавая, что воспринимаем лишь *символы*, мы на самом деле воспринимаем лишь иллюзию, *майю*). Состояние умолкания, или относительная инерция, проходит через четыре последовательные стадии уплотнения, которые, если не затрагивать сейчас космических соответствий, соотносятся с четырьмя степенями поступательного нисхождения в природную реальность:

1. *Царство минералов*, в которое из звука нисходит только абсолютный и мгновенный акт его остановки. В природе минерала от звука остается лишь *плотность*, или специфический вес или атомная масса, и т. п. Жизненные модификации минерала — это в первую очередь химические комбинации (на самом деле в физическом эзотеризме сущность архетипического звука называется также «химическим эфиром»), а также такие «электромагнитные» связи, как гравитация, равновесие, статичность, сила сцепления, молекулярное притяжение и так далее. [В человеческом сознании это состояние соответ-

ствуется сну более глубокому, чем обычный сон без сновидений, называемому комой, или каталепсии, трансу или видимой смерти (= скелету)].

2. *Царство растений*, в котором из звука нисходит, помимо акта остановки, также следующая стадия, то есть ряд последовательных фаз нисхождения, проявляющихся в растительном мире в обратном порядке в виде фаз развития, которые мы называем ростом (растения), вплоть до распускания цветка. После распускания цветка мы видим увядание, посредством появления плода и гниения, а затем высыхание и минеральное разложение растения. В человеке это состояние соответствует глубокому сну без сновидений (= системе желез внутренней секреции).

3. *Царство животных*, в котором из звука нисходит не только акт остановки и его последовательный процесс, но также прекращение отзвука, ограничение самостоятельной, обособленной и объективной *формой*. Животное полностью проявлено в своей форме (*виде*), но его движение — лишь видимость: когда в *видах* животных (в видимости формы) проявляется типичный для какого-либо вида инстинкт, само движение животного по сравнению, например, с растением (которое лишь растет, развивается) — это бытие-движение существа его собственной формы, но не подлинное движение. Это скорее образ того, чем животное обладает не внутри себя, а вовне. Это символ того, что не снизошло в животное и воздействует на него извне, формируя его как инстинкт, как мудрость, отраженная в нем и переведенная в движение (автоматически относительно сознания отдельного животного). Животное погружено в сон движения теми сущностями, для которых движение является их подлинной сутью; кажется, будто животное движется *само*, но в действительности его перемещают. Подобно тому, как спящий видит различные передвижения, хотя при этом не является их автором (я говорю здесь не о тех, кто обладает сверхсознанием, а об обычном человеке), так же и *форма* животного — это сон в движении, сон, навеянный существами,

чьи сны создают животных из звука, которые, будучи остановлены противниками, нисходят в физические виды темных животных.

4. *Царство людей*, в котором звук нисходит полностью в виде внутренней, самостоятельной жизни отдельного индивидуума. Акт остановки (плотность), пропитанный собственным нисхождением (развитие) и своим отказом от резонанса (форма), содержит в себе также и *движение* всего процесса, который в своем значении заново модулируется внутри человеческого существа и заново выражается вовне в виде языка. Человеческий язык (под «языком») нужно понимать любую знаковую систему выражения, в том числе различные виды искусства) является образом Логоса. В человеке также живет смысл всего процесса звучания (то есть *мирового становления*), и он выражается во всем многообразии человеческих движений, во всей телесной системе. Тот, кто понаблюдает за человеком, увидит не только развивающуюся плотность, чья форма выражает некоторый внутренний мир, но всегда и форму в движении, то есть форму, которая движется сама по себе (даже когда человек находится в состоянии покоя) *с целью принять и индивидуально выразить универсальный смысл*.

Для человека подобная полная словесная осознанность была бы состоянием совершенной *пробужденности*. Иными словами, прямоходящий человек, в своем движении говорящий о *своей* внутренней сути как о универсальной внутренней сути — это Человек.

Всем известна морфологическая концепция, согласно которой лист растения является ничем иным, как всем растением в уменьшенном масштабе, и, напротив, растение — это лишь тот же самый лист в большем масштабе. Таким же образом форма тела человека является ничем иным, как его собственным органом речи в большем масштабе, как орган речи представляет собой — в уменьшенном масштабе — всего человека в целом. И так как человек представляет и синтезирует в себе все предыдущие состояния (минеральное, растительное и живот-

ное), то на этом пути мы быстро придем, с все возрастающей интенсивностью, к трансцендентальному восприятию того, что в человеческой речи живет суть, резонирующая со всеми формами Вселенной.

Это подсказывает нам смысл *свободы* человека: смысл, возникающий из осознания способности восходить или нисходить по лестнице существ (вниз, к состоянию минералов [и еще ниже] и вверх, до Отца) посредством собственного внутреннего тройственного бытия (мышление, чувства и воля), живущего в единых, но различных движениях (взаимосвязи между различными органами человека) и говорящего посредством внешних движений (слова, действия, занятия, движения конечностей, участие сознания, действия сверхсознания). Эта способность в ее синтезе дает ему силу извлекать из области архетипического звука в *чувственную форму* (слово-форму) тварных существ в его собственных человеческих творениях, как и силу вновь освобождать существ, уже созданных творящим Словом иерархий, выпускать их в изначальный звук Логоса, за пределы физико-природной формы. Отсюда проглядывает тот глубинный смысл, согласно которому аспекты мира и его существ на самом деле являются ничем иным, как *именами*, а имя имен — это *Человек*, полностью сознающий космическое слово, индивидуализированное в Я.

Одним из выводов этих заметок может быть следующий: истинно не сколько то, что все вещи можно перенести в плоскость осознанного слова, *перевести* в слова, сколько обратное: различные аспекты и существа этого мира (сотворенные существа, объекты, ангелы, демоны и так далее) являются сами по себе ничем иным, как более или менее алфавитизированными (фиксированными) буквами универсального языка, Логоса.

В этом алфавите Человек реально (и исключительно) выражает всю свою суть в развертывающемся движении к сознательной актуализации своей сути, которая, следовательно, не обусловлена внешним миром, а, напротив, явля-

стся выразителем, спасителем, творцом мира. Создания и предметы — это остановленные человеческие слова. Тот факт, что человек бродит на физических ногах по фиксированному лесу собственных внутренних движений (ставших для него внешними), является подтверждением потери им осознания единства с миром, а также *мерой* внутренних преград (то есть иллюзий), которые он должен преодолеть ради признания и активизации Логоса в себе — и тогда в состоянии Логоса вернется и внешний мир.

Таким образом, несомненно, что в своем изначальном принципе (но уже не во времени), в единосущном принципе субстанций и аспектов внешнего мира абсолютно все является Живым Словом. В постепенном приятии окружающего его мира смерти как Живого Слова вкушает человек свой Хлеб небесный, чьим символом, заклтым в тяжкую материю, является хлеб земной.

АРОМ ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

Прожив тридцать пять лет жизни, наполненной постоянной жестокой борьбой, и внезапно заинтересовавшись странным названием и еще более странным содержанием книги «Догма и ритуал высшей магии» Элифаса Леви, я принялся за изучение эзотерических наук.

Этот вспыхнувший молниеносно интерес породил во мне ощущение, близкое к «призванности».

С тех пор (а прошло уже много лет) я прочитал массу разной литературы подобного рода. В некоторых из этих книг, особенно дорогих и близких мне, говорилось: «Пробуй! Дерзай! Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его⁹⁵».

⁹⁵ «...От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...» (Мф., 11: 12). — *Прим. перев.*

Я принял решение и смело отдался практике, сознательно и упорно. Почти сразу же я достиг неожиданных результатов.

Стоит ли рассказать об этом немного подробнее? Наверно, стоит — потому что многие ограничиваются лишь чтением, а потому остаются в сомнениях или пребывают в фантазиях; и лишь немногие, слишком немногие решаются воплотить наследие тайных учений в живую реальность *опыта*.

Я уже сказал, что почти незамедлительно достиг результатов. Добавлю также, что природная стабильность моего ума, точное чувство реальности, вечно бдительный и бодрствующий во время практики дух, а также отсутствие какой-либо предрасположенности к медиумизму позволили мне исключить всякий элемент «ненормальности» и «фантазии».

Почти все те феномены, что были здесь описаны, особенно в текстах Майринка и Абраксаса, я испытал в том же порядке и с тем же нарастанием интенсивности: от первых судорог обездвиженного при помощи воли тела до величественного и ужасающего видения собственного «Я», сияющего и реального со дня его первого проявления.

Сегодня я говорю об «этом» с некоторой непринужденностью, но признаю, что ранее был на это не способен. Мое образование, основанное на довольно путаной «окультистской» литературе, не просветило меня относительно подлинной реальности этих феноменов, а скорее исказило ее. И поэтому я впадал в заблуждения при их оценке, которые смог преодолеть лишь благодаря изрядной доле смелости.

Здесь не место подробно описывать использованные мной методы: несколько лет прошло в обучении с переменным успехом, в долгой, упорной работе во имя все более совершенного господства над мыслями и очищению от «существа желания». Далее, я использовал практики внимания, медитации, сосредоточения, интуитивно сочетая их с дыхательными упражнениями.

Первые проявления я увидел в 1925 году. Однажды после медитации я неожиданно увидел вокруг светящиеся кавычки, быстро вращавшиеся по кругу. При выполнении других упражнений они сверкали все ярче, и в конце концов слились в единое облако, которое, распадаясь, являло темный фон опалового цвета с ярчайшим светом в центре⁹⁶. По мере продолжения упражнений размеры облака увеличивались — и я нередко ощущал *присутствие* затаивающейся силы, которой неосознанно сопротивлялся.

И по причине постоянных занятий по накоплению праны посредством ритмичного дыхания (иногда сопровождая его чтением мантр) и сосредоточения, которое длилось много месяцев, в темной комнате в середине второй половины дня я ощутил светящийся центр посередине лба, как бы пылающий ярким огнем, который активизировала работа моего ума (Солнце) и укрепило дуновение праны (Меркурий).

Именно в этот момент я впервые испытал то, что некоторые школы называют «*состоянием вод*» с плывущими прозрачными призраками и «сияющими медузами».

Много ночей моя комната была словно залита сиянием — маленькими солнышками, которые повсюду на мгновение вспыхивали и затем исчезали. Постоянный опаловый свет сглаживал все контуры, и даже стены комнаты, казалось, исчезали в нем. В некоторые моменты тьму прорезали раскаленно-красные молнии; в отдалении вырисовывались странные черные тени, иногда гигантские. В то же время другие лучистые формы приближались ко мне, проходили сквозь меня и уходили дальше, заставляя меня чувствовать холод или жар. Обычно они сменялись светлым спокойствием, в котором улетучивались все темные формы, и в поле зрения расцветали свет-

⁹⁶ Ср. выражения из герметического текста (Dom, *Specul. philosoph. // Teatrum Chem.*, I, 275): «Так он очами ума постепенно увидит искры, с каждым днем все больше, вырастающие в великий свет». — *Прим. гр. «Ур»*.

лые сущности — это происходило постоянно, что позволяло мне зарисовывать их в памяти.

Как должен был я расценивать эти проявления? И, вызвав их, как я мог от них избавиться? Как я мог оставаться безучастным, находясь в самом центре подобного праздника света? Те, кто прошел через подобные испытания, прекрасно знают, что закрывать глаза бесполезно, ибо *это мы наблюдаем не физическими глазами и воспринимаем не физическими ушами*. Как мог я освободиться от ощущения того, что колышусь, как невесомое перо, хотя и полностью осознавая, что неподвижно лежу в постели?

И как быть с ежемоментным, неумолимым ощущением сверкающего центра света между глаз, обрызгивающего, как кузнечный молот, огненными искрами всякую вещь и повсюду? И с какими мыслями созерцать явление своего собственного образа, начертанного огненными линиями на черном фоне ночи?

Теперь я могу равнодушно рассмотреть свои страхи и назвать их беспочвенными, потому что я научился господствовать над ними. Но я не мог сделать это во время первых опытов, и поэтому не осмелюсь смеяться над ними сейчас, учитывая величие этих проявлений.

Измотанный долгим напряжением, к утру, после короткого сна, я пробудился. И здесь мне внезапно открылось новое, преображенное видение природы, ставшее облегчением в тяжелой борьбе. К моему удивлению, моим едва прикрытым глазам вещи и существа предстали в своей очевидности, в такой живости и в таком смысле, о которых я ранее не знал ничего и который какие слова не могут передать. Свободно созерцая, я воспринимал глубинные силы природы и жизни; и ничто из того, что я знал (хотя я со страстью изучал естественные науки), по полноте, по тонкости деталей, по органической и непосредственной связи не может сравниться со всем тем, что я таким образом познал без какого-либо усилия, в то время как все мое существо находилось в состоянии полнейшей нейтральности.

Возможно, эти опыты будут мелочью в сравнении с пережитым и переживаемым другими людьми. Несмотря на это, я твердо убежден, что открыл путь к дальнейшим достижениям. В настоящее время *«я знаю»*. Теперь речь идет о том, чтобы взять это знание и обрести способность действовать в мире, двери которого открыты для меня.

Может быть, это всего лишь моя самоуверенность? Внутренний голос говорит мне, что это не так. Он говорит мне, что я на верном пути, что первый шаг сделан, и речь идет только о том, что нужно лишь обрести достаточно сил, чтобы идти дальше.

ЗА ВОПРОС БЕССМЕРТИЯ

В этих заметках мы намереемся кратко объяснить, как вопрос жизни после смерти и даже бессмертия представляется с инициатической точки зрения, которая, как уже было сказано, по своей сути является точкой зрения, связанной с *опытом* и *реальностью*.

Первое, что следует определить, — это то, *для кого* ставится вопрос о такой жизни или о самой смерти? Здесь нельзя говорить о некоей абстрактной сущности из философии или теологии, — речь идет о том, что существует конкретно, то есть о том, что можно назвать *живым сознанием*. Это обособленное сознание, которое на практике выводит чувство себя из соотнесения с единством определенного психофизического организма, и, более того, чувственного опыта в общем.

Но постулировать если даже не бессмертие, то хотя бы выживание после смерти такого сознания было бы легкомысленным. На самом деле прежде всего нужно учитывать степень влияния телесных обстоятельств на свойства подобного сознания, включая те, что являются основой его организационного единства. Далее, очевидно, что уже во сне из-за исчезновения чувственных впечатле-

ний сознание или исчезает, или остается лишь в ограниченной форме, свойственной обычному сну. Несомненно, что после пробуждения сознание возвращается; но это происходит только потому, что сохраняется органическое единство. Однако не стоит игнорировать некоторые сведения о патологических случаях. Существуют определенные болезни, которые постепенно воздействуют как раз на это органическое единство, прогрессируя и отступая, вплоть до того, что заставляют человека заново почувствовать жизнь в состоянии полуздоровья, и позже вновь продолжают свое течение. Было верно замечено, что в случаях этого рода у человека последовательно возникают впечатления рождения, а позже смерти. По мере того, как болезнь прогрессирует, человек испытывает своего рода *опыт умирания*: при помощи того, что в математике называют сходимостью к пределу, он подходит достаточно близко к смерти, чтобы предчувствовать некое ощущение: ощущение погружения, растворения⁹⁷.

Действительно, было бы необоснованно ожидать чего-либо иного там, где речь идет о сознании, сплавленном с животной жизненной силой. Следовательно, вопрос нужно поставить иначе: нужно увидеть, в каких случаях и при каких условиях в человеке есть нечто *по-настоящему* иное — нечто большее, чем то, что обычно называется «живым сознанием». Здесь инициатическое учение четко отличается от большей части религиозных точек зрения (по крайней мере, согласно их экзотерическому смыслу), ибо оно ставит вопрос жизни после смерти и бессмертия не абстрактно и в общем — для человека в общем, а лишь относительно различных возможностей и условий.

Между тем, если мы имеем в виду не организованное и централизованное сознание, — о котором мы думаем, когда говорим о «я», — уже можно в общем допус-

⁹⁷ Об этих опытах предчувствия смерти при некоторых болезнях органов см. J. M. Guyau, *Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*, Paris, 1885, с. I, s. I, § II.

тить выживание чего-то после кризиса и погружения смерти. Как физический организм со смертью не растворяется в ничто, а сначала оставляет после себя труп, а затем и продукты его разложения, следующие разнообразным химико-физическим законам, примерно то же самое нужно полагать верным относительно и «психической» части человека: после смерти какое-то время сохраняется нечто вроде «психического трупа», некий вид отпечатка личности покойного, что в некоторых случаях может вызывать разнообразные проявления. Именно эти проявления или самого психического трупа, или его частей (в том случае, если произошла его последующая диссоциация) наивно принимаются спиритуалистами за «экспериментальные» доказательства жизни души после смерти, тогда как более пристальный взгляд продемонстрировал бы противоположное. Автоматический характер этих сохранившихся и теперь уже безличных сил не препятствует определенной интенсивности этих проявлений. Например, таков случай, когда пробудившиеся в течение жизни чувства, страсти, глубинные наклонности лелеялись до самой смерти. Именно эти силы *несут* выхолощенный образ усопшего, так сказать, занимая место его «Я», как, впрочем, в таких случаях часто и происходило при жизни, хотя и в меньшей степени. Это всегда «стихийные» действия, которые не имеют ничего общего с тем, что может назвать духовной личностью умершего⁹⁸.

Однако использование последнего выражения требует разъяснения, так как оно, очевидно, подразумевает нечто большее, чем то, что мы назвали живым сознанием. В онтологическом контексте ясно, что без какой-либо

⁹⁸ Есть и другой случай, при котором психические остатки и отпечатки одушевляются и присваиваются темными силами потустороннего мира: на этой основе нужно объяснять большую часть парапсихологических феноменов, чем можно было бы подумать. Наконец, существуют и возможности, предоставляемые *некромантией*, в которой оператор одалживает свою жизнь и «Я» призраку, временно поднимая его из угасшего состояния, в классических традициях соответствовавшего *Гадесу*.

связи с трансцендентным принципом не только человек, но и всякое природное существо не может обладать существованием, даже иллюзорным. С инициатической точки зрения человек ощущает свое «Я» именно из-за *отражения* высшего принципа, и вышеуказанную обусловленность обычного живого сознания можно понять как существующую между отраженным образом и средствами, при помощи которых этот образ формируется. На самом деле между этими двумя вещами существует строгое отношение, которое определяет и даже организует то, что в индийской традиции называется «стихийным Я», или, точнее, «сансарическим Я»⁹⁹, в то время как соответствующим понятием в классической терминологии будет душа в противоположность νοῦς — уму, понимаемому как непреходящий олимпийский принцип.

Когда разбивается зеркало, это не затрагивает отраженный в нем объект — но его образ исчезает. Именно так нужно истолковывать феномен смерти в том случае, когда он имеет только отрицательный исход, как было сказано относительно живого сознания. То, что имеет природу человеческого Я, не переживет смерть. Если выражаться точнее, то происходит настоящее изменение состояния, и помимо призрака и вышеупомянутых психических остатков, являющихся автоматическими движениями, продолжающими существовать в силу инерции, то, что является собственно жизнью сансарического Я, вновь поглощается субличным «родом», который можно охарактеризовать как «корневую сущность». На этом плане, опять же, можно понять жизнь после смерти *sui generis*¹⁰⁰, так как эта сущность не только дала жизнь определенному телу, но может давать ее и другим, существующим как до, так и после него. При разложении данного психофизического конгломерата и несомого им от-

⁹⁹ Весьма выразительный термин, используемый гностиками, чтобы описать этот принцип — это *фальшивый дух*.

¹⁰⁰ Своего рода (лат.) — *Прим. перев.*

ражения Я эта сила сохраняется, но становится скрытой, как потенциал огня, который можно разжечь вновь, что означает нового индивида, новое существование. Естественно, здесь идет речь не только о нашем виде и биологическом роде, и не только о жизнях, произведенных той же кровью при помощи полового размножения. Существа, являющиеся разными проявлениями этой сущности, за очень редким исключением могут показаться совершенно посторонними и чуждыми друг другу. Их соединяет связь, ускользающая от физических чувств, невидимые узы, не имеющие материальной основы. Здесь нужно ограничиться этим кратким изложением, необходимым для общей ориентации, так как проблема взаимоотношений между различными видами наследственности человека могла бы увести довольно далеко; и она, возможно, будет рассмотрена в другом случае.

Во всяком случае, не самой последней причиной этого упоминания является необходимость рассеять недоразумения, окружающие понятие *перевоплощения* (реинкарнации) — точку зрения, совершенно не соответствующей эзотерическому учению в противоположность тому, что думают многие современные «спиритуалисты» и теософы. То, что во многих древних западных и восточных текстах кажется указанием на реинкарнацию, является лишь символической и популярной формой выражения доктрины с совсем иным смыслом. Говоря в общем, возможность превращения «сансарического Я» (которое приблизительно соответствует тому, что для подавляющего большинства имеет ценность их «Я», *Я tout court*¹⁰¹) — это противоречие в терминах, потому что относительная идентичность такого Я состоит в роли данного психофизического организма, то есть в роли данного сочетания, которое, однажды разложившись, никогда больше не появится в таком же виде. То, что продолжается в ряде существований — это не то, что было создано, а

¹⁰¹ Всего-навсего (франц). — Прим. перев.

сама созидающая сила, то есть доличностная сила, упомянутая выше. Иными словами, если «Я», обретшие форму в различных существованиях этого ряда, называть А, Б, В и так далее, то А не перевоплощается в Б, а затем в В и так далее: именно сила, действующая в А, и в которой А растворяется, вновь проявляется в Б, затем в В, и так далее. *Непрерывность* касается исключительно этой силы, не являющейся ни Я, ни живым сознанием. Напротив, если каким-то чудом А (Я данного существования) могло бы увидеть перед собой Б, В, и так далее, то есть сущности, являющиеся ее предполагаемыми «перевоплощениями», они бы показались (и должны были бы показаться) ей чуждыми сущностями, совершенно другими людьми или Я, отдельными от нее в пространстве.

Тот уровень, на котором перевоплощение может быть истинным, — это сансарический уровень (мир Вод, эллинский «цикл необходимости»); следовательно, он не имеет ничего общего с уровнем духовной личности. Поэтому — скажем мимоходом — есть серьезные причины с подозрением относиться к любому учению, чьей отличительной чертой является обязательная идея перевоплощения, если только ее цель не является практической — то есть создать основу для подчеркивания совершенно противоположного направления, ведущего к «освобождению». Не имеет смысла спорить с тем, что существуют особые виды опыта, которые могут предоставить своего рода доказательства учения о перевоплощении: здесь речь идет только об их правильной интерпретации. В силу того факта, что индивидуальное Я принимает все более жесткую, закрытую в себе форму, подобный опыт стал сегодня, особенно на Западе, крайне редким. Тем не менее, возможно, что благодаря некоторому неожиданному озарению или инициатическим практикам это ограничение устраняется и обретается некоторое понимание глубинного корня собственной жизни: это восстает *сансарическое сознание*, которое может даже принимать видимость памяти. В глубинном, доличностном стволе дей-

ствительно существует память других сущностей, которые в прерывистом ряду Я появляются как переходящие проявления того же неистощимого ствола. Следовательно, их единственным значением является временное устранение индивидуального сознания и «нисхождение в преисподнюю» *sui generis*. И эта вещь во втором случае должна соответствовать или регрессии, или некоторой, почти что реальной надындивидуальности. Действительно, если предел индивидуального сознания устранен, то же бодрствующее сознание исчезает как во сне и больше не может иметь никакого опыта. Только из-за своего рода отзвука более древних состояний сансарическое полусознание на Востоке ослабило чувство единственной земной жизни Я, которое на Западе является сегодня нормальным и всеобщим ощущением. Но если говорить не о регрессии и почти что гранях или продолжениях сознания, не полностью определенного и стабилизированного, то сансарическое сознание нужно считать формой инициатического сознания¹⁰². И всякий может вспомнить, что в первоначальных буддистских текстах, где говорится о видениях множественных жизней, это видение недвусмысленно связано со стадиями высшего созерцания. Это опыт, который предполагает *отделение*.

Таким образом мы достигли самого сердца инициатической проблемы жизни после смерти и доктрины обусловленной природы как выживания после смерти, так и бессмертия. Чтобы описать Я, мы использовали образ отражения, связанного со средствами, при помощи которых это отражение происходит. Теперь мы можем понять восхождение от отражения к его источнику, что подразумевает как раз отделение, отвлечение, отстранение, соответствующее изменению состояния и глубинному кризису, ибо здесь происходит более или менее то же самое, что и при смерти: обычная поддержка, предоставляемая телом и сансарической жизненной силой, исчезает. Такова *ини-*

¹⁰² См. эссе Абракса в гл. I.

циатическая смерть, о которой вполне можно говорить как о реальной смерти, осуществленной опытным путем после того, как человеку была передана сила, способная поддержать его сознание¹⁰³. Тот, кто на самом деле прошел через эту смерть, перестал быть человеком: он более не связан узами индивидуальной формы, его Я является уже не отражением, а *сущностью*. Он активизировал «духовную личность». После этого поддержка физического тела и чувственного опыта может даже исчезнуть, но рождения и гибели индивидуального сознания не произойдет. Таким образом реализуется *положительное* условие выживания после смерти, которое может быть при необходимости подтверждено. В определенных условиях можно вызвать состояния, в которых можно сказать: «Все, что идет ко мне из мира чувств, подавлено, и тем не менее я воспринимаю свое сознание как ясное, прозрачное и неуловимое». Что касается конкретного характера инициатической трансформации, будет достаточно вспомнить высказывание, вызвавшее большой скандал в уже «просвещенной» Греции, а именно то, что если преступник будет посвящен в Элевсинские мистерии, его посмертную судьбу нельзя будет сравнить с судьбой, ожидающих самых добродетельных или знаменитых людей, — например, Эпаминонда.

Здесь нужно подчеркнуть, что выживание сознания после смерти не обязательно тождественно *бессмертию*. Это ведет нас к теории иерархии миров и состояний бытия, а также к так называемым циклическим законам. Об этом всем сейчас можно только кратко упомянуть. Бес-

¹⁰³ Герметическое «отделение», которое в текстах часто является синонимом «умерщвления» и «смерти», имеет именно этот смысл. Можно также вспомнить слова св. Павла (*Евреям*, 4: 13): «слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до *разделения* души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные». Ориген (*De principiis*, III, 3) говорит о душе плоти — «сансарическом Я» — как о противоположной духу, добавляя, что она связана с «кровью человека». Ср. инициатическое выражение «охладить кровь».

смертным в абсолютном смысле является только Необу-словленное, принцип за пределами всякого проявления. Таким образом, бессмертие существует только в качестве «олимпийского» бессмертия в высшем смысле, происходя из состояния единства с Необусловленным. Тот, кто уже реализовал условия для жизни после смерти, может стремиться к этой высшей цели. Но не факт, что ему это удастся. Можно попытаться при жизни достигнуть полного «освобождения», что делает бессмертным. Некоторые возможности предлагаются в момент смерти. Другие предлагаются в посмертных состояниях, в которых знание и сознание посвященного, в отличие от знания и сознания обычных людей, продолжают существовать¹⁰⁴. Чтобы достичь бессмертия, необходимо *сжечь* все устремления, побуждающие занять то или это сверхчеловеческое «место» — если хотите, «ангельское» или «небесное», — так как все это с инициатической точки зрения все еще принадлежит к проявлению, к обусловленному, а не к необусловленному, и не имеет «вечного» характера. Когда борьба за бессмертие проходит в по-настоящему магическом контексте, задача состоит в сопротивлении встречающимся на пути существам (олицетворениям определенных способов существования) при помощи создания более высокой интенсивности, нежели создаваемая ими. Здесь принцип состоит в том, что при создании *отношения* неспособность господствовать сразу же означает подпадание под чужое господство, и отсюда — соединение с данными условиями существования. Но даже на магическом пути на самой вершине сила должна преобразоваться в чистый свет во имя «Великого Освобождения».

В общем, необходимо наметить ясную линию разделения между теми, кто переживает смерть и «бессмертными» с одной стороны, и подавляющим большинством людей с другой — это всегда признавали не только ини-

¹⁰⁴ Они впечатляюще рассматриваются в «Бардо Тёдол», или «Тибетской книге мертвых», и частично также в «Египетской книге мертвых».

циатические школы, но также практически все древние религии, пусть даже символически. Мысль о том, что всякий обладает «бессмертной душой», понимаемой, более того, как отпечаток живого сознания и индивидуального земного Я, является настоящим идеологическим помешательством, хотя ее пользу в качестве опиума для масс временами нельзя отрицать.

То, что способно пережить смерть и быть бессмертным — это не «душа», а ум как *pois*, как сверхъестественный элемент. Но рассуждать о нем и говорить, что он неразрушим и вечен, бесполезно, если нет никакого контакта, никакой непрерывности между сознанием, живущим в сансарическом отражении, и подобным принципом. «Душа» может пережить смерть, только если она присоединяется к «уму», становясь душой *стоящей и не падающей*, о которой говорил Агриппа. Это *metabolé*, изменение полярности, и ее начальной точкой является инициация. Душа вместо опоры на естественную сущность опирается на сверхъестественную сущность и становится единой с ней. Таким образом создается новая форма, которую не затрагивает смерть. Когда тело разлагается, эта форма становится свободной в качестве «тела» нетленного света — речь уже не идет ни о призрачном остатке, ни о том, что называется «второй смертью». Это «тело» соответствует энергии, которая при помощи соответствующих трансформаций позже проявится на плане бытия, соответствующем определенному «знанию» и «достоинству» посвященного. Кроме того, в особом порядке, избежит смерти и создаст своего рода субстрат непрерывности все то, что в живом сознании слилось с *душой стоящей и не падающей*, которая при этом, как говорит Агриппа, также является активным началом любой операции высшей магии.

ГЛАВА VI

ЛЕО ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНА

В жизни обычного человека сон является уничтожением сознания — своего рода смертью, едва освещенной миражом сновидений. Более того: чем глубже сон, чем глубже опустилось сознание, тем сильнее чувство удовлетворения, как при достижении идеального состояния.

Но когда достигается сильная интроверсия, когда усиленная внутренняя жизнь становится преобладающей, а внешний мир перестает ощущаться единственным центром интересов — тогда приходит смутное чувство, что жизнь во сне является продолжением, а не паузой, дополнением жизни в бодрствующем состоянии, а не грубым, периодическим и непонятным ее прерыванием.

Бесполезно искать объяснения загадки сна, если мы неспособны изменить ориентацию отдельного сознания. Несостоятельность научных теорий, стремившихся разгадать эту загадку, имеет своей причиной тот факт, что его намечались объяснить при помощи средств, использовавшихся при исследованиях внешних явлений. В физическом теле не нашли и никогда не найдут подлинное объяснение, потому что можно сказать, что в теле ничего не происходит, когда мы впадаем в сон: тело подвергается сну, подлинное изменение лежит за пределами физической и телесной области. Все невидимое отделяется от тела и уносит с собой сознание. Обычные жизненные явления продолжают, но связь психической жизни с мозгом прерывается.

Объединяя это объяснение с тем, что ранее было изложено на этих страницах относительно «тонкого тела», мы можем констатировать некий вид его раздвоения. Одна группа сил в нем, дарующая форму и жизнь, остается

ся в усыпленном физическом теле, что и отличает его от трупа. Другая группа сил, которая направляет мышление, ощущения, а также различные импульсы действия, отделяется, чтобы жить собственной жизнью. Решение этой загадки может быть дано не при помощи материального исследования и теоретических понятий, а, напротив, путем расширения и трансформации сознания, путем переноса внимания на новые внутренние горизонты.

Как уже было сказано, первый шаг состоит из изменения отношения к ночи и сну. Нужно сопротивляться как стремлению отдаться бессознательному состоянию, так и ощущению того, что ночь является царством мрака. Напротив, ночь является космическим пробуждением, проявлением, порывом и отзвуком тех духовных сил, которые физический солнечный свет заставляет уйти прочь. Именно *духовное солнце* восходит, именно его наше тонкое тело должно искать, ориентируясь по нему. Нужно культивировать чувство ожидания безмерно более свободной и обширной формы жизни по сравнению с обычной жизнью в состоянии бодрствования.

Здесь уместно предвидеть одно возражение и сразу же ответить на него. Можно было бы сказать, что подобное отношение, стремящееся сделать из сна некое сверхбодрствование, помешает тому, что требуется от сна больше всего — то есть отдыху и восстановлению физических сил. Но это не так. Более того, происходит противоположное: уже с этой стадии эксперимента органическое восстановление оказывается более быстрым и полным, как если бы уже удалось вступить в связь с силами восстановления и сотрудничать с ними. Вы увидите, что потребность в восьми- или десятичасовом оцепенении, после которого мы просыпаемся удовлетворенными и одурманенными, исчезает — и после нескольких часов сна вы будете спонтанно пробуждаться в состоянии живости, полноты и свежести и с особым чувством свободы, смелости и активного превосходства по отношению к нашим ежедневным задачам.

Спустя некоторое время после начала развития вышеуказанного отношения нужно попытаться сделать следующий шаг. Во время засыпания при переходе из одного состояния сознания к другому присутствует момент затмения и разрыва, который нужно преодолеть. Нужно возвести мост, ведущий наше Я в его полноте отдельного бытия как бы к другому внешнему миру, лежащему за пределами мира физических чувств. Нужно научиться *искусству засыпания*¹⁰⁵. Кое-что на этот счет уже было сказано в главе V. Добавим некоторые частности.

Нужно лечь на кровать так, чтобы голова была немного приподнята. Сегодня все шире распространяется привычка спать так, чтобы голова находилась на одном или почти одном уровне с телом, если вообще не ниже его. Это отвратительная привычка, основывающаяся на следующей ошибке: «Чем больше приток крови к голове, тем лучше питается нервное вещество». В реальности большой приток крови означает сжатие нервного вещества; а с инициатической точки зрения кровь является чем-то большим, нежели переносчиком восстановительных веществ для тканей: это жидкость, несущая в себе многое из внешнего мира, его темные образы, и способная сообщать их мозгу во время сна, таким образом запечатлевая в нем беспорядочную и иррациональную деятельность. Она также может нести типичные и патологические характеристики органов, через которые она проходит, и таким образом влиять на сны.

Если же поток крови не слишком силен, надлежащим образом тренированный мозг может сохранять покой и восприимчивость, необходимые для того, чтобы утром помнить опыт, осознанный в тонком теле.

Также стоит лечь спать на пустой желудок, потому что давление на диафрагму и на солнечное сплетение может мешать органам, соответствующим центру

¹⁰⁵ Его спутник — *искусство умирающего (ars moriendi)* — сегодня в той же мере утерян и им в той же мере пренебрегают. — Прим. гр. «Ур».

тонкого тела, и с самого начала искажать или замедлять восприимчивость к ритмам.

Мы уже говорили, что во время сна в усыпленном теле остается одна группа сил. Когда уходит и она, на смену сну приходит каталептическое состояние. На данный момент нужно не пытаться отделить эту группу сил, а заставить ее приобрести подвижность, которая сделает ее достаточно независимой и более ориентированной на тонкое тело, нежели на физическое. Из этого последует ритмизация и замедление дыхания и кровообращения — такое состояние весьма благоприятно для опыта жизни во сне. Более того, группа жизненных и формирующих сил будет функционировать в качестве посредника между физическим телом и тем, что Я испытывает в нематериальном режиме.

Эта группа сил в некоторых условиях принимает автономию подлинного жизненного тела, которое, как уже сказано, должно будет иметь некоторую подвижность в физическом теле. Тот момент, когда сон начинает подступать, наиболее подходит для того, чтобы попрактиковаться в умении вызывать эту подвижность: нужно представить, что вы можете *вращаться* вокруг гипотетической оси тела — слева направо — и в это же время поддерживать в уме образ или символ, отсылающий к нашей духовной природе, настроенный на чувство божественного, на чувство *подъема*. Можно четко представлять это понятие и делать упражнение на подвижность в полном сознании при уже начатом процессе отделения, так как оно сначала ощущается в руках.

Для подтверждения этого можно провести небольшой эксперимент. Подержим какой-нибудь объект в вытянутой за пределы кровати руке: в некоторый момент мы почувствуем, что он упал и ощутим, что потеряли чувство местонахождения самой руки. Если мы достаточное время засыпаем с понятием, о котором говорили выше, утром мы проснемся с этим понятием + х. Иными словами, какая-то вещь присоединится к этому понятию, что будет

становится все более отчетливым, и станет воспоминанием, ощущением нашей космической ночной жизни.

Не нужно спешить все интерпретировать и объяснять — ясность должна прийти сама, без вмешательства рассудка, и всякое предвосхищение будет искажением. Нужно обладать совершенно свободной душой, потому что откровения могут противоречить нашим суждениям и желаниям в состоянии бодрствования как относительно себя, так и относительно внешних вещей. Критика может прийти позже — а пока мы должны обуздывать инстинктивные реакции и склонность понимать согласно predetermined схемам нашего ума и наших чувств.

Естественно, здесь можно сказать больше. На самом деле *вся* наша дневная деятельность должна быть сориентирована надлежащим образом. Советы в этом отношении уже были даны в главах I и II, равно как и в отношении ощущения тонкого тела (гл. III). Если вы достигли необходимой зрелости, остальное произойдет само: вы спонтанно обнаружите иное поведение и возможные приложения в ежедневной жизни. Наряду с нашими обычными занятиями с вами всегда пребудет чувство внутреннего света, спокойное и постоянное.

Далее, имейте в виду, что для всякого духовного завоевания является смертельным наше чувство «телесного» или «животного» эгоизма, весьма отличного от подлинного чувства Я — то есть самоощущение человека, сосредоточенного только на том, чтобы ухватить все то, до чего он может дотянуться, во имя удовлетворения своей природы ограниченного и алчущего существа. *Sic nos non nobis*¹⁰⁶ — таков наилучший девиз правильного поведения. Тот, кто смотрит назад, чтобы созерцать то, что уже получено и чем можно наслаждаться, обессиливает себя и окаменевает, как библейская супруга Лота, лишается сил, как Нарцисс, убитый своей *сущностью* из-за любви к своему собственному *изображению*.

¹⁰⁶ Так мы не для себя (лат.) — Прим. перев.

ЭА

О МАГИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЖИЗНИ

Название данного текста не должно заставить читателя приписать изложенным в нем идеям значимость для всех без исключения. Скорее речь идет об «истинах», принимаемых на определенной стадии развития с целью предварительного освобождения и очищения души, которое может принимать эту форму в первую очередь на «пути воина» — кшатрия, говоря языком индуизма. Как только такая дисциплина принесет свои плоды, некоторые перспективы могут измениться, и на смену ей придет точка зрения, соответствующая подлинной трансцендентной реализации.

(Примечание группы «Ур»)

Самопреодоление является не только объектом ритуалов: оно также связано с обновленным, героическим *ощущением* мира и жизни; это не абстрактные построения ума, а нечто пульсирующее в ритме крови. Это ощущение мира как могущества, как жертвенного акта. Великая свобода, где единственным законом является действие. Повсюду — существа, сотворенные из силы, и в то же время — космическое дыхание, чувство высоты, *воздушности*.

Действие должно быть освобождено. Оно должно осуществляться в себе, быть очищенным от рассудочного жара, от ненависти и жажды. Вот истины, которые должны проникнуть в душу: *идти некуда, просить нечего, надеяться не на что, бояться нечего*. Мир свободен: цели и причины, «эволюция», судьба или провидение — все это туман, изобретение существ, которые еще не могут ходить сами и нуждаются в костылях и опорах. Теперь ты будешь сам по себе. И нужно прийти к тому, чтобы ощутить себя *центром силы* и в итоге познать действие, обусловленное не тем или иным объектом, но самим собой. Теперь тебя невозможно сдвинуть: достигнув отрешенности, ты будешь двигаться сам. Окружающие предметы перестанут быть объектами твоего желания — они станут

объектами действия. Вращаясь вокруг более не существующих вещей, импульсы иррациональной жизни в итоге исчезнут — и падет также и чувство напряжения, стремление куда-то бежать, что-то делать, погружаться в деятельность, болезненная серьезность и нужда, трагическое чувство и титанические узы — в общем, великая болезнь — *человеческое* чувство жизни. На смену ему придет высший покой. Именно из него сможет возродиться действие, чистое и очищающее: это действие, готовое в любой момент и в любом месте избрать любое направление; действие гибкое, неуловимое, постоянно утверждающее себя по ту сторону самого себя, свободное от себя, превосходящее победу и поражение, успех и неудачу, эгоизм и альтруизм, счастье и горе; действие, освобожденное от уз, от отождествления, от привязанности.

В подобном действии ты сможешь найти *очищение*, ибо благодаря ему «индивид» теряет свое значение, и оно переносит тебя за пределы как абстрактного знания, так и иррационального натиска низших сил. Не призраки понятий, идей и «ценностей» — а *взор без ориентиров*, единственным непосредственным объектом которого является *реальность*. Это действие, пробужденное как нечто *стихийное*, простое, незатухающее. Сила повелевать и сила подчиняться: первая так же абсолютна, как и вторая, и может избрать любой способ, который потребует, для вызова и отождествления, равно как и для тех мгновенных, нематериальных встреч с «присутствиями», когда одни, могущественные и незримые, могут подниматься и исчезать, а другие — осаждаться в телесных формах.

Но уже в обычной жизни необходимо следовать дисциплине, заставляющей осознать бесполезность всякого сентиментализма и всякого вызывающего эмоции затруднения. На их место должны прийти ясный взгляд и адекватное действие. Как у хирурга, вместо сострадания и милосердия — операция, решающая проблему. Как у воина или спортсмена — вместо страха и иррационального возбуждения перед лицом опасности — живая решимость

сделать все, что в его силах. Милосердие, страх, надежда, нетерпение, тревога суть *расслоения души*, питающие тайные и вампирические силы отрицания. Возьмем, к примеру, сострадание: оно никак не устраняет чужих несчастий, но позволяет им смутить твой дух. Если можешь, действуй, прими личность другого и сообщи ей свою силу. Если нет, отстранись. Так же и с ненавистью: ненавидя, ты унижаешь себя. Если желаешь, если этого требует твоё чувство справедливости — руби и подавляй, но не искажай свой дух. Кроме того, ненавидя, ты теряешь силу: ненависть искажает, препятствует контролю над действием противника; хуже того — ты открываешься его влиянию, которое ты сможешь опознать и остановить, если останешься бесстрастным, не будешь реагировать. Тот, кто желает *познания* и *власти* над «добром» и «злом», должен уничтожить «страсть» к «добру» и «злу». Сумей отдавать при помощи чистого действия, как абсолютный дар, без наслаждения милосердием или состраданием. Сумей разить без ненависти. «Я сила сильных, свободных от вожделений и страсти» — *balam balavatâm asmi kâmarâgavivarjitam* — так говоря о себе, божественный герой указал на ту силу и ту чистоту, над которыми ничто не властно, пред которыми отступает даже закон действия и противодействия¹⁰⁷. Как только лихорадка, темная сила инстинкта, жажды и отвращения уведут существо из этого центра, перед ними не устоит и величайший из богов.

Отрешенность, безмолвие, одиночество — вот что готовит освобождение видения жизни и мира.

Отстранись от существ. Не узнавай себя в других; не чувствуй себя выше, ниже или равным другим. В этом нижнем мире существа одиноки, не имеют закона, избавления, оправдания; они одеты лишь в собственную силу или слабость — вершины, камни, песок. Это первое освобождение видения жизни. Преодолей вредное влияние идей братства, потребность любить и быть любимым,

¹⁰⁷ *Бхагавад-Гита*, II, 38; II, 47–8; III, 30; VII, 11.

чувство группы, равенства и общности. Очистись от этого. С определенного момента ты перестанешь чувствовать общность с кем-либо на основе крови, эмоций, родины или человеческой судьбы. Ты сможешь почувствовать единство лишь с теми, кто идет тем же путем, не являющимся путем людей, не имеющим к людским путям никакого отношения.

И, обращая взгляд на окружающие вещи, постарайся услышать *голос неодушевленного*. «Как прекрасны они, свободные силы, пока не запятнанные духом!» (Ницше). Не говори «пока» — лучше говори «уже» не запятнанные «духом», и пойми, что «духом» здесь называется как раз все «нереальное»: все то, что человек с его чувствами, мыслями, страхами и надеждами спроецировал на природу, чтобы сделать ее близкой, заставить говорить его собственным языком. Оставь это: пытайся понять послание вещей, особенно там, где они предстают чужими, обнаженными, немymi — там, где у них нет души, так как они суть нечто большее, чем «душа». Это первый шаг к освобождению видения мира. На *магическом* плане ты будешь познавать мир, вернувшийся к свободному, интенсивному, сущностному состоянию, к состоянию, когда природа не является природой, а дух не является «духом», когда не существует ни вещей, ни людей, ни ипостасей «богов», но лишь *могущества*, а жизнь каждую минуту является героическим событием, созданным из символов, просветлений, приказаний, ритуальных и жертвенных действий.

В этом мире нет более ни «здесь», ни «там», нет и привязанностей: все бесконечно одинаково и бесконечно разнообразно, действие зарождается в самом себе, чистое, сокрытое. И «Ветер», «Дыхание» — дыхание герметической «Великой Зелени» — несет все в смысле жертвы, приношения, светлого и чудесного ритуала, посреди зон активности — спокойной, как глубочайший сон, и неподвижности — интенсивной, как самый неистовый ураган.

Все «человеческое» рассеивается подобно мрачному горькому воспоминанию, подобно призраку долгого кошмара. Появляется Ангел, ДРЕВНИЙ ЛЕД¹⁰⁸: неподвижность и головокружительная неторопливость растворяют всякое напряжение; это — порог, это — преображение, а за ними лежит мир вечности.

АБРАКСАС
**ВТОРОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ
ГЕРМЕТИЧЕСКОГО КАДУЦЕЯ**

«Создай образ и сосредоточься на нем. Приучи себя видеть во мраке не воспринимаемый чувствами свет» — так я объяснил первый секрет Работы. Далее я рассказал (практика зеркала, гл. III), как можно полностью отделить зрение от физического мира и внешнего пространства — и осуществить его в эфирном свете.

Это начало. В ежедневной бодрствующей жизни в абсолютном сознании сумей *не видеть и видеть одновременно*: не видеть в видимом свете и видеть в невидимом свете, по желанию — Адепты владеют этим в совершенстве.

Однако знай, что нашей целью является не пассивный восторг тех, кто лишь видит и воспринимает проявления, но способность управлять ими, проецировать на них собственную силу, создавать их и уничтожать их, вызывая соответствующие последствия в физическом мире, в том числе для существ, которые его населяют.

Второй шаг *Opus Magicum* таков. Мы называем его *вторым приготовлением герметического кадуцея*.

Всякая магическая реализация включает в себя активный, сухой и фиксированный принцип, который симпатически воздействует на пассивный, влажный и летучий; то есть речь идет о «проекции» в переносчике, оде-

¹⁰⁸ Или «древняя мерзлота», ANtico GELo. Эту игру слов использовал Чезаре делла Ривьера в «Магическом мире героев». — *Прим. перев.*

том в сульфурный огонь, также называемого *дыханием и огненной водой*. Прежде всего нужно с Искусством приготовить эти два элемента или начала в нашем «философском сосуде», герметически закрытом.

Напомню, что называется «герметическим закрытием»: *охрана врат чувств и Безмолвие*. А инициатическое Безмолвие означает не только не говорить, но не говорить (*не говорить даже с самим собой*), не слушать и не читать. Ментально отделись от окружения, осознав, что ничто не может и не должно задевать тебя: «Несправедливые люди не смогут повлиять на мое равновесие».

Маги, утверждающие, что «сосуд» должен быть сделан из чистого и крайне прочного кристалла, хотят объяснить, что, помимо наличия упорства, в твоём сознании, или «лаборатории», все должно быть прозрачным. Нужно видеть все присутствующее в себе ясно и четко, как при свете солнца, реализовать абсолютную невозможность какой-либо неискренности с самим собой.

Мужской активный принцип всегда является нашим Золотом, ☉, но все более экзальтированным, освободившимся и фиксированным.

Вспомни первое приготовление (гл. IV). Это успокоение, единение и господство над душой — это энергетический покой бытия-выше-самого-себя, это ядро, которое в опьяняющей атмосфере «души земли» умеет сопротивляться страсти, оставаясь нетронутым в нечистом натиске «Вод». Элифас Леви (*Dogma e Rituale dell'Alta Magia*, 2 ed., Atanor, p. 280) говорит: маг *мыслит и желает* — но не любит никакую вещь по причине вожеления и ничто не отвергает по причине страсти. Слово «страсть» (*passione*) указывает на *пассивное* состояние, в то время как он всегда активен и победоносен. Влюбленный, ревнивый или ленивый маг — это противоречие в терминах. Этой реализации достичь очень сложно, потому что когда маг создал себя самого, Великое Делание уже практически выполнено в своем сущностном принципе. «Великий магический агент», *естественный* по-

средник человеческого всемогущества, может быть подчинен и направлен только *сверхъестественным* принципом, который является независимой волей.

Креммерц добавляет: создай состояние совершенной нейтральности, *положительного безразличия*, посредством своего полного равновесия. Превзойди благо и зло, потому что от твоего нейтрального отношения к одному и другому факту зависит твое *непрерывное* равновесное состояние и способность развить все тонкие силы и подчинить их себе во *всех* смыслах.

Что касается «второго приготовления» нашего Золота, ты можешь следовать ему регулярно путем *освящения* или *возведения в сан*, иначе говоря, при помощи *философского укуса* и *коррозийных вод*, если умеешь, и если способен сопротивляться им. Однако могу сказать, что, при условии некоторых особых условий, ты можешь выполнить его также посредством *жестокости* и *страдания*.

Спокойно вызови в себе физические страдания и поддерживай их определенное количество времени: останься перед их лицом, позже сделай их сильнее — пока не *сможешь* заставить их замолчать.

Примени к себе насилие. Делай не то, что тебе нравится, а то, что вызывает усилия; *из принципа* всегда выбирай путь наибольшего сопротивления. Перейди от естественного удовольствия от того или иного объекта к удовольствию, получаемого от осознания «я так захотел». Согласно древней формуле нашей Традиции, для «освобождения» «металла» нужно *раскалить* его, а потом погрузить в воду: возбуждай, обостряй, доводи до крайности инстинкт, импульс, жажду, а позже — в точке, в которой она считает, что достигла удовлетворения, — резко прерывай ее. Здесь сверхчувственный глаз «увидит», как от низших центров отделятся вспышки и извилисто побегут к высшим центрам головы, которые, впитывая их силу, начнут сверкать внушающим страх блеском. Могучее и сухое, это качество является золотым качеством абсо-

лютного приказания и абсолютного постижения в магических реализациях.

Этого достаточно для приготовления Золота. Сейчас я расскажу о втором принципе, который является астральной силой, самым флюидическим существом. Вторую по важности из операций маги совершают с флюидической сущностью своего тела или с флюидической сущностью магической цепи — иначе говоря, с флюидическим существом, которое является Духом стихий, Могуществом космоса (ангелы, гении). Вдобавок можно обратиться к методам сексуальной магии. На данный момент достаточно обратить внимание на то, что касается операций первого типа: если они будут поняты, будет понятен и принцип других.

Магическое действие — это действие конкретной флюидификации воли, *андрогинное непорочное зачатие*, в котором флюидическая сила под инспирирующим мужским воздействием солнечного принципа действует как женщина в творящей реализации. Мы уже говорили о смысле флюидического тела и как оно при первом составлении Кадуцея *извлекается* из физического тела. Но в том же ключе и во второй фазе операции требуется возгонка Золота, которое должно будет впитать более сильное и сухое качество «Воды Мудрых»; равным образом для флюидического тела требуется второй режим, называемый *«зажжением астрального света»*.

Флюидическое тело на первой стадии является ♁ = дистиллированной водой, называемой также «материей в белом» или «отмытой материей», и делла Ривьера (*Il Mondo Magico de gli Heroi*, Milano, 1506, p. 56) пишет: «Прозрачайшая вода неподвижна в гладком и блестящем своем сосуде». Это нематериальное, светозарное, спокойное, остановленное и *неподвижное* ощущение, извлеченное с *погружением* сознания в то, что *sub specie interioritatis* соответствует *нервной системе*. Но сейчас ты должен перейти к более глубокому магическому соединению с физическим телом, заставляя сознание спус-

таться до «слияния» с тем, что является кровеносной системой, кровью человека — и так ты получишь флюидический ♀ как «материю в красном». Это «вода жизни», *огненная* или *сульфурная вода*, «ибо горит реально зримо и незримо, активно и пассивно»; *magnesium magnensis* в объяснении, данном в «Великой Книге Природы» (*Gran Libro della Natura*, Atanor, p. 117), «философского порошка или проекции, созданной с помощью человеческой крови», и *tinctura microcosmi magistere* в объяснении, данном в той же книге (p. 120), «человеческой крови, создающей светильник жизни». Это *Auri aura*, как тот тихий ветер, который, согласно «Скрижали» Гермеса, несет в своем чреве «героический камень»; «молоко девы», что питает зачатое солнечное и божественное семя, то есть целое, тайное, не действующее, в центре центра; и посредством этого *menstruo* или универсального растворителя, согласно его огненному качеству, магическое или «героическое» искусство начинает действовать (см. *della Riviera*, loc. cit., pp. 56–61).

Отсюда «возжигание» или *рубедо* состоит в пробуждении в ♀ — или в погружении в ♀ — внутреннего и тайного огня или сульфура ♁, который *находится в сердце*: при помощи этой операции ♀, который является пассивным и женским меркурием¹⁰⁹, светом Луны и невинной наготой Дианы, трансформируется в ☿, являющийся меркурием активным и творческим, так как, если обратить внимание на то, что ♁ сульфур состоит из Δ и +, этот меркурий несет с собой не только +, то есть освящение равновесия и нейтральности нашего первого Золота, но также и Δ, что является восходящей, огненной силой, энергией одушевления и роста, данной в символе мужского ☿ верхней части ☿, состоящей из лунного знака ☾ из ♀; силы, астрологически соответствующей ♄, то есть Стрельцу, что как раз является сущностью *проекции*.

¹⁰⁹ Строчная буква использована в оригинале. — Прим. перев.

Перейдем от символизма к практике. Ты должен возобновить изложенный в гл. III ритуал, который ты осуществлял в смысле «тонкого тела», и на следующем шаге выбрать между двумя путями, соответствующим *магии Солнца* и *магии Исиды*. На втором пути флюидическое тело, которое, окутывая «одеянием силы» и «астральным вихрем» идею или приказ, поставленный позитивным центром ☉, производит реализацию, воспламеняется дикой, смутной, опьяняющей силой страсти: это *демон*, разжигающий пламя ненависти, похоти или разрушения. В магии Солнца или высшей магии, напротив, действует чистая и сверхчеловеческая наука: как только приобретено флюидическое состояние, нужно с освещенной твердостью и спокойствием *перенестись* в сердце посредством ритуала, изложенного в другом месте, после ритуального вызова огня; сосредоточиться и зажечь и усилить путем визуализации пламя, в которое ты впитаешься.

Последующая «трансформация» — переход из внутреннего «светлого» состояния в состояние *активной рассеянной теплоты* — является *познанием* ☿. Здесь завершается составление второго элемента, который является «андрогинным огнем».

Как и в случае с ♃, сосредоточь сознание на этом состоянии. Позволь ему уйти, затем вновь вызови его, в более живом виде — пока не почувствуешь, что оно находится в твоей власти: ты пробуждаешь его, когда хочешь. Поэтому научись управлять его жаром мягко, медленно, умеренно и *непрерывно* — так, чтобы поверхностная влажность Воды естественно и незаметно уменьшалась, а пламя в полностью приготовленном меркурии увеличивалось и понижалось по желанию. Все зависит от «режима огня», — говорит Филалет (*Le Filet d'Ariadne*, Paris, 1695, p. 75), добавляя, что «без огня материя (= ♃) останется бесполезной, а философский меркурий — химерой, живущей только в воображении». Равным образом Креммерц утверждает, что «посвященный не является таковым, если не умеет поддерживать в себе центр аст-

ральной активности, зажигаемый по желанию внутри своего флюидического тела».

В этот момент практически присутствуют условия какой угодно магической реализации. *Магическое действие* — это зачатие молнии, это молниеносная операция, в которой ментальная способность ☉ фиксирует приказ или образ цели и мгновенно бросает в цель зажженную флюидическую силу ☿. Это называется ПРОЕКЦИЕЙ. У самых слабых людей действующая воля является воображаемой, у других она носит простой повествовательный, возвещающий характер.

Реализация является совершенной настолько, насколько экзальтированы, энергичны и абсолютны в соответствующем качестве два соединенных начала жезла Гермеса: насколько спокойна сухая, абсолютная, ясная, ледяная, безусловная способность ☉ — и насколько огненная, бурная, дикая опьяняющая способность ☿ зафиксирована и спроецирована ☉. Это соединение и совокупление двух врагов на одном ложе магического андрогинного союза; это великая тайна Царского Искусства, которую невозможно сообщить ни одному профану.

В любых вариациях этих условий знай следующее: нужно, чтобы твоя сущность была *интегрирована*, то есть *едина*; необходимо тщательное воспитание тела и внимания, и твоя воля должна отождествиться с глубинной волей таким образом, чтобы никаких препятствий и никаких сомнений в себе не существовало. Твое тело, душа и ум должны быть полностью «умерщвлены», полностью укрошены, полностью утихомирены: чистые, гладкие, ясные, очищенные от шлака, податливые, повинующиеся, не имеющие собственной воли. Перед опытным возниким на подходящей почве стоит упряжка из рысаков чистых кровей, и когда он садится в нее, берет вожжи и бьет кнутом, она быстро несет его туда, куда он хочет; также и ты должен стремиться к реализации аналогичной связи со

своим умом, со своей душой и своим телом¹¹⁰. Когда дух ☉ свободен, превосходит все пары противоположностей, любое влияние среды, любой аффект, страх или сомнение, тогда режим Огня может развить магическое равновесие флюидических сил в его полноте; и в этом состоянии понимание является созиданием, приказ является реализацией — одновременно, так как действие в нем происходит за пределами тела, времени и пространства, как *свободное движение* в духовном пространстве *без измерений*. Знай также, что скорость магического действия такова, что сначала сознание оператора просто не может понять ее: действие проявляется просто в свершившемся факте и может не казаться твоим личным.

Прежде всего помни, что успех в магии никогда не является результатом усилия; едва происходит усилие, то есть *ощущение* препятствия, действие останавливается, потому что возвращается в материальные условия воплощенных существ. Магия всегда действует просто и непосредственно, как мгновенная сила или непреодолимая и тонкая сила аромата. Именно поэтому Лао-цзы говорит, что сила *Дао* является «действием без действия»; именно поэтому герметики говорят о Делании как «женской игре» или «детской игре», подтверждая учение Каббалы, которое в XI аркане Таро выбирает символом Силы женщину, без усилия открывающую челюсти яростного льва. И поэтому говорить о «воле» в магии неправильно: воля, которую имеют в виду люди, обладает характером напряжения, насилия, жесткости — а это противоположность свойствам магической реализации. Напротив, нужно ощущать себя высшим, совершенно не ограниченным препятствиями, мощным и способным в духе, находящимся в состоянии абсолютной *справедливости* — такова основа спокойного, полного решимости построения тща-

¹¹⁰ В случае магии Иисиды состояние единства уже присутствует в силу того, что единая страсть овладела полностью всем существом. — *Прим. гр. «Ур».*

тельно определенного образа во всех его аспектах, в ментальном свете, который нужно зажечь и постепенно усиливать, пока не почувствуешь, что дошел до состояния *симпатии*, в котором должна произойти мгновенная вспышка «проекции» как чистое действие духа.

Магическое равновесие всех условий — это то мгновение, которое нужно уметь уловить без опоздания и без страха. В операциях, направленных на природные объекты, астрологические условия, церемониал, время, час, место, формулы, движения и запахи и все прочие элементы, за которыми нужно тщательно наблюдать, создают аналогичный узел равновесия и симпатии невидимых человеческих и природных сил, которые, застигнутые и зафиксированные волей, наделяют ее действие магическим и непреодолимым характером.

ЯГЛА

ОПЫТЫ: ЗАКОНЫ СУЩЕСТВ

Я излагаю эти мои опыты не из-за вкуса к сенсациям и чудесам неких читателей. Я намереваюсь лишь указать на вытекающую из *фактов* проблему, которую я полагаю достаточно важной, и заставить поразмыслить тех, кто не прочь рискнуть, занимаясь магией, над реальными опасностями и над серьезной ответственностью, которая из этого следует. Этот второй момент уже подчеркивался в других материалах. Настаивать на этом бесполезно — особенно когда то, что всегда было заповедано узкому кругу избранных, без сомнений выставляют на публику, почти не напуская тумана.

В моем личном случае я не считаю возможным говорить о пути, который привел меня к этим опытам. Его крайне индивидуальный и лишь в малой мере методичный характер; влияние особых душевных состояний; обращение к тому, что кто-то на этих страницах назвал *коррозийными водами*, то есть к средствам, которые в подав-

ляющем большинстве случаев ведут только к отклонению или деградации — из-за всего этого читающий это исследование с целью найти ориентиры и проводника может почерпнуть из этого эссе мало полезного.

Могу добавить, что даже сейчас я не знаю, почему я обратился к этим практикам. Об инициатических науках я не знал почти ничего. Не только это: средства, к которым я обратился, пробудили в моем организме нетерпимость и отвращение. Только воля направляла мои действия. И посредством одной лишь воли, при помощи смелости, объединенной с некоторой отчаянной силой, мне открылся проход. Я совершенно отринул состояние отвращения. Ничто меня больше не привлекало в жизни. Я тонул в унынии, но, тем не менее, ощущал страстное юношеское желание. *Я хотел довести себя до смерти.* Если в самом начале присутствовал мотив «желания», это было как раз чувство наслаждения растворением.

Но оставим это в стороне. Я знаю, что многие пересекали аналогичные состояния души. Итак, я шел навстречу смерти. Этому приключению благоприятствовало совершенно особенное окружение, и, возможно, оно придало ему направление, которое иначе было бы другим. Я шел дальше.

Я могу сказать, что пройденный с того времени и до сегодняшнего дня путь имеет как раз тот смысл, о котором говорится на этих страницах. Встретившись со сверхчувственными силами, я удержался на ногах. Затем я укрепил свой успех и действовал.

И сейчас, чтобы дойти до отмеченной проблемы, я излагаю некоторые стадии этого опыта.

Всякое движение вперед освобождающегося человека подстерегает нечто, готовое напасть. Прежде всего это касается ментального плана: на первых фазах отделения происходит остановка процесса умственной деятельности. Ум останавливается, как при ошеломлении. Далее он входит в особое состояние, которое можно назвать *состоянием ясности или очевидности*. Он больше не знает рассуждений, понятий, сомнений. Здесь нет «проблем» — есть

только глубинные, осознанные *потребности* сознания, за которыми следует сверкание молнии непосредственной очевидности, мысли, имеющей характер *откровения*, окончательной, поражающей, абсолютной уверенности.

При этом просветлении душа оставалась совершенно пассивной. Следовало *заставить ее двигаться*. И тут произошел как бы крах. Сначала я испытал иллюзию очевидности; я видел, что *все* может принимать этот характер очевидности, даже противоположные истины, для чего достаточно, чтобы душа предполагала их в этом состоянии. Я перенес момент ужаса — *и очутился на краю бездны безумия*.

«Относительность истины» является общим философским местом; и вряд ли она могла произвести впечатление на человека, изучавшего философию. Но просто интеллектуальная позиция и опыт являются несравнимыми вещами. Это чувство абсолютного отсутствия земли под ногами, это чувство пропасти и ледяной, смертельной изоляции. Я чувствовал, что мое «я» находится в точке разрушения и растворения посреди сплошного хаоса противоречий. Меня спас некий вид нечестивого насилия, смелость абсолютного утверждения, разорвавшая этот замкнутый круг. Я нашел опору: *но она была самим действием вместо «истины»*¹¹¹.

В более рискованных фазах отделения опасность вернулась в другой форме. Некий вид пароксимального оргазма все возрастал до какой-то предельной точки, и я чувствовал, что разрядка *должна* произойти: меня ждал эпилептический криз или что-то подобное, может быть,

¹¹¹ Когда, в отличие от нашего коллеги, реализация происходит в воображаемой и визуальной, а не эмоционально-интеллектуальной форме, описанные фазы соответствуют тем волшебным «фигурам», которые позже проявляются как спектры и иллюзии. Что касается написанного, то обманчивое «состояние очевидности», проявляющееся при некоторых сверхчувственных опытах, в обычной жизни может, помимо отсутствия критического чувства, привести к склонности к *суеверию, лежковерию и фанатизму*, если его истинная природа не распознана. — *Прим. гр. «Ур»*.

даже хуже. Вновь я прошел по лезвию бритвы. Сила, которую я разбудил, приняла иное направление. Постепенно обнаружилось нечто подобное «преображению»: экстаз, радостное расширение сознания. Это чувство освобождения, *передышки*, ни с чем не сравнимое. Я нашел лишь один образ для сравнения с моим предшествующим обыденным сознанием: яснейшее, прозрачайшее бодрствование, противопоставленное состоянию глубочайшего, гипнотического, смутного, погружающего в забвение сна.

Естественно, я осознавал, что это состояние было вызвано повторением опытов, и я знал способ освободиться от вышеуказанных критических моментов. Несмотря на это, я хочу подчеркнуть, что психологически течение этого феномена является обычным в «рикошете последствий» того, о чем скажу дальше; и поэтому я задержусь на нем.

Я познакомился с «присутствиями», познакомился с тем, что существует, не имея тела — но не в виде астральных образов, а *интенсивно*, как ощущение «силовых полей» — используя этот весьма выразительный термин из физики. Возможно, именно мое постоянное *волевое* поведение привело меня к подобным связям, к *провалам*, парализовавшим зрение. Во всяком случае, я узнал, что молнии, громы и бури существуют не только в физическом мире. Я стал осторожен. Я мог отречься с целью удержаться в той области, которой постепенно ограничивался. И в этом месте вмешаются факты, которые я хочу рассмотреть отдельно.

Кажется, что в мире «существ» существует закон необходимости, сравнимый с физическим законом действия и противодействия. Когда вихрю существа оказывается сопротивление, и тем более когда происходит магическая операция, создается причина. Следствием же является реакция, то есть сила существа обращается против того, кто сопротивляется и действует. Если оператор способен на сопротивление, сила разряжается в другом месте, НО В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ОНА

РАЗРЯЖАЕТСЯ. «Линии наименьшего сопротивления» здесь состоят из личностей, связанных с оператором узами симпатии, а также крови.

Есть возможность *договариваться*: платить другой монетой — например, ценностями физической и материальной жизни, степенью и силой, завоеванными в сверхчувственном. В этом, возможно, лежит причина печали и очевидно необъяснимых лишений святых и посвященных, но также и смысл так называемого «заместительного искупления»: сверхъестественным путем уничтожить зло и «грехи» других при условии взятия их на себя, или наоборот.

Я рассказал о естественных линиях наименьшего сопротивления. Однако я считаю, что если возгосподствовать над всеми привязанностями и отстраниться, они обрываются. На самом деле нет сомнений, что реакция происходит не в качестве мести или кары, а согласно естественным и безличным законам тонкого мира. Всякая эмоциональная связь является как бы психическим каналом общения между двумя людьми, и реакции, парированные одним, по этому каналу переходят к другому в качестве первого и непосредственного следствия. Но эту коммуникацию уничтожает дисциплина «очищения», на которую в магии многое опирается, реализация бесстрастия, нейтральности, отделения. Существует ли закон, который направляет реакцию к другим предрасположенным существам — закон, который мы не можем познать? Я не знаю.

Не скрываю, что эти факты меня в достаточной степени потрясли. Конечно, можно навязать молчание моралистичной щепетильности, «добру» и «злу», маниям милосердия и сострадания как в себе, так и за пределами себя. Но если представить эту проблему иначе: если все это происходит из-за слабости во мне, которую я еще не знаю; потому, что я не умею требовать от своего «я» бóльшей силы или потому что ориентацию духа нужно изменить — в этом случае я бы почувствовал необходимость по причине внутреннего достоинства взять на себя ответственность полностью и без извинений.

Утвердиться в сверхчувственном возможно. Можно и действовать в этой области в каком угодно смысле, как во «зле», так и в «добре»; при достаточной силе и достаточном отречении можно избавиться от последствий, держаться на ногах посреди ударов, которые больше не задевают, быть выше всех законов — но можно ли *аннулировать* последствия, превратить их в ничто? *Иными словами, можно ли нарушить закон действия и противодействия существ?*

Этого на данный момент я не знаю; и расценил бы как большую удачу встретить того, кто пошел дальше, кто знал бы и захотел бы сказать мне это.

В этом отношении меня сильно впечатлило то, что Майринк говорит устами одного из персонажей в своем «Големе»: «Вы спросите, как же могло случиться, чтобы я, несмотря на мою оторванность от жизни, в один момент стал убийцей. Человек подобен стеклянной трубке, в которой бегают разноцветные шарики. В жизни почти всех шарик один. Если он красный, говорят, что человек «плохой», если желтый, говорят, что он «хороший»; если два следуют один за другим — красный и желтый, тогда у человека «непостоянный» характер. Мы, «укушенные змеем», переживаем в своей жизни все, что происходит с целой расой за целый век: разноцветные шарики бегут по трубке безумными массами, один за другим, и когда они заканчиваются, мы становимся пророками — *божественными образами!*». И следующее: «Когда я действовал, у меня не было выбора. И если бы я сопротивлялся, я создал бы причину. Когда я совершил преступление, я не создавал причин. Напротив, свободно осуществилось следствие причины, над которой я не имел никакой власти. Дух, который создал во мне это убийство, вынес мне смертный приговор; люди, посылая меня на виселицу, отделили мою судьбу от своих судеб — я получил свое освобождение».

Майринк добавляет, что это «путь смерти» тех, кто «принял красные зерна, символ магических сил»; он говорит также о возможности не взять их и, наконец, о

третьей возможности — бросить их на землю: то есть вернуть их на путь поколений в качестве латентных сил, чтобы они взошли позже.

Но размышления об этом не приводят ни к чему определенному. Для того, кто не принимает «путь смерти», однако не принимает и ничего из мистики и, в соответствии с обещаниями *магии*, тяготеет к чистому могуществу, проблема остается. Следовательно, в этом случае нужно знать, является ли закон реакции — за освобождением, восхождением и интегрированием одного человека на магическом пути следует жертвоприношение других — непоколебимой фатальностью¹¹²; то есть могут ли эти самые законы быть отменены.

Этот вопрос кажется мне одним из величайших вопросов в науках, которыми я интересуюсь. И было бы крайне желательно, чтобы к нему вновь обратился тот, кто способен углубленно изучить его на основе более широких горизонтов, им достигнутых.

ПУТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСНО БУДДЕ

Здесь, максимально придерживаясь перевода де Лоренцо-Нойманна (изд. «Латерца»), мы помещаем некоторые характерные отрывки из текста древнего буддийского канона под названием «Мадджхима-никая», посвященные реализации состояния *нирваны*. Мы надеемся, что не стоит говорить, что *нирвана* не является «ничем»: это не уничтожение, а одно из названий необусловленного состояния. В буддизме, как и в методе западной «отрицательной теологии», говорится о том, чем *нирвана* не является. Как по-

¹¹² В этом отношении меня поразила фраза Свами Вивекананды: «Проститутка и вор суть тот Христос, который принесен в жертву для того, чтобы вы смогли быть честными. Таков закон равновесия. Все воры и убийцы, все несправедливые и слабейшие существа, самые злые, самые коварные — все суть мои Христы. Я исповедую культ Христов-богов и Христов-демонов».

стоянно повторяют тексты, состояние нирваны имеет место тогда, когда исчезают «мания», жажда и «невежество». Оно тождественно состоянию пробуждения; и, как известно, слово «Будда» является не именем, а определением — означающим как раз «Пробужденный».

Достижение нирваны отождествляется с «бессмертием» в его абсолютном метафизическом и инициатическом значении (см. гл. V). На самом деле из всего изначального учения буддизма вытекает, что такая реализация сопряжена с тотальным отделением, растворением как человеческих, так и божественных уз — как этого мира, так и любого иного мира, как бытия, так и небытия, если его понимать как нечто, соотносительное с бытием. Следовательно, она связывается с «местом», для которого нет заката, нет становления, нет рождения, нет смерти.

Изначальный буддизм имел аскетически-созерцательную по своей сути направленность. Она соответствует человеку, которого интересует лишь состояние, отделенное от всякого определения, свободное от всякой обусловленности. Именно в последующих формах, и особенно в так называемом «Пути алмазной молнии» (Ваджраяна) буддизм приобрел и «магическую» направленность в том частном смысле, который мы дали данному термину. Если в Махаяне (буддизме северной школы) был превзойден дуализм нирваны и сансары при помощи понимания первой и второй — то есть чистого бытия и становящегося и мирского бытия — как двух аспектов одной реальности, превосходящей как первую, так и вторую, в ваджраяне высшим идеалом является обладание не только необусловленным состоянием, но вместе с этим и шакти — силой всякого проявления.

Но в нижеследующих отрывках не будет затронуто подобное развитие. Напротив, речь идет об учениях, принципах и первых реализациях отделения, допускающими далее использование как на «аскетическом», так и на «магическом» пути, ибо они являются предпосылками

как одного, так и другого при регулярном и упорядоченном подходе. Они обозначены так:

1) фаза привлечения: открытие универсальному чувству симпатии и недвойственности по отношению к вещам и существам.

2) дисциплина отделения и твердого, постоянного присутствия в себе. Речь идет о том, чтобы обособлять чистое действие всякого процесса осознания от его содержимого и совершенствовать его. На Западе это называется апперцепцией: активное восприятие, особенно сознательное, которое, однако, при обычном опыте крайне незначительно (вместо него происходит пассивное восприятие); она играет важнейшую роль в процессах глубинной мысли, творческого воображения, и т. д. В буддийском методе речь идет прежде всего об усилении этого активного сознания в любом опыте или действии. Оно является средством итогового обособления элемента, свободного от всех прочих элементов жизни и сознания, находящихся в зависимости от законов случайности и изменчивости сансары. Этот элемент составляет основу нового осознания, апперцепции; он уже существует в обычном опыте. Указанный путь таков, что, в принципе, любой человек, стойкий в своих намерениях, может пройти по нему довольно далеко при помощи соответствующих средств.

3) Проявления могуществ, трансцендентных сил личности, называемых «пробужденными», связанных с постепенным исчезновением страстного элемента, то есть пассивного элемента «невежества» (см. гл. III), во всяком восприятии.

4) Наконец, даются четыре великих созерцания (джаны), растворения, интериоризации и постепенные упрощения описания чистого опыта, которые достигают наивысшей точки в Великом Освобождении или нирване.

Отметим стиль повторений, общий для всего древнего буддийского канона. Такие повторения умышленны и нацелены (согласно тому, что сказано в гл. I) на то, что-

бы привести от простого чтения к некоторой степени *ритмизации* наставлений.

1

В глубине леса, или под большим деревом, или в уединенном месте, ученик сидит со скрещенными ногами и прямым телом.

С ласковой душой он излучает в одном направлении, потом в другом, потом в третьем, потом в четвертом, как вверх, так и вниз. Повсюду во всем узнавая себя, он освещает весь мир с ласковой душой, с широкой, глубокой, бесконечной душой, чистой от ненависти и злобы.

С сострадательной душой — с радостной душой — с неподвижной душой, он излучает в одном направлении, потом в другом, потом в третьем, потом в четвертом, так же, как вверх и вниз. Повсюду во всем узнавая себя, он освещает весь мир с сострадательной душой, с широкой, глубокой, бесконечной душой, чистой от ненависти и злобы.

«Так есть», — понимает он. — «Есть благородное и есть простое, и есть свобода, более высокая, чем эти чувственные ощущения».

2

Ученик наблюдает за телом, неутомимый, в ясном сознании, ощущающий, превзойдя жажду и мирские заботы. Сознательно он вдыхает, сознательно он выдыхает. Если он вдыхает глубоко, он знает: «Я вдыхаю глубоко», если вдыхает кратко, он знает «я вдыхаю кратко». «Хочу вдохнуть, ощущая все тело»: так он упражняется. «Хочу выдохнуть, ощущая все тело»: так он упражняется. «Хочу вдохнуть, успокаивая это телесное сочетание», «Хочу выдохнуть, успокаивая это телесное сочетание»: так он упражняется. Как предусмотрительный плотник, когда режет глубоко, знает: «Я режу глубоко», а когда режет слабо, знает: «Я режу слабо», так же и ученик отдает себе

отчет о долгом или коротком вдохе как о долгом или коротком вдохе, о долгом или коротком выдохе как о долгом или коротком выдохе.

Так он наблюдает за телом изнутри, так он наблюдает за телом снаружи, так он наблюдает за телом изнутри и снаружи. Он наблюдает, как тело формируется, как тело умирает, он наблюдает, как тело формируется и умирает. «Вот тело», — это осознание становится его опорой, потому что она служит знанию, самоосознанию. Он пребывает независимо, не желая ничего из мира. Так наблюдает ученик за телом.

И сверх того: когда ученик идет, он знает: «Я иду», когда стоит, он знает: «Я стою», когда сидит, он знает: «Я сижу», когда лежит, он знает: «Я лежу». Каково бы ни было положение, в котором находится его тело, он осведомлен о нем.

С ясным сознанием он приходит и уходит, с ясным сознанием смотрит и отводит взгляд, с ясным сознанием наклоняется и поднимается, с ясным сознанием носит одежду и чашку, с ясным сознанием ест и пьет, жует и наслаждается, с ясным сознанием освобождается от кала и мочи, с ясным сознанием стоит и сидит, засыпает и просыпается, говорит и молчит.

Так он наблюдает за телом изнутри, так он наблюдает за телом снаружи, так он наблюдает за телом изнутри и снаружи. Он наблюдает, как тело формируется, как тело умирает, он наблюдает, как тело формируется и умирает. «Вот тело», — это осознание становится его опорой, потому что она служит знанию, самоосознанию. Он пребывает независимо, не желая ничего из мира. Так наблюдает ученик за телом.

Также ученик наблюдает за ощущениями. Он знает, когда испытывает приятное ощущение: «Я испытываю приятное ощущение»; знает, когда испытывает болезненное ощущение: «Я испытываю болезненное ощущение»; знает, когда испытывает ощущение ни приятное, ни бо-

лезненное: «Я испытываю ощущение, не являющееся ни приятным, ни неприятным».

Он наблюдает за душой: ученик распознает жаждущую душу как жаждущую, а нежаждущую душу как нежаждущую, злобную душу как злобную, а незлобную душу как незлобную, обманывающуюся душу как обманывающуюся, а душу без иллюзий как душу без иллюзий, душу сосредоточенную и душу рассеянную, душу стремящуюся ввысь и душу низких чувств, благородную и простую душу, спокойную и беспокойную душу, освобожденную и связанную — все это таково, каково есть; обладая ясным сознанием, он это знает.

«Во мне есть жажда» — «во мне нет жажды»: он наблюдает, как жажда начинает развиваться, наблюдает, когда, став явной, она отвергается, наблюдает, когда отрицаемая жажда в будущем больше не возрождается. «Во мне есть неприязнь» — «во мне нет неприязни» — «во мне есть лень» — «во мне нет лени» — «во мне есть высокомерие» — «во мне нет высокомерия» — «во мне есть сомнение» — «во мне нет сомнения»: он наблюдает, когда эти пять препятствий начинают развиваться, наблюдает, когда, став явными, они отвергаются, наблюдает, когда эти пять отвергнутых препятствий в будущем больше не возрождаются.

«Вот ощущение» — «вот душа» — «вот препятствия»: это осознание становится его опорой, потому что оно служит знанию, самоосознанию. Он пребывает независимо, не жажда ничего из мира. Так следит ученик за ощущениями над ощущениями, за душой над душой, за пятью препятствиями над пятью препятствиями — изнутри и снаружи. Он наблюдает, как они формируются, как умирают, наблюдает, как они формируются и умирают.

3

И, кроме того, ученик еще следит за проявлениями семи пробуждений. Когда в нем пробуждается знание, он

знает: «во мне пробудилось знание», когда в нем не пробудилось знание, он знает: «во мне не пробудилось знание». Он замечает, когда знание точно пробуждается и когда знание, пробудившись, посредством упражнения полностью осуществилось. То же самое касается сосредоточенности, силы, безмятежности, покоя, провала, беспристрастности: он в равной степени знает, когда они проснулись в нем, когда они не проснулись в нем, когда, проснувшись, посредством упражнения они полностью осуществились.

Если он замечает взглядом форму, он не знает никакой склонности, не знает никакого интереса. Так как жажда и неприязнь, вредные и губительные мысли быстро побеждают того, чей взгляд невнимателен, он бережет эту бдительность, он охраняет взгляд, он внимательно следит за взглядом.

Если он слышит звук, если он ощущает запах, если он чувствует вкус, если он входит в телесный контакт, если он мысленно представляет некую вещь, он не знает никакой склонности, не знает никакого интереса. Так как жажда и неприязнь, вредные и губительные мысли быстро побеждают того, чей взгляд невнимателен, он бережет эту бдительность, он охраняет мысль, он внимательно следит за мыслью.

Посредством исполнения этого святого торможения чувств он испытывает глубинную, неизменную радость.

И он достигает чудесного чувства, произведенного интенсивностью, постоянством и сосредоточением воли, чудесного чувства, произведенного интенсивностью, постоянством и сосредоточением силы, произведенного интенсивностью, постоянством и сосредоточением души, произведенного интенсивностью, постоянством и сосредоточением изучения, и, в-пятых, героическим духом. И этот ученик, героически ставший таким пятнадцать раз, способен на освобождение, способен на пробуждение, способен на следование несравнимой уверенности.

Весьма далекий от жажды, весьма далекий от нездоровых вещей, в ощущающей, мыслящей, рожденной миром блаженной безмятежности, ученик достигает степени первого созерцания.

После осуществления ощущения и мышления ученик достигает всеобъемлющего безмятежного спокойствия, единства души, свободы ощущать и мыслить, рожденной сосредоточенностью блаженной безмятежности, степени второго созерцания.

Пребывая в безмятежном мире, уравновешенный, мудрый, ясно осознающий ученик испытывает в теле то счастье, о котором арии¹¹³ говорят: «Уравновешенный мудрый живет счастливо»; так он достигает степени третьего созерцания.

После отбрасывания радостей и горестей, после исчезновения предыдущих веселья и печали, ученик достигает не-печальной и не-радостной, уравновешенной, мудрой абсолютной чистоты, степени четвертого созерцания.

Обладая такой цельной, ясной, очищенной от шлаков, мягкой, гибкой, сплоченной, честной душой, он направляет ее к познанию-воспоминанию предыдущих форм существования: одной жизни, потом двух, трех, четырех, пяти жизней — десяти, двадцати, тридцати, сорока, пятидесяти, ста жизней — тысячи, ста тысяч, продолжительных эпох формирования мира, трансформации мира, формирования и трансформации мира. «Там я был, имея какое-то имя, принадлежа к такой-то семье, таково было мое состояние, таковы были мои обязанности; такое добро и зло я испытывал, таким был конец моей жизни; умерев там, вновь обрел существование в ином месте». Так он вспоми-

¹¹³ В текстах древнего буддизма часто встречается термин *ariya* (на санскрите *arya*), то есть «арий», «арийский». Это отзвук древней концепции, согласно которой этот термин обозначал не только касту и расу тела, но прежде всего расу и превосходство духа. В древних буддийских текстах термин *ariya* применяется к Будде и его ученикам.

нает многочисленные различные предыдущие формы существования, каждую со своими признаками, каждую со своими особыми отношениями¹¹⁴. Эту науку он поначалу завоевывает в первые часы ночи, рассеивая невежество, получая знание, рассеивая тьму, получая свет, пребывая в серьезном, старательном, пылком усилении.

С такой цельной, ясной, очищенной от шлаков, мягкой, гибкой, сплоченной, честной душой он направляет ее к познанию появления и исчезновения существ. Посредством небесного, проясненного, надземного ока он видит, как существа исчезают и вновь появляются, простые и благородные, красивые и некрасивые, счастливые и несчастные, он сознает, как существа всегда появляются согласно действиям. Эту науку он завоевывает во вторую очередь в средние часы ночи, рассеивая невежество, получая знание, рассеивая тьму, получая свет, пребывая в серьезном, старательном, пылком усилении.

И более того: при помощи полного преодоления восприятий формы, уничтожения произвольных восприятий, отбрасывания многочисленных восприятий, ученик, осознающий мысль «пространство безгранично», осуществляется в царстве безграничного пространства.

После полного преодоления безграничной сферы пространства ученик, осознающий мысль «сознание безгранично», осуществляется в царстве безграничного сознания.

После полного преодоления безграничной сферы сознания ученик, осознающий мысль «Ничто не существует», осуществляется в царстве небытия.

После полного преодоления сферы небытия ученик осуществляется в пределе возможности восприятия.

После полного преодоления предела возможности восприятия ученик достигает растворения восприимчиво-

¹¹⁴ Здесь речь идет о последовательности «сансарического сознания», которое следует за устранением индивидуального предела, совершенным предварительным четвертичным созерцанием. См. то, что сказано в этом отношении в гл. V. Гиперболическое количество жизней служит лишь созданию более сильного впечатления.

сти, и мания ученого предвидения разрушается. Он ослепил природу — без следа уничтожил ее взгляд, он недостижим для зла, он избегнул сети этого мира. Он идет уверенно, он стоит уверенно, он сидит уверенно, он лежит уверенно: обладая внутренним, нерушимым спокойствием, он находится за пределами царства вреда.

Он может магически действовать по-разному: будучи одним, становиться множественным, будучи множественным, становиться одним, и так далее, всегда обладая властью над своим телом вплоть до мира Брахмы. Небесным слухом, очищенным, сверхчеловеческим, он улавливает два вида звуков: божественные и людские, дальние и близкие. Почти как сильный человек сгибает свою вытянутую руку или вытягивает свою согнутую руку, так он появляется или исчезает там, где хочет.

Душа ученика теперь освобождена от мании страстного желания, освобождена от мании существования, освобождена от мании ошибки. «В освобожденном находится освобождение». Появляется знание: «Жизнь истощена, божественная жизнь закончена, работа выполнена, этот мир больше не существует» — теперь он понимает это.

Это называется следами выполненного, называется отпечатком ноги Исполнившего, называется дорогой Исполнившего, Святого, Совершенного Пробужденного, испытавшего мудрость и жизнь, Приветствием, Знатока мира, несравнимого Принца человеческого животного, Учителя богов и людей, Пробужденного, Высокого¹¹⁵.

¹¹⁵ Буддийская аскеза во всех своих частях была систематически рассмотрена в книге J. Evola, *La dottrina del risveglio* (Scheiwiller, Milano, 1965). Относительно развития буддизма в тантризме см. книгу того же автора *Lo yoga della potenza* (Edizioni Mediterranee, Roma, 1969).

ЗАМЕТКИ

В этой главе, как и в предыдущей, мы высказались против теории *реинкарнации*, и объяснили ее место и смысл. Такая теория, если понимать ее буквально, представляет собой абсурд и ни в коем случае не соответствует никакому эзотерическому учению, восточному или западному.

Многие «спиритуалисты» и теософы сегодняшнего дня думают иначе. Они присуждают теории реинкарнации достоинство высшей истины, потому что считают, что, в отличие от всех прочих теорий, она удовлетворяет человеческий разум, ибо объясняет проблему зла и неравенства людей.

Мы не хотим здесь восхвалять инициатическое учение, но не можем не отметить, что претензия на вещи такого рода вовсе не обязательно вызовет много острой критики. На самом деле, даже допуская, что различия между существами и выпадающим на их долю добром и злом являются следствием действий, совершенных ими в предыдущей жизни, надо бы объяснить, почему в этой предыдущей жизни определенные существа совершили определенные действия (а также все прочие). Нужно будет обратиться к предрасположенностям, причина которых лежит в действиях в позапрошлой жизни — и так мы будем двигаться вспять до бесконечности, ничего не объясняя. Если же мы не двигаемся до бесконечности, а останавливаемся в определенной точке, мы будем вынуждены допустить в ней изначальные различия или определяющий их потенциал, без предшествующей причины. Итак, обращаться только к реинкарнации бесполезно: даже если допускать ее, она не объясняет того, что хотели объяснить с ее помощью.

Также кратко отметим, что с самого начала здесь виден недостаток критического духа, который заставил бы предположить, что наряду с законом причины и следствия (закон кармы, который теософы связывают с законом реинкарнации) существует рациональный и естественный

закон справедливости, уводящий от «наивного» понятия личного Бога, вознаграждающего и наказывающего. На какой основе из данной причины *должно* следовать именно это следствие? С каким действием оно связано? Если считать, что это так, потому что это так, то даже претензия на объяснение здесь будет иллюзорной. Наверное, нужно признать основой следствия из данной причины высшую *волю*, что более или менее эквивалентно согласию с теорией божественного наказания, которую, как считалось, может преодолеть посредством «естественного» закона кармы и действия и противодействия.

* * *

Изложенные в предыдущей главе о бессмертии взгляды могут казаться не слишком утешительными, потому что их вывод таков, что бессмертными в абсолютном смысле являются только посвященные; но посвящение (инициация) сегодня, особенно на Западе, кажется почти что недоступным, и, более того, неизвестным подавляющему большинству даже в качестве понятия. И «спиритуалисты», усыпленные верой в предполагаемую бессмертную по своей природе душу, находятся не в лучших условиях.

Есть ли иные перспективы? Да, есть. Можно рассмотреть случаи, в которых вся жизнь ориентируется на то, что, так сказать, вынесено за пределы простого существования. Далее, к ним нужно добавить различные случаи кульминации духа, реализованные при помощи или героизма¹¹⁶, или жертвы, или иногда даже при помощи опьянения и экзальтации. Все это определяет в глубинной субстанции Я практические способности, способные вывести за пределы смерти смертного сознания и принести свои плоды, заставляя преодолеть «вторую смерть» и

¹¹⁶ Так, например, в исламской традиции говорится, что те, кто погиб на джихаде, в «священной войне», на самом деле не мертвы.

Аид. Однако общим условием является то, что эти формы частичного превосходения без особого инициатического вмешательства должны обрести некоторую активную и безличную ориентацию: иными словами, они не должны осуществляться на основе некоей идеи, фанатизма, инстинкта, страсти — потому что в этих случаях пламя, разожженное в субстанции жизни преданностью или жертвой, служит только для питания сущностей, которые уже проявлялись в этих способностях души.

* * *

Что касается упомянутого автором под псевдонимом Эа учения античных Мистерий, согласно которому посвященный преступник удостоивается в потустороннем мире привилегированной судьбы, а даже Эпиманонду или Агесилаю без посвящения уготована та же судьба, что и любому смертному — оно, в принципе, не вызывает возражений и не обладает парадоксальным характером для того, кто понимает инициацию как всеобъемлющее действие, то есть как реальную трансформацию природы, в своей объективности не связанной с ценностями и антиценностями, имеющими человеческий характер.

Однако это не препятствует инициации обладать своими условиями. Она требует максимум «материю», соответствующим образом подготовленную для того, чтобы принять ее и развить ее преимущества. Хотя эти условия, опять же, не обязательно связаны с тем, что называется «заслугами» и «проступками», «добром» и «злом» согласно различным людским условностям и различным историческим ситуациям — тем не менее, возможна эзотерическая оценка тонких объективных последствий определенной дисциплины и определенных способов существования относительно целей такого приготовления. Возможно, что преступник может быть посвящен, а в высшей степени моральный человек — нет, с соответствующими последствиями. Но у этого всегда будут причины. Применимая ко

всем в равной степени, сила посвящения или не будет взята посвящаемым, или может воздействовать на неквалифицированного субъекта в отрицательном смысле, искажающем или прямо-таки разрушительном.

* * *

Вопрос о «законах существ», поставленный автором под псевдонимом Ягла, имеет комплексный характер. Действительно, различные традиции прямо или косвенно свидетельствуют о принципе неизбежности законов действия и противодействия. На этом принципе основывается, например, весь порядок обрядов жертвоприношения, искупительные жертвы: достаточно распространена точка зрения, согласно которой искупление обратимо (заместительное искупление — невиновный может искупить вину виновного). По сути, закон этого рода действует в некоторой среде проявленного мира; и нужно сказать, что (и это имеет значение) концепция, лежащая в основе того же христианства, видимо, не преодолела уровень этой среды. Действительно, непонятно, какая причина заставила Бога принести в жертву своего сына (между тем дав возможность людям совершать новые страшные грехи), чтобы спасти людей от греха вместо того, чтобы просто простить и аннулировать этот грех актом воли — понять это можно, лишь считая, что закон помилования сильнее самого Бога. Примечательно при этом, что христианство как «религию милости» противопоставляют иудаизму как «религии закона». Итак, если не считать этот закон таким сильным, ситуация предстает такой же абсурдной, как если бы царь, желая уберечь виновного (Адама) от наказания, достойного его вины, и помиловать его, смог бы это сделать, лишь подвергнув тому же наказанию своего сына (Христа). Это возражение римляне нередко выдвигали против христиан.

Ограничиваясь *практическими* аспектами этой проблемы, можно уточнить следующее.

Что касается индивидуального уровня, в общем можно признать, что созданные причины должны «разржаться» до своего истощения. Однако существует также и уровень высшего порядка. Выше говорилось, что *огонь познания сжигает кармическое тело*: это тело эквивалентно механизму, содержащему неистощенные потенциальные причины, о которых здесь идет речь. Это очевидно, потому что «познание» эквивалентно здесь реализации высшего принципа — следовательно, тому же самому, что обуславливает и поддерживает всю взаимосвязь вещей.

Если перейти на магический оперативный уровень, можно сказать следующее. Последствия рикошета парированных ударов не могут не вмещиваться тогда (таков, кажется, случай Яглы), когда оператор ограничивается исключительно внутренними действиями. Напротив, в церемониальной магии предусматриваются различные мероприятия для эффективного отклонения возможной отдачи. Впрочем, известен евангельский эпизод с одержимыми и свиньями: когда реакция сориентирована в подобном направлении, нужно иметь безусловно патологическую форму чувствительности, неизвестную даже Иисусу, учителю сострадания, чтобы почувствовать в этом отношении свою ответственность.

Наконец, когда, речь идет о реакциях, пробужденных не магическим оперативным вмешательством, а чистой волей удержаться на ногах и продвигаться по инициатическому пути, известно следующее средство: *инициатическое использование принципа непротивления злу*¹¹⁷.

¹¹⁷ На это указывается в книге Майринка «Белый доминиканец», а также в книге Э. Блэквуда «Джон Сайленс» (A. Blackwood, *John Silence*) (обе книги переведены на итальянский издательством «Бокка»). Вот отрывок из Блэквуда: «Сила вошла в мое существование, потрясла его как лист... Это был решающий момент, когда сущность дошла до глубины своей силы. Позже медленно, решительно он (оператор) вновь обрел контроль... Он начал дышать глубоко и регулярно, впитывая в себя противоположную силу, *поворачивая ее к своей выгоде*. Прекратив противиться и позволив смертельному потоку полностью вылиться внутрь себя, не встречая препятствий, он воспользовал-

Согласно природному закону реакция и отдача осуществляются тогда, когда сила встречает сопротивление. Если же, напротив, мы ведем себя так, что сила встречает в нас не нечто твердое, а что-то подобное воздуху, то она не сможет найти, за что зацепиться, и, максимум, будет кружиться вихрем в себе самой. Эта техника состоит в ожидании того момента, когда станет возможным вновь утвердиться над этой силой, которой оставлена открытая дверь, и мало-помалу впитать ее и преобразовать ее в себе. Иногда это эквивалентно самопожертвованию в некоторого рода жертвенном действии, однако добывающегося положительного эффекта возвышения и большей силы.

Можно отметить, что в некоторых школах такая же техника используется в отношении страстей, склонных овладевать душой.

ся силой своего противника, чтобы несоразмерно увеличить свою собственную... Эту духовную алхимию он усвоил. Он знал, что сила, в конце концов, — всегда одна и та же самая... что, если только не потеряно господство над собой, можно впитать это злое излучение и магически преобразовать его».

ГЛАВА VII

ЛЮЧЕ НАСТАВЛЕНИЯ ПО ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ МАГИИ

ВВЕДЕНИЕ

Тех наставлений, которые уже были даны — в том случае, если им следовали с большим усердием, которое требуется во всех операциях Священной Науки, — уже достаточно для того, чтобы осуществлять практику эвокационной (заклинательной) Магии, не опасаясь чрезмерных физических или психических реакций, которые могут нанести оператору вред.

Ритуал, который мы шаг за шаг объясним, поистине составляет путь реализации, который может быть совершенно независим от уже изложенных теургических практик, и, следовательно, может быть осуществлен всяким, кто пожелает. Тем не менее я хочу уведомить читателя, что будет полезным гармонично развивать эти две параллельные системы.

Для магической реализации необходимо учитывать некоторые понятия и предостережения.

Изложенный здесь ритуал является подготовительным (и не более того) по отношению к более сложным операциям, о которых мы скажем в свое время. Он должен быть выполнен согласно этим наставлениям с максимальной точностью. Воля оператора должна быть направлена на абсолютную реализацию даже мельчайших и очевидно незначительных частностей.

Хочу уведомить читателя, что этот ритуал не относится к конкретному времени года, а может быть выполнен всегда — при условии, что в норме его не прекращают, если сначала не достигнут результат, на который он

нацелен, без установления какого-либо предела времени, максимального или минимального. Единственное сущностное изменение, о котором будет сказано в нужном месте, — это сочетание запахов, специально приспособленное к некоторому созвездию.

Хочу сразу же заметить в этом отношении, что деления года в Магии не соответствуют принятым в обществе, а вычисляются астрономически и соответствуют входу и выходу солнца из отдельных созвездий. Поэтому помните, что наш год начинается 21 марта, в соответствии с входом Солнца в Овен, в начале весны.

Впрочем, так как некоторые месяцы более или менее пригодны для ритуала, можно посоветовать исполнять его в последний месяц осени и в три зимних месяца, то есть в последние дни ноября до почти всего марта следующего года.

Ритуал в наилучшей степени пригоден для начальной операции усиления и просветления. Эта непосредственная цель воплощается посредством контакта с высшими разумами¹¹⁸, и обретенное при его помощи просветление может проявиться по-разному: в первую очередь посредством непосредственного проявления вызванной Сущности, которая предстанет перед оператором видимо и осязаемо и даст ему особые наставления, которые нужно выполнить *при помощи разума*, и которые могут быть такими, что ему больше не понадобятся другие источники наставления или познания. Это нужно понимать в абсолютном смысле, относящемся без каких-либо ограничений ко всему тому, что является индивидуальной активностью как в области простого сознания, так и тому, что

¹¹⁸ Стоит помнить, что в области церемониальной магии, к которой обращаются настоящие наставления Люче, сама практика заставляет метафизические состояния существа принимать объективные формы, даже персонализированные, почти что в качестве реальных отдельных сущностей (разумы, ангелы, элементали и т. п.). Естественно, нельзя считать, что опыты такого рода определяют что-либо в метафизическом смысле. — *Прим. гр. «Ур».*

может касаться опыта или указаний по личному развитию, а также, как это часто случается, даже может быть связано с практической жизнью, своей у каждого.

Другой формой проявления является мысленная коммуникация с призываемым существом, реализуемая во время самого призывания, или, чаще, во время сна призывающего. Нужно проявлять осторожность к таким проявлениям, чтобы не пасть жертвой иллюзии или химеры, что может привести к опасным отклонениям. Более того, стоит воздержаться от суждений на этот счет вообще — до тех пор, пока не наступит состояние, в котором не может быть никакого сомнения о его происхождении. Это сознание определенности непередаваемо: оно переживается в опыте.

Когда коммуникация происходит в этой форме, наибольшая трудность состоит в том, чтобы в точности запомнить при пробуждении и после него то, что было воспринято или услышано ночью — то есть перенести состояние ясного сознания сна в ясное сознание бодрствования. Это выполняется при помощи *фиксации* имеющихся впечатлений в том состоянии, которое еще не является сном, и подтверждения их по мере того, как происходит пробуждение.

Дальнейшая цель ритуала связана с вопросом, которым каждый задается с самого начала и ответ на который мы здесь развернули в указаниях, направленных на то, чтобы дать ему практическое решение. Это вопрос Я во всей его тотальности: то, что касается его сущности — *что такое Я* — и то, что касается его феноменологии — *что оно может*, как проявляется его действие и какие реакции оно вызывает в окружающей его среде. Этот вопрос мы перенесем на другой план осуществления, родственной тому, которому мы следовали прежде, и который ведет к той же цели, к тому же осуществлению, но с существенной разницей в методе.

До сих пор данные наставления были скорее ограничены в том, что касается *солнечного* развития действующего начала, который, основываясь на самом себе, и

едва опираясь на мельчайшие внешние вещи, такие как запах, развивает свой собственный принцип и доводит его до максимальной яркости.

В этих наставлениях предлагается отойти от состояния сознания, общего для большинства людей, включая женщин: иными словами, эти наставления имеют своей непосредственной целью развитие, осознание, интеграцию и, наконец, растворение лунного начала вплоть до той точки, в которой происходит преобразование и *трансмутация*. Это не значит, что если уже утвердившееся ☉ также действует на этом плане, то подобная операция приведет к конфликту: на самом деле будет достигнуто еще большее совершенство действия и большая скорость в проведении операций. Сплав этих двух систем определенно целесообразен, ибо из их взаимодействия можно получить большую пользу.

Вспомним (гл. I, вступление), что в качестве исходной точки был поставлен вопрос «что такое я?». Этот вопрос разрешается не при помощи какой-либо теории или концепции, а единственно опытом: опытом Бытия (отчего Бог говорит в «Исходе», III, 14: *Eièh ascer Eièh*, «Аз есмь Сущий»). Ритуал ведет как раз к переживанию этого непередаваемого и абсолютного опыта целиком и полностью, вплоть до состояния непосредственной очевидности, превосходящей все то, что может прийти из человеческого ума.

В этом отношении еще будет замечено, что эти наставления изложены и должны быть приняты с совершенно практической точки зрения. *Не нужно* ни спрашивать «почему», ни искать объяснения или «причины» — нужно лишь хорошо слушать, хорошо усваивать, хорошо осуществлять. Таковы условия: это (и прочее) не обсуждается.

Мы учим тех, кто хочет родиться в жизни высших миров, чтобы сделать первые шаги, управлять собой, приобрести чувство новой реальности, которую эти миры собой являют. Тот, кто заранее хочет проявить собственную инициативу, может сделать это на свой страх и риск; эти риски и опасности приблизительно тождественны

тем, которым подвергся бы новорожденный, который, без какого-либо опыта и наставника, был бы предоставлен самому себе в естественном ходе событий.

Всякая форма — это проявление ума. Есть видимые формы и формы невидимые, формы известные и формы неизвестные.

Каждая форма является реализацией уравновешенной силы, которая действует по-своему, тайно, и этот образ действия в ней *свертывается*.

Всякая сила является умом — и всякая сила является духом.

Умы располагаются согласно иерархии. Есть ум песчинки, ум бесконечно малого, иерархически подчиненный уму целого, которым может быть орган.

Так, например, среди людей есть стихийные разумные силы, которые руководят организмом, подчиненные одной — она подчинена силе, что руководит всей семьей — она, в свою очередь, подчинена Божеству города, и так далее.

Запомните все это и начните их *чувствовать* — это сущностное условие магического пути. Учителя этого пути говорят от имени Высшего Иерарха, от которого по этой причине идет всякое просвещение.

Тот, кто верно следует наставлениям, которые мы даем, несомненно, однажды сможет и сам достичь несравненных высот и обрести царскую корону.

Следовательно, точкой отправления и опорой всякого рассуждения является опыт. Сдерживай свою мысль — *никогда* не выражай свое суждение о том, чего в совершенстве не знаешь.

Человек обладает способностью создавать, лепить новые формы, свободно организуя их из «материи» или из элементов, ее составляющих; или даже воздействуя на разумные формы, которые всегда господствуют над ней — но тайный, важнейший, высший смысл лежит в возможности, которая посредством мистерии «девы» дает начало и оправдание всякому акту творения.

Знай, что *слово* — это живая реальность, которую ты создаешь, и которой даешь тело и жизнь — это сущность, которая освобождается от тебя и действует. Это не только звук, исходящий из губ, но также и движение, и мысль; это все то, что выражается существом, не являющимся неподвижным, закрытым, холодным, отделенным. Это также загадка, но тебе достаточно услышать то, что является твоей постоянной ответственностью.

В Магии твоя мысль, твой разум, сама твоя воля являются простыми инструментами твоей силы, твоей возможности, которая их превосходит.

Нужно научиться познавать опытным путем, согласно естественному порядку собственных реакций, каково их строение и как посредством игры рефлексов (которую я не буду разьяснять тебе — ты сам научишься ее осознавать), посредством их упражнения, посредством использования, посредством упорной, продолжительной, постоянной, никогда не прерываемой тренировки, при помощи символа и ритуального действия они укрепляют принцип, из которого исходят — вплоть до предела, превосходящего всякое воображение и всякую видимость возможности.

Тебе дано средство, инструмент, тебе сказано: таковы принципы, таковы методы, делай так.

И ты, действуя согласно нормам, познаешь непосредственный результат операции — и изучая его на основе законов равновесия противоположностей, сможешь узнать по последствиям то, что его определяет.

Но об этом будет сказано более полно в другом месте.

Возможно также, что тебе слабо понятна классическая концепция тройного мира — мы называем эти миры физическим, духовным и божественным.

Физический мир — это мир формы, случайный мир, где мировые силы реализуются наиболее плотно. Это мир нечистой материи и нечистых существ: низших стихий, лярв и тому подобных.

Духовный мир некоторые называют ментальным. Это царство духов, которые господствуют над «матери-

ей» и организуют ее. Среди них находятся также настоящие духи стихий и Разумы.

В божественном мире присутствуют Боги — начало и установление других низлежащих миров. Они — это свободная возможность и воля, которая полностью реализуется в немедленном осуществлении.

Ты сможешь познать физический мир, наблюдая его организацию и явления и фиксируя внешние законы, которые им управляют — но лучше и совершеннее ты будешь познавать, проникнув в духовный мир и постигнув законы гармонических соответствий между этими двумя мирами.

Ты узнаешь тайны духовного мира, превзойдя барьеры тела, как возгосподствовал над ним, так и преодолел его, а временами и устранив его, установив связь своего разума с разумами, господствующими над этим миром.

Ты проникнешь в тайны божественного мира, когда будешь признан достойным того, чтобы божественный дух проявится в тебе непосредственно и просветил тебя — или ты сам, «познавая» Богов, сможешь вознестись к ним, завоевав их силу.

Помни, что в трех мирах господствуют законы аналогии, также являющиеся законами равновесия. Знай также, что загадка одного может раскрыть загадку другого — при условии, что ты сможешь понять и осознать связи «возгонки» или «сгущения», адекватно той цели, которой хочешь достичь.

Однако обрати внимание, что это вышеизложенное тройное деление имеет не только смысл иерархии. Ты мог бы догадаться, какова сложная система иерархии существ: понаблюдай за иерархией человеческого общества и природных существ, и проведи аналогию с миром невидимым.

Тебе было указано на существование абсолютного закона — закона равновесия; особо добавлю, что он господствует не только в операциях Искусства, но и во всей жизни, потому что именно в жизни он имеет свою совершенную и единственную реализацию.

Равновесие — это жизнь, оно находится в жизни, во всяком действии, во всякой сущности, во всякой возможности, во всякой реальности.

Ты слышал, как многие говорили об этом законе, много и читал о нем. Но, возможно, ты не задавался вопросом о возможности если не понять, то хотя догадаться о том, что он представляет собой в нашей практике: при его помощи мы определяем, является ли агент активным, или он реагирует, или и то и другое, и, в последнем случае, каков тот новый элемент, на который производится воздействие¹¹⁹.

Тот, кто знаком с символизмом чисел, может попробовать извлечь ключ к этой загадке, поразмышляв над этим странным рецептом «фиксации меркурия», который мы взяли из древнего манускрипта:

«Из разных вещей возьми: 2–3 и 3–1; 1 и 3 дают 4; 3, 2 — это 10; между 3 и 4 есть 1; 3 из 4 дает 1; 1 из 3 дают 2. Между 2 и 3 есть 10 1, 1, 1, и 1, 2, 2, и 1, 1 и 1 к 2. Итак, 1–1, я сказал тебе всё».

Говоря о практической магической реализации, я хочу предостеречь, что результат операции может быть получен или посредством «отражения» — и об этом будет сказано особо, при рассмотрении магических цепей, или посредством «гибкой коагуляции» в астральном «лоне», организованном так, чтобы породить различные формы, которые, в свою очередь отделившись от него, продолжатся в форме жизни, им предписанной и имеющей двойную сущность: одна активная, творческая, актуальная; другая пассивная, порождающая, гибкая.

¹¹⁹ Можно указать на аналогию между тем, что в магии и области духовного мира является «законом равновесия», и тем, что в современной физике является «законом симметрии», который в области феноменологических констатаций заменил принцип причинности и принцип достаточного основания. «Достаточное основание» феномена сводится сегодня к *асимметрии* — как в другой области вмешательства во сущности или влияния в операции является искажением или трансформацией равновесия или внутренней нейтральности в ходе самой операции. — *Прим. гр. «Ур».*

Кроме того, помни, что при операции необходимо точно определить цель, которой ты хочешь достичь. Уже само это действие способно зафиксировать определяющую и эффективную связь между оператором и действием, которое он будет совершать, выполняя ритуал.

Также необходимо, чтобы у тебя было осознание — или обретенное опытным путем, или определенное самостоятельно — того *X*, с которым ты хочешь установить связь, на который ты хочешь воздействовать, чтобы достигнуть своей цели. И, наконец, действуй надлежащим образом, в предписанных ритуалом формах.

Практический опыт мало-помалу научит тебя той степени интенсивности сосредоточения или «проекции», которая подходит для всякой цели.

Всегда помни, что всякому действию соответствует противодействие подобной же интенсивности, восстанавливающее равновесие, которое является не неподвижностью, а последовательным переносом на бесконечных уровнях сил.

Сумей понять это, сумей реализовать это с мудрой осмотрительностью и постепенно, вплоть до самой вершины. Знай, что твоя ошибка может вызвать ряд последствий для тебя самого или для других.

РИТУАЛ

[В р е м я] — Этот ритуал, имеющий подготовительный характер по отношению к высшим операциям и просветлению, может выполняться в любое время года; его нужно выполнять, пока его реализация не будет достаточной и адекватной для последующих ритуалов.

Тем не менее уместно, как сказано выше, выполнять этот ритуал зимой или в последний месяц осени, который ей предшествует, то есть с последних дней ноября до 20 марта следующего года. В периоды растущей луны он должен быть выполнен полностью; при убывающей луне просто позаботьтесь о доступе к лампе и возжигании благовоний, как будет указано ниже. Женщины в менструальный период и в три дня, которые ему предшествуют

и за ним следуют, не совершают ритуал и не входят в помещение. Утром и вечером, после умывания, они произносят молитву очищения.

[Е д а] — Можно есть только овощи, молоко и его производные. Воздержитесь от алкоголя и возбуждающих средств в целом. Позволено только немного чая или кофе. Абсолютное целомудрие тела и духа.

Если можно будет сократить питание до минимума, почти что до его отмены, и заменить его астральным питанием, о котором сказано в другом месте, из этого ты извлечешь великую пользу.

Уместно пить много воды.

[Р а с п р е д е л е н и е в р е м е н и] — Встань утром, перед восходом солнца, и окупись в текущую воду; после этого надень одежду для ритуала, который и соверши незамедлительно. Сделав это, занимайся своими делами вплоть до заката, когда, после нового омовения, соверши ритуал, а потом ложись спать.

Неплохо было бы сдвинуть время приема пищи: завтрак между 10 и 11, обед между 16 и 17.

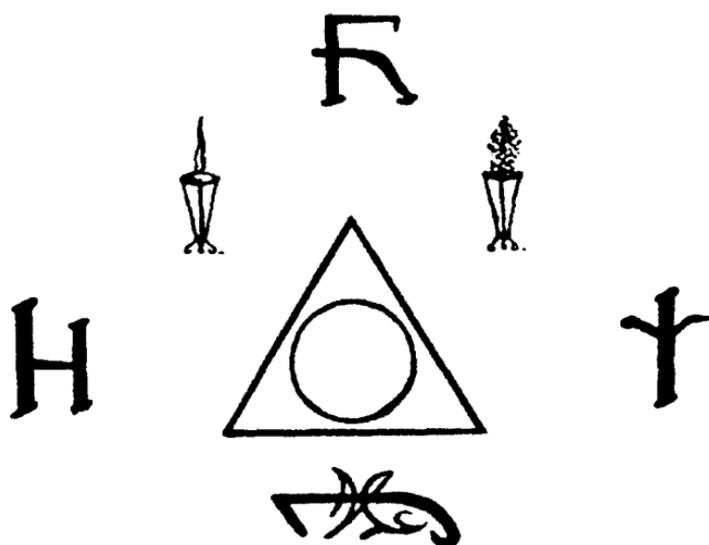
[О д е ж д а] — Необходима просторная, белая одежда из чистого льна, которую нужно приспособить к талии при помощи пояса также из льна. Обувь должна быть из того же материала.

При облачении, после омовения, произнеси подходящую молитву, которую я дам позже.

[М е с т о] — Обеспечь себе просторное место, по возможности под землей, которое будет использоваться исключительно для ритуалов. Стены должны быть оштукатурены известью, окрашены в белый или красный, или фиолетовый, или небесно-голубой цвет. Пол должен быть вымыт проточной водой. Комната должна иметь квадратную или круглую форму, не иметь входа на востоке, а стороны света должны быть четко размечены.

[Ж а р о в н я и л а м п а] — Необходимо иметь треножник высотой примерно один метр, на котором зажигается огонь из дерева сосны и лавра, а также ароматы, подготовленные согласно дням и созвездиям, как указано в другом месте. Нужен также другой треножник, закрытый сверху, с отверстием для фитиля. Внутри нужно поместить оливковое масло.

Лампа должна гореть непрерывно во время всего периода операций.

[О б о п е р а ц и и] — После совершения омовения и облачения в одежду из льна войди в комнату, зажги огонь, лампу и некоторые благовония.

Потом наметь при помощи «золота»¹²⁰ центр равно-
стороннего треугольника, с вершиной, направленной на

¹²⁰ Знаки могут быть начерчены острием магически освященного меча, или водой, углем, «намагниченным» маслом, или просто большим или указательным правой руки посредством «золота», то есть ума, сосредоточенного на солнечном принципе так, что с ним связано соответствующее «направление действенности». Что до реальной золотой тинк-

восток, и впиши его в круг. Затем начерти на востоке, западе, севере и юге — именно в таком порядке — знаки, указанные на картинке. На востоке, справа, поставь треножник; а слева — лампу, которая не должна гаснуть.

Стань в круг, повернись на восток, зажги другой аромат, сосредоточься в духе и произнеси ясным голосом инвокацию солнечного архангела, которая встречается в «Магических элементах» Пьетро д'Абано¹²¹.

В дальнейшем я дам другие наставления. Кто хочет, пока может начать с этого¹²².

ЗА

туры, см. ее рецепт и ритуал составления, например, в *Enchyridion di Leone III* (ed. A. Fidi, Milano, 1924, pp. 95–97). — *Прим. гр. «Ур»*.

¹²¹ Conjuro et confirmo super vos Angeli fortes Dei, et sancti, in nomine Adonay, Eye, Eye, Eya, qui est ille qui fuit, est est erit, Eye, Abraye: et in nomine Saddy, Cados, Cados, Cados, alte sedentis super Cherubin, et in nomine ipsius Dei fortis, atque potentis, exaltatusque super omnes Coelos Eye, Seraye, plasmatoris saeculorum qui creavit mundum, coelum, terram, marem, et omnia quae in iis sunt in primo die, et sigillavit eo sancto nomine suo Phaa: et per nomina sanctorum Angelorum, qui dominantur in quatro exercitu et serviunt coram potentissimo Salamia, Angelo Magno et honorato; et per nominem stellae, quae est SOL, et per signum, et per immensum nominem Dei vivi et per nomina omnia, conjuro te, MICHAEL, Angele Magne, qui est praepositus diei Dominicae; et per nominem Adonay, Dei Israel, qui creavit Mundum et quod in eo est, quod pro me labores et adimpleas omnem meam petitionem; juxta meum velle et votum meum; in negotio et causa mea.

[Клянусь и подтверждаю вам, великие и сильные ангелы Божьи, именем Адоная, Эйе, Эйе, Эйя, кто есть, кто был, кто был и будет, Эйе, Абрайе: и именем Шаддая, Кадоша, Кадоша, Кадоша, который сидишь высоко над херувимами, и именем того же могучего Бога, который силен и поднят над всеми Небесами, Эйе, Серайе, который создал века после создания в первый день мира, небеса, земли, моря и всех вещей, в них пребывающих, и запечатал их своим святым именем Фаа; именем святых Ангелов, которые правят в четвертом воинстве и служат в присутствии наимогучего Саламии, великого и чтимого Ангела; и именем звезды, которая есть СОЛНЦЕ и именем его знака, и великолепным именем живого Бога, и всеми именами, я призываю тебя, МИХАЭЛЬ, о Великий Ангел, который отвечает за день Господа; и именем Адоная, Бога Израиля, который создал Мир и все, что в нем, чтобы ты мог работать для и выполнять всякую мою просьбу, согласно всякой воле и пожеланию, к любой пользе и по любой причине (лат.) — *Прим. перев.*]

¹²² Если читатель желает попробовать поработать со знаками и формулами, при необходимости он может использовать и другие, встречающиеся в древних трудах, начиная с Агриппы. — *Прим. гр. «Ур»*.

ДОКТРИНА «БЕССМЕРТНОГО ТЕЛА»

Инициатическое учение о бессмертии связано с доктриной *тройного тела*, о которой мы хотим здесь кратко рассказать.

Прежде всего нужно отметить, что здесь термин «тело» используется по аналогии для обозначения «места», которое сознание может занимать согласно своей возможности — которая, однако, превосходит возможности огромного большинства людей. Поэтому данная доктрина, как и всякая другая доктрина эзотеризма, истинна только в инициатической среде. Говорить о ней в отношении обычного человека не имеет никакого смысла: для него не существует ни трех, ни семи, ни девяти «тел», ни всех прочих теософских фантазий; для него реально лишь его человеческое состояние сознания, обусловленное связью с физическим организмом.

Скажем больше: тот организм, который человек видит, которого касается, который описывает, который снабжает человека ощущениями и реакциями и так далее — об этом организме человек на самом деле не *знает* (в нашем смысле слова «знать») почти ничего. Как от него ускользает сила, при помощи которой по его команде двигается рука (и о чем он догадывается уже в случае полупаралича или нервного расстройства), таким же образом от него ускользает то, из-за чего бьется сердце. Так тело является для него по большей части части неизвестной, загадочной сущностью, в которой он таинственным образом просыпается и с которой оказывается связан.

Но тот, кому удалось бы пролить свет на эту глубинную и таинственную область, одновременно пришел бы к «осознанию» разных тел, о которых говорит эзотеризм. Эти тела является не другими телами, а скорее другими способами существования того, что проявляется для наших чувств в качестве видимого тела — и таким же образом являются этапами Делания.

Мы продемонстрировали (гл. V), что условием настоящего бессмертия является сознание, достигнувшее

обособления и поддержания себя за пределами опоры и условий психофизического организма. Тот, кто достиг этого в полной мере, практически «перешел через воды», и лишение тела, связанное с кризисом, становится для него фактом лишь относительной важности. Также говорится о возможности в этой точке направиться к Великому Освобождению. Этот путь является освобождением от всех реальных и возможных предопределений, от оболочки в оболочке, от наготы в наготу — пока оболочка не падет из-за абсолютного слияния с «бытийностью» (*ipseità*): формула «аз есмь» будет превзойдена, «есмь» растворится и разрешится в «есть»¹²³. Такова точка «высшего тождества», буддийская нирвана, «Единое» Плотина: «пустая как сосуд в воздухе — полная как в сосуде в океане» — говорится в хатха-йоге.

Кроме того, у того, кто осуществил разделение, существует *магическая* возможность сохранять контакт с проявленным миром и принимать и подчинять себе форму, служившую основой его человеческой жизни, полностью, во всех элементах и процессах. Действие здесь направляется на то, что вполне может быть названо трупом — откуда в дальневосточной традиции выражение «растворение трупа» посредством Делания. Но в силу сущностных реакций, связывающих макрокосм и микрокосм, такое действие фактически направлено на иерархии, управляющие различными стихиями природы в целом.

И вновь точкой отправления является тот факт, что сегодня *индивидуальность* большей части людей является лишь видимостью, а их внутреннее единство является просто фиктивным и непостоянным конгломератом сил и влияний, которые никоим образом нельзя рассматривать как их собственные. Это было отмечено еще Абраксамом (гл. I).

Силы, от которых зависит человек, относятся в первую очередь к органическому, а во вторую — к психиче-

¹²³ Имеется в виду, что «Я» и «есмь», индивид и Бытие станут синонимами, одним и тем же. — *Прим. перев.*

скому порядку. Ко второму относится все то, что связано со страстями, чувствами, верованиями, естественными аффектами, традициями, узами крови и так далее. Обычный человек должен говорить не «я люблю», а «любовь любит во мне». Как огонь проявляется в пламени, когда присутствуют необходимые для этого условия, таким же образом и любовь — лучше сказать, *сущность* любви — проявляется в отдельном человеке, который любит — как то, что превосходит его и ведет за собой, и относительно чего он более или менее пассивен. То же самое можно сказать о гневе, страхе, сострадании и т. д. — и не только: у всякой нации, всякой религии или традиционного института есть своя «сущность», и инстинктивная и глубинная реакция на оскорбление родины, веры или нравов — это реакция этих сущностей, и в гораздо меньшей степени *индивидуальная* (как обычно полагают) реакция, свойственная отдельному и автономному Я.

Если спуститься в глубины органического существа, то в них еще сложнее найти что-то принадлежащее человеку: кровеносная, эндокринная, нервная системы — сон, голод и так далее — все это в отдельном человеке представляет трансцендентный и коллективный элемент, и достаточно очевидно, что их активным и направляющим принципом является вовсе не отдельное Я. Я опирается на все эти вещи, но *не является* ими и не господствует над ними. Получается, что его индивидуальная жизнь является миражом, который сохраняется до тех пор, пока случайный узел равновесия, которое делает относительно стабильным и единым его психофизическую сущность, не развяжется, и различные собранные воедино силы не будут вновь впитаны соответствующими «существами». Следовательно, они находятся повсюду: они присутствуют в мыслях, в действиях, в страстях, в созданиях, в тех же функциях и в тех же телесных органах людей. Они пронизывают все невидимо для глаза и управляют большей частью того, что называется обычной жизнью.

По этой причине тот, кто хочет начать жить, должен сначала *умереть*, отделившись от этого сплетения влияний и зависимостей и сделав своим принцип жизни, существующий сам по себе. «Инициатическая смерть», о которой идет речь, утверждает человека в первичном элементе этой новой жизни, с которой смерть не может ничего сделать. Но если бессмертие не должно быть лишь продолжением сознания, если это сознание, напротив, намеревается развиваться в форме действия и выражения, соответствующему одному и другому плану, нужно, чтобы этот свободный и сверхъестественный элемент сообщил свое качество разным принципам и разным силам, присутствующим в составе человека. Такова суть теории *магического тела*, или *тела воскрешения*. Речь на самом деле идет о создании тела заново, о новом прохождении всего мистического и темного процесса его организации — или, лучше сказать, процесса, направленного на то, чтобы оно стало организованным и далее оказалось пригодным для Я; о воскрешении его свыше — из принципа, победившего смерть и существующего сам по себе. Последовательные стадии этого процесса состоят из установления связи с различными существами, сначала психическими, а позже космическими (богами), которые имеют в своей власти человеческих существ и которые действуют в их телах и их существах; в этом порядке операций инициат должен утвердить свою автономию от них, подчиняя себе эти силы, бывшие их присутствием в его организме. «Одеяние славы» или «бессмертное тело» гностиков вместо «формы служения» является последующим посвящением того, кто победоносно проходит ряд этих испытаний, таким образом целиком освобождаясь от сферы «Рока» и господства различных «регентов» или «архонтов».

Более того, бессмертное тело является *простым*, а не составным телом, поскольку простым является принцип, который его пронизывает и целиком над ним господствует — вместо множества влияний и сил, часто антагонистических, которые господствовали над душой и человеческим телом.

Можно сказать, что это тело создано уже *не из материи, а из сознания и могущества*. В самом деле, традиционному учению несвойственно рассматривать материю как отдельное начало, сосуществующее с духом. Это просто нечто инертное, пассивное и несознательное в духе; материя как таковая всегда может быть «растворена» или «редуцирована» — именно таков случай «магического тела». Здесь может помочь следующая аналогия: подумайте о том, что происходит при так называемых «идеомоторных рефлексах». Если оказаться в состоянии полного расслабления, создать живой образ поднятия своей руки и сосредоточиться на нем, рука на самом деле окажется поднятой в силу непосредственной власти, вызванной образом, без какого-либо усилия иннервации. *Здесь мы имеем в виду нечто подобное для всего тела*: то есть за все тело, в глубине его фибр, во всех его органах, функциях и движениях, принимает ответственность разум посредством абсолютного и лучистого образа. Тело больше не существует как тело: по своей сути и основе это исключительно магический образ: это тело, управляемое, движимое и оживляемое разумом. Его органы связаны с формирующими символами и идеями, являющихся астральными «сигнатурами» или «именами» существ, которым они соответствуют. Отсюда название *маномайякайя* (тело, созданное разумом), данное на Востоке «бессмертному телу», называемому также *майяви-рупа*, то есть видимая форма.

Причина этого выражения ясна. В этот момент на самом деле именно тело ходит и опирается на Я, а не Я на тело. Если Я на миг перестанет существовать, разрушится и тело: теперь Я взяло его на себя, поддерживает его и приказывает ему в могуществе своего разума, как обыденное сознание действует в обычном мышлении. *Следовательно, растворить его образ, перестать мыслить его означает заставить его исчезнуть без остатка в виде трупа* (операция, известная в даосизме под именем *s'i-kiai* = растворение трупа).

В этой главе говорится о символе «Соли», который в герметизме обычно обозначает тело, телесный элемент.

Соль — это *фиксированное*, это элемент «необходимости»; качество, которое *сопротивляется* «Огню» и которое не может измениться. Это темница спящего Сульфура, «пробуждение» которого производит качество, которое реагирует и может трансформировать его, растворить его в *летучем* — то есть, в таком способе существования, которому присущ характер свободы и *воздушной* трансформации. Также «одеяние славы» гностиков отождествляется с «телом свободы» (термин, использованный св. Павлом), а в буддизме махаяны ему соответствует *нирманакайя*, что можно перевести именно как «тело трансформаций». Иными словами, перерожденное тело является больше силой, нежели телом, или, лучше сказать, это тело в *состоянии силы*: оно совпадает со свободной возможностью проявления в теле, и не обязательно в этом, а не в ином, то есть только на земном плане. Способность речи является *моей* настолько, насколько я могу формировать ее и проявлять ее как хочу, а также подавлять ее при молчании. В этом же самом отношении адепт, посвященный в эти приложения, находится со своим телом: он делает с ним что хочет, может проецировать его в одну или другую форму, делать его явным или исчезать, сам не изменяясь в подобных трансформациях. В эллинистической мистериософии для магического тела используется термин *seminarium*¹²⁴ в силу того факта, что это не частное и *фиксированное* тело, а скорее активная возможность, *зародыш* бесконечных тел, допускающих, в принципе, свое формирование и «проекцию» ментальной сущностью ради соответствующей трансформации.

Однако это не должно заставлять думать, что магическое тело является *нереальным* по причине того, что оно *видимое* (майяви-рупа). Все сказанное выше не относится к физически констатируемым качествам такого тела, которое в своем частном проявлении может казаться обычным, как и любое смертное человеческое тело. Речь идет только о функции, трансформированной из пассив-

¹²⁴ Рассадник, питомник (лат.) — Прим. перев.

ной в активную, из необходимой в свободную — функции совокупности этих качеств на службе у высшей силы. Тот факт, что вещь находится в моей власти, никоим образом не делает ее нереальной: напротив, она в высшей степени реальна. Тело, в котором нет больше «материи» и которое является «видимым» или «ментальным», означает просто тело, в котором нет ничего, что *сопротивляется* духу, которым дух просто «наделен» — следовательно, совершенное деяние. Трансформация является не материальной, а *субстанциальной* — в том смысле, в котором этот термин используется в теологии, когда говорится о евхаристии, при которой в облатке поддерживается тождество и сохранение чувственно воспринимаемых атрибутов, но тем не менее происходит сущностная трансформация. Это пресуществление (транссубстанциация)¹²⁵.

Магическое тело неуязвимо и бессмертно: искажению и порче покоряется только то, что является составным и зависимым¹²⁶. Ему соответствует термин *ваджра*, то есть «алмазная молния»: нечто почти что алмазное, не подверженное порче, и созданное из силы и света молнии. «Ог-

¹²⁵ Сказанное выше признается в алхимическом герметизме: «*Transmuteni de lapidis mortuis in vivos lapidis philosophicos*» («Мертвый камень трансмутируйте в живые философские камни»: «камень» — это символ тела. См. *Theatr. Chem.*, 1602, I, p. 267). Алхимик Пьетро Боно (*Margarita pretiosa* // Manger, II, p. 29 и далее) пишет: «Древние алхимики из своего искусства знали о пришествии конца света и воскрешении мертвых. Поэтому душа [посредством герметической работы] вновь связывается в вечности со своим изначальным телом. Тело становится целиком и полностью славным и не подверженным порче, и приобретает почти невероятную тонкость, проникая в любую плотность. Его природа становится больше духовной, нежели телесной. Древние (герметические) философы *видели Страшный Суд в этом Искусстве*, то есть в росте и рождении их камня, потому что в нем реализуется объединение души со своим изначальным телом в вечной славе».

¹²⁶ Гиппократ писал: «Если человек будет *един*, он никогда не заболит», и «Нельзя понять причину болезни в том, что является *одним*». И де Местр, цитируя эти высказывания (*Sur les sacrifices*, ed. 1924, II, 288), справедливо добавляет: «Это блестящее изречение имеет меньшее значение в моральном мире».

ненное тело» или «лучащееся тело» неоплатонизма имеет тот же смысл и отсылает к аналогичному учению.

Наконец, *мыслить* некое место и *находиться* в этом месте в смысле реального присутствия — это не волшебное, а естественное качество для тела, впитанного разумом (или того его элемента, который впитан в разум), для тела, поддерживаемого исключительно своим собственным образом. Оно находится там же, где разум.

Что касается частных, «бессмертное тело» также называется «тройным телом», а его носитель — «господином трех миров». В техническом смысле точкой отправления является состояние «обнаженности», реализованное при помощи инициатической смерти и перенесенное из внетелесных состояний в земное состояние посвященного.

Итак, первая операция состоит в том, чтобы установить непосредственную связь с тем миром, отражением которого (причем слабым и частным) является мир мыслей, представлений и тех же эмоций. При необходимости нужно перейти к «экстракции ртути», что в первую очередь является реализацией «тонкого» или «жидкого» состояния, которое играет роль посредника между двумя мирами — между чувственным внешним миром и миром *солнечной* имманентности. Посредством этого состояния можно обрести контакт с глубинными силами, скованными в организме — последовательно с силами кровеносной системы, эндокринной системы, репродуктивной системы. Они имеют следующее двойное соответствие: 1) животное царство, растительное царство, минеральное царство; 2) состояние грез, состояние сна, состояние очевидной смерти (см. гл. V). Чтобы прояснить это соответствие, нужно вспомнить учение, согласно которому пробуждающиеся символы или «имена» трансформируют в сверхсознание то, что для обычного человека является, например, сном. При этом они проявляют «архетипы» различных животных видов, то есть сущностей, господствующих над различными животными видами, и отдельные люди являются как бы частицами их «тела». Это так называемые *священные животные* или *живые живот-*

ные, с которыми посвященный «сочетается», скрепляя этим браком свое изначальное тело. То же можно сказать о других двух стадиях, в последней из которой начинает действовать изначальная творческая сила или дракон (который в «Сефер-Йецира» находится в «в центре вселенной, как Царь на своем троне»), или Священный Огонь, «Ур», *кундалини*. Двигаясь через различные «центры», она активизирует семеричную иерархию (семь планет, семь ангелов, и так далее) — что означает распространение «магического воскрешения плоти» на трансцендентальный план, что делает его абсолютным.

Эта сила в первую очередь представляет мир форм и конечных существ, подверженных рождению и порче, то есть мир *обусловленный* или *сотворенный*, и, используя терминологию махаяны, заставляет сиять *нирманакайю*, магическое или видимое тело, способное на трансформацию и соответствующее действие. Во вторую очередь она представляет промежуточный мир «стихийных элементов» — мир того, что имеет форму и не имеет формы, «духовного звука» и, соответственно, является сущностью, созданной из полноты, из свободного наслаждения, из сияния *самбхогакайи*, невидимого, чисто интеллектуального «тела». В третью очередь она представляет мир, созданный из света и «пустоты», который одновременно существует и не существует, непорочный, трансцендентный, и, соответственно, актуализирует *дхармакайю*, высшее «тело», связанное с *ваджра-дхара*, «Господином скипетра», непостижимым, называемым также *свабхавакайя*, то есть чистый способ бытия того, что существует в самом себе¹²⁷.

Но это единое тройное тело — это то же самое «бессмертное тело» «Господина трех миров».

¹²⁷ О доктрине махаяны трикайи или «тройного тела» см. L. de la Vallé Poussin, *Studies in buddhist Dogma // Journal of the Asiatic Society*, 1906, p. 943 и далее; P. Masson-Oursel, *Les trois corps du Bouddha // Journal Asiat.*, май 1913; G.R. S. Mead в *The Theosophical Review*, v. 39, p. 289 и далее, и в *The Quest*, 1909, v. I.

DE PHARMACO CATHOLICO

*Consule te ipsum, noscas temet, et ambula ab intra*¹²⁸

Не без некоторых колебаний мы позволяем читателям ознакомиться с оригинальным текстом алхимического герметизма.

Нет нужды говорить, что та «алхимия», о которой идет речь, не имеет ничего общего с зачаточной и полной предрассудков химией — это зашифрованное изложение инициатического учения. В «Толковании философа Гебера» Джованни Брачческо (*Esposizione di Geber philosopho*, 1551, f. 77b) автор предупреждает: «Не позволяй себе обманываться и не верь простым словам Философов в этой науке, ибо там, где они говорили наиболее ясно, там они говорили наиболее туманно, то есть посредством загадок, иносказаний, аналогий». Поэтому читатель должен придерживаться того принципа, что любое из веществ, о которых пойдет речь (соль, сера, селитра и так далее), являются символами состояний сознания и флюидических сил, и что операции с ними указывают прежде всего на трансформации, которые осуществляются с целью инициатической реализации.

Вся трудность состоит в интерпретации символизма — потому что, во-первых, в алхимии он не дает передохнуть ни на секунду и является достаточно сложным и разнообразным, а во-вторых, требует подлинной тонкой способности к интуиции. В сносках мы проясняем самые важные моменты. Но в этом отношении читателю стоит вновь обратиться к предыдущим текстам Абраксаса, Люче и П. Негри, а также, следуя рекомендации автора, прочитать этот текст не один раз, с терпением и разумением. Здесь также может помочь работа Ю. Эволы «Герметическая традиция» (J. Evola, *La tradizione ermetica neo suoi simboli, nella sua dottrina e nella sua «arte regia»*, ed. Laterza, Bari, 1948), где герметический алхимический символизм систематически разъяснен.

Мы публикуем здесь не *De Pharmaco Catholico* целиком, а его резюме, сделанное тем же анонимным Автором и занимающее страницы с 62 по 73 оригинального издания *Chymica Vannus*, напечатанного в Амстердаме в 1666 году.

Это первый перевод непосредственно с латинского, выполненный нашим сведущим другом под псевдонимом Тикайпос (Tikaipòs).

Прежде всего знай, что всякая вещь составлена и создана из трех веществ, в подобном и аналогичном теле посредством астрального запечатления и операции со сти-

¹²⁸ Наставь себя, чтобы познать себя, и путешествуй внутри (лат.)
— Прим. перев.

хиями. Стихии встречаются в металлах, а не металлы в стихиях, поскольку семя металлов не находится так далеко, как фантазируют некоторые всезнайки¹²⁹. И хотя стихии должны взаимодействовать между собой в формировании любого тела, они еще не являются философской первоmaterией (*Materia Prima*), то есть Астральным Семенем. Однако они являются причиной рождения и разложения, и разложение одной вещи — это рождение другой.

Как полагали древние философы, всякая вещь порождена ненавистью и любовью — то есть притяжением и отталкиванием (*idest ex sympathia ed antipathia*) — как двумя качествами, которые в Стихиях молчаливо спорят друг с другом при выполнении этой операции, из-за небесного влияния или из-за особого астрального давления, и так далее. Итак, в каждом минерале или металле присутствуют Стихии, придающие им определенные качества. И противоположных качеств, из-за которых зачинается и рождается всякая существующая вещь, лишь два: теплый и сухой Огонь и холодная и влажная Вода как противостоящая ему стихия; теплый и влажный Воздух и противостоящая ему сухая и холодная Земля¹³⁰, и за пре-

¹²⁹ «Металл» символизирует то, что наиболее индивидуализировано в массе «земли». Следовательно, в широком смысле он указывает на самого человека; в более узком смысле земля отождествляется с веществом человеческого тела, металл же соответствует органам и сплетениям тела. Семя или сера металлов — это глубинная сила, изначальная организации и индивидуации, то есть та же сила, что дает форму и жизнь; она имманентна и может быть вновь пробуждена и управляема посредством Искусства, став «магическим философским огнем». Металлы, говорит Филалет (*Filet d'Ariadne*, Paris, 1695, p. 27), мертвы с того момента, как отделены от шахты [или земли: этому отделению соответствует дифференциация живых индивидов], реанимируются в своем источнике и так ведутся к воскресению — и именно это и является Универсальным Лекарством. «Чтобы произвести работу Философов», — говорит Сендивогий (*De Sulfure*, Venezia, 1644, p. 190), — «нужно извлечь металлическую душу и после ее извлечения и очищения вновь вернуть ее в тело так, чтобы произошло подлинное воскресение тела славы».

¹³⁰ Очевидно, что это не физические стихии, а силы, которые познаются только как состояния сознания; не «мертвые» или «вульгарные»,

делами этих четырех Стихий нельзя встретить ни одно тело, они присутствуют во всех вещах, и поэтому во всех из них присутствует некоторое противостояние. По этим причинам под лунной сферой все преходяще и непрочно. Когда в одном субъекте сосуществуют две противоположности, из этого рождается нескончаемая борьба, пока одна из этих двух сторон не получит подкрепления от своей внешней стихии¹³¹: и здесь враждебная часть вынуждена быстро отступить, оставив победу за более сильной. Так рождается определенная декомпозиция или прекращение внутренней связи — вплоть до того, что появляется новая сила, порожденная этим распадом.

Составляющие (*elementa*) металлов — это их *три* изначальных естества (*matrici*): Меркурий, Сульфур и Соль, которые являются противостоящими божествами, находящимися в борьбе и продолжительной неприязни. Меркурий, будучи воздушным духом, испытывает вражду к Соли, представляющей Землю; холодный Сульфур, будучи Огнем, является врагом Воды, и отсюда противостоит также влажности Меркурия, который, будучи на самом деле водой металлов, представляет две стихии: Воду и Воздух. Эти *три* вышеназванные естества — или составляющие металлов — получают питание из наших видимых и невидимых материальных составляющих и сражаются в своем смертном местопребывании вплоть до того заранее означенного времени, когда одна из составляющих — став, путем внешней помощи, намного сильнее другой — уничтожает эту другую, потому что та не получает никакой помощи от себе подобной¹³². Человек,

говорят алхимики, а *живые*. И познание вещей в их функции — это магическое познание, сакральная физика в противоположность физике, основанной на данных физических и профанных чувств.

¹³¹ «Внешняя стихия» — это соответствующая космическая сила, в индивидуализированном виде присутствующая в конкретном теле или существе.

¹³² Соль-земля Θ соответствует телу, которое в своей инерции и материальной фиксированности является продуктом смешения и нейтрализации двух противоположных фундаментальных сил: лунного мер-

когда в нем господствует единственная стихия, впадает в тяжелое недомогание; если это сульфур, сначала он теряет жир, а позже плоть и даже кровь: и если не привести в порядок угнетенную или угнетающую стихию, и не установить в нем вновь некую соответствующую гармонию, он умрет — и поэтому врач должен знать, какой принцип или стихия действует в больном, а какой страдает. Также, и не иначе, как в микрокосме, все происходит также в минералах и в металлах: та или иная стихия из-за своего усиления подавляет или угнетает противоположную стихию, вплоть до вызванного этим распада и уничтожения.

Тот, кто знает об этом распаде и может посредством *магического* философского Огня собрать металлический сульфур (это относится к их душе или огненному качеству), тот завоевал славу этого мира. Это огненное качество является *двойным*; и никогда не забывай, что как две составляющие имеют собственных врагов, являющихся причиной полного растворения, так и Мудрецы имеют две подобные составляющие, или скорее места сосредоточения

курия ♀, представляющего «астральный свет», душу вещей, течение «вод» как флюидическую силу (и отсюда воду-воздух), и сульфура ♂, который по отношению к первой является активным принципом отдельного существа, который в качестве собственного тела *зафиксировал* и организовал определенный *quantum* космических энергий. Таким образом, эти две силы *осаждены* в теле: извлеки их из него, призови их; затем раствори в них тело, и, наконец, заново составь его посредством нового смешения этих двух сил, *магически оживленных*, преобразовав эти силы из состояния противопоставления к состоянию высшего единства посредством тонкой герметической силы — вот в чем можно было бы резюмировать задачу Воздуха. Итак, тело перестает быть материей и бессознательным, и делается, как «философский камень», активной и неподверженной разложению формой того же Я, *телом воскрешения*.

Техническая формула такова: SOLVE ET COAGULA (растворяй и сгущай). «Растворить», — говорит Потьер (Potier, *Philosophia Pura*, Francoforte, 1619, p. 64), — «значит превратить тело нашего Магнита в чистый дух. Сгустить — значит вновь сделать этот дух телесным, согласно наставлению философа, который говорит: «Обрати тело в дух и дух в тело. Тот, кто понимает эти вещи, имеет все, кто не понимает, не имеет ничего».

составляющих (*receptacula elementorum*), посредством которых, увеличивая и усиливая одну или другую составляющую, они преодолевают противоположность.

Ты услышал, как Философы в растворении всех металлов использовали противоположные стихии, которые я назвал двумя огнями: приятный и пылающий гермафродитический огонь, и холодный металлический; огненная составляющая, или душа металлов — это их Сульфур: холодная же — это тот Меркурий, который называется водой металлов, и который редуцируется посредством Соли¹³³.

Помимо того, запомни, что все вещи разлагаются при помощи того, из чего происходят и во что превращаются: то есть Меркурия, Сульфура, Соли. Сульфур металлов имеет свой собственный Сульфур, при помощи которого он должен быть усилен и воспламенен, чтобы он мог сохранить свое господство: это недостижимо, пока Вода не уступит Огню, то есть водный Меркурий — своему огненному Сульфуру¹³⁴.

Вульгарный Сульфур и вульгарная Селитра являются реальными огнями, но они ярые противники

¹³³ Сошлюсь на эссе Абракса (гл. VI). «Гермафродитический огонь» — это ♀, «холодный огонь» — это «вода» тела, простое флюидическое состояние ♀.

¹³⁴ Это «возжигание астрального света», приложенное к качеству этого света в телесных органах и в теле в общем; это возжигание достигается путем взаимодействия их ♀ и Сульфура ♂; и это первое пробуждение *силы* в теле или тела как силы. Филалет (*Introitus*, с. XI) в этом отношении выражается довольно ясно: «Пассивный Сульфур, присутствующий в Меркурии, должен быть активным и действующим; из этого видно, что необходимо привить ему с другой стороны принцип жизни, но той же самой природы, которая воскрешает жизнь, которая скрыта и как бы мертва в его центре. Этот активный Сульфур скрыт в самом тайном месте дома Овна». Овен соответствует мужской порождающей силе. Сульфур изображается запертым в *подземной* тюрьме, ключами от которой обладает Меркурий (Sendivogio, cit., p. 196). Космическое зрение, бессмертие и пророческое знание — таковы, согласно тому же Сендивогию, дары, которые Сульфур дает тому, кто сможет встретить и освободить его (см. Maximus, *Brevi note sul Cosmopolita* // *Ignis*, n. 4–5, 1925).

друг друга. Если ты сможешь примирить их — и, посредством огня их духа, зажечь металлический Сульфур — ничто, кроме Бога, не может помешать тебе в достижении здоровья и изобилия¹³⁵.

Далее можно при помощи мультипликации Соли разложить металлы посредством минеральной или тартарской соли; но чтобы потом получить тот металлический Сульфур, который является душой всех металлов, этого не нужно. Следовательно, нужно заранее и с величайшей осторожностью схватить его посредством чего-то ему подобного — то есть посредством пламенеющего Огня, полученного из этих двух противоположностей, названных Сульфуром и Селитрой, и нередко понимающихся под одним именем.

И чтобы ты также имел понятие и о другом Огне — металлическом и холодном, знай, что он не что иное, как Меркурий Сатурна, сплавленный с металлами, и кальци-

¹³⁵ Селитра Φ — это динамическая, позитивная, мужская, неистовая поляризация индивидуальной силы, чей противоположностью неизбежно является статичность, инерция и пассивность соли Θ . Но фигурирующая в тексте Селитра является противоположностью вульгарному Сульфору, под которым здесь нужно понимать более внешнюю, страстную и эгоистичную форму индивидуальности, которой Селитра противопоставляется как реально мужская сила. В этом смысле ее называют также *адской солью*, в которой слово «адская» (*infernale*), кроме намека на возможное очищающее разрушение (связь идеи очищения с селитрой встречается уже у Иеремии, II, 2), имеет также реальный смысл «ада» (*inferno*) из-за того, что эта мужская сила отражает творческую или бычью изначальную силу (Ψ , чему соответствует вертикаль Φ), находящуюся в низших (*inferiori*) центрах организма. Тем не менее, речь идет о примирении и успокоении вульгарного Сульфура и Селитры: преодолении неуступчивого животного Я без уничтожения чувства индивидуальности натиском противной стороны, но в равновесии и в высшем господстве, которое позволит действовать *металлическому Сульфору* — то есть нужно вызвать и пробудить глубинную силу и достичь таким образом слияния с тем же телом или солью, согласно символу окиси меди Θ (= соль Θ + селитра Φ), как это интерпретировал О. Вирт.

нируемый в пламени посредством огненной и двойной вышеназванной составляющей.

Так ты получил от меня понятное учение, ясно рассказывающее обо всем: иными словами, что все металлы — посредством некоторого астрального сидерического изображения (*sidèream imaginationem*) и посредством действия Стихий (*elementaremque operationem*) — порождены Сульфуром и Меркурием; что посредством Стихий металлы должны питаться и жить, и в итоге умереть, то есть свестись к своей первобытной сущности; что металлы не могут иначе быть лишены Стихий; и что аналогичным образом Философы чтят только две из них, каждая из которых имеет своего врага. Эти две Стихии — Огонь и Вода, то есть Сульфур и Меркурий; и из их смеси посредством Соли формируется всякая вещь. Следовательно, также посредством Сульфура и Меркурия должно идти и всякое разложение, и сведение к Сульфору и т. д. Далее, именно *магические* Стихии все разлагают и обнаруживают новое вещество — это *первое* сухое растворение, о котором я подробнее рассказал в начале.

Второе — влажное растворение — осуществляется посредством Меркурия Сатурна¹³⁶, который я называю космической или мировой душой (*animam mundi*); ибо, как Сатурн есть первая планета на Небе и называется отцом всем планетам, таким же образом и земной Сатурн является первым, и все металлы ведут свое происхождение от него; поэтому он встречается во всех из них, и я не без причины назвал его дух *космическим духом*.

¹³⁶ Из-за того, что Сатурн — самая древняя планета, Меркурий Сатурна может быть связан с изначальным состоянием и — из-за того, что в тексте он отождествляется с «мировой душой» — с лишенной индивидуации силой жизни. Влажное «растворение», которое (согласно тексту) в противоположность *сухому*, выполняемому двойным или андрогинным Огнем (Сульфур + Селитра = ☿), достигается при помощи Меркурия Сатурна, может герметически пониматься как один из вариантов «влажного пути» в общем; это растворяющее действие, открывающее путь к воде «Великого Моря».

Кроме того, перед тем, как подробнее рассуждать об этом растворении, я должен еще раз с чистым сердцем сообщить, что у Философов имеются не только две отдельных магических Стихии — два Меркурия и два Сатурна, но также и только два металла. И относительно этих двух Меркуриев я пообещал во всей истине — без путаницы и без мешанины — кратко наставить тебя о том, как вести себя в подобных обстоятельствах. Итак, знай, что когда Философы говорят об их Меркурии, вовсе не стоит понимать это в обычном смысле, потому что их Меркурий — металлический — то есть Меркурий металлов — является тепло-сухим, а также влажно-холодным, в то время как вульгарный Меркурий, напротив, является теплым во всем своем существе, и нельзя его ни считать философским Меркурием, ни принимать за таковой¹³⁷.

Вульгарный Меркурий несет в себе зародыш Серебра. Но другой Меркурий получил от Создателя земли и неба солнечный Сульфур, металлический по форме и свойству. Следовательно, он является солнечным Магнитом, как вульгарный Меркурий можно назвать лунным Магнитом. То, что это так, указывает полумесяц Меркурия в его обозначении Мудрецами (☿) — он отделен от подлинного солнечного Меркурия (♁). Далее мы можем распознать два Меркурия в паре, который составляет их

¹³⁷ Противопоставление двух Меркуриев и двух Сатурнов (вульгарного и философского) можно возвести к уже описанному противопоставлению между качеством огня как вульгарного Сульфура и как Селитры. Эта стихия сначала принимается в ее человеческой форме (психологически-душевной), затем она пробуждается «внутри», в силах, скрытых в металлах или телесных органах, в чистом, дочеловеческом, неполяризованном состоянии, и отсюда, понимаемая уже в общих чертах, является противостоящим качеством (тепло-сухое и влажно-холодное = «ледяной огонь» и «горящая вода»). В тексте это подтверждается ниже — в названии вульгарного Меркурия зародышем серебра, то есть лунным Меркурием, в то время как философский Меркурий связан с *солнечным* Сульфуром как металлическим качеством. Обыденное сознание людей является *лунным*, то есть отраженным, и живущим рефлексам (познанием феноменов).

Сульфур; и также стоит обратить внимание на то, насколько они летучи — фиксированные или ускользающие — и как быстро или как медленно они позволяют себя возгонять и осаждать; как раз это и есть *живой путь* различения первого и второго Меркуриев.

Знай далее, что как Природа порождает два Меркурия — лунный и солнечный, равным образом можно из этих двух стабильных тел подготовить подобный Меркурий посредством Искусства; далее, можно из металлоидов (*ex médiis metallis* = из металлических средств) — таких, как Сурьма, Висмут и Мышьяк — получить живой Меркурий, но в простых медицинских целях; и, за исключением их отличного целительного качества, совсем нельзя полагать их философским Меркурием и заявлять об этом; он является универсальным растворителем (*menstruum*)¹³⁸ и два раза рожден Меркурием — *сначала* лунным, а *позже* солнечным, и, следовательно, его можно справедливо называть *двойным* Меркурием.

Лунный Меркурий, если он чистый, достаточно легко извлечь и перегнать (дистиллировать) из сатурнового тела; он имеет обычную природу и свойства того же Меркурия Луны, ибо Луна была рождена посредством Сатурна. И как из Сатурна можно получить лунный Меркурий, так можно извлечь из шахты Венеры теплый солнечный Меркурий посредством Тартара и аммонической Соли¹³⁹; которые, хотя и находятся в величайшей непри-

¹³⁸ «Универсальный растворитель» — это то, что может уменьшать фиксированный элемент, Соль, во всех вещах. Иными словами, это то, что позволяет воскрешать или употреблять в *активной* (и отсюда магически исполнимой) форме то, что как материальность составляет предел и сопротивление для обычного сознания Я — т. е. Соли, определяемой как то, что *сопротивляется* Сульфуру, то есть Я. Метафизически это «сведение к первоначалам».

¹³⁹ В начале *Chymica Vannus* — приложением к чему является этот переведенный текст — находится предложение: «*In cruce sub sphaera* (♀ = Венера) *venit Sapientia vera*» [«подлинная мудрость приходит в кресте под сферой» (лат.) — *Прим. перев.*]. В герметизме Тартар связан с *Хаосом*, с «материей» философов в первоначальном хаотическом

язни, должны совершить эту операцию вместе. Тот, кто сумеет растопить Меркурий холодного Сатурна и Меркурий теплой Венеры в масле, обретет Универсальный Растворитель: прочный ключ, делающий все Сульфурсы пригодными для питья. Но обратимся к главному.

Итак, знай, что Философы по приведенным выше мотивам более чем уместно говорят о двух Сатурнах. Под вышеназванным *двойным* меркуриальным духом они на самом деле понимают эти два Сатурна, из которых был извлечен тот или иной Меркурий, и позже дистиллирован их дух. Многие называли Свинец Золотом, а Золото — Свинцом: однако философский Свинец до сегодняшнего дня миру неизвестен. И аналогично может существовать философский Свинец, однако другой Свинец, не всеми считающийся таковым — сереброносный, и так далее — в то время как Свинец цвета золота редко встречается в металлах. Под неподходящим названием он растрачивается (*distráhitur*) в цехах — и мало что делают из него, несмотря на его белый и золотистый цвет. Его большой вес и психофизическая природа (*spirituale ac corporale*) позволяет сравнить его с Мышьяком, который он напоминает, ибо — порожденные Мышьяком и другими родственными ему элементами — они являются побочными родственниками. И как Мышьяк может соединиться с Мышьяком, так это возможно и для этого тайного и древнего Философского Свинца¹⁴⁰. Также на самом деле древ-

состоянии, и может отсылать к конкретному способу «разложения». Василий Валентин, например, определял его как то, что *растворяет* металлы (см. А. J. Pernety, *Dict. mytho-hermétique*, Paris, 1758, p. 480). Здесь, возможно, присутствует отсылка к насильственным методам активизации глубинной силы солнечного Меркурия — что другими герметиками скрыто под символом «коррозийных вод» и «быстрых вод»: форм, связанных с опьянением и глубинного волнения психофизического равновесия. Извлечение теплого Меркурия из шахты Венеры также может отсылать к методам сексуальной магии.

¹⁴⁰ «Философское Золото» — это регенерация «древнего и тайного Свинца», который соответствует стихии Соли или телу (в эзотерической физиологии — тому, что в теле является минеральностью, кост-

ние Мудрецы использовали для Великого Магистерия два единственных металла, которыми аналогично ограничусь, пожалуй, и я: и, касательно обоих этих металлов древних Мудрецов, опишу свой собственный опыт.

Философы говорят, что первый и последний металлы должны считаться одним-единственным металлом: то есть одним металлом, пригодным для Искусства и для создания Универсального Лекарства. *Первый* металл — это то самое семя металлов, ибо от него можно вывести на свет в видимой форме размножающееся металлическое семя и Сульфур; и мы встречаем этот металл в шахте Сатурна. Корень совершенных металлов, почти как и несовершенных, наделен неким особым сатурновым духом и проявляется как шахта Меркурия; он называется Философским Свинцом, или философским Азотом — тем, из которого мы обычно дистиллируем Молоко Девы — и имеет венерианское качество¹⁴¹. *Последний* металл называется последним из-за того, что достиг совершенной зрелости завершенности; и совершенство металлов состоит в их бытии Золотом, за пределами которого в металлах больше не действует Природа — напротив, она останавливается и прекращает свое воздействие, пока ей

ной системой, ибо Сатурн-Свинец является самым тяжелым из элементов). Оно связано с подавленной «изначальной мужественностью» (оскоплением Сатурна). Посредством своей греческой этимологии Мышьяк, связанный в тексте с философским Свинцом, намекает как раз на принцип мужественности.

¹⁴¹ Что касается первого металла как семени металлов, то есть как изначальной порождающей и индивидуализирующей силы, то намек на «размножающееся семя», чьим видимым проявлением он может быть, и на «его венерианское качество» может указывать на связь, существующую между этой силой и силой пола. Искусство извлекает из нее «Молоко Девы», то есть силу, которая будет питать «то, что рождено Девой» при помощи «непорочного зачатия». «Природа» доходит до производства этого Золота, свойственного интеллектуальному и волевому принципу человеческих существ; после этого нужно действовать посредством «Священного Искусства», чтобы уничтожить предел — завершенность, свойственную этому Золоту, и произвести высшее осуществление сознания и силы.

на помощь не придет повелевающее Искусство. Оно за короткое время — хотя не без помощи той же самой Природы — идет далее, пока из компактной солнечной массы не восстанет некоторое прозрачное тело: это то, что Философы называют кристаллизацией (*vitrificationem*), и это наивысшее из того, что Природа и Искусство могут сделать и достичь. То, как нужно подготовить и направить эту кристаллизацию, могу описать здесь только кратко.

Возьми огненную *магическую* стихию, составленную из двух противоположных адских материй (как из Сульфура и из Селитры). При помощи этого адского ненасытного Огня начни с границы Природы; то есть соедини и кальцинируй эти иначе недоступные двери солнечной крепости, то есть Золота. Так один огонь зажигает другой, то есть один Сульфур — другой. Пока это происходит, господствует стихия Огня — второй принцип в солнечном соединении, поскольку Огонь, находящийся в Золоте, называется как раз *душой* и Сульфуром. Когда Огонь одержит победу, стихии Воды — то есть влажному убегающему Меркурию — надлежит исчезнуть в своей звезде. Поскольку меркуриальный дух является местонахождением души, и называется узами, связывающими душу и тело, происходит *первичное разделение и расщепление души и тела*. Для достижения цели нужно применить холодный металлический огонь, извлеченный из минерального и еще не расплавленного Сатурна, называемого также Меркурием Сатурна. Этот сатурновый Меркурий — взятый из нерасплавленного и немягкого Свинца — не горит, и, возможно, лучше читать как не бежит, как обычный Меркурий: однако он содержит в себе земное сухое качество, из-за чего он может сохранять солнечный Сульфур: если он не будет сожжен и не улетучится с собственным Меркурием¹⁴².

¹⁴² Этот шаг содержит чудесное, достаточно ясное изложение герметического процесса. Под Золотом здесь нужно понимать чисто личное и ментальное проявление солнечного принципа в человеке, то есть «вульгарное Золото». Оно кальцинируется последствием огня — что

И когда Золото сплавлено с сатурновым Меркурием, оно становится пористым Золотом¹⁴³; и адский огонь может кальцинировать это твердое тело лучше и быстрее: солнечный огонь сжигает все его части и так превращает его в пепел. Итак, посредством чистой небесной росы мы выводим из него Сульфур. Из оставшейся массы — после надлежащего отражения — мы выщелачиваем эту сверхдрагоценнейшую медицинскую Соль, о которой Мудрецы говорили: «металлическая Соль — это Философский Камень»; или, как выражался другой Философ: «Если Бог не создал бы Соль, нельзя было бы сделать Философский Камень». Но эту Соль нужно как следует очистить винным спиртом. После этого она соединяется со своим Сульфуром: она пропитывается космическим духом — то есть тем духом, который был дистиллирован сатурновым Меркурием — и разлагается и сосредотачивается в том же кубке и печи¹⁴⁴. Так Великое Делание завершается

соответствует в терминах йоги «убийству манаса». Алхимики называют эту фазу умерщвлением и гниением, на смену чему приходит освобождающее действие философской Воды: так Бернар Тревизанский говорит о Царе, который снимает свое красное (солнечное) одеяние и надевает черное, чтобы пойти в баню. Речь идет о переходе в тонкое или флюидическое состояние, соответствующее отделению от тела. Когда тонкое находится в свободном состоянии, примешивая к нему сухой «холодный металлический огонь», можно перейти к *магической фиксации*. Это, как говорит Сендивогий (*Novum Lumen Chemicum*, Venezia, 1644, Tract. V, p. 31), является заморозкой теплой воды и соединением с ней духа.

¹⁴³ «Пористость» связывается Сендивогием (*Ibid.*, Tract. X, p. 50–51) с методом, противоположным насильственному — но здесь, кажется, эти два метода взаимосвязаны: Золото открывается «водам», если они проникают в него посредством первичного «развязывания» и разложения, которое позже адский огонь доведет до глубины, пока из-за разложения Золото не активизируется в своем чистом и совершенном состоянии.

¹⁴⁴ Весьма важно следующее высказывание: *если бы не было Соли, нельзя было бы «создать» Камень Философов*. Из материального тела Я выносит чувство себя, и таким образом оно остается основой, над которой нужно работать, совершенствуя, интегрируя и просвещая силу, которая его произвела, до получения того *совершенного тела*, о котором сказано в комментарии к *Митраистскому ритуалу* (гл. IV), и

ферментацией и переходом, и это универсальное лекарство от всех недугов; тот, кто сможет использовать его, достигнет обновления души и усиления всякой силы, которой ему недоставало...

Без сомнения, *благонамеренного* читателя в достаточной мере удивит ясное и радикальное наставление, данное ему в этом кратком изложении: особенно относительно этого сатурнового холодного Меркурия и этой огненно-адской *магической* стихии, без которых ничего нельзя успешно предпринять во всей науке алхимии. На это есть такой ответ: хотя эти вещи выставлены напоказ, и более чем ясно для специалистов — и яснее никакой Философ никогда об этом не писал, есть еще некая небольшая вещь, которую я обязан скрыть: как из определенного — неподатливого, минерального, не расплавленного — Сатурна можно извлечь наивысший и редкий и славный Меркурий, и как позже редуцировать его в красноватый спирт¹⁴⁵. Это вещь достижима только исключительным

которое тождественно так называемому «духовному телу» или «магическому телу». Из-за этого опасность в операциях состоит в том, что Меркурий улетучится и что огонь не только разожжет металлы, но и уничтожит их. Поэтому Меркурий, подготовленный для Делания, является не вульгарным, а фиксированным Меркурием — а огонь является не горячим, а тонким, андрогинным и умеренным. Необходима герметическая замкнутость кубка или *атанора*: летучее должно не улетучиться, а, натолкнувшись на стену выше, снова сконденсироваться и осесть на свои солевые остатки, которые оно уже оставило, чтобы воздействовать на них согласно периодически повторяющемуся кругу новых сублимаций и осадков, которые закончатся только тогда, когда все остатки будут растворены и двое — высшее солнечное сознание и тело — станут одним. Итак, атанор раскрывается и из него вылетает Феникс — порождающая сама себя и бессмертная птица.

¹⁴⁵ Следовательно, нерасплавленный Сатурн является телом; Меркурий связан с флюидическим состоянием (=Луна), которое можно извлечь из него; посредством этого сознание может войти в магический контакт с самим телом. Красноватый Меркурий — это ☿, то есть флюидическое состояние, зажженное посредством *подлинной* природы Золота (=Солнце), которое, тем не менее, и в свою очередь, обнаруживается только из-за погружения или растворения вульгарного Золота в первом Меркурии ☿.

путем и исключительным способом. Относительно него я выше оставил некоторые намеки: *но я надеюсь, что их не заметит — и даже не будет о них подозревать — тот, к кому сам Бог не проявит благосклонность.*

И я частично утаил не только это приспособление холодного металлического огня, но также и приготовление того огненного магического ключа, который, как вы часто слышали, достигается при помощи двух противоположных огней, то есть Сульфура и Селитры: хотя их можно назвать взаимно враждебными адскими огнями, они должны в этом отношении стать одной вещью, чтобы вместе произвести исключительный эффект. Что касается того, как выполняется это объединение, могу сказать лишь следующее: *призывай Бога, чтобы он просветил твою душу*; я сделал свое дело в полной мере и в этом наставлении открыл более чем достаточно. Причина сего — любовь к ближнему, которого при помощи моего небольшого опыта я стремлюсь ободрить и наставить на правильный путь... Далее также справедливо, что хорошая вещь должна быть общей: по крайней мере общей с теми, кто покорны и преданы Философам, и принадлежат к их числу. Для других, далеких от них, все происходит согласно выражению «Слушают и не слышат, смотрят и не понимают». Не будем метать бисер перед свиньями: впрочем, они и не ценят его, а, наоборот, пятают его, и так далее.

Одну только вещь — которая могла бы вызвать у тебя большие сомнения — не обойду здесь молчанием: касательно первого и второго Сатурна или Меркурия. Ты уже услышал о них кое-что: 1) что из Луны — и аналогично из холодного овновского Сатурна — можно извлечь некий особый Меркурий, особо предназначенный для Философской Работы; 2) что из шахты Венеры немедленно получается некий солнечный Меркурий, наделенный солнечным Сульфуром, и оттого названный мной Меркурием Солнца, ибо он пригоден для порождения Солнца; 3) но, тем не менее, при разложении Золота я избрал сатурновый Меркурий. Поэтому на зародившееся

сомнение я мог бы ответить, что для большего удобства можно также обратиться к красному Меркурию в белой лунной тинктуре. И как из одной крайности нельзя без посредника добраться до другой крайности, так нельзя добраться ни до какой красной тинктуры, не получив сначала белую. Так, *благонамеренный читатель*, можно решить проблему только при помощи своей старательности, и помни, что здесь я только написал об чистом и простом Универсальном, а не предельном Универсальном (*Universale universalissimo*).

Предельно Универсальное (*Universale generalissimum*) производится — подробнее об этом я написал выше — *двойным Меркурием*: оживляется и ферментируется солнечным Сульфуром, коагулируется постоянной золотой Солью и наконец увеличивается до бесконечности — как в количестве, так и в качестве — благодаря двум другим Сульфуром. Сульфуром питается качество как жизнь (*qualitas seu vita*), и оно увеличивается этим вышеописанным Меркурием, который не только несет с собой характер и силу венерианского свойства, но также и природу холодного сатурнианского минерала. Оно таким образом становится уподобленным двойному Меркурию и называется *дуплицированным Меркурием*, которому свойственны все качества: качества Венеры благодаря теплоте Сульфуру, а Сатурн дает холодность. *Чистый и искренний Любитель Искусства*, гони всякое сомнение, прошу тебя. Ты сделаешь то, что захочешь; и не сможешь обвинять меня во лжи, поскольку я не выпросил ничего у чужих книг, чтобы добыть себе дурную славу — но *рисковал деянием своих рук, и только после этого я понял то, что мне следовало знать с самого начала*¹⁴⁶.

Основную тайну Мудрых, которую я выше излагаю — и которую здесь кратко тебе изложил — тебе, *честный любитель Искусства*, нужно уяснить хорошо: поэтому

¹⁴⁶ См. след. сноску.

*читай и перечитывай это изложение часто, пока не научишься всему, что в нем написано, изнутри и снаружи...*¹⁴⁷

Между тем этим я хочу закончить мое изложение, ограниченное двумя магическими составляющими Растворителя или *дублицированного* Меркурия, воздерживаясь от описания лекарства на основе минерального царства. Поэтому с полной благодарности душой прими эти свежие плоды моих трудов: *магические стихии*, Растворитель и Универсальное (Catholicus) Лекарство, и Первоматерию (Materia Prima), посредством которой любой металл может быть приведен к своим *трем* началам, и должно быть достигнуто истинное Питьевоe Золото. Я обрисовал Первоматерию — а также первую и вторую стихию, а также огненный ключ настолько ясно, что яснее, я полагаю, ты и не пожелаешь.

¹⁴⁷ Здесь и в предыдущем отрывке выделение наше. Обрати внимание на эти слова, читатель доброй воли — включая тех, кто может раздражаться из-за того, что не сориентировался с первого прочтения этого текста, несмотря на наши примечания.

ГЛАВА VIII

АБРАККАС МАГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ «ДВУХ СОСУДОВ»: РЕДУПЛИКАЦИЯ

Я уже говорил о составлении Кадуцея, которое осуществляется только в одном сосуде: в теле и в силах отдельного человека. Но я добавил, что более внушительных последствий можно достичь при помощи силы магической цепи, или природного духа, или Сущности.

Далее я буду говорить только о магическом составлении, осуществляемом в двух сосудах: в паре, в которой два компонента — активный и пассивный, Солнце и Луна, Сульфур и Меркурий — обнаруживаются, поляризуются и воспламеняются по отдельности.

Ввиду того, что у Кадуцея две формы: обращенная к созерцанию — и о ней я говорил, упоминая о Зеркале (гл. III) — и обращенная к действию — достигаемая воспламенением астрального света (гл. VI), здесь будет идти речь о *двух операциях*: первая — это созерцание и связь при помощи «воспитанницы»¹⁴⁸; вторая — это приготовление андрогинного Меркурия путем *флюидического соития*.

Пойми теперь этот принцип: согласно природе в мужчине преобладает огненная сила, а в женщине — лунная. Вместо приготовления обеих стихий в одном «сосуде» можно использовать двух людей разного пола.

Польза этого процесса состоит в том, что в магическом развитии нужно прежде всего наделять силой и господством солнечное начало, а открываться влажному — восприимчивому и летучему — только в том случае, когда ты совершенно тверд и уверен в себе: в противном случае магия превращается в *посредничество* (медиу-

¹⁴⁸ Итальянское слово *pirilla* имеет два значения: «воспитанница, ученица» и «зрачок». См. также следующую сноску. — *Прим. перев.*

мизм) и в низшей части психики происходит пассивный экстаз, если не некая форма исступления. Итак, ты можешь остаться целиком позитивным и закрытым, если сначала другое существо мысленно усиливает противоположное качество, чтобы, создав состояние связи, ты затем смог управлять им и познавать его, и, наконец, даже поглотить и воскресить его в себе, уже приобретя необходимое повелевающее качество.

* * *

Молодой девушке, которую вы будете использовать в работе по созерцанию и коммуникации с бестелесными сущностями, лучше быть *девственной*. Состояние девственности, и не только анатомическое, гарантирует, что группа тонких сил еще не претерпела изменение, поляризацию и уменьшение насыщенности, которые происходят из-за обычного полового соития; и, помимо ее большей чистоты и интенсивности, она более доступна для концентрации на инициатических практиках¹⁴⁹. Иногда вместо женщины используется девочка 7–14 лет: в этот период времени преимущественно действуют те же формирующие тонкие силы роста в сильноэнергетическом состоянии, еще не искаженные вульгарным Сульфуром страстной и эмоциональной жизни взрослых.

Эта молодая женщина должна подготовиться согласно указаниям, данным, когда я говорил о Зеркале. Однако она не будет заниматься никакими практиками, связанными с активной стороной твердости, контроля и направления и

¹⁴⁹ Отметим двойной смысл *глаза* (зрачка) и девственницы в греческом термине *κόρη*, который можно встретить в том же названии классического герметического текста (*κόρη ὁμοῖο* в *Stob., Phys.*, XLI, 44–45). У некоторых дикарей считается, что нетронутые девочки-подростки насыщены опасной и таинственной силой и должны быть «изолированными» почти как электрические конденсаторы; иногда они живут в воздушных хижинах, или сделанных так, что никакая часть их нагого тела не касается земли — пока их однажды ночью их не «освободят» (см. G. Frazer, *The Golden Bough*, v. III, cap. LX, § 3–5).

тонкой дозировкой и сочетанием Сульфура и Меркурия. Речь идет только том, чтобы стать открытой и восприимчивой во всех смыслах и до самого конца, то есть извлекать и воспламенять в максимальной степени и исключительно принцип ♃. Нужно, чтобы она смогла преодолеть страх полной заброшенности. В отсутствие солнечного принципа достаточно абсолютной веры в оператора и в свою силу, тотальная покорность ему вместе с искренним и чистым стремлением к сверхчувственной реальности.

Необходимо подобрать подходящую для практики среду, чтобы уединиться так, как я уже говорил — возможно, в сельской местности, или в изолированном или расположенном под землей месте, где господствует тишина и присутствует уверенность в том, что никто тебя не побеспокоит. Нужна отдельная комната, побеленная известкой при помощи лишь строго необходимых, новых, простых и чистых инструментов. Первоначальное очищение места производится посредством окуривания серой и мытья пола морской или проточной водой; позже, утром и вечером, нужно сжечь немного ладана, мирры и лаврового листа. Это место должно быть уготовлено строго для тебя: в него ни по какой причине нельзя позволять войти никому — тем более всем тем, кто может быть движим простым любопытством. Ты будешь приводить туда только «воспитанницу» для практики в определенное время. В качестве главного аромата ты будешь использовать сандал, с ничтожными долями планетарного и зодиакального аромата самой «воспитанницы».

На ее подготовке хорошо сосредоточиться в период полнолуния, в то время как ты со своей стороны будешь оттачивать силу своего приказа. Полное целомудрие тела и ума. Умеренное питание, мясо нужно исключить. Физическая и ментальная чистота. Нужно попытаться устранить в «воспитаннице» элемент эмоций, чтобы достичь кристально чистой заброшенности. Самые подходящие времена — сухие и безмятежные ночи.

Вот как будет проходить операция. Прежде всего, открой окна, зажги ароматы, и, с поворотом на Восток, *то есть к заре, помолись* — то есть отчетливо сформулируй мысль и *выскажи пожелание* ее реализации с уверенностью. Идея состоит в первую очередь в том, чтобы заставить удалиться темные сущности, управляющие чувствами и преграждающие границы; чтобы смутные призраки, заключенные в душе, рассеялись. Формулу нужно произносить негромко, всегда повернувшись на восток, выделяя умом все слова. Она может быть следующей:

*Перед Тобой, Сила рождающегося Солнца, да рассеются великая ночь человеческой лихорадки, призраки гордости, лярвы вожделения. Ты есть Свет. И свет да пребудет во мне, на кого больше не давит жажда земных вещей.*¹⁵⁰

Необязательно, чтобы «воспитанница» слышала этот призыв; но она сформулирует его, произнеся в своей душе, до того, как сядет перед Зеркалом, подготовленном так, как я говорил выше. Ты, стоя позади нее, в то время как устанавливается сосредоточение, реализуешь чувство тотальной власти над ней, охватывающей все ее существо и предоставляющего ее в твое полное распоряжение: мысленно *прикажи* отделиться от зрения, *влей* свою силу в ее беспомощное состояние, чтобы поддержать его, толкнуть вперед. При реализации состояния света призови и сформулируй то, что хочешь знать; *прикажи*, чтобы она это увидела. Инвокация может быть обращена к Солнцу, или к Семи Ангелам, или к особой Силе, которая может быть связана с вещью, на которую направлена операция. Соответствующие формулы можно найти у Агриппы и Пьетро д'Абано. Также эффективен третий логос Митраистского ритуала (гл. IV).

¹⁵⁰ Это вариант формулы, данной Креммерцем. Также Креммерцу принадлежит сам термин «воспитанница» (*pupilla*). — *Прим. гр. «Ур».*

Необходимо, чтобы во имя реализации абсолютного доверия и пронизанности твоей поддерживающей силой «воспитанница» почти что полностью уничтожила чувство самой себя: чтобы она не противодействовала никакой реакции, и никакое проявление не могло внушить ей страх, достаточный для того, чтобы прервать операцию.

Она расскажет тебе все, что увидит. Управляй ей в дальнейшем видении. Добавлю, что на основе сознания, которое к тебе придет, и обеспечив состояние коммуникации со сверхчувственным, в операциях подобного типа ты можешь передавать заклинания и приказы силам, сколь опасными бы они ни были. В любом случае позаботься о том, чтобы заклинание произошло уже после этого события *и в состоянии сознания, совершенно отличном от состояния сознания, ожидающего откровения*. Если в этом ожидании вместо совершенной *нейтральности* скрывается желание увидеть одно содержание вместо другого, результатом будет просто обманчивый образ выполнения этого самого желания.

После достижения глубинной, реальной связи с «воспитанницей» ее видение может непосредственно передаться тебе.

Если операция не удастся, продолжай, молчи и молись, повторяя ее.

Одним из главных препятствий является «проекция» того, что Креммерц называл *схожими природами*. Речь идет об остатках импульсов и желаний, которые сопротивлялись очищению в тебе или в «воспитаннице», то есть остаются скрытыми под порогом сознания. Эти силы впитывают в себя то могущество, которое производит разделение, и используют его для *проецирования*, для проявления в виде *флюидических существ*. Зло состоит совсем не в том, что они заглушают и искажают видение, сводя его к призракам «я», а в том, что проекция даровала им автономную жизнь — я бы даже сказал, *личность*. Будучи твоими созданиями, они влияют на тебя, то есть питаются твоей жизнью, вплоть до принятия навязчивых форм.

Как я уже отмечал, в последующей фазе развитие в «воспитаннице» качество ты можешь *вдохнуть*, впитать в себя, таким образом вернувшись к единству операции в двух сосудах.

* * *

Для соответствующего составления, свойственного магическому *действию* Кадуцея, который я назвал «вторым», необходима *любовь*, зажженная флюидической силой.

Чтобы произвести состояние экзальтации, необходимое для того, чтобы составить этот андрогинный и огненный меркурий, из которого начинает действовать магическая проекция, нужно изолировать во флюидическом теле и обеспечить достаточным питанием огонь Эроса, обычно направленный вниз, то есть к сексу и животной природе.

Что касается женщины, здесь требуются особые условия. Они не включают в себя девственность, но для этой практики, в отличие от настоящих операций сексуальной магии, о которой я скажу в свое время, необходима определенная чистота. Также необходимо уже существующее достаточно интенсивное чувство. Если ты уже настолько продвинулся на этом пути, ты должен быть способен создать и разжечь его в себе по команде. В женщине же его нельзя разжигать: нужно, чтобы она естественным образом *любила тебя*. Проблема состоит в том, чтобы найти девушку, которая на основе этого уже существующего чувства согласится следовать за тобой на уровне *магической любви*, а также имеет соответствующие предрасположенности.

Необходимо, чтобы *эрос*, инструмент делания, был уже не половым желанием, сексуальной жадой, а именно любовью, чем-то более тонким и широким, что охватывает *всю* другую личность, как желание *всей* этой личности, без физической поляризации; но из-за этого ее интенсивность не должна быть меньше. Также могу сказать, что *нужно желать душу, существо другого человека так, как можно*

желать его тело. Обрати внимание, что если это условие не реализовано строго, не только операция будет неэффективной, но ты подвергнешь себя серьезным психическим опасностям. Я уже сказал, что в другом месте расскажу о способах, которые используют также и половое соитие. Однако будь уверен, что для соответствующих действий нужно прежде усвоить тот образ любви, который зажигается без телесного контакта, который не связан с идеей этого контакта и половым удовлетворением.

Знай, впрочем, что всякая форма любви *уже является магией сама по себе*: экстаз влюбленных — это уже опьянение в астральном свете, флюидическое опьянение. Но они об этом не знают. Ты же должен это знать. Так ты сможешь действовать по кругу: потому что *эрос* благоприятствует флюидическому контакту, а флюидическое состояние в свою очередь зажигает *эрос*. Так может достигаться головокружение интенсивности, почти непостижимое для обычных мужчин и женщин, и можно догадаться, каковы опасности, на которых я намекал, и к которым я обращаюсь, когда речь пойдет о магии, использующей плотское совокупление.

Внешняя техника проста. Используй интенсивные ароматы мускуса, амбры или сандала, добавив по возможности тень голубиной крови. Самое подходящее время — перед рассветом. Неподвижно сядьте друг перед другом: ты должен сидеть лицом на восток. Вызвав флюидическое состояние (здесь предполагается, что у *обоих* есть эта способность: предпосылкой является ♀, и речь идет только о трансформации его в ♂, чтобы затем проецировать его в мужское ☉), *любите друг друга, желайте друг друга* — без движения, без контакта, *постоянно*, вдыхая запахи друг друга «вампирически», в экзальтации, которая идет без страха возможного головокружения. Ты испытываешь чувство реального *слияния*, ощущение другого во всем теле — не из-за телесного контакта, но в тонком соитии, которое ощущается в каждой точке, если другой проникнет в тебя *как опьянение*,

овладевающее кровью твоей крови. В пределе ты пронесешь его к порогу состояния экстаза, которое является той точкой магического равновесия, в которой воспаленный и сверхнасыщенный флюид может быть молниеносно привлечен и спроецирован в мысль.

В этой операции ты вновь оказываешься вовлечен в тонкую игру дозировки двух противоположных начал в режиме огня, в то время как в женщине достаточно стихии *любви*, которой она предается полностью. В маге нарастающая экзальтация *огня* должна быть ведома *холодным* принципом, который никогда не иссякает сам по себе — более того, с усилением флюидического головокружения он возвышается и светится все сильнее. Если этого принципа недостает, всякая магическая возможность исчезает, и в лучшем случае все может закончиться на уровне, аналогичном некоторым мистическим состояниям, где на самом деле действует эротическое желание, бессознательно перенесенное на тонкий план посредством подходящих образов («Небесный Супруг» и т. п.)¹⁵¹, а человек в итоге впадает в особую форму психической похоти, описываемую как наслаждение и блаженство, переживаемое в одиночку.

Итак, за экзальтацией, головокружением всегда наблюдается отделенное Я, которое вроде бы отсутствует в полной покинутости Эросом и в «слиянии», но в точный момент — в момент совершенного приготовления Меркурия — внезапно вмещивается, овладевает силой, фиксирует ее и направляет куда хочет.

* * *

Практика *Зеркала*, изложенная мною в гл. III, включает две зависимые реализации: освобождение зре-

¹⁵¹ Многие «божественные явления» мистиков имеют смысл тех визуализаций «схожих природ», о которых автор рассказал чуть выше. — Прим. гр. «Ур».

ния глаза и его активация в «пространстве», каковое является самым астральным светом. Это освобождение возможно осуществить при помощи отделения тонкого тела от физического тела.

Сейчас я дам наставления по полному освобождению этого тела с целью сделать возможным его (и твое вместе с ним, после покидания физического тела) движение в пространстве. В обычном оккультизме это называется *выходом в астрал*.

Также и в этой реализации действует *воля* как солнечная и центральная сила ☉. Твердо помни, что истинная воля происходит от владения собой. Она тем сильнее, чем более абсолютно и энергично владение собой. Ее сила — это сила *решимости*, которая ей приказывает; и сила такой решимости зависит от степени сосредоточенности «я». Эта солнечная воля, спокойная, твердая и центральная, является *нашим золотом* ☉. В ней ты должен придать своей новой цели четкую форму.

Реализация имеет три фазы: 1) отделение, не сопровождающееся сознанием во время сна; 2) то же самое, сопровождающееся сознанием, 3) сознательное отделение в бодрствующем состоянии.

У первого аспекта имеются свои порядковые стадии. Поставь себе эти задачи, последовательно: а) слегка двигать при помощи тонкого тела объект, расположенный вблизи кровати; б) двигать объект, находящийся в отдалении; в) появиться во сне другого человека; г) заставить бодрствующего человека *почувствовать* твое *присутствие*; д) явиться бодрствующему человеку в видимой форме — это финальная и совершенная стадия.

Сейчас я расскажу про технику. При приближении сна, когда невольные мысли мало-помалу замирают и редуцируются, нужно сосредоточить *весь* ум на *одной* мысли внешнего проявления. Представь подробно и отчетливо весь ряд действий, требующихся для этой цели: отделение двойника, необходимые движения, путь, по которому он идет, его достижение назначенного места, выполнение

данного действия, возвращение, новое впитывание двойника в тело, полная память о происшедшем наутро.

Думай обо всем этом, *желая*: желая энергично и, в то же время, спокойно, уверенно и *непрерывно* — без отвлечения, без потрясений и усилий, с чувством уверенности, в ясности и полном самообладании. «Единомыслие» действия, разложенного на все детали, должно быть уже создано до того, как ты ощутишь первые признаки засыпания. Итак, предайся сну, *как если бы эта вещь была уже сделана*. Облегчи себе возможность вспомнить все наутро — как я уже говорил — при помощи спонтанного пробуждения и легкого аромата мускуса, розы или флорентийского ириса.

В том случае, если ты хочешь пойти и встретить какого-нибудь человека, подумай об этом человеке заранее, вызови его, по возможности помогая себе его ароматом или положив под подушку его головной убор или предмет, который он носил некоторое время близко к телу. Помни, что если у тебя нет очень большой силы, нужно, чтобы другой человек был предупрежден, обладал некоторой тонкой чувствительностью, и, с другой стороны, также *хотел* этого явления. Это легче будет сделать в случае естественной симпатии или инициатической связи.

Если ты уже продвинулся достаточно далеко в магических практиках, в том числе направленных на сохранение сознания во сне (о которых говорил Лео); и, следовательно, если уже можешь поддерживать сознание в тонком теле, а не только в физическом, можешь попробовать напрямую направить путь тонкого тела, то есть в момент засыпания ускользнуть вместе с этим телом, которое отправится туда, куда пожелаешь, вместо того, чтобы помнить лишь сам этот опыт, то есть контролировать реальность только при помощи следствий — реального перемещения объектов, реального наблюдения или ощущения себя другим человеком.

Третья стадия реализации — это выход, определенный пробуждением. В магической комнате освободись от

всего и останови все чувства: более того, можно даже закрыть уши воском. Достигни глубочайшего состояния *безмолвия*. Когда ты уничтожишь всякую мысль и испаришь чувство тела, весь твой дух будет сосредоточен на единственном интенсивном, нерушимом, почти что материализованном желании *выйти*¹⁵². Когда внезапные инстинктивные приступы, о которых я говорил, из-за возникающей реализации твоего намерения будут искушать тебя вернуться, они встретят твою волю как стальной барьер, водруженный поперек твоего разума, и они будут оказывать на него давление, отстраненные от своего источника. На смену приходит нейтральное состояние — позже ты окажешься в некотором месте и заметишь, что оно уже не совпадает с твоим физическим телом.

Старайся не потерять хладнокровие: сумей вести себя туда, куда ты хочешь, всегда осознавая, что ты являешься нематериальной сущностью, приводимой в движение разумом. Возможность в этом состоянии воздействовать также на вещи и людей зависит от степени горения, достигнутого флюидическим телом, и от энергии принципа «Золота».

Я сказал: «всегда осознавая, что ты являешься нематериальной сущностью». Это имеет двойную цель: 1) нейтрализовать нежелательную возможность того, что тебя увидят другие; 2) аннулировать всякую эмоцию, возникающую из образа жизни физического тела, когда тонкое тело находится в определенных обстоятельствах физического тела, которые, однако, на него не могут повлиять. Позвольте это пояснить.

Предположим, что во время выхода ты встречаешь нечто такое, что ушибло бы или поранило бы физическое тело, если бы ты находился в нем. Если ты не осознаешь, что в этом состоянии ты *не можешь* ушибиться, если осознаешь ситуацию в терминах физического тела, тебя

¹⁵² Если хочешь, в состоянии сосредоточения вместо непосредственного действия можешь достичь того же при помощи зеркала, в общем следуя тому, что я говорил в гл. III, и действуя в момент появления эфирного света.

обуславливает состояние паники, шока, астрального образа, который немедленно выбрасывает тебя в физическое тело и оставляет на нем отпечаток этой трансформации: ты окажешься без сознания и с последствиями ушибов в своей кровати или лаборатории.

Это не пустая болтовня. Констатировать вещи этого рода смогла даже метапсихика и этнология: например, таковы случаи людей, найденных мертвыми или ранеными в своих кроватях после того, как ночью велась охота на «ведьму» или «волка-оборотня»¹⁵³. Тонкое тело состоит из группы глубинных сил, управляющих стихиями и функциями животного тела; и их модификация передается непосредственно ему. Но повторяю, что такая модификация воздействует только на твой ум при помощи внушения. Если ты будешь твердо придерживаться осознания своей нематериальности и хладнокровия, ничто в физическом мире не сможет причинить тебе вред.

Если в некий момент ты захочешь вернуться и это не получится немедленно, призови образ своего физического тела там, где ты его оставил, осознай его с интенсивностью и помести в этот образ свою спокойную и твердую волю вернуться.

Чтобы избежать опасностей другого рода, советую тебе, прежде чем выйти, наметить вокруг своего тела магический круг с соответствующим заклинанием, произнесенным так, чтобы не парализовать сам выход. Вкратце причина этого такова: *в невидимом мире присутствует множество не имеющих тела темных существ, которые жаждут осесть в теле, как только замечают «пустоту»*. И говорят, что, вернувшись в нормальное состояние, ты не почувствуешь, что делишь это тело с кем-то другим. Эта опасность невелика, когда операция происходит

¹⁵³ Отличительным обстоятельством в этих ситуациях является то, что раны наносятся только телу, а одежда остается невредимой. — Прим. гр. «Ур».

в состоянии сна и без сознания, потому что *кто-то* другой обязан стоять на страже в покинутой тобой оболочке.

Естественно, ты позаботишься о том, чтобы никто не приходил в это помещение, чтобы никакой удар или сильный шум не влиял на покинутое тобой тело. Иначе последствия могут быть серьезными.

Последнее предостережение: если ты щепетилен в отношении морали, знай, что все то, что ты в тонком теле совершаешь над человеком, который этого не хочет — пусть даже речь идет только о предрассудках — и который тем не менее остается беззащитным перед твоим тайным действием (единственная защита — это самостирание в нем памяти об этом событии), может повредить ему вплоть до появления неврозов и изменений личности.

Осуществляя выход из состояния бодрствования, будь внимателен: в первые разы ты можешь почувствовать состояние глубочайшего изнеможения, полного бессилия во всем организме. Ты должен отреагировать, встряхнуться, помочь себе хотя бы холодным душем и энергичными гимнастическими упражнениями. За этим последует состояние беспокойства, лихорадки, и, наконец, третья фаза — фаза смутной и общей усталости, вялости, неспособности мыслить без усилия. Учитывай все это таким образом, чтобы, если это произойдет, не впечатляться и не попадаться на эту удочку — нужно спокойно ждать, пока все не вернется в нормальное состояние. Эти последствия могут длиться несколько часов — максимум, пару дней.

ТИБЕТСКИЕ ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ: «ПУСТОТА» И «АЛМАЗНАЯ МОЛНИЯ»

Тибетские эзотерические наставления, которые мы здесь приводим, взяты из Бде-Мичог-тантры (на санскрите Шричакрасамбхара), приписываемой Йешес-Сенге (Yeshes-Senge), священнику из Гнас-Рнинга (gNas-rNying), и впервые опубликованы в 1919 году с введением, кратким изложением и частичным переводом на английский язык, сделанным ла-

мой по имени Кази Дава Самдуп (Kazi Dawa Samdup), как VII том серии *Tantrik Texts* под редакцией Артура Авалона. Воспроизведенные здесь отрывки соответствуют страницам 54–56 и 77–82 этого издания.

Речь идет о двух группах мыслительных процессов, первая из которых направлена на обособление разума, а вторая — на освобождение отдельных чувств с целью произвести состояние *самадхи* по отношению к различным объектам в ряду, ведущему к высшему состоянию *шуньяты*.

Дадим некоторые разъяснения.

В обеих группах наставлений можно прежде всего отметить, как с различными образами связываются определенные точки тела, которые при помощи этих образов нужно «затронуть» мысленным огнем.

В первой группе исходной точкой являются божественные образы, последовательно интериоризируемые и упрощаемые, пока разум не отождествится с ними и не осознает свою сущность как *rDorje*. Термин *rDorje* (на санскрите *ваджра*) — как уже представился случай сказать — имеет смысл одновременно алмаза и молнии; он обозначает нечто твердое, постоянное, неразрушимое, как алмаз, и одновременно мощное, моментальное, неодолимое, как молния. Это основной принцип магического воскрешения. Высшая, тройная тайна тибетского тантризма называется как раз «алмазной молнией» ума, речи и тела.

Далее, в этой доктрине интересна связь между ваджрой и шуньятой. Шуньята — это термин из буддизма Махаяны. В то время как в изначальном буддизме понятие нирваны, хотя и не означающее уничтожение (как уже было отмечено в гл. IV), противостоит понятию сансары, буддизм Великой Колесницы (Махаяны) понимает сансару и нирвану как два сосуществующих аспекта высшей реальности, или, лучше сказать, высшего состояния сознания, называемого шуньятой. Слово «шуньята» буквально означает «пустота». Иными словами, это состояние абсолютной метафизической свободы, глубина, которая может все содержать и все желать, сама не изменяясь и не двигаясь. Понимаемая как основа и субстанция всякой вещи (отчего на тибетском она называется *Kün-gZhi*) и отождествляемая с ваджрой, она также является той самой лучистой сущностью, неподвластной разложению, созданной из чистой активности, которую эллинистические традиции описывали как то, из чего создан интеллигибельный¹⁵⁴ мир, или мир «сущностей».

Относительно второй группы размышлений мы исходим из следующего. Мир, который мы знаем, является лишь *нашим* миром, миром образов, которые ум проецирует вовне. Мы принимаем эти образы за реальность и не догадываемся об этом, будучи постоянно окружены самими собой. Чтобы достичь «знания», чтобы узреть *реальный* мир, нужно выволить наше сознание из плена образов, остановить импульс,

¹⁵⁴ Т. е. постигаемый только умом и недоступный чувственному познанию. — *Прим. перев.*

из-за которого мы проецируем вовне то, что приходит в движение внутри, искаженное «ожаждой». Можно вернуть ум в свою власть и сосредоточить его в мельчайшей и твердо установленной точке, и дать в ней приют чувственным впечатлениям вплоть до трансформации, которая заставит осознать вещи такими, какие они есть сами по себе, а не как тени феноменов. Таков смысл *самадхи*. Этого достаточно для ориентации во второй группе практик: они приводят к самадхи сначала в области различных чувств, а позже, при помощи этого самадхи, к самадхи более высокого порядка, что является реализацией шуньяты.

Представь себе¹⁵⁵ в своем пупке белый цветок лотоса с восемью лепестками.

В центре этого белого лотоса находится лунный диск. Над этим диском находятся персонификации Алмазной Молнии (*rDorjeSems-dPaḥ* — на санскрите ваджрасаттва) и его Супруги (*rDorjesNyemas-ma*) в интимном совокуплении, с именем силы (мантрой) *Hūm* в их *сердцах*¹⁵⁶.

Затем представь себе лучи света, распространяющиеся от *Hūm* во всех направлениях, ярко обрисовывающие Бога в уме и заставляющие пространство вокруг стать сосудом, содержащим других богов и существ. Сосредоточься на этом умственном образе. Затем осознай, что лучи света, испускаемые *Hūm*, побуждают всех (этих

¹⁵⁵ Стоит обратить внимание, что наставления этого рода предполагают «творческое состояние» (*bsKyedrim*) ума, необходимое для того, чтобы разные образы «работали». Это магическое состояние более или менее полной «флюидической экзальтации». А. Давид-Неель (*Mystiques et magiciens du Thibet*, Paris, 1929, p. 133) отмечает, что «под словом «представлять» (на тибетском *ṅigra*) понимается сосредоточение мыслей до такой степени, что происходит объективация субъективного воображаемого образа. Это состояние транса, в котором воображаемые факты и места полностью замещают воспринимаемые в состоянии нормального сознания».

¹⁵⁶ Бог и его Супруга соответствуют двойному аспекту всякого метафизического принципа: центральному фиксированному (соответствующего нирване и «алмазному» аспекту ваджры) и динамическому, творческому, лучистому (соответствующему сансаре и «молниеносному» аспекту ваджры). Соитие означает их соединение. Мантра *Hūm* в тайной тибетской доктрине имеет смысл синтеза разных метафизических сил, соответствующих различным частям ее обозначения. На эти части и направлена медитация.

существ) к их деятельности — как магнит двигает частицы железного порошка.

Затем, постепенно втянув обратно все лучи, представь себе все внешнее пространство со своим содержимым втянувшимся и поглощенным в форме (двух) главных внешних божеств — как ртуть впитывается коровьим навозом.

Далее женское божество будет поглощено мужским, превратившись в единственное существо (андрогин) с одним лицом и двумя руками. Это процесс подобен тому, как черепаха втягивает свои члены.

Внешняя Супруга Бога¹⁵⁷ (Херука) впитывается в мужчину, а они вместе — в Алмазную молнию в пупке. Постепенно эта форма погружается в *Hûm* в сердце, а *Hûm* мало-помалу растворяется в Точке¹⁵⁸. Такой процесс подобен метеоритным лучам, переходящим один в другой. Наконец и точка становится все более мелкой, пока не растворится и не исчезнет во всем: этот процесс можно сравнить с растворением соли в воде.

В совокупной практике (*rDzogs-rim*) мысленные явления (*sNang-va*) осознаются подобными одежде, лучам света, волне, которые согласно своей истинной природе тождественны танцору, солнцу, океану¹⁵⁹. Итоговый процесс

¹⁵⁷ Техническое выражение «внешний Бог» — а также «внешний культ» — относится к образам Богов и существ, мыслимых как объективные существа. Но в этой школе открыто говорится, что эти Боги — просто творения ума, используемые для ориентации данных метафизических опытов. В практике за «внешними формами» следуют «внутренние формы»: образ поглощается, а ум непосредственно усваивает соответствующее значение, пока все не сведется к шуньяте (см. комментарий к тексту). Это совокупная или итоговая стадия созерцания (*bsKyed-rim*), подробнее о которой см. ниже.

¹⁵⁸ Этот ряд в медитации осознается в обратном направлении, потому что идет от внешнего к внутреннему, от проявленного и от образа к непроявленному и к сущности: Точка (иногда помещаемая на лбу), *Hûm* в Сердце, *Hûm* в пупке, андрогинный образ божества, божественная чета.

¹⁵⁹ Иными словами, происходит осознание того, что то, что имеет форму и характер явления, относится к своей сущности как танцор к одежде, которая двигается вместе с ним, как солнце к лучам своего света, как океан к волне на своей поверхности.

впитывания и пустоты всякой мысленной модификации похож на то, как пузырь, оторвавшись от воды, растворяется в воздухе, или как радуга растворяется в небесах.

Наконец, существование ума в состоянии покоя, лишенном объектов, называется процессом сосредоточения на Алмазной молнии (rDorje-Sems-dPañ = шуньята).

* * *

После того, как обретено состояние твердого сосредоточения ума и все необходимое для достижения совершенного и окончательного состояния, нужно действовать так.

Утром займи удобное положение с неперекрещенными ногами. В качестве предварительных осуществи уже описанные созерцания формы (bsKyed-rims). Представь себе, что Нîm внутри сердца испускает лучи света во всех направлениях внешнего пространства и на объекты, которые ему встречаются. Все они собираются в теле. Женское божество вдыхается через ноздри и фиксируется в сердце¹⁶⁰.

Осознав себя как (Бога) двурукого (см. выше), представь (собственного) духовного Учителя на голове¹⁶¹. Вооружившись сильной верой в него, скажи себе: «Тебя призываю — сделай так, чтобы мой ум достиг чистого самадхи».

Сделав это, представь в своем сердце тибетскую букву А с красно-белым лунным диском наверху, величиной со среднюю горошину. Над лунным диском представь светящуюся точку величиной с семя кунжута, и сосредоточь на ней собственный ум. Сосредоточься на всем

¹⁶⁰ Женское божество — это сила-жизнь ♀ или прана, несомая воздухом и привлекаемая посредством дыхания.

¹⁶¹ Учитель (гуру) может быть объективным способом изображения, воспроизводящим идеал, который практикующий стремится реализовать, при помощи символической формы, которая поначалу одушевляется с переживанием преданности и самоотверженности, чтобы позже раствориться в подлинной реализации. Иными словами, речь идет о реальном носителе «духовных влияний», с которым довелось войти в контакт: в таком случае визуализация, объясненная в тексте, направлена на актуализацию таких влияний ради желаемого исхода ритуала.

этом и тонко отрегулируй свое дыхание. Если эта практика выполнена хорошо, ум будет сдержан — он больше не бегаёт, а постоянно недвижим. Из этого следует прекрасное, чистое самадхи.

Если достигнута стабильность и твердость в этом (состоянии), перенеси воображение на другой¹⁶² орган чувств. После осуществления вышеописанных предварительных шагов используется следующий метод: представь в зрачках две крохотные, сверкающие белые точки, по одной на каждый глаз. Закрыв глаза, представь эти точки. Подготовив дух таким образом, наблюдай разные объекты... Если эта практика выполнена хорошо, внутри ощущается постоянное живое присутствие этих точек, и если на какой-либо объект падает взгляд, реализуется самадхи¹⁶³. Если в этом достигнута стабильность, перемести эту точку в сердце и представь, что она обретает все больший блеск и яркость, успокоив ум (дословно: устроив его на уровне — mNyambhag). Это приведет к высшей форме самадхи.

После этого перемести воображение на уши. После осуществления вышеописанных предварительных шагов используется следующий метод: представь нахождение внутри каждого уха двух синих точек над двумя лунными дисками величиной со среднюю горошину и сосредоточься

¹⁶² Известно, что индийское учение рассматривает ум как шестое чувство, а органы чувств — как простые инструменты, от которых соответствующие способности могут быть отделены вплоть до того, чтобы использоваться непосредственно, как это происходит в самадхи.

¹⁶³ Иными словами, происходит созерцание в сверхчувственной форме того, что обычный взгляд воспринимает в чувственном виде: то есть тайных сил форм и цветов. После этого контакта сосредоточенный ум переносится в сердце, где осуществляется самадхи более высокой степени. Можно отметить, что именно на эти наставления беспорядочно ссылался Рудольф Штайнер — рассказывая потом, что они принадлежат тайному учению — относительно конкретных точек, на которых нужно сосредоточивать ум, освобожденный от чувств, с целью осознать силы, сформировавшие и руководящие различными органами этих самых чувств.

на них в месте без шума. Когда получится сосредоточить ум на них, слушай звуки, пытаясь в то же время сосредоточить ум на двух точках и не позволяя ему отвлекаться. Упражняясь в этом, достигнешь яркости мысленных образов и из-за услышанных звуков достигнешь самадхи. Если это (состояние) стабилизировано, перейди к точкам в сердце и представь, что они достигают ослепительного блеска и яркости. Это приведет к высшей форме самадхи.

После этого образ переносится на нос. Предварительные шаги те же самые, и в данной практике в месте без запахов представь желтую точку на лунном диске внутри каждой ноздри — сосредоточь ум на них. Когда ум будет сосредоточен, вдыхай разные запахи, твердо удерживая ум на желтых точках и не позволяя ему отвлечься. После такой практики восприятие запахов ведет к самадхи. Если это (состояние) стабилизировано, перейди к точкам в сердце. В этих точках зажгутся сияние и яркость, а практика приведет к самадхи.

После этого образ переносится на язык. Предварительные шаги те же самые. Представь красную точку над лунным диском в корне языка и медитируй на нее, исключая всякое чувство вкуса. Ум должен сосредоточиться на этом, не позволяя ему отвлекаться. Когда ум сосредоточен на этой точке, пробуй разные вкусы, поддерживая ум сосредоточенным. Потом перемести эту точку в сердце. Когда она достигнет сияния и яркость, посредством чувства вкуса реализуется самадхи.

Далее образ переносится на (все) тело. Предварительные шаги такие же, как описанные выше. Или в корне гениталий, или на лбу представь зеленую точку на лунном диске: ум сосредотачивается на ней, исключая любое тактильное ощущение. Когда ум достиг некоторой степени концентрации, сосредоточься на прикосновениях к различным вещам, не отвлекаясь. Если в этой точке достигнута яркость, практикуй, пока она не станет совершенно твердой, потом перенеси из места контакта в точку в сердце и медитируй на нее, пока не будут достигнуты

сильное сияние и яркость; от этого произойдет состояние покоя, высшее самадхи¹⁶⁴.

После этого воображение используется для работы над душой в ее нестабильности. Предварительные шаги те же самые. Для данного процесса представь мельчайшую точку цвета гвоздики, над уже представленной точкой в сердце. В начале выполняй созерцание в одиночестве. Преуспев в мысленном сосредоточении, практикуй медитацию, будучи в таком обществе, чтобы быть уверенным, что проснется какая-нибудь эмоция — вождеделение и ему подобные. Итак, осознай, что фундаментальная мания¹⁶⁵, проявленная во всякой страсти, сосредоточена в ней. Представь, что она вбирается в синюю точку, и сосредоточь ум на этом. Когда ты привыкнешь к этому (упражнению), эмоции могут появляться или не появляться, но ум сможет господствовать над ними. Когда стабильность в подобной (стадии) достигнута, погрузи голубую точку в точку цвета гвоздики, а ее — в нижнюю бело-красную точку. Затем та перейдет в лунный диск; который, в свою очередь, растворится и исчезнет, как облако на небе. Останется только пустота (sTongpa = шуньята), в которой душа удерживается в равновесии. Это произведет глубинное, спокойное состояние самадхи, называемое постоянством мира (Zhi-gNas). Восстав позже из этого состояния духовного покоя, вновь представь лунный диск и эти точки присутствующими или появляющимися одновременно; и что они разом трансформируются в Бога (Херука). Подлинность внешних объектов являющейся лишь видимой и кажущейся, сами по себе они лишены

¹⁶⁴ В целом речь идет о процессах, которые имеют две степени: в первой достигается тонкое восприятие, трансформированное и точечное (см. изложенное Лео в гл. III); это ощущение затем продолжается в сердце, где оно получает свет, раскрывается и ведет к бесформенности.

¹⁶⁵ *Moha* — что Дава Самдуп переводит как *infatuation* [безумная страсть (англ.) — Прим. перев.]. Связано с манией, с привязанностью и «каждой» изначального буддизма.

независимой и абсолютной реальности¹⁶⁶. Медитируя так, пока не увидишь явный знак совершенства и достижения каждой стадии, в итоге ты достигнешь состояния глубокого мира, реализации шуньяты, являющейся блаженством и ясностью.

Посредством следования этим практикам осуществится реализация Пути (mThong-Lam), при помощи которого порождается состояние пробуждения или будды. Таково состояние полученных милости и благодати (bdag-byndrlabs-pahi) в себе, объединенных (в сознании) с Семенами (Sabön)¹⁶⁷.

АРВО О «КОНТРИНИЦИАЦИИ»

Тот, кто пытается превзойти человеческие пределы и стремится к завоеванию Знания и власти, должен отдавать себе отчет о том, что, используя обозначение Рене Генона, можно назвать *контринициацией*; и таким же образом необходимо иметь представление о различных ее формах и различных средствах, которые она использует для достижения своих целей.

В качестве исходной точки можно принять ту общую мысль, что существуют силы, которые стремятся присоединиться к человеческим, индивидуальным или коллективным силам не только для того, чтобы отклонить всякое устремление к подлинной духовности от верного

¹⁶⁶ Это знание противоположно hJig-rTen-pahi-yeshes — тибетскому выражению, обозначающему «мирское знание», полагающее, что вещи реальны сами по себе, а не являются видимостью, чья настоящая сущность — шуньята. Это последнее называется Mi-rtog-pahi-yeshes — выражение, содержащее идею осознания, которое имеет место при отсутствии представлений или мыслей, согласно тому, что говорится о самадхи.

¹⁶⁷ «Семена» (на санскрите биджа) — это вещи и сущности, реализованные сознанием в самадхи, в состоянии *lóyoi otermatkoí*, индивидуализированных и лучащихся принципов, в которых лежит их сущностное рождение. В терминах алхимии это «солнечный сульфур» «металлов».

пути, но также и с целью создать такие течения, внушения и идеологические системы, чтобы они затрудняли созерцание истины, искажали ценности, способствовали господству в цивилизации низших влияний и всех форм материализма, путаницы и подрывной деятельности.

В религиях противостояние сил «добра» и «зла» является общим местом; но оно адекватно не отражает то, о чем идет речь, потому что это не простой вопрос морального и религиозного порядка, а вопрос более обширного, объективного и конкретного действия, в котором сами представители религий часто не отдают себе отчет, если вообще не подвергаются его влиянию, не замечая этого.

Здесь я намереваюсь ограничиться некоторыми размышлениями, тесно связанными с областью наших наук. Необходимо сделать некоторое общее предупреждение. В принципе, не существует ни одного подрывного движения в истории (в том числе в истории мысли), которое не имело бы «окультурного» происхождения. И нужно отдавать себе отчет в следующей особенности: одной из самых поздних «упаковок» темных сил, о которых я говорю, является «позитивистская» теория, которая отрицает закулису этого рода и заявляет, что все в мире людей объясняется материальными историческими причинами. Пожалуй, подобная «позитивистская» ментальность скорее оказывает услугу тем силам, которые имеют обыкновение действовать «скрыто». Какой-то католик по-своему указал на это, сказав, что последней уловкой «дьявола» является убедить людей, что его не существует¹⁶⁸.

Большая часть всего того, что является революцией, подрывными действиями, антитрадицией и демагогией, несет видимую печать силы, в своей глубине нечеловеческой, наполняющей силы коллектива, опьяненного

¹⁶⁸ См. *Les faits mystérieux de Beauring*, в *Études carmélitaines* (1933, р. 11): «В мешке у демона тысяча фокусов, и его великое искусство в этом мире, где уже почти не осталось веры, состоит в том, чтобы заставить отрицать свое существование, потому что он сам стал бы доказательством существования сверхъестественного». — *Прим. гр. «Ур».*

той или иной идеологией. Идеи де Местра на этот счет обладают непреходящей ценностью. Чисто политическосоциальное рассмотрение революционного феномена является одной из точек зрения, которые принимают внешность за суть; а суть любой революции состоит в том, что этот переворот направлен не столько против людей и институтов, сколько против духа, а в крайних случаях — приводить примеры бесполезно — является прямо-таки сатанинским фактом.

Кроме того, в вопросе выявлении того, какие закулисные влияния взрастили современную ментальность, начиная с областей, которые — такие, как область науки — можно считать более иммунными к вышеописанным действиям, можно поучиться у Рене Генона. Согласно Генону, материализм и сциентизм на самом деле частично происходят из влияний и ограничений чересчур организованных и тенденциозных горизонтов, чье происхождение и распространение можно считать спонтанным и обязанным просто человеческой тупости: особенно тогда, когда можно констатировать точное схождение практических последствий всего этого с главными целями контринициации, в иных местах более ясными. Генон справедливо говорит: «Поистине характерно, более того, даже комично, если речь идет о вещах менее серьезных, если не сказать зловещих, — это то, что материализм, одна из главных претензий которого состоит в том, чтобы уничтожить всякую тайну, имеет ту же самую достаточно загадочную закулису; и с другой точки зрения то же самое верно относительно того же понятия «материи», которое составляет его основу, но которое определено более загадочно и более непостижимо, чем можно было бы представить». То, что человек — продолжает он — сегодня дошел до того, что считает обычной и нормальной жизнь, сведенную к своим наиболее низшим возможностям; что он безусловно делает синонимом реальности, даже реальности в высшем смысле, то, что осязаемо, видимо, понимаемо и измеряемо — это поистине следствие *гипноза*, своего рода магического

круга, который привел к атрофии и исключению возможности существования всякой высшей точки зрения и чувствительности. И спутником этого магического круга является концепция истории, заставляющая считать точку зрения современного человека правильной и «нормальной» точкой зрения цивилизации, которая по отношению к любой другой может претендовать на «просвещенность» и свободу от предрассудков.

Однако нужно иметь в виду, что контринициация устремляется в ином направлении и действует иначе, когда вышеупомянутый магический круг ослабевает: человек вновь начинает подозревать, что по ту сторону видимого существует невидимое, по ту сторону нормально — аномальное, по ту сторону обычного ежедневного сознания — сознание более глубокое и загадочное — и все это является не теорией, а реальностью. «Отверстия» этого рода в современной цивилизации в силу различных обстоятельств реализуются теперь уже в широких областях. И уже весьма заметны интенсивные действия по предотвращению того, чтобы данный поворот привел к положительным результатам: напротив, эти действия нацелены на то, чтобы направить человека к опасностям и еще более серьезной деградации по сравнению с той, которой благоприятствует мир материализма и сциентизма.

Здесь используется, скажем так, тактика *диверсии* — эффективная там, где не знают, что за пределами области нормального располагается область как сверхнормального, так и субнормального, что перемещение пределов обычного сознания может приводить и к обретению субличности и неполноценного сознания, и что за пределами чувственной и «естественной» реальности располагается не только сфера сверхъестественного, но также и сфера субъестественного и низшей психики. Все это, кажется, совершенно игнорируется различными движениями «спиритуализма» и современного оккультизма, не говоря уже о точке зрения «метапсихиков», психоаналитиков и им подобных, которые в силу своей умствен-

ной ограниченности и своих методов даже в принципе не подозревают о разнице этого рода. Генон и Эвола продемонстрировали существование в течениях сегодняшнего «спиритуализма» и оккультизма такой совокупности фальсификаций, путаницы, идеологических и практических отклонений, что можно сделать оправданным подозрение, что здесь присутствует тайное разумное действие, имеющее более чем просто человеческий характер. Его первейшая цель состоит в том, чтобы направить всякий дух, пытающийся выйти из круга практического материализма, не к высшему, а к низшему, не к сверхличности, а к субличности, не к подлинной духовности и метафизическому и инициатическому сознанию, а к миру низшей психики, созданной туманным визионерством и ощущениями, которые приводят к затруднению всякой возможности подлинного развития, если вовсе не благоприятствуют искажению духовного единства: а это и составляет первейшую цель контринициации. Очевидно, здесь мы переходим в область идей, которые особенно интересуют наших читателей. Следовательно, наблюдая за кипением всевозможных сект, лож и движений, они должны отдавать себе отчет, что отмеченная здесь путаница сейчас распространена и опасна как никогда, и почти никто не обладает как знанием, так и авторитетом, достаточными для их разоблачения.

Большая часть всего того, что имеет сенсационный и «таинственный» характер, способствует духовному отклонению — вплоть до того, что сегодня некоторый «оккультизм» нередко находится почти что на уровне желтых романов и «фильмов ужасов». То же самое касается всевозможных «феноменов». Что касается этого второго пункта, то иллюзия здесь распространяется также и на людей определенного интеллектуального уровня — на людей, которые не просто являются спиритистами или метапсихиками, но которые хотят именно что приблизиться к инициатическому миру: они часто легко верят, что феномены всегда являются данными в ощущениях знаками духовной реали-

зации. Но это далеко от истины, ибо в некоторой области возможность произвести феномен может быть достигнута на основе как движения вниз, так и интеграции личности. Например, левитация может быть произведена как колдуном, так и святым, как *медиумом*, так и посвященным, и очевидно, что в каждом из этих случаев этот феномен обладает достаточно разным смыслом.

Оставим в стороне мир медиумов, на котором не стоит задерживаться, потому что его регрессивный характер слишком очевиден, а также те случаи, которые можно называть «прямым вмешательством» (я говорю о проявлении некоторых лиц, желающих передать то или иное «откровение» с целью создать определенные группы и движения — и известно, насколько часты упоминания о них, и не только ради мистификации). Таким образом, исключая эти два случая, существуют и другие, в которых подозрительный характер отклонения различных оккультистских течений может в итоге соединяться с *контактами*, которым некоторые методы психического развития благоприятствуют при помощи сил, о чьей природе и даже о существовании они не подозревают, но которые всегда восстают в том случае, если кто-то, не обладая необходимым «достоинством» и превосходством, берет на себя риск, проникая в их области. Именно на этой основе можно рассматривать то, что происходило за кулисами при основании немалого количества лож или теософско-оккультистских групп¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Здесь могут вызвать интерес впечатления, полученные посетителем некоторого центра, расположенного в Индии, от контакта с определенным человеком: «Кто знает, какие силы здесь действуют? Ришикеш — это центр психических энергий, и этот человек напоминает мне одержимого, но не Богом. Мне кажется, что он продал свою душу, и продал ее выгодно, что является вещью редкой и опасной. Откуда родилась эта идея? Великие изобретатели и великие правители этого мира — это люди, которые строят при помощи других мозгов; их власть — это власть координации, интеллекта, инициативы, а также чувства того, что необходимо в материальном мире. Позади них всегда существует закулиса, состоящая из людей, более или менее неизвестных. R. A. K. казал-

Опасностью более общего характера — из-за того факта, что она связана также с менее специализированными современными течениями, которые охотно выдают себя за «течения мысли», — является опасность, основанная на пантеизме, более или менее связанным с культом Жизни и Иррационального. Нужно выступить и против нее, потому что немалое количество людей видят в пантеизме, противоположном религиозному догматическому теизму, высшее знание, более или менее связанное с инициатической областью. В конце концов, разве не пытались навесить ярлык «пантеизма» на всю индийскую духовность, игнорируя то, что в ней пантеизм встречает максимально ясное отрицание — достаточно вспомнить изначальный буддизм? Но здесь мы хотим поговорить не о теоретических заблуждениях, а о практической опасности. По словам Генона, во всех этих тенденциях присутствует то, что «побуждают сущность «смешиваться» — и мы скажем также «теряться» — в одном виде космического сознания, исключаящего всякую трансценденцию, и, таким образом, всякую реальную духовность». Различные теософские теории «преодоления иллюзии отделенности», «единой Жизни» и так далее, с соответствующими выводами гуманитарного и эгалитарного характера, почти всегда являются симптомами этого направления, представляющего настоящее «развитие наоборот». Здесь уместно привести следующее высказывание Генона: «Традиционному учению знаком инициатический символизм преодоления океана, представляющего «психическую» область, которую необходимо преодолеть со всеми ее опасностями, чтобы добраться до цели. Что можно сказать о тех, кто бросается в этот океан, не имея иного стремления, кроме как утонуть в нем? Ничто иное не является смыслом так называемого «слияния» с «космиче-

ся мне ужасно живым, и все же сосудом зла, кубком, содержимое которого может причинить ужасные разрушения, если выльется на мир» (F. Yeats-Brown, *Lancer at Large*, Leipzig, 1937, p. 252).

ским сознанием», которое на самом деле является просто совокупностью, беспорядочной и неясной, всех «психических влияний»; и эти влияния, несмотря на то, что некоторые могут воображать себе, не имеют абсолютно ничего общего с «духовными влияниями», даже если иногда случается так, что они более или менее сходны с некоторыми из их внешних проявлений. Те, кто впадает в эту роковую ошибку, забывают или игнорируют различие между «высшими Водами» и «низшими Водами». Вместо того, чтобы подняться к высшему Океану, они низвергаются в бездны низшего Океана; вместо того, чтобы сосредоточить все свои усилия, направив их к свободному от форм миру, который лишь один может быть назван «духовным», они рассеивают их в неопределенном, меняющемся и текучем разнообразии форм тонкого проявления, не подозревая, что принимаемое ими за полноту «жизни» в действительности является лишь царством смерти».

Я сказал в самом начале, что силы контринициации «проникают» в человеческие; иными словами, уже должны существовать некоторые духовные или интеллектуальные отклонения, которые эти силы стараются усилить, добавляя в них то, что в магии называется «действенным направлением» (*direzione di efficacia*). Так, очевидно, и происходит в том случае, о котором я только что сказал, потому что пантеизм, витализм, теория бессознательного и так далее часто являются простыми продуктами современного мышления, и в этом отношении речь идет о людях, которые не отдают себе отчет ни о смысле своих идей, ни о мере, в которое их могут использовать существа, которые, в отличие от них, прекрасно знают, что делают, и почти что думают за них.

Это ведет к достаточно сложному вопросу о природе и происхождению контринициации. До некоторой степени в этом отношении можно ограничиться рассуждением о *силах* и о пагубном их воздействии, относительно которого можно говорить только о его природе, но не о намерении: как коррозия происходит не от намерения, а

из собственной природы некоторой кислоты. То, что некоторые называют «промежуточным миром», другие — «нижним миром», прочие — еще и «демоническим миром» (однако не беря слово «демон» в моральном и религиозном смысле, присущем христианству), может иметь свое происхождение в действии этого рода, когда мир людей и мыслей людей неосторожно открывается ему. Но кроме простых сил нужно рассмотреть и настоящих *сущест*в, разумных и обладающих личностью, представителей или агентов контринициации; существ, связанных, как и посвященные, некоей «цепью». Более того, Генон говорит об «отклонившейся и извращенной инициации», о том, что произведено реальной инициацией «путем вырождения, дошедшего до инверсии, составляющей сущность того, что можно назвать *сатанизмом*». Однако он, в общем, допускает, что в этом отношении вмешивается метафизический фактор, потому что из простого вырождения и инволюции еще не следует переход к *инверсии* и *намерению*, которые, исключая разрушительные «естественные» влияния, о которых я уже сказал, и обозначают контринициацию. В самом деле, как об исходной точке Генон говорит о «восстании против легитимной власти и требовании невозможной независимости» в области той или иной инициатической организации, со стороны людей, которым уже была передана сила и которые тем самым находились за пределами чисто человеческого уровня¹⁷⁰. Но, возможно, нужно подняться еще выше: к тем, кто, будучи богами, предпочитает быть врагами богов.

¹⁷⁰ В другом случае Генон признает присутствие в общем двух различных аспектов, когда говорит о действиях, подобных действиям некромантов, которые добровольно как бы предоставляют носитель бездушным психическим останкам умерших. В этом случае психические останки соответствуют инициатическим организациям, вошедшим в фазу крайнего вырождения и почти что переживших сами себя, в то время как роль некроманта играют силы подлинной контринициации, дающие таким деградировавшим организмам обратное направление. Мы вернемся к этой теме, когда речь пойдет о возникновении современного масонства.

Это ведет к следующим соображениям. Эвола прояснил тот факт, что естественный процесс ведет западного человека непосредственно в направлении контринициации. Начиная с Возрождения — говорит Эвола — западный человек возжелал быть «свободным», возжелал быть сам по себе; обрубил существующие контакты с высшим миром, один за другим, и пошел по пути имманентности и завоевания физического мира. Но там, где все не сводится к материализму и материальной реальности, в которой господствует техника, оторванный от духовного мира индивид склоняется к некому роду аскезы как усилению господствующей воли и ее свободы. В этом смысле он не может не оказаться на пути влияния контринициации, и проявления на этом направлении (бессознательные «аскеты зла») уже существуют и достаточно значительны. Возможно, не в последнюю очередь именно они и определяют судьбу всей цивилизации.

Но вернемся к нашей сфере. Я надеюсь, что эти краткие соображения обрисовывают ту важность, которым обладает понятие контринициации. Речь идет не об идее-фикс, а о весьма серьезных и реальных вещах, которые ради своей собственной защиты, как интеллектуальной, так и духовной, стоит воспринимать серьезно, когда мы обращаемся к нашей науке.

Объектами этого эссе являются следующие работы: Р. Генон, «Царство количества и знамения времени» (R. Guénon, *Le règne de la quantité et les signes des temps*, Paris, 1945) и «Заметки об инициации» (*Aperçus sur l'initiation*, Paris, 1945); Ю. Эвола, «Лицина и лик современного спиритуализма» (J. Evola, *Maschera e volto dello spiritualismo contemporaneo*, Bari, 1949). Обе работы Генона также переведены на итальянский язык.

ЛЮЧЕ
OPUS MAGICUM: АРОМАТЫ

В магических ритуалах рекомендуется использовать определенные благовония для того, чтобы быстро усилить и настроить на нужную ноту психические способности мага. Это можно назвать общим объяснением, и весьма бесполезно будет прояснить некоторые частности.

Прежде всего, известна большая древность использования ароматов, первоначально применявшихся лишь в религиозных церемониях, как, например, в Древнем Египте, где их знание о них как о веществах и инструментах манипуляции являлось некогда прерогативой исключительно жреческой касты.

Сейчас, тысячелетия спустя, от этих знаний, некогда являвшихся частью Священной Науки, не осталось почти никаких следов, за исключением некоторых кратких и неясных упоминаний в средневековых текстах и современных туманных и поверхностных исследований связей между ароматами и полом. Я, естественно, не имею в виду многочисленные исчерпывающие трактаты по производству ароматов или культивированию растений, из которых их добывают — если изложение предмета с промышленной и химической точек зрения является в них полным, совершенно отсутствуют наблюдения о физиологических и психологических эффектах, производимых этими ароматами. Иными словами, этим трудам недостает действительно существенного и интересного — рассказа об эмпирических причинах использования ароматов. Физиологи и психологи, если и занимались этим вопросом, то недостаточно, уделяя ему в своих трудах несколько строк или в лучшем случае страниц. Среди многих можно назвать Лючиани (Luciani), Эллиса (Ellis), Пуйе (Pouillet), Берге (Berguet), Крафта (Krafft), Мартино (Martineau), Моро (Moreau), Пента (Penta), Капано (Capano), Нюччо (Nuccio), Молла (Moll), Традиффа (Tardiff), Шарко (Charcot), Монина (Monin) и Ру (Roux).

Если позволят обстоятельства, мы опубликуем подробное исследование на данную тему. Здесь же ограничимся этими заметками — краткими, но достаточными для практического использования разумным оператором.

Общеизвестно и научно доказано, что любое животное или растение выделяет свой особый запах, даже если он *обычно* не воспринимается людьми.

Как показало множество экспериментов, ароматы воспринимаются только в газообразном состоянии, активизируя определенные процессы возбуждения обоняния, посредством определенной психической реакции тесно связанные с областью чувств. Эти процессы возбуждают рефлексивные действия как в области моторных органов, так и в железах вегетативной и репродуктивной системы (в первую очередь см. Luciani, *Fisiologia dell'uomo*, vol. IV, cap. 4 и A. Dumesil, *Des odeurs, de leur nature et de leur action physiologique*).

Также известно, что обонятельное восприятие, расположенное в области ноздрей, имеет место на обеих стадиях дыхания. Это имеет для нас особую важность — читатель догадается об этом, вспомнив наставления как Абраксаса, так и мои собственные.

Я не буду рассказывать о немногочисленных наблюдениях чисто физиологического порядка, проводимых вплоть до сегодняшнего дня, за воздействием ароматов на органы дыхания. Развивая общее определение, я напомним, что дыхание — это *действие*, устанавливающее опосредованную связь между индивидуумом¹⁷¹ и космической жизненной силой. Та, в свою очередь, проникая через кровь в легкие, поглощается астральным телом.

Я прошу читателя не путать этот последний термин с описаниями, приводимыми в теософской и аналогичной

¹⁷¹ Термин «опосредованный» относится к акту дыхания, которое, как оно обычно совершается, *нечисто*, т. к. сущность индивидуума не имеет прямого контакта с космической жизненной силой, как это происходит на более поздних стадиях развития, когда реализуется практика *астрального дыхания*, о чем будет написано позже. — Прим. группы «Ур».

ей литературе. Вслед за Парацельсом я имею в виду «эфирное тело» — сущность жизни и действия; это тело может быть познано лишь Посвященным при помощи практики, но не посредством болтовни или чтения текстов.

В теургических и магических операциях любой степени астральные *способности* активируются всеми средствами — как напрямую, усилием воли, так и косвенно, посредством использования благовоний и церемониальных форм.

Тот, кто пробовал использовать какие-либо дыхательные техники, знаком с их специфическим тонким эффектом. При использовании благовоний этот эффект обуславливается порядком вибраций, отвечающих целям оператора.

Благовония используются согласно закону астрального соответствия — *signaturae rerum*, в соответствии с днями и часами каждой из планет (см. Pietro d'Abano, *Eptameron*). Помните, что в общем благовония разделяют природу стихии *воды* (см. Agrippa, *De Occulta Philosophia*, I, 7) и, таким образом, могут быть полезны как эффективные растворители стихии *земли* и коагуляторы (сгустители) стихии *воздуха*, так как вода занимает *срединное положение* между ними.

Естественные благовония, которые только и используются в наших операциях, подразделяются на две категории: животного и растительного происхождения. Первые добываются из крови, спермы, молока, волос, кости и иных животных источников. Вторые добываются из древесины, листьев, фруктов, корней, цветков, смол и прочего, имеющего растительное происхождение.

Ниже приводится перечень, описывающий планетарные соответствия. В случае животных подразумеваются части их тел, также относящиеся к определенным планетам.

СОЛНЦЕ ☉

Лавр, алоэ, янтарь, древесная смола, стиракс бензойный, аир, корица, кедр, чистотел, плющ, гелиотроп, ясень, гвоздика, горечавка, гиацинт, можжевельник, под-

солнечник, ладан (фимиам), ирис, лаванда, лотос, майоран, мастика, мята, мирра, мускус, аурипигмент, пион, перец, вербена, виноград, шафран — орел, шпанская мушка, сердце, мозг, костный мозг, кровь, скарабей.

ЛУНА ☾

Камфара, ладан (фимиам), иссоп, магнетит, мирт, мак — утка, орел, мозг, экскременты, кошка, менструальная кровь, костный мозг, телесные соки, пот, кровь.

МЕРКУРИЙ ☿

Акация, корица, кассия, гвоздика, ладан (фимиам), майоран, мастика, бедренец, петрушка — орел, ибис, кровь.

МАРС ♂

Чеснок, спаржа, древесная смола, бдолах, чертополох, кипарис, черемица (морозник), молочай, магнетит, крапива, подорожник, горчица, сера — орел, сова, желчь, гениталии, кровь.

ВЕНЕРА ♀

Алоэ, янтарь, апельсин, адиантум (венерин волос), кориандр, лауданум, мирт, мускус, роза, сандаловое дерево, тимьян (чабрец), валерьяна, вербена, фиалка — орел, кошка, кровь, тестикулы.

ЮПИТЕР ♃

Падуб, алоэ, стиракс бензойный, бук, ясень, гвоздика, гиацинт, белена, ирис, миндаль, манна, мастика, мята, мускатный орех, пион, сосна, дуб, ревень, стиракс, слива, виноград, фиалка, сахар — ягненок, орел, хвощ, кровь.

САТУРН ♄

Аконит, асфodelь, стиракс бензойный, цикута (вёх ядовитый), кипарис, кориандр, костус, черемица (морозник), белена, мандрагора, мирра, мак, сосна, камедь, ре-

дис, рута, сельдерей, кирказон змеевидный — орел, сова, кошка, волосы, кровь.

Далее приводится краткий перечень наиболее часто используемых ароматов в соответствии с днями недели и соответствующими им планетами:

Воскресенье — Солнце — шафран, древесная смола, ладан
Понедельник — Луна — мак, камфара, мирра
Вторник — Марс — молочай, черемица (морозник)
Среда — Меркурий — мастика, гвоздика
Четверг — Юпитер — ясень, стиракс бензойный
Пятница — Венера — мускус, янтарь, алоэ
Суббота — Сатурн — мак, мандрагора, магнетит

Таблица соответствий между знаками Зодиака, месяцами и благовониями:

Апрель — ♈ — Костус
Май — ♉ — Мастика
Июнь — ♊ — Камфара
Июль — ♋ — Ладан
Август — ♌ — Сандаловое дерево
Сентябрь — ♍ — Магнетит
Октябрь — ♎ — Опопанакс
Ноябрь — ♏ — Алоэ
Декабрь — ♐ — Асафетида (ферула вонючая)
Январь — ♑ — Молочай
Февраль — ♒ — Тимьян
Март — ♈ — Мирра

Необходимо помнить, что в целом все смолы подчинены Солнцу, листья — Луне, древесина — Марсу, кора — Меркурию, плоды — Юпитеру, цветы — Венере, а корни — Сатурну.

Напомню кратко, что в гармонии магических операций запахи соответствуют также цветам и звукам. Известны недавние изобретения инструментов, чьи клавиши соответствуют не нотам, а ярким вспышкам света или всплескам запахов. Бэкон, а недавно Дж. Б. Аллен (G. B. Allen) и Филд (Field) предпринимали попытки составить *музыкальную* шкалу цветов и запахов. Относительно этих последних вызывает интерес «гамма Пьера», о которой упоминает Губе (Hubet) в своей работе *Plantes à parfums* (Paris, Donud e Pinat, 1909).

Процесс извлечения ароматных субстанций обычно состоит из следующих этапов: сушка, пульверизация, растворение, дистилляция, тинктуризация, спиртовая возгонка, эссенциализация масел, настаивание масел, получение мазей. Про некоторые из этих процедур я уже говорил, когда рассказывал о магических травах (см. журнал *Ignis*, 1925, стр. 336).

В то время как обычные благовония в процессе производства проходят один и более из вышеупомянутых этапов, то для магических целей субстанции помещаются непосредственно в жаровню, где жар горящих углей заставляет испаряться пахучие начала.

Однако должен предупредить, что, за исключением особых случаев, вещество, помещенное в жаровню, не должно гореть.

Дымы, возникающие при этом, не нужно вдыхать и выдыхать медленно или быстро, как это делается с ароматами — их нужно вдыхать долго и глубоко, затем должна следовать короткая задержка дыхания, а потом — *сильный* и *медленный* выдох. Таким образом флюидное тело сможет *вампирически* взаимодействовать с дымами, поглощая их жизненную сущность и достигая особого *уровня гармонии*.

Можно было бы много написать о «вампирической» силе астрального тела, но достаточно подчеркнуть, что сущностной ее характеристикой является как раз спо-

способность *вдыхать* жизненный флюид, чтобы передать его организму для его подпитки.

Сказанного вполне достаточно для проведения эксперимента: вдыхайте аромат несобранных цветов, пока не сможете в какой-то мере заменять этим обычный прием пищи.

Не пытайтесь проводить этот эксперимент с животными запахами, особенно с человеческими (запах пота в общем, генитальный, подмышечный и т. д.) — а также не используйте их в магических операциях без точных наставлений того, кто мог бы их дать. Чтобы понять, почему не стоит этого делать, достаточно будет понаблюдать за последствиями того, что произойдет, если, *удинившись*, после трех-четырех вдохов, приблизив лицо к полотенцу, которым пользуется другой человек (особенно противоположного пола), и после нескольких минут наблюдений, сосредоточиться на ритмичном дыхании в тишине. *Должен предупредить, что все эти последние формы эмпиризма крайне губительны и опасны как для того, кто его совершает, так и для его близких*¹⁷².

Среди наиболее часто используемых ароматов находятся ладан (фимиам) и мирра. Оба имеют в общем солнечные свойства. Они могут использоваться под любым знаком, однако действуют на разных планах, сопровождаясь хотя и не антагонистическими, но и не дополняющими друг друга в совершенном союзе следствиями.

Ладан — это общепризнанное магическое благовоние, так как оно лучше других способствует процессу *конденсации* флюидного тела. По этой причине его нельзя использовать в операциях, не имеющих совершенно определенной цели вызова духов и подобных. Мирра полезна в операциях, целью которых является контакт с силами природы.

¹⁷² Опасность для адепта заключается в возможности определенным образом заразиться на астральном плане, отравиться и даже стать одержимым. Однако внимательному и активному оператору подобная практика вдыхания запахов близкого человека может помочь в подчинении его своему «влиянию», сделав его более уязвимым для оккультного воздействия. — *Прим. группы «Ур».*

Эвкалипт используется во всех теургических операциях, а также в операциях, устанавливающих связи между разумами.

Мы стали первыми, кто начал использовать это растение в магических операциях. Оно известно с 1790 года и сначала появилось в Англии, оттуда попало во Францию и, в конечном счете, к 1856 году распространилось по всему континенту благодаря Рамелю (Ramel).

Эвкалипт, принадлежащий к семейству миртовых и к роду тонкосемянников (лептоспермум), родом из Австралии и с островов Индийского архипелага. Существует приблизительно 150 его видов. Дистилляцией его листьев и древесины получают ароматное масло — *эвкалиптол* ($C_{24}H_{20}O_2$), один из гомологов¹⁷³ камфары. Оно слабо растворяется в воде, но хорошо — в спирте и эфире. Фармацевтическая, парфюмерная и алкогольная промышленность используют эвкалиптол, обрабатывая его разнообразными способами.

Его плоды, которые мы также используем, имеют солнечную природу и включают в себя замечательное сочетание, в том числе свойств стихий. Жар выплавляет из них и заставляет испариться эссенцию, которой он насыщен — она гармонично воздействует на различные зоны, в особенности способствуя усилению высших способностей.

Эвкалипт может использоваться в качестве общего аромата, ибо только он обладает всеми элементарными свойствами. В магических операциях он наиболее эффективен при совмещении с небольшим количеством ладана и мирры.

¹⁷³ Гомологи — вещества, входящие в один и тот же гомологический ряд. Простейший пример гомологического ряда — алканы (общая формула C_nH_{2n+2}): метан CH_4 , этан C_2H_6 , пропан C_3H_8 и т. д. — *Прим. перев.*

ГЛАВА IX

АРВО СОЗНАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ — РАССЛАБЛЕНИЕ — БЕЗМОЛВИЕ

Знакомство автора, серьезно пишущего об эзотеризме, с определенными духовными состояниями и качествами часто побуждает его ограничиваться общими указаниями. Не желая принести вред никому из читателей, но учитывая, что эта публикация доступна любому и исходя из принципа не упускать ничего во имя ясности, было бы недурно обратиться к некоторым вопросам *интонации*. В эту область я хотел бы внести свой вклад при помощи следующих простых заметок, направленных на *практику* — заметок, которые, впрочем, не могу назвать своими¹⁷⁴.

Часто причина неудачи кроется в деталях; и ошибочное поведение, не исправленное в начале, может нанести ущерб всему развитию.

МЫСЛЬ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ МОГУЩЕСТВОМ. Как нужно понимать ☉, то есть мысль, которая является могуществом?

1) Прежде всего, ее нужно понимать как *сознательное мышление*, как *живое осознание мышления*. Первое, что нужно понять — это то, что обычно у нас нет подлинного *осознания* мышления: мы думаем, имеем мысли, и это все. Следовательно, в первую очередь нужно реализовать СОЗНАТЕЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ.

¹⁷⁴ Некоторые из указаний, которые я советую, могут встретиться в так называемом движении *Neugeist*. См., например, K. O. Schmidt, *Selbst- und Lebensbemeisterung durch Gedankenkraft* и *Wie konzentriere ich mich?* (Baum Verlag, Pfullingen).

В момент покоя полностью сосредоточься на этом твердом знании:

Я МЫСЛЮ!

Заметь, что мышление проявляет то самое могущество БЫТИЯ. Мысля, *существуешь*. То, что держит тебя на ногах и без чего ты упадешь, как несвязанный пучок одушевленных вещей, — это разум; и ты находишься в центре той *силы* и того *единства*, которые позволяют звучать в тебе, полностью пробужденном, магической формуле:

Я МЫСЛЮ! Я СУЩЕСТВУЮ!

2) Сознательное мышление... Но здесь уже понятна вторая степень, потому что ты чувствуешь, что мышление — это СИЛА. Сосредоточься на мышлении со следующим осознанием: «Во мне есть сила, которая является могуществом, которая является приказанием». Ты ощутишь чувство того, что является *интеллектуальной способностью*. Именно здесь находится начало магической силы, а не в обычной «воле». Мышление, интегрированное в сознание — я, которое думает, — обнаруживает высшую форму *действия*: источник очевидности и уверенности, трансформирующихся в ощущение *способности* действовать, а затем — в непосредственную реализующую силу.

3) Это одушевленное мышление внутренней силы является *настоящим*. Сосредоточившись, подумай о том, что является *ложным* мышлением: это нервное, неуверенное, взбудораженное, внешнее мышление, это мышление без последовательности, без энергии, без ясности, мышление половинчатое, отвлеченное, идущее от мысли к мысли, от ощущения к ощущению. Ему противостоит новое чувство мышления — мышления *позитивного*, завершенного, мышления прямого, обладающего решением, обладающего силой, обладающего ясностью цели, без волнения, без неуверенности. Его формы при действии долж-

ны быть *сознательными* — позитивными, спокойными, ритмичными, точными, взвешенными во всех частях.

4) Мышление должно стремиться к цельности, избегать множественности. Мышление реализуется как могущество, когда *одна* мысль господствует над разумом и неутомимо и гибко направляет его к *единственной* цели, почти что заставляя существовать в мире лишь *единственную* вещь. Так мышление становится пластичным и творческим. Хорошо осознавать то, что хочешь, и сосредоточиться на этом, желать пластичный образ непрерывно, гибко, *в унисон со всем своим существом* означает собирать систему тайных сил в возможности реализации.

5) Это сосредоточение должно быть в высшей степени *активным*. К сосредоточению ведут также страх и беспокойство, надежда, желание, гнев; но такое сосредоточение является негативным. Ты же должен *исходить* из *уравновешенного* состояния души и в процессе сосредоточения путем интенсификации и особой экзальтации *питать* мысль, усиливать ее, насыщать ее, поднимать ее, пока не достигнешь того момента, когда почувствуешь: Я МОГУ. В этой связи Элифас Леви говорил, что тот, кто знает два *противоположных* течения «Великого Магического Агента» или «астрального Света», а также обладает искусством их равновесия, обладает ключом от могущества. Это более чем верно.

6) Наконец, мысль, которая является могуществом, — это мысль *свободной души*, мысль, имеющая *солнечный* характер, мысль, которая также является огнем *любви*. Пока ты озабочен только своей личностью и своим Я, своими непосредственными интересами и своими страстями; пока другие существа и вещи для тебя являются посторонней и чужой реальностью и ты находишься в рабстве у инстинктивных реакций на них — до тех пор *ты не свободен* и сила своего разума так же парализована, как твое тело ограничено в пространстве. *Солнечность* же — это сияющее качество; быть свободным означает быть открытым, уметь владеть собой, испускать

течение жизни, которое заставляет *чувствовать* других существ в *симпатии*, даже когда они с тобой враждуют и ненавидят тебя. Пределы отступают. В оккультном смысле даже если ты захочешь убить кого-то, тебе нужно в первую очередь полюбить того, на кого будет направлен твой удар. Но когда открытость души имеет собственный смысл — быть способным *давать*, быть способным обладать собой, передавать свою силу, свой огонь, поднимать и вести вперед, — тогда ты почувствуешь таинственный приток энергий, которые, воздействуя на мышление, дают жизнь, свет и ни с чем не сравнимую уверенность. Такова высшая степень *настоящего* мышления ☉.

Следуй моему совету: на протяжении *недели* вечером в тишине реализуй в полной мере то, что является первым качеством творческого мышления, то есть сознательного мышления. Ярко представь себе все то, что я сказал; выполняй это, пока не поймешь все то, что содержат в себе эти слова. Затем на второй неделе делай то же самое в отношении второго пункта, то есть в отношении *мышления как силы*. То же самое касается всего остального. Если ты будешь выполнять все с серьезным, реальным усилием, эти несколько недель могут реально направить тебя к *пробуждению*. У тебя уже будет чувство правильного направления.

РАССЛАБЛЕНИЕ. Абракас обратил внимание на тот факт, что в магических операциях должно быть исключено все то, что является усилием, а также всякое сопротивление или реакция со стороны тела. Иными словами, нужно прежде всего научиться способности *расслабления* (*détente, Entspannung*).

Чтобы достичь полного расслабления, нужно пройти шаг за шагом — начать сосредотачивать внимание на одном пальце, представляя его инертным, покинутым, мертвым, и позже перейти к оставшимся пальцам, кисти, предплечью, всей руке. Реализуй эту формулу:

«Я вытягиваю всю силу из мышц своей руки. Мышцы крепко спят. Они расслаблены. Я не чувствую свою руку: она спит, она является крепко спящей и расслабленной. Это безжизненная масса».

Таким же образом пройдишь в уме по разным частям ноги, начиная снизу, с тем же внушением, то есть с тем же мысленным приказанием; и почувствуй, как все напряжения растворяются, *почти как снег тает под жаром печи.* Наконец, рассмотри все тело с этой *осознанной* мыслью:

«Все мои мышцы расслаблены. Они расслаблены. Я чувствую себя — я расслаблен. Я спокоен. Я расслаблен».

И затем:

«Я совершенно спокоен. Все во мне растянуто, растворено. Я спокоен, спокоен, ритмическое соотношение, космическая гармония...».

Выполняй эти упражнения добросовестно, пока они не будут удаваться в несколько секунд. Делай их осознанно и усердно. Вскоре ты сможешь в любой момент посредством только лишь мысленного приказания или вызова пластичного ментального образа полностью расслабить свое тело.

БЕЗМОЛВИЕ. После физического расслабления приходит внутреннее расслабление, или Безмолвие. Когда телесные ощущения исчезают, мысли всегда становятся более редкими и вялыми. Поддерживай себя в ожидании без нетерпения, в сознательном покое. Реализуй эту формулу:

«Внешний мир исчез. Есть только я — глубоко в себе... Я молчу. Я спокоен. Я мыслю и чувствую, что я полностью спокоен. Я спокоен, все во мне спокойно. Все во мне спокойно. Бесконечный мир.

Я — свободен — — спокоен...»

После этого ничего больше не думай. Оставайся в таком состоянии. Заставь блистать в сознании некоторые пластичные, яркие образы.

Спокоен — как в далекой, глубокой заброшенной могиле.

Спокоен — как в глубине ясного прозрачного альпийского озера.

Спокоен — как звездная ночь.

Спокоен — как в большом городе под жаром летнего солнца, *пустынном*, спокойном, бесшумном, распростертым в ожидании ночной прохлады.

На самом деле ты находишься в ожидании ночи, в которой встает *духовное солнце* и пробуждается чудо *духовного мира*.

Ум растворен в этой спокойной глубине. И мысль, вызванная в ней и подготовленная согласно герметическому искусству, является *магией*.

ЗА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАГИИ И ЕЕ СИЛАХ

Частое использование в этой книге термина «магия» делает уместным уточнение как того значения, которое мы ему по сути приписываем, так и правомерности этого значения.

Оставляя в стороне современные карикатуры на магические дисциплины, которые, особенно среди англосаксов, стали смешиваться с методами «превращения в сильного человека», обретения «личного магнетизма», достижения «жизненного успеха» и так далее, даже в древнем и традиционном мире слово «магия» часто относилось к достаточно низкому духовному уровню. Оно могло указывать на совокупность методов для использования неких сил за пределами физической области, которое могло даже не иметь никакого духовного характера, как не имеет его использование в соответствующей области сил и возможностей современной техники — вплоть до того, что в некоторых случаях магия могла быть чем-то схожей с профессией, и операции этой мелкой магии могли быть выполнены даже по поручению третьих лиц.

Однако было бы необоснованным истолковывать в этой низшем смысле всю магию: напротив, сразу скажем, что те, кто, исходя из различных точек зрения, склонны ограничивать содержимое термина «магия» именно этим смыслом, демонстрируют определенную тенденциозную однобокость, которую, возможно, они не всегда замечают, но которая тем не менее является реальной.

Даже в области простой терминологии такое ограничение на самом деле не является необходимым. Можно вспомнить, что «магами» называли представителей древнего маздеистского (иранского) культа Бога Света, относительно которых речь заведомо не шла о магии в ограниченном и мелком смысле: напротив, этот термин, видимо, произошел от древнего арийско-иранского корня, который встречается, например, в немецком глаголе *tögen*, означающем *мочь* в широком смысле. Впрочем, обращаясь к той традиции, которая стремилась наделить термин «магия» гаммой всевозможных мрачных смыслов «проклятой науки», скажем, что христианство без каких-либо проблем сохранило термин «маги» для трех загадочных персонажей, приветствовавших рождение Иисуса¹⁷⁵. Даже в Средние века термин «магия» не имел указанного узкого смысла. Он мог прилагаться к тому, что мы сейчас называем «природной магией», которой Агриппа — если не обращаться здесь к другим авторам — противопоставлял небесную магию и божественную магию как дисциплины, имеющие совсем иную цель и достоинство. Роджер Бэкон называл магию «практической метафизикой». Имеет смысл вспомнить достаточно интересное свидетельство — использование итальянским герметиком Чезаре делла Ривьера терминов «магия» и «магический» в своей работе «Магический мир героев», вышедшей в начале XVII века. Здесь магия понимается как синоним искусства тех, кто умеет открыть заново путь к

¹⁷⁵ В старославянском и, соответственно, русском переводе Библии это «волхвы». — *Прим. перев.*

земному раю, чтобы воссоединиться с «Древом Жизни», находящееся в его центре: это очевидным образом намекает на восстановление изначального состояния, на реинтеграцию сил и контакт с «Центром», которые составляют цель подлинной инициации. Интересную деталь — почему, мы увидим ниже — составляет то, что для делла Ривьера «магический мир» тождественен «миру героев», а тех, кто следует магическим путем, он называет «царственными учениками старого Юпитера».

Итак, все это демонстрирует, что можно использовать термин «магия», не смешивая его с эмпирической практикой психических сил, и, напротив, отсылая к «высшей магии», под которой понимается та же целостная инициатическая наука. Можно также согласиться, что к этому значению близко значение более древнего термина *теургия*. Но здесь необходима оговорка, потому что буквально слово «теург» означает как «создателя божественных работ», так и «создателя богов», и во втором случае теургическое искусство могло бы быть искусством придавать форму проявлениям определенных сил, призванных или разбуженных в высшем мире: то есть тем, что более или менее подходит под определение «церемониальной магии», чей духовный уровень ниже той высшей магии, которую мы имеем в виду.

Что касается причины, по которой мы со своей стороны придерживаемся термина «магия», она имеет двойной характер, и сейчас мы ее кратко объясним.

В первую очередь нужно подчеркнуть характер экспериментальной науки и техники, принципиальный на инициатическом пути в общем и отделяющий его от всего того, что является мистицизмом, медиумизмом и подобными вещами. Мимоходом можно отметить, что в совокупности позитивных религий¹⁷⁶ магическая компонента

¹⁷⁶ Автор не объясняет, что он имеет в виду под «позитивной религией». В философии Гегеля это религия, имеющая конкретного исторического основателя и четкую систему правил. — *Прим. перев.*

присутствует во всем том, что является *ритуалом*, обладающим определенным и объективным характером, в противоположность чисто субъективной и психологической области веры, чувств и состояний души.

Вторая причина состоит в том, что, несмотря на все подделки и образы из сказок, в типе мага сохраняется хорошо различимый идеал *духовной мужественности*, который таким же образом присущ типу высшего посвященного, адепта. Маг всегда вызывал в сознании идею о *повелевающем превосходстве*.

Все это может указать на область достаточно важных для нас идей, ибо определяет ту традицию, с которой мы себя ассоциируем. Однако необходимо начать несколько издалека. Достаточно легко признать в совокупности древних цивилизаций присутствие двух достаточно различных традиций, которые можно определить приблизительно как *царскую традицию* и *священническую традицию*. Изначально эти две традиции были одной. В последующий период произошло разделение, которое должно пониматься как разделение двух разных способов представления изначальной духовности и продолжения того, что называется *изначальной традицией*. На этой основе возможны взаимные влияния и взаимное слияние царской и священнической традиций. Однако если в священнике понимать того, кто просто осуществляет связь между человеческим миром и божественным миром, в царе (согласно его изначальному достоинству) нужно понимать того, кто непосредственно является божественным существом, из-за чего он осуществляет функцию посредничества уже в силу своего простого присутствия. Следовательно, нужно признать, что царская традиция ближе к изначальной традиции и отсюда к высшему идеалу адепта. Это первенство предстает труднооспариваемым для того, кто помнит то, что традиционная царская власть представляла собой, например, в Египте, Иране, Китае, у инков, в Японии, в том же Древнем Риме. Касательно этого последнего будет бесполезным

вспомнить, что титул *pontifex maximus* был царским титулом, титулом *августа*, римского императора (уже в самом начале римской истории), и что католичество, приняв его и применив его к главе священнической иерархии, совершило почти что узурпацию. Так как магическое достоинство спонтанно заставляет думать о духовной мужественности и повелевающим превосходстве, очевидна его связь с традицией инициатического царственного достоинства, как очевидно и обратное — этой традиции свойственно, так сказать, узаконивать это магическое достоинство и присуждать ему полноту смысла по сравнению с ограниченными горизонтами, свойственным всякой духовности священнического типа. То, что традиция инициатического царственного достоинства уже долгое время как угасла — если говорить об адептах, являющихся в то же время видимыми главами народов и государств — мало о чем говорит: тайная традиция инициатического царственного достоинства существовала и существует в надлежащем месте, как традиция инициации в общем. Неслучайно в герметизме говорится о «Царском искусстве» и *rex physicorum*¹⁷⁷, что розенкрейцеры ссылались на *Императора* и что даже в выродившихся остатках и подделках масонства наших дней присутствует достоинство, связанное с идеей «Священной Империи».

Но существуют и другие аспекты этого вопроса. Первый касается квалификации: она не одинакова для царского достоинства и для священнического. Для первого в данном вопросе прежде всего очевидна принадлежность к духовной расе *воина* и *героя*. Существует достаточно показательная традиция, абсолютно подходящая к порядку изложенных здесь идей: на традиционное учение о четырех эпохах, соответствующих отдельным фазам упадка и инволюции, свойственным позднему периоду в истории человечества, указывает Гесиод. Он явно не произвольно, а с отсылкой к идеям Древней Эллады на-

¹⁷⁷ Царь физических вещей (лат.) — Прим. перев.

зывает то поколение, которому Юпитер-Зевс дал возможность вновь приобщиться к изначальному состоянию, несмотря на приближение последней эпохи (или «железного века»), поколением героев; это приобщение соответствует инициатической реинтеграции. Теперь понятно, почему делла Ривьера говорил о «героях», о «царственных учениках старого Юпитера» (Юпитер всегда считался богом царской власти) и «магическом мире героев», и почему мы считаем важным привлечь внимание к этому свидетельству поддержки традиционного и ортодоксального характера подобного порядка идей, которое, впрочем, не является единственным.

Еще один аспект связан со следующим немаловажным моментом: высшим пределом, если его так можно его назвать, священнической традиции является аскеза чистого созерцания, а также ориентация духа, отдающая предпочтение области знания перед областью действия. Естественно, в высших сферах духа эти различия не могут не уменьшаться, и в этом случае говорят о знании — при условии, что присутствует отсылка к инициатической области — подразумевая также и реализацию. Термин *теория* в своем изначальном значении в греческом языке часто совпадал с «созерцанием», подразумевая, в противоположность более поздним значениям, нечто активное, деяние чистой мысли. Однако это не препятствует существованию определенной разницы по меньшей мере в том, что касается акцентов, и тот, кто настаивает на пути знания, склоняясь к требованию его первенства, перед лицом магического пути испытывает то же недоверие и, можно сказать, тот же *animus*¹⁷⁸, который священник испытывает перед лицом царственного адепта.

На более низком уровне самый типичный случай этого *animus* встречается в христианстве. Христианство является одной из наиболее односторонних священнических традиций, в итоге почти что полностью ставшей про-

¹⁷⁸ Здесь: чувство, ощущение (лат.) — *Прим. перев.*

стой религией, лишенной всякого эзотеризма. Обличение христианством всего того, что имеет привкус «магии», всегда было сколь определенным, столь и симптоматичным. В итоге в понятии «магии» и «дьявольских искусств» оно без колебаний свалило в кучу в том числе все то, что связано с миром инициации. Но даже на высшем уровне вполне хватает тех, кто, полностью признавая смысл и достоинство инициатического пути, понимает этот путь односторонне в смысле «знания» и склонен более или менее дискредитировать понятие магии, пытаясь ограничить ее областью науки о манипуляции тонкими силами, самой по себе не представляющей большого интереса. Тем не менее, изложенное нами демонстрирует произвольность такое ограничения, а также влияние, которому повинуются настаивающие на нем, в то же время подтверждая правомерность использования термина «магия» в качестве синонима *ars regia* и инициатической науки о Я.

* * *

После этих соображений теоретического характера мы хотели бы уточнить некоторые частные моменты в магической области и относительно инициатического понятия о могуществах.

1. Инициатическая максима гласит: «*не ищи силу — сила должна искать тебя*». В нашей традиции сила является *женщиной*. Она ищет центр, и тот, кто умеет предоставить ей этот центр при помощи собственного *упорства*, собственного *отречения* (мы надеемся, что здесь нас понимают правильно), собственной *твердости*, созданной господством над душой, уединением, сопротивлением — к тому она обязательно присоединяется и повинуется ему, как своему *мужчине*. Как вода в своем течении естественным образом формирует водовороты вокруг твердых опор, таким же образом вокруг того, кто делает своим такой способ *существования*, спонтанно формируется аура как сила, которая несется вперед и не оглядывается

на себя. *Существование* является условием силы, а притягивает ее бесстрашие (почти что холодность), которое не смотрит на нее. От *желания* же силы она уклоняется, как женщина от похотливых объятий слабого любовника.

2. Тот, кто понимает это, понимает и природу постоянной опасности, связанной с могуществами. Всякое могущество для Я подобно вихрю тонкой силы, зафиксированной и связанной своим «центральным» качеством. Когда исчезает твердость, то есть *существо*, из-за которого могущество притягивается к посвященному и повинует ему, оно сбивает его с ног. В подобных случаях последствием обычно является отбрасывание в более низкое состояние по сравнению с начальным. Могущества преобразуются в существа, которые *овладевают* тем, кто пал.

3. Иногда говорят об «отказе от сил». Это такая же ерунда, как и «отказ от нирваны», о котором равным образом говорят в некоторых теософских кругах. Нирвана — это не местопребывание, в которое можно войти или не войти по своему желанию. Нирвана — это *состояние*, и когда оно реализовано, невозможно «отказаться от нее» в силу того простого факта, что она составляет, раз и навсегда, составную часть существа. Таким же образом можно говорить об отказе от *использования* сил — что эквивалентно обладанию силой в состоянии простой возможности, но отказ от сил не имеет смысла, потому что они естественным образом связаны с метафизическим достоинством посвященного и некоторым образом являются его миропомазанием; поэтому силы можно отвергнуть только тогда, когда от этого достоинства можно отречься — а это невозможно по той же причине, что и в случае с нирваной.

Во всяком случае очевидно, что силы, которые все не столь желательны, как представляют себе профаны, имеют такой характер, что тот, кто обладает ими, не стремясь к этому, отказался бы от них, если бы мог. Аналогией здесь будут высшие должности и посты в мире людей, влекущие за собой не только риск, но также и

высшую степень усердия и ответственности: в первую очередь ответственности перед самим собой.

4. Привлекательность магических сил для обычных умов основывается на грубом недоразумении: человек со своими разнообразными желаниями, целями, страстями и интересами мыслится наделенным некими силами, тогда как субъект этих сил, магический человек, — это существо, отличное от первого. Оно не имеет с этим первым ничего общего, и именно это реальное изменение состояния и дало ему в руки эти силы (это имеет значение по меньшей мере для области высшей магии; в той магии, которую без какого-либо морализма мы можем назвать черной магией и более или менее колдовством, все может обстоять иначе). Большая часть того, что обычный человек может желать делать и достигать при помощи «сил», почти полностью прекращает вызывать интерес того, кто достиг состояния, дарующего ему реальное обладание оными. Это правило выполняется тем строже, чем выше ты поднимаешься (или погружаешься в глубины: это то же самое, сказанное иначе), и является причиной того, что те, кто могут больше, меньше это демонстрируют.

5. У многих людей сохраняется просто детское понятие о магическом действии как о чем-то, почти что не связанном с причинностью — как у волшебной палочки из сказок, которая *ipso facto* автоматически производит тот или иной эффект. Но даже если говорить не о волшебных палочках, а о таинственных формулах или тайных знаках, обладающих аналогичной силой, это не сильно меняет перспективу. Мимоходом мы хотим подчеркнуть, что для примера подобных ситуаций стоит обращаться не к миру истинной магии, а скорее к миру современной техники: способность заставить прыгнуть в воздух скалу, нажав переключатель рубильника, или даже просто брызгать огнем, чиркая спичкой — это по своей сути именно такое действие: здесь есть я и производимый мной эффект, вызываемый автоматически, «магически», при помощи силы, которая не является моей, которая мне

совершенно непонятна и чужда независимо от того, как хорошо я бы мог отточить это действие, или, лучше сказать, *навык*. Кроме того, подобная магия техники допускает возможности, которые в силу того, что было продемонстрировано в предыдущем пункте, высшая магия исключает: ее можно использовать безотносительно какого-либо желания или цели какого бы то ни было индивида.

Напротив, с точки зрения внутреннего опыта подлинно магический акт является противоположностью чуда, если считать чудо непонятным и поразительным явлением. Он происходит из состояния абсолютной *очевидности сознания* и неотделим от ощущения прямой, реальной причинности, *силы*, непосредственно выливающейся в следствие. Это следствие реализуется в качестве функции своих причин, и причина отождествляется с *состоянием* интегрированной жизни и ее достижениями. Мы уже говорили об этом, когда рассматривали инициатическое понимание знания.

Здесь остается только добавить, что формулы, ритуалы и знаки, изначально служившие только для поддержки и помощи действиям, имевшим магический смысл, из-за вырождения могут передаваться уже без их понимания. Это не препятствует тому, что в силу всех связанных с ними тонких факторов и реакций, безразличных к личности оператора (это то, о чем реально идет речь в тех случаях, в которых считается, что все сводится к силе самовнушения и средствам ее создания), использование этих переданных магических инструментов в определенных обстоятельствах может по-прежнему производить те же самые следствия — следствия, которые можно считать «магическими» в плохом и «чудесном» смысле именно потому, что в подобных случаях причинная связь во многом ускользает от ясного сознания.

6. Вышеописанное вновь приводит нас к операциям, являющимся как раз упражнением сил и не имеют исключительно инициатической цели. И нужно согласиться, что различные наставления по магии, сообщаемые

на страницах этой книги, относятся к этому уровню, или, по меньшей мере, могут к нему относиться. Можно ли следовать правильным путем, совершая операции этого рода? То, что говорится в пункте 4, сохраняет свою силу; однако можно понять и промежуточную фазу, в которой магический опыт может иметь смысл и ценность своего рода *спорта* — не в плохом смысле, а как тренировка сил и органов, чей уровень не является физическим и телесным, для того, кто начинает вести двойную жизнь — жизнь в видимом и невидимом. Здесь нужно добавить, что, как здоровый спорт развивает качества дисциплины, смелости, упорства, ясного владения ситуацией, аналогичные способности развиваются — естественно, в более высоком качестве и мере — в действиях и опытах, о которых идет речь; и эти способности не могут не помогать инициатической реализации в собственном смысле. Остается только суметь понять тот предел, за которым, как и в физическом спорте, заканчивается развитие и начинается отклонение, где самоценность придается тем вещам, которые обладают ей лишь случайно.

Поставим, наконец, последний вопрос. Мыслимо ли использование силы, когда она не понимается в смысле пункта 4 (то есть личного удовлетворения человеческих желаний и страстей), а также не имеет случайной цели и подчинена тому, о чем мы говорили только что? На этот вопрос можно ответить утвердительно. В первую очередь это касается инициатического пути и по-настоящему трансцендентного уровня, потому что существуют определенные традиции, в которых способность *действовать* составляет испытание, превосхождение которого ведет к «пассивному тождеству», свойственному некоему виду космически-экстатического блаженства, и к «активному тождеству», являющимся подлинной инициатической и «царской» реализацией Высшего Принципа. Об этом испытании говорится в некоторых эзотерических исламских учениях; в индийской традиции его смысл объяснил бог Кришна, когда в «Бхагавад-Гите» (IV, 6; IX, 8) сказал:

«Во мне все миры уже завершены; владычествуя над своей природой, я проявляюсь среди существ и действую»¹⁷⁹.

Последняя возможность, которую нужно рассмотреть — это возможность действий, осуществляемых не на пути выполнения — на котором, по сути, возвращается та же самая описанная возможность, хотя и составляет его последний этап, — а адептом, который уже прошел этот путь. Но о подобных возможных действиях мало что можно сказать, ибо они в принципе ускользают от человеческих мер и мотивов. Определенно то, что в их основе не могут лежать страсти и какие-то частные цели; даже понятия «добра» и «зла» не могут формировать их, ибо эти понятия и их противоположности равным образом принадлежат человеческой сфере. То, что имеет качество *центра* и «неизменной середины», равным образом далеко от первого и второго, от «добра» и «зла», и та же природа должна наполнять неиндивидуальные действия тех, кто реализовал объединение своей сущности с «Центром».

АБРАКСАС МАГИЯ ОБРАЗА

В существе, ставшим *живым*, разум уже не является «мышлением». При помощи мгновенных *образов* действие *определяет* реальность. При помощи образов маг создает, уничтожает и преобразует в материю чувства и ощущения в себе; при помощи образов он воздействует на собственный организм; при помощи образов он воздействует на других. Материальные действия и «волю» людей он замещает силой образа.

Но прежде всего необходимо пробудиться к *скорости без времени* при ощущении, при понимании, при остановке, при вмешательстве. Сомнамбулическая медли-

¹⁷⁹ Таков подлинный смысл того, что в области серьезной доктрины может соответствовать указанному «отказу от нирваны».

тельность делает обычное сознание инертным, тупым. Сознание избегает *действия* — оно открывает глаза только тогда, когда уже существует «осадок» *факта* (вещь, ощущение, материальное движение), и поэтому то, что оно воспринимает — это тень явления, мир сознания-констатации, а не *действия* (магия).

В этом же смысле ты понимаешь тот мир, который ты называешь «внутренним» — как внешнюю оболочку явления, обладающую лунным характером; ты не знаешь его *образ* и проживаешь действие как образ: его *действие* слишком быстро, и ты при нем не присутствуешь. Следовательно, оно является простым отзвуком, или «предстает» само по себе, или может быть только «вызвано». Тебе не знакома *творящая* связь, при помощи которой ты можешь действовать из глубины (*imago = imo ago*).

Чтобы воспринять эту скорость того, что уже не является «физическим», разум должен суметь освободиться от мозга. Следовательно, нужно найти условия переноса из головы в «сердце», о котором уже было сказано выше. Это также «баня», растворяющая и освобождающая «Золото», извлекая герметические *крылья* — среди прочих символ как раз *скорости*, которая соответствует также символу *антилопы*, а в индийском эзотеризме — тонкому «центру» сердца.

Ты уже знаешь, что этот «спуск» ведет к восприятию «тонкого» и «летучего». Но «тонкое» — это *второе измерение в глубине* реальности — там, где она является уже не материей, не чем-то внешним, расположенным в пространстве и времени, не дискурсивным мышлением, а активностью, ритмом. Ты «*воскресаешь обратно*». Ты более не очарован *спектаклем* вещей и идей, ты можешь отделиться и воспринимать их до того, как они подействуют на чувства.

Воля — это усилие; желание — это склонность к тому, чего не имеешь; сила — это среднее между целью и реальностью, в которой она пытается осуществиться, победив сопротивление. В магическом же образе нет ни

усилия, ни склонности, ни интервала осуществления: есть действие, являющееся знанием, и знание, являющееся действием; замысел и реализация *ipso facto*. У него нет будущего, и он быстрее противоположностей; его закон — это ЕСТЬ — приказание-присутствие.

* * *

Прежде всего при помощи образов ты можешь оставаться твердым по отношению к чувствам и волнениям, которые будут нисходить на тебя, борющийся ученик. Если жажда, страх, гнев, ощущение, гнев, похоть обнаруживаются в твоей душе, в твоих чувствах и в твоей воле, отойди назад и *зафиксируй* чувство в образе: воздействуй на него, и ментальное действие произведет трансформацию и аннигиляцию в соответствующей стихии. Например («Мадджхима-никая», XX):

«Подобно тому, как молодая девушка или молодой человек, увидев висящим на своей шее труп змеи, собаки или человека, содрогнулись бы от ужаса, и тотчас сорвали бы ее с себя и выкинули прочь».

Сильное волнение сразу же объединяется с образом трупа, и ум производит ужас и действие по его срыванию и отбрасыванию. Когда ментальное действие усиливается в материальном действии, оно порождает ритуальную и символическую практику, о которой я расскажу в другой раз, хотя о ее смысле уже можно догадаться. Например, в горах Северной Африки встречаются каменные насыпи, считающиеся насыщенными вредоносной силой: это состояния, созданные материализацией ментального действия, при котором зафиксированное в образе камня усилие по восхождению сбрасывается с себя посредством отбрасывания этого самого камня.

Нужно гибко принимать отрицательные, разочаровывающие, отвлекающие или просто нежелательные мысли или образы, и сразу же реализовывать действие руки, извлекающей и отбрасывающей их как занозы. А

если этот элемент уже внедрился и впитался в твою силу, «как сильный человек хватается за голову или за плечи более слабого, нагибает его, валит его, крепко держит его под собой». Зафиксируй горе, недомогание или утомление в образе хлопьев снега, тающих при контакте с массой раскаленного добела металла. Волнение, беспокойство, желанья, мыслительная лихорадка — это тень от дыма, рассеивающаяся от огня разума в ясном, чистом, голубом небе. Ум фиксируется посредством образа кулака, сжимающего маленькое животное, пока оно не станет твердым и неподвижным; или образа дрожащей и позже остановленной стрелы, попавшей в доску; образа всегда присутствующего стального засова, останавливающего любую реакцию; или руки, которая систематически возвращает на свое место — в центр — нестабильный ум, убегающий посредством невольной ассоциации мыслей.

Чтобы растворить душу, используй образ чистого неба, воздуха; или же следующий: «мудрецы становятся безмятежными, как пруд, глубокий, чистый и прозрачный» (*Дхаммапада*, VI, 82) — или вот: «все желанья текут в нем, как воды впадают в великое море, которое, постоянно наполняясь, остается неизменным» (*Бхагавад-Гита*, II, 70) — или еще: «Как светильник не мерцает в безветренном месте» (*ibid.*, VI, 19). К этому последнему образу можно перейти путем *трансформации* образа огня, еще одетого в дым и подвижного: фиксируется его возможное начальное состояние, нарушенное еще не обузданными изменениями.

В первую очередь необходимо остановить мысль или чувство еще при его появлении. Ухвати его на лету, прежде чем оно сойдет на землю в твоей душе и распространится. Опреди его и задуши в зародыше. Стань гибким, податливым, готовым отделиться и уклониться.

Во-вторых, эта практика в значительной степени подготовит тебя к приготовлению Кадуцея: эмоциональное состояние делает из флюидического меркурия ♀, который *фиксируется* в образе, который зажигается мен-

тальным действием ☉: то есть все зависит от сплава, как быстрого, так и полного, чувства и образа, и от *активной* способности удерживать его перед лицом этого последнего, на котором, как пучок солнечных лучей, собранный в огне линзы, должен сосредоточиться весь ум.

В теургических инвокациях различные образы, выражающие атрибуты, отсылающие к интенсивности или божественности, актуализируются во флюидическом чувстве всей собственной сущности. Ум будет переходить от одного образа к другому в ряду трансформаций, направленных на создание экзальтации, необходимой для создания симпатии и коммуникации.

Общий образ великой силы — это образ темного тела, которое поглощается и падает, уступая место телу, созданному из лучистого света и славной силы. На самом деле этот образ сияет во все моменты внезапной, смертельной опасности, в моменты, слишком стремительные, чтобы обычное человеческое сознание могло их воспринять; он вновь восстает, восстанавливается и передает силу в организм, когда он покидает себя и погружается в сон. Есть и другой образ этого великого могущества, который может подавлять неблагоприятные силы даже в теле: это образ гигантского скелета, белого и созданного из молний.

Если ты будешь продолжать эти практики, в тебе все более отчетливо будет восставать знание, что мысли и чувства являются не бесплотными и «духовными», плавающими в воздухе вещами, а почти что осязаемыми движущимися объектами, которыми можно управлять, перемещать, класть, нагружать и разгружать, которые могут падать, и что у каждого из них есть своя собственная форма, которая при некоторых условиях может быть даже *видимой*.

Магические образы можно изобретать, но ты поймешь, насколько более эффективны те образы, которые по форме и реальным знакам близки к тем состояниям, которые они фиксируют. Следовательно, тот, кто *видит*, может подсказывать образы, которые наделяют ментальную магию более сильным рычагом; и он также знает

символы, которые, будучи пластично реализованными посредством воображения, формируют и наполняют эту магию таким образом, чтобы привести к реальному контакту с силами, соответствующим этим символам. Например, медленное восхождение Луны на горизонте, и Солнце, которое поднимается, рассеивая туман ночи, являются двумя образами-путями общения с космическими силами соответственно разрушения и создания. Чувства Света и Огня, вызванные при сосредоточении, благоприступствуют опыту двух аспектов тонкого тела; и так далее.

Устранив из чувств и воли все то, что является жаждой или неприязнью, симпатией или антипатией, манией утверждения, привязанностью, эгоизмом и инстинктивной реакцией, обладая твердой, спокойной, сосредоточенной, бесстрастной душой, маг высшим взором замечает в виде *образов* те чувства, которые снизошли на него, как и чувства людей, на которых сосредоточен его взгляд. На эти образы он может воздействовать непосредственно: его уму достаточно принимать и трансформировать их; достаточно, что его глаз посредством приказа видоизменяет их, чтобы оккультным и точным образом произвести соответствующее изменение в душе другой личности.

Также, если он того хочет, он может вызывать в себе образ данного ощущения, воспламенить его и насытить своим флюидом; если затем, сосредоточив ум на другой личности и осуществив действие перестановки, он увидит этот образ в сердце данной личности, в нее будет передано это самое чувство или состояние.

Эти операции возможны даже тогда, когда дело еще не дошло до зрения и речь идет о нереальных образах — то есть соответствующих не реальным «сигнатурам», а изобретенным: при условии, что они обладают достаточной впечатляющей и аналогичной силой, что можно *зафиксировать* в них соответствующую стихию и, наконец, что действие не заходит слишком глубоко во избежание слишком энергичного сопротивления.

Наконец, в своей высшей силе, образ колеблется, пылает и вызывает воскрешение в мире природных вещей.

Сущностью природы является *жажда* ∇.

В уме и в сознательной воле целью движения является идея, нечто, что может быть, но пока не существует: это *возможность*, которую нужно реализовать. Но на смену жажде приходит отождествление, темное уподобление, необходимость. Она всегда приближает действие к реализации, к которой она тяготеет: длительность движения уменьшается, возможность смешивается со склонностью, а склонность — с действием. С постепенным уменьшением промежутка, отделяющего движение от ее цели, мысль уже не отделяется, а смешивается, устремляется в действие и в объект: она все более принимает форму сущности, становится самой сущностью. Ничто более не разделяет действующего и действие, идеальное и реальное, субъект и объект. Разум, погружающийся в свое действие, превращающийся в сплошное усилие и таким образом ставший инстинктом, механизмом, автоматизмом, дрожащей и судорожной силой, впитавшейся в свой объект — *такова глубинная суть того, что предстает перед тобой как природа*. В природе происходит уподобление цели началу действия, деградация свободы в механичность; это падение стихийных разумов, полностью потерявшихся в слепой склонности упорствовать в самом действии, которое их составляет, в сущности их «образов». Заключенные в тюрьму в материальных вещах, спят знаки и символы, глубокие образы света, движения силы и просвещения, затемненные и распятые в сфере рока законом жажды¹⁸⁰.

И то же самое сжатие и ускорение, из-за которого мысль, растворенная в сфере свободы, нисходит в ощу-

¹⁸⁰ См. F. Ravaisson, *De l'Habitude*, Paris, 1927, pp. 36–40, 44–45, 47, 50–51, 60.

щение, инстинкт, природу — это скорость без времени *действий*, пересекающих разум, но восприятие не может заметить и задержать их. Из-за этого разум не видит, что *факты* — вещи, существа, уже обретшие некую внешнюю форму (существование, *ex-sistenza*), — а также материальные движения в своей последовательности — являются *осадками* (в химическом смысле) тонкого мира.

Но когда ты дойдешь до остановки в самом себе жажды, страстного желания, темной склонности, иррационального усилия, господствующего над твоей глубиной сущностью — и приспособишь свое понимание и вмешательство к *магической* скорости — тогда ты сможешь обратиться к аналогичной реализации в сфере природы. Ты сможешь останавливать в своем духе действия сущностей до того, как они осядут в форме материальных вещей, и перед тобой предстанет уже не мир материи, а мир *образов*, и объектом твоего знания будут действия, а не страсти. В твоем «Да» (любовь, согласие) будут жить темные силы сущностей, преобразованные в своего рода интеллектуальные действия. В своем «Нет» (противостояние, господство) в результате проекции своей силы ☉ в образы, управляющие телом желания ♀ сущности, ты создашь трансцендентальную трансформацию, которая будет переведена в невидимое следствие твоего приказа от имени того, что в области природы зависит от этой сущности. Ибо твое освящение Растворения, Искоренения, Ускользания — это сила свободы, которая навязывается демонизму, законам необходимости сил, составленных из жажды, и останавливает их.

Так мало-помалу ты *зафиксируешь* себя самого, вырвавшись из «Вод», вырастишь свою способность прерывать и удерживать в их тонком состоянии различные энергии и впечатления; и в тебе естественным путем будут появляться соответствующие образы, а не представления отраженных феноменов и не явления, извлеченные из физических чувств. Сначала это будут образы твоего внутреннего психологического мира — мысли и чувства,

и твой собственный «образ». Глубже — образы, погруженные в органы и деятельность твоего тела. Еще глубже — знаки царств, сил и природных и звездных влияний, Двенадцати и Семи.

Итак, если тебе дано будет достичь состояния адепта, ничто более не будет действовать на тебя непосредственно и случайно. Все будет представляться в первую очередь в мгновенном проявлении образа, который пытается быть принятым и желанным: усталость, любовь, недуг, сон и то, что просыпается и восстает из подземного царства инстинкта и физиологического автоматизма. И согласно закону необходимости произойдет только то, образу чего ты позволишь победить; то, чей образ твой ум не сможет поддержать в себе, чтобы преобразовать его темную демоническую природу, слепую спонтанность, в *Солнце*.

ПЬЕТРО НЕГРИ
**ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ АНДРОГИН
И ИТАЛЬЯНСКИЙ АЛХИМИЧЕСКИЙ
СВИНЦОВЫЙ КОДЕКС**

В 1910 г. увидела свет брошюра, озаглавленная «*Небольшая книга об Алхимии на свинцовых пластинах XIV века*. Хранится в Библиотеке покойного проф. Шипионе Лапи. Опубликована с введением, примечаниями и 13 иллюстрациями Анджело Маринелли, с вступлением проф. Чезаре Аннибальди, г. Кастелло, типография Стабилименто Ш. Лапи, 1910, в 8° 62 стр.».

Оригинальный свинцовый кодекс — это «небольшая книга прямоугольной формы из 36 страниц, пронумерованных на *лицевой* и на *обратной* стороне, на пластинах из свинца толщиной примерно один миллиметр». Для Маринелли и для Аннибальди эта книга, без сомнения, принадлежит XIV столетию; но Карбонелли, который писал об этой книге в своей работе (Giovanni Carbonelli, *Sulle fonti storiche della Chimica e dell'Alchimia*

in Italia, Roma, 1925) и связывал ее с другим схожим свинцовым кодексом, сохранившимся во флорентийском дипломатическом архиве, считает, что оба кодекса восходят к той же самой эпохе, и говорит, что они обладают признаками, относящими их к первой половине XVI века. Мы полагаем (и изложим на то причины), что по меньшей мере в случае книги, опубликованной Маринелли, речь идет о работе еще более поздней, а точнее — принадлежащей первой половине XVII века. И вторая книга, на которую обращал внимание в 1859 году Чезаре Гуасти в своей лекции, содержащейся в его «Работах» (*Opere*, vol. III, parte I, pp. 93–102, Prato, 1896), не сильно отстоит от нее по времени. Этот вопрос в связи с содержимым книги касается не просто эрудиции; среди прочего, он связан с достаточно сложным и противоречивым вопросом исторической природы — вопросом связей между герметизмом и масонством.

На обложке книги с граненой обратной стороной в центре первой страницы виден образ солнца с человеческим лицом, обрамленный чередующимися лучами — некоторые из них прямые, некоторые изогнутые. На четвертой странице в центре находится изображение серповидной луны с человеческим лицом с заостренной бордой. Текст книги прерывается иллюстрациями, воспроизведенными (но не фотографически) Маринелли. Обращаясь к брошюре Маринелли за частностями, кратко опишем эти иллюстрации, следуя порядку контекста, и постепенно воспроизводя текст самой книги.

На первой пластине изображена богато украшенная карета, влекомая на облака четверкой лошадей, в которой сидит полностью одетая человеческая фигура. Ее голова окружена лучистым ореолом. Эта фигура одной рукой держит поводья, а во второй ее руке — кнут с многими концами. У нее безбородое лицо. Как считает Маринелли, это изображение зари в своей карете, освещенной солнцем, которая можно заметить вверху справа.

В нижней части иллюстрации находится выражение «*Pater eius est Sol; mater eius est Luna*», взятое из «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу, «Отцу Философов». Что до повозки, которую несут четыре коня, она заставляет думать о «Триумфальной колеснице Антимония» (1604) Василия Валентина, а также о «*Auriga ad quadrigam auriferam*» Николя Барно (1601). Очевидно и абсолютно сообразно манерам и обычаям герметиков этимологически неверное сближение слова *auriga*¹⁸¹ со словом *aurum*¹⁸² (слово *auriga* связано с санскритским *arv* = конь, бегун), но во времена Барно оно должно было казаться неоспоримым и наводящим на размышления. Четыре коня изображают четыре стихии: поводья указывают на то, что все происходит не на земле, а на небе, то есть что нужно обращать внимание не на материальный смысл, а на духовный¹⁸³.

На странице 2 изображен бородатый и полунагой человек с косой для сена, сидящий на пригорке у дерева. Под грудью он несет знак Сатурна, а внизу пластины выгравировано: *Hic est pater, et mater eius, sive lapis noster et philosophurum* (это его отец и его мать, то есть наш камень и камень философов). То, что речь идет о Сатурне, подтверждается косой: Сатурн на самом деле является итальянским божеством посевов (*ab satu dictus Saturnus* — Варрон¹⁸⁴), он носит косу для сбора побегов. Вовсе не удивительно встретить Сатурн в самом начале, если подумать о *царстве Сатурна в Золотом веке*.

Алхимически Сатурн является свинцом, то есть тем самым металлом, из которого на материальном уровне сделан этот кодекс — как и другой кодекс, о котором мы упоминали. Древнеегипетскими алхимиками свинец считался породителем других металлов; его имя прилагалось

¹⁸¹ Возничий (лат.) — *Прим. перев.*

¹⁸² Золото (лат.) — *Прим. перев.*

¹⁸³ Это также может означать, что речь идет об операциях и стихиях, отсылающих к тонкому плану. — *Прим. гр. «Ур».*

¹⁸⁴ Сатурн назван так от сеянца (лат.) — *Прим. перев.*

также ко всякому металлу или белому и плавкому сплаву, то есть сплаву с оловом (белый свинец), сплавам свинца и олова, а также с сурьмой, цинком и т. п. Наш свинец — это тот свинец, который Плиний и древние называли черным (и отсюда, кажется, также этимологически происходит само слово «свинец», *plumbo*) в противоположность белому свинцу, то есть олову. Минералы свинца часто сереброносны, и воздействие на них казалось имитацией и поддержкой природы в ее работе по трансмутации. Значительный специфический вес металла, медлительность движения планеты Сатурн, самой медленной из всех (Уран и Нептун еще не были известны), сделало свинец естественным символом всего того, что в нас является плотным, медлительным и тяжелым, то есть всего телесного организма. Это устойчивое соответствие — не просто наше предположение, а непреложный факт, как вытекает, например, из следующего древнего стиха на французском:

*Il est une partie dans l'homme
Dont le nom six lettres consomme.
Si tu y vas un P adjoignant
Puis l'S en M permutant
Tu trouveras sans nul ambages
Le vray nom du sujet des Sages.*¹⁸⁵

Третий рисунок нашей герметической книги представляет *Rebis* или герметического гермафродита.

Этот символ — возможно, важнейший символ герметизма — восходит, от алхимика к алхимику, к Зосиме Панополитанскому, посвященному в мистерии Египта конца III в. — начала IV в. н.э. «Это божественная и великая тайна», — говорит Зосима, — «предмет, что ты ищешь. Это — всё. От него [происходит] всё, и из-за него [сущест-

¹⁸⁵ «В человеке есть одна часть, чье имя содержит шесть букв. Если ты добавишь Р, а затем превратишь S в М, ты без проблем отыщешь подлинное имя материи Мудрецов» (фр.) — *Прим. перев.*

ует] всё. Две природы, одна сущность; ибо одна притягивает другую, и одна господствует над другой. Это серебряная вода (ἀργύριον ὕδωρ), гермафродит (ἀρσενόθηλου, из ἄρρεν = мужской и θήλυς = женский), то, что всегда ускользает, то, что притягивается к своим собственным элементам. Это Божественная Вода, которую не знал весь мир, природу которой трудно созерцать, ибо это ни металл, ни вечно движущаяся вода, ни (металлическое) тело; над ней нет господства» (*Collection des Anciens Alchimistes Grecs* pub. par M. Berthelot, Paris, 1888; Vol. III, p. 146; из Ms. 299 Библиотеки Сан-Марко Венеции XI в.). Как видно, у Зосимы этот андрогинный характер отсылает к ртути.

Этот символ вновь появляется в самых древних латинских алхимических текстах Средних веков, которые являются лишь переводами или непосредственными производными арабских или иудейско-арабских текстов, и получает там разные наименования: «Магнезия», «камень Diabessi», и среди них редкое обозначение *Rebis*, или *Res bis*, двойная вещь. Так в текстах, приписываемых Росино (возможно, искажение имени Зосимы), определенно предшествующих 1330 г. (потому что Росино цитирует Пьетро Боно ди Пола в 1330 г.) сказано: «Итак, возьми из камня, где бы ты его ни нашел, который называется *Rebis*..., то есть *binas res*, две вещи, то есть влажная и холодная, сухая и горячая» (*Rosini ad Sarratantam episcopum // Auriferae Artis quam Chemiam vocant antiquissimi authores, sive Turba Philosophorum*, Basilea, 1572, pp. 333–334). Алхимик Ричард Английский, современник Пьетро Боно, говорит: «Камень — это одно, одно лекарство, которое согласно Философам называется *Rebis*, то есть двойная вещь (*res bina*), то есть из тела и белого или красного духа» (*Richardi Anglici, Correctorium // Theat. Chemicum*; 1602, Vol. II, p. 453). Лоренцо Вентура из Венеции говорит, что «эта вещь, из которой делается камень, назван *Rebis*, то есть *res bis* вместе... На самом деле он состоит из двух — из семени мужчины и менструации женщины, то есть рождается из красного и белого...»

(Laurentii Venturae Veneti, *Liber de conficiendi lapidis philosophicis ratione* // *Theat. Chem.*; II, 286, первое издание, 1602. Встречается также в собрании Гратаролы, 1561). Этот перечень герметических авторов, которые говорят о Rebis, можно легко продолжить; упомянем еще Гастона Клавеуса (*Apologia Chrysopeia* // *Theat. Chem.* II, 46, ediz. 1602), Филалета (*Introitus apertus...*, Amsterdam, 1667, p. 63, cap. XXIV) и Иринея Филалета (*Enarratio methodica trium Gebri medicinarum...*, Amsterdam, 1678, p. 13).

Начиная со второй половины XVI в. в герметических книгах и рукописях также появляются многочисленные графические представления Rebis — все в форме андрогина. Я должен кратко рассказать о них, чтобы изучить их варианты и установить происхождение и время андрогина, изображенного в герметической книге.

Самое древнее, насколько можно утверждать, из этих изображений содержится во втором издании (1593) *Arte aurifera*; она воспроизведена также в третьем издании (1610). Второй том этой работы содержит текст *Rosarium Philosophorum*, ошибочно приписанный Арнальдо де Вилланова, также включенный в *Biblioteca Chemica Curiosa* (II, 87) Манже (но без изображений) как работа неизвестного автора. Речь идет об одной из алхимических работ XIV века — производном (если не переводе) от арабских или арабо-иудейских текстов. Десятое изображение (*Artis auriferae quam Chemiam vocant*, Basilea, 1593, II, 291; и 1610, II, p. 190) представляет (см. наш рис. 1) герметического андрогина, стоящего прямо на ногах над серповидной луной; за спиной у него крылья, в правой руке он держит чашу, из которой появляются головы и шеи трех маленьких змей, а в левой руке — извивающуюся змею. Внизу с правой стороны мы видим птицу, а слева — деревце с шестью парами лунных лиц и одним на вершине. Семнадцатое изображение (стр. 359 второго издания и стр. 235 третьего) — это простой вариант десятого: андрогин здесь одет, а не наг; стоит не на серповидной луне, а на горке, из которой вылезают три

змеи, а за его ногами лежит старый лев. У него крылья летучей мыши, в правой руке появляются еще три змеиные головы, а в левой — извивающаяся змея; справа внизу находится лебедь или пеликан с птенцом, а слева деревце, о котором сказано выше. Вверху находится надпись: *Perfectionis ostensio*.

Согласно Михаэлю Майеру, это изображение «выражает аннотацию всего искусства аллегорическим описанием посредством стихов на немецком языке и двуглавого изображения мужского и женского аспектов, которые держат в правой руке три змеи, а в левой — одну» (*Symbola Aureae Mensae duodecim nationum auctore Michaelae Maiero*, Francoforte, 1617, Lib. VI, p. 274). См. также то, что по этому поводу сказал Абракасас (гл. VI).

Через три года после последнего издания *Arte aurifera* в известной герметической работе мы встречаем изображение *Rebis* с важным новшеством, которое появляется также и на нашей пластинке — замену двух важнейших символов масонства, наугольника и циркуля, на герметические символы в руках *Rebis*. На самом деле второе издание *Theatrum Chemicum* (Argentorari, 1613) содержит (т. IV, стр. 468) работу, озаглавленную *Aurelia Occulta Philosophorum Partes duo*, что легко отождествить с *Azoth* Василия Валентина, каковой текст встречается также у Манже (1702) (*Bib. Chem. Cur.* II, 217), где его авторство приписано арабу Задиту (*Zadith*). *Aurelia Occulta Philosophorum* украшена дюжиной изображений, из которых пятая, которую мы воспроизводим (рис. 2), представляет *Rebis*.

Наверху находится надпись *Materia Prima*. Все изображение содержится внутри яйца (философское яйцо герметического рождения); в центре, прямо посередине, находится *Rebis*, одетый, стоящий на спине хвостатого и крылатого дракона с четырьмя лапами, изрыгающего из пасти пламя. Этот дракон, в свою очередь, стоит на крылатом шаре, внутри которого нарисованы крест, равнобедренный треугольник и квадрат. На верхней и нижней

точках креста написаны цифры 1 и 2, а вдоль контуров треугольника и квадрата — цифры 3 и 4 соответственно.

Rebis Василия Валентина держит в правой руке циркуль, а в правой наугольник. Правая соответствует мужской части изображения (перевернутой на пластинке итальянской алхимической книги). На груди андрогина написано *Rebis*; и интересно заметить, что в слове *Rebis*, написанном справа налево, все буквы перевернуты так, как если бы мы смотрели на обычный текст в зеркале. Из центра на груди расходятся лучи, идущие к астрологическим символам семи планет или алхимическим символам семи соответствующих металлов, расположенным по окружности, поднимаясь слева (женская часть), а затем нисходя, в таком порядке: Сатурн, Юпитер, Луна, Меркурий, Солнце, Марс, Венера. Знак Меркурия стоит наверху в середине между двумя головами — мужской и женской. Сразу после этой иллюстрации следует длинное толкование, весьма загадочное, которое мы здесь не будем приводить из-за желания сделать материал короче.

Rebis в варианте Василия Валентина из-за своей важности быстро стал весьма популярным герметическим символом. Мы не знаем, содержало ли рисунки издание 1613 г. *Occulta Philosophia* Василия Валентина на немецком языке. Рисунок присутствовал во французских версиях *Azoth* (Parigi, 1624, 2-е издание, 1659) и в 3-м издании *Theatrum Chemicum* (1659–61). Он также воспроизведен в гравюре CXL, содержащейся в конце III тома *Basilica Philosophica* Милиуса (1620), и вместе с другими рисунками из *Basilica* был воспроизведен в *Hortulus hermeticus* Даниэля Штольца (Francoforte, 1627). Можно легко дополнить этот перечень этих воспроизведений *Rebis* Василия Валентина, добравшись до более поздних — Зильберера, Пуассона и Вирта; но достаточно отметить, что этот символ появился только в 1613 г. и быстро распространился в первой половине XVII в.

Рис. 1. Герметический андрогин из *Rosarium philosophorum*, воспроизведение из т. II, стр. 291, *Artis Auriferae quam Chemiam vocant*, Basilea, 1593.

Андрогин, изображенный на пластинке итальянской герметической книги, является очевидным его производным, и лишь грубость рисунка могла побудить ошибочно датировать его более ранним временем, как это сделал Маринелли и отчасти Карбонелли. Также выражение, находящееся внизу, очевидно, взято из рисунка из *Aurelia Occulta Philosophorum*.

Rebis Василия Валентина отличается от предыдущих рисунков герметического андрогина, и особенно от рисунка в *Artis Auriferae*, символами масонского и неалхимического характера — извивающаяся змея, трехглавая змея и другие символы в других вариантах. Другое новшество, на сей раз в той же области герметического сим-

волиза, — это семь планет вокруг *Rebis* и дракона и крылатого шара под *Rebis*.

Рис. 2. *Rebis* Василия Валентина; репродукция из *Aurelia Occulta Philosophorum — Teatrum Chemicum*, Argentorati, 1613, т. IV.

Этот дракон и этот шар пропали в рисунке из нашей книги, как и само слово *Rebis*, изображенное на груди андрогина. Взамен этот *Rebis* наделен глазом на локте — рисунок демонстрирует необычный взгляд; и, кроме того, на бедрах, в соответствии с мужской и женской сторонами андрогина, видны два грубо обозначенных генитальных органа, мужской и женский. Над влагалищем нарисован шар, увенчанный крестом, над пенисом — ромб. Этот увенчанный крестом шар с крылатым ромбом составляет символ сурьмы (см. *Theatro d'Arcani* врача Лодовико Локателли, Бергамо, 1644, стр. 409); сурьмы, а не свинца, что явным противоречит *prima materia*

sapientis. То, что на самом деле речь идет о сурьме, подтверждается первой табличкой флорентийского свинцового кодекса, содержащей равнобедренный треугольник с вершиной вверху, а далеко по сторонам написаны девять букв. Наверху написано: *Benedicta (sic) lapidem Prima materia est*¹⁸⁶. Девять букв (девять, как и количество свинцовых табличек этого кодекса) составляют слово *antimonio* («сурьма»); странно, что ни Гуасти, ни Карбонелли этого не заметили. Под треугольником далее написано: *Ego sum Ambasagar quo dabo a tibi veri secretum secretissimum noster*. Это выражение, написанное на латыни с ошибками, означает: «Я Амбасагар, который выдаст тебе нашу подлинную тайну».

В заключении небольшого флорентийского трактата говорится, что материя, над которой нужно работать, «является малоценной вещью, называемой Сатурном, отцом и сыном» и добавляет: «Смотри в треугольник», и таким образом отождествляет Свинец (Сатурн) и Сурьму. То же самое говорится на стр. VII в книге Маринелли: «Эта материя называется избранным и незрелым минералом или вашим сатурном *ex hoc*¹⁸⁷ ♂ ♠, это черная минеральная земля».

Впрочем, отождествление Сатурна и Сурьмы делается в начале *Liber Secretus* Артефия, который первый (XI век) применил слово *antimonio*, вероятно, происходящее от арабского *athmond* или *ithmi* (اثمى) с добавлением *al-*. Также это отождествление отсылает к Василию Валентину, к его временам, к его *колеснице* и к его *маленькому царю сурьмы*. При смешении минерала с *черной серой*, то есть с рудой сурьмы (Sb_2S_3 , трисульфид сурьмы; грубая сурьма), сера создает сульфиды со всеми чуждыми металлами, и золото минерала объединяется с металлической сурьмой, ставшей свободной («маленький царь» Сурьмы древних), создавая сплав из сурьмы и золота. Теперь достаточно подогреть соответствующим образом

¹⁸⁶ Благословен будь камень: это первоматерия (лат.) — Прим. перев.

¹⁸⁷ Из этого (лат.) — Прим. перев.

этот сплав, воспользовавшись низшей точкой плавления и улетучивания сурьмы, чтобы отделить золото. Этот сплав с сурьмой (сульфид) называется царской баней, или солнечной баней (*balneum solius regis*); а сурьма, при помощи которой исчезают все металлы и остается золото, называется *волком*, пожирающим все металлы.

Что касается Амбасагара, Гуасти пишет, что он, должно быть, был автором этого небольшого трактата, хотя и признается, что ни автора, ни его оригинальную работу найти не удалось. Ключом к загадке снабжена IV пластинка алхимической книжки Маринелли, которую мы здесь воспроизводим: «на четвертом рисунке», — говорит Маринелли — «мы видим человека, слабо покрытого развевающейся одеждой, который держит в правой руке небольшой шар с крестом, а в левой руке — часы, и на каждом его локте находится по глазу — очевидное, сколь и любопытное, олицетворение времени».

Внизу пластинка несет надпись: *Ego sum Tubalchaimo qui dabo tibi verissimum secretum secretissimum nostrum*. Это та самая надпись на флорентийском кодексе, на этот раз без ошибок, и с заменой Амбасагара на Тубалкаина. В правой руке фигуры находится первый символ сурьмы; в левой — табличка, обрезанную сверху полукругом, внутри которого находится символ, который Маринелли принял за часы, а Карбонелли различает в нем знак огня Δ и знак золота \odot . Однако этот круг находится в квадрате, что заставляет вспомнить квадрат, увенчанный треугольником — древний символ сурьмы, использовавшийся в XVII в. Можно также заметить, что эти четыре элемента — круг, крест, треугольник и квадрат, изображены (хотя и расположены иначе) внутри крылатого шара *Rebis* Василия Валентина; а в круге внутри квадрата можно также видеть изображение квадратуры круга — древнего символа, использовавшегося в первой половине XVII в. в герметическом смысле (см. Maier Michael, *De circulo phisico quadrato, hoc est auro...*, Oppenheimii, 1616). Здесь, однако, нужно заметить, что на самом деле

на пластинке нарисован не круг, а спираль, и если это сделано намеренно, а не просто из-за неловкости художника, тогда нужно обратиться к совершенно иной интерпретации. Спираль не является одним из обычных алхимических или герметических символов; она символизирует *водоворот* жизни; и, помещенная в квадрат, символ формы, и под символом герметического огня Δ , она символизирует водоворот жизни в продолжающемся творении во взаимодействии двух противоположных аспектов формы, представленных двумя парами сторон квадрата.

Что касается Тубалкаина, он действительно является «ковачом всех орудий из меди и железа», о чем говорит Библия (*Быт.*, IV, 19–22); и сейчас мы кратко объясним, в каком образе и с какими титулами он занимает свое место в алхимической пластине. В XVI и XVII вв. большая часть эрудитов пыталась объяснить все языки, возводя их к ивриту, на котором, как известно, говорили Адам, Ева и Отец Предвечный во времена земного рая, и отсюда он должен быть языком, породившим все прочие. Согласно этим концепциям Тубалкаина отождествляли с Вулканом — как из-за схожей фонетики, так и из-за того, что Вулкан также является кузнецом Богов. «Вулкан явно возник из Тубалкаина», — пишет Иоганн Фунгер в своем *Etymologicum Trilingue* (Francoforte, 1605, см. стр. 859, 916, 917 издания 1607 г.). И двадцать лет спустя то же самое отождествление, еще более пространное, сделано в другой книге по этимологии: «Tubalcain, Thubalkain, то есть terrenus possessor, или Вулкан, учитель меди, то есть металлов...» (Christiani Vesmani, *Manudutio ad latinam linguam*, 5a ediz., 1672, p. 1124; 1a ediz., 1626). Самуил Бохарт писал: «Вулкан — это Тубалкаин, на что указывает его имя» (S. Bochart, *Opera Omnia*, 1712, Vol. I, p. 399; 1a ediz., 1646). Это сближение делали также Фосс (1662), Стиллингфлит (1662) и другие.

В то время как эрудиты отождествляли Вулкана с Тубалкаином, алхимики и герметики со своей стороны приписывали ему алхимический и герметический харак-

тер. Герхард Дорн (вторая часть XVI века) называл «вулканическим алхимиком» «Авраама Тубалкаина, величайшего астролога и арифметика, который принес из Египта в область Ханаана... различные науки и искусства» (G. Dornei, *Congeries Paracelsicae // Teatr. Chem.*, 1613, II, 592 — тексты Дорна появились в 1567–69 гг.). Михаэль Майер упоминал (*Symbola Aureae Mensae*, 1617, p. 22), что по веским причинам «многие приписывают первое использование Химии» Тубалкаину. Оле Борх, историк и апологет алхимии, отождествляет Вулкана и Тубалкаина (*De Ortu et de progressu Chemiae, Hafniae*, 1668). Это отождествление и этот алхимический характер Тубалкаина пользуются некоторой популярностью весь XVIII в. — что было связано, возможно, с принятием Тубалкаина в качестве «пароля» масонскими ложами Франции и Рейна в 1730–1742 гг. Оно появляется прежде всего в *Ordre des Franc-Maçons trahi...*, Genève, 1742, и в *Der Neu-aufgesteckte Brennende Leuchter...*, Leipzig, 1746, то есть в тот период, когда в масонстве, особенно на континенте, процветали очевидно герметические градусы.

Следовательно, Тубалкаин нашей пластинки — это изобретатель искусства работать с металлами и отсюда изобретатель трансмутации, способностью рассказать секрет которой можно по праву гордиться; но это отождествление также отсылает приблизительно к первой половине XVII в. — моменту максимальной его популярности; и отсюда согласуются все частности установления даты изготовления алхимической книги.

Что касается Амбасагара другого свинцового кодекса, можно думать, что его имя может обозначать *ambus agar* = «да ведут меня к совершению обеих (операций)», *альbedo* и *рубедо*; или, возможно, из-за весьма обычной ошибки нужно читать *ambas agam* = «да совершу я обе (операции)». Наконец, возможно, что эти девять букв, как в случае с девятью буквами слова *vitriolum*, являются инициалами некоторых герметических максим. Кажется почти что несомненным, что слова Tubalchain,

antimonio, ambasagar, vitriolum намеренно состоят из девяти букв, и конец нашей книги позволяет догадаться, почему. Традиция, приписывающая девять букв имени «первоматерия» (prima materia), достаточно древняя; греческие алхимики указывали на нее так:

Ἐννεα γράμματ' ἔχω, τετρασύλλαβος εἰμί, νῶει με
Αἱ τρεῖς μὲν πρῶται δύο γράμματ' ἔχουσιν ἑκάστη,
Αἱ λοιπαὶ δὲ τὰ λοιπὰ
καὶ εἰσιν ἄφωνα τὰ πέντε
Οὐκ ἀνήητος ἔση τῆς παρ' ἐμοὶ σοφίας¹⁸⁸

Ключом к этой загадке является слово ἀρ-σε-νι-κόν = мышьяк, состоящее из девяти букв, четырех слогов, четырех гласных и пяти согласных. Мышьяком в древности называли аурипигмент (auri pigmentum), сульфид мышьяка, и он считался вторым меркурием из-за тождественности поведения. Легко увидеть, что слово am-ba-sagar составлено из того же количества букв, гласных и согласных, и в отношении слогов похоже на ar-se-ni-kon. С некоторыми вариациями с тем же законом согласуется составление в герметической литературе слов Tubalchain, vitriolum, antimonio и других, обладавших меньшей важностью, как, например, ἀμ-λε-λί-τις = terra vinealis, что у герметиков XVIII века считалось подлинным решением вышеприведенной загадки. Также в алхимических манускриптах встречаются следы этой традиции — например, изображение Гебера в древнем манускрипте, о котором говорил Карбонелли (op. cit., p. 57), которая несет внизу слово *Riovrabet*.

¹⁸⁸ У меня девять букв, четыре слога, и ты угадаешь меня, ибо в трех первых слогах по две буквы, а в оставшемся — остальные. Пять букв — согласные. Так ты будешь посвящен в мою мудрость (др.-греч.) — *Прим. перев.*

Пятая пластина книги содержит только эти слова: *Benedictam Lapidem LAPIS NOSTER*, и ниже: *Benedictus qui venit in nomine Domini*. Потом следует сам текст, разделенный на семь небольших глав, которые мы здесь приводим, и за каждой из них будут следовать заметки. Первая глава служит введением в последующие пять, посвященных операциям. Последняя является заключением, если не добавлением. Первая глава в книге занимает пластины VI—XII. Далее следует текст, который мы приводим как есть, с имеющимися в нем ошибками.

Великое делание осуществляется или влажным, или сухим путем:¹⁸⁹ первый путь — посредством чистой росы, воды из града или цветка коклис¹⁹⁰.

Второй способ осуществляется путем материи, подготовленной природой металлического несовершенного делания¹⁹¹:

Эта материя называется избранным и незрелым минералом или вашим сатурном *est hoc ♂ ♀*, это минеральная черная земля¹⁹², зеленеющая, плотная и тяжелая, на-

¹⁸⁹ Еще сегодня в аналитической химии различают анализ сухим путем и влажным путем. Относительно влажного пути и сухого пути в герметическом смысле см. эссе Абраксаса в гл. II.

¹⁹⁰ В тексте написано *fior coclis*, но это очевидная ошибка — правильно *fior coeli* [небесный цветок — *Прим. перев.*]. На самом деле *flos coeli* — это алхимический термин, который обозначает некий вид маны. Это герметически небесная благодать, которая нисходит на мистика, как роса нисходит с неба, чтобы оросить сухую землю. В мистике на самом деле чувствуется что-то влажное, связанное с росой и сырватое, что часто, сказать по правде, не является привлекательным для следующих по сухому и царскому пути.

¹⁹¹ Согласно алхимикам металлы формируются в угробе земли; природа всегда стремится к совершенству, но иногда металлическое делание остается несовершенным, и алхимик должен взять этот незрелый минерал и трансмутировать его. В герметизме то же происходит (и то же нужно сделать) с нашим Сатурном.

¹⁹² Словарь Дж. Джонсона (см. Mangeti, *Bibliot. Chem. Curiosa*, 1702) говорит: «Антимоний (Сурьма) называется осадком свинца, нашим Меркурием, Марказитом, Свинцом из шахты, мертвым Свинцом, черной землей». Он еще зеленый, потому что незрелый, он плотный, потому что же не очищен, он тяжелый, потому что подвержен земным

зывается mafesia¹⁹³ или сатурнианский марказит¹⁹⁴. Эта материя, если бы была создана природой утробы земли хорошо переваренной и не смешалась бы случайно с нечистотой, была бы священным солнцем и луной: ибо Сатурн — это первый принцип металлов, который из-за этого называется прокаженным Золотом ☉¹⁹⁵.

В первую очередь его нужно очистить от вышеназванной проказы и других нечистот: этот способ легче и короче. И чтобы Золото было использовано в работе, необходимо, чтобы оно свелось к семени¹⁹⁶: чтобы первома-

законам тяготения.

¹⁹³ Это ошибка: на самом деле Магнезия. Словарь Джонсона говорит (Mangeti, *Bibliot. C. C.*, I, 250): «magnesia communiter est marcasita».

¹⁹⁴ Сегодня марказитом (белый пирит, marcasita) называется сульфид железа, отличающийся от обычного пирита способом кристаллизации. Но когда-то это слово обозначало разные минералы, содержащие сульфиды различных металлов. «Марказит», — говорит Джонсон (Mangeti, I, 250), — «это незрелая металлическая материя, многих видов...». И в анонимном письме, содержащемся в 3-м издании *Theatrum Chemicum* (VI, p. 475), говорится: «Кроме вульгарного свинца, есть и другой, которым занимаются философы, и это Магнезия. Магнезия на самом деле — это черная земля с белыми глазами. Эта черная земля — это свинцовый Марказит, или Антимоний. Антимоний на самом деле — это тот Свинец, о котором говорят философы, из которого извлекается живое растительное Серебро красного цвета, которое обладает тайнами тайн».

¹⁹⁵ Проказа разъедает члены и приносит смерть.

¹⁹⁶ То есть которая приобретает способность к умножению. Согласно александрийским алхимикам, процедура обретения золота состоит в *diplosis*, удвоении. На самом деле достаточно малого количества паров антимония, исходящих от бани расплавленного антимония, чтобы изменить ковкость золота, потому что антимоний очень легко соединяется с золотом. Учитывая несовершенные методы разделения, могло показаться, что количество золота в результате увеличилось. Аналогично в герметизме Золото умножается посредством бани в *нашем* Антимонии. «Золото», — говорит Космополит (*Novum Lumen Chemicum*, X, 1604), — «может дать плод и семя, в котором оно умножается с помощью изобретательности сообразительного мастера, который умеет подталкивать природу...; но чтобы это смогло произойти, если в замороженном металлическом теле не появился дух, нужно сначала растворить тело, чтобы его поры открылись таким образом, чтобы природа смогла действовать. Есть два вида растворов — природное и насильственное» (которое включает все прочие). «Природное

терия увеличилась, насколько и¹⁹⁷ свойственно этой земле: и если¹⁹⁸ этого извлечь истинный меркурий или чистую воду в царской бане¹⁹⁹. Эта материя встречается в разных местах, где добывают олово и свинец, но она более совершенна в одном месте, нежели в другом.

В Богемии недалеко от Праги встречается отличная руда свинца, похожая на масло, но черная и сильного кислотного духа²⁰⁰. Многие нашли такую материя, которая является девственным свинцом, называемым Сатурном-отцом и Сатурном-сыном, в неврежденном убежище Сатурна.

состоит в том, чтобы заставить поры тела открыться в нашей воде таким образом, чтобы усвоенное семя выделялось и навязывалось его утробе. Наша вода — это небесная вода, не смачивающая рук, не принадлежащая черни, но дождевая (то есть нисходящая с небес). Тело — это Золото, порождающее семя». См. сказанное в этом отношении Люче в гл. I и Абраксамом в гл. III и IV.

¹⁹⁷ Нужно читать «это».

¹⁹⁸ Нужно читать «из».

¹⁹⁹ В химическом смысле нужно преобразовать минерал в воду, то есть расплавить; это делается при помощи царской или солнечной бани, то есть плавления минерала в черной сере (сульфид антимония). Опытным путем было установлено, что если химическая реакция не происходит, ее протекание можно облегчить при помощи растворения или плавления.

Относительно герметического смысла всего этого см. написанное Абраксамом в гл. III о «первом извлечении Меркурия из Шахты». Истинный Меркурий — это *наша Вода*, чистая или прозрачная Вода (по-гречески *idrargirio* или серебряная вода). Ср. с цитированным выше отрывком из Космополита. В этом *растворении* (*soluzione*) находится *решение* (*soluzione*) проблемы. Одно из суждений из двух диалогов Джованни Брачческо (*De Alchemia Dialogi duo*), переведенных с итальянского и приведенных в предисловии к латинскому изданию (Лион, 1548), гласит: «Из растворения витриола (*vetriolo*) происходит двойной дым (*fumus*), и эти два дыма философы называют Сульфуром и Меркурием».

²⁰⁰ Нужно выделить этот момент, потому что здесь отступление заканчивается. Фраза, которая идет далее, имеет чисто герметический характер.

Первая операция описана на пластинах XIII–XVII книги. В тексте на XIII пластинке написано: *Si volunt procedere fiattotum in nomine Domini. Hor. Prima*, то есть «Если хотите продолжать, делайте все именем Господа». Далее следует текст:

ОПЕРАЦИЯ I

R.^e 201 $\overline{\quad}$ центр этой материи $\rightarrow \text{♁} \diamond$ действует, как если бы он находился в утробе земли. Тщательно разбрызгай ее тонко-тонко²⁰² и пропусти через мельчайшее шелковое сито²⁰³, поставь в $\overline{\quad}$ и подвергни ♁ ²⁰⁴, и, перейдя далее к сильнейшему огню, дистиллируй при помощи открытого и не заделанного глиной вокруг решетки сосуда: и такая операция называется извлечением стихий²⁰⁵. Реторты для сопротивления огню должны быть заделаны глиной на дне²⁰⁶, а огонь должен длиться шестнадцать часов. В начале должен быть легкий огонь, питаемый углем, пока не

²⁰¹ R.^e — аббревиатура *recipe* = возьми. Нужно отправиться или поставить себя в центр (сердце) нашего Сатурна или Антимония, как бы оказавшись внутри (*внутренности* В. Валентина). Символ этой Земли создан из символа земли ♁ , то есть из шара, увенчанного крестом — символа предварительно достигнутых посвящения, равновесия и нейтральности (стать точно в центр, отделившись от чувства периферии), и символа \diamond , который, вероятно, создан из наложения двух символов Δ и ∇ , и который в некотором смысле воспроизводит то же самое понятие.

²⁰² Это трансформация и отделение тонкого от грубого, о котором говорит «Изумрудная скрижаль». Это переход во *флюидическое состояние и тело*, о которых говорит Абракасас.

²⁰³ Это мельчайшее сито, видимо, соответствует *порам* нашего металлического тела, о которых говорит Космополит в цитированном выше отрывке — порам, которые должны открыться, чтобы тело смогло раствориться. Впрочем, некоторые из нас даже «видели» это сито; и даже пишущий эти строки неоднократно видел его лично. Кто-то, возможно, думает о связи между *ситом* Элевсинских мистерий и этой *chytica vannus*, но, каким бы соблазнительным это сопоставление ни казалось, я не думаю, оно на самом деле обосновано.

²⁰⁴ «Поставь в реторту и зажги»: это второй режим и воспламенение, о котором говорит Абракасас в гл. VI.

²⁰⁵ Меркурий ♁ и чистая вода и внутренний Огонь или ♁ .

²⁰⁶ Герметичное закрытие, отделяющее внутренность сосуда от внешней среды.

выйдет дух или меркурий²⁰⁷: в конце огонь должен быть сильнейшим и питаться дровами, чтобы ♁ прилип к реторте²⁰⁸: дух держи в хорошо закрытом о=о²⁰⁹, а серу нужно со всем усердием соскоблить для второй работы.

Глава завершается следующим рисунком: семиконечная звезда и символы семи планет, расположенные в том же порядке, что и в *Rebis* Василия Валентина. Каждый луч звезды разделен на две части: светлую и темную. Внутри звезды находится круг, где изображен ребенок в повязках, с головой в короне. Внутри круга также написано: *Qui Rex natus a Philosophis is Lapis Noster*, то есть *Царь, рожденный философами, — это наш камень*.²¹⁰

Пластинка XVIII гласит: *Infantem natum debes alimentare usque ad aetatem perfectam*, то есть «Ребенок, который только что родился, должен питаться до совершенного времени». Далее идут операции согласно пластинам XVIII–XX–XXI.

ОПЕРАЦИЯ II

Возьми свой ♁ и очисти его, сублимируя его три раза в сосуде и всякий раз снова клади то, что на дне, вместе с тем, что поднялось позже. R.^e дух, который есть ♀, и с его помощью положи десять зерен этой серы²¹¹, расположи как можно ниже, и можешь хранить сорок дней²¹² в алембике с чешской крышкой: как пройдут эти

²⁰⁷ В начале огонь должен быть медленным и мягким (см. эссе Абраксаса в гл. III), потому что нужно, чтобы дух или Меркурий был извлечен *раньше*, чем он выйдет.

²⁰⁸ Во второй фазе *огонь* должен быть сильнейшим, в таком режиме, чтобы серу ♁ начал соприкасаться с ретортой и прилипать к ней.

²⁰⁹ Нужно следить, чтобы дух не улетучился через земную трубу.

²¹⁰ А также *infans secundae generationis* Космополита (*Nov. Lumen Chemicum*, X); это *маленький царь* антимония Василия (т. е. «маленького царя») Валентина. Это божественный ребенок, о котором говорит Люче в гл. II.

²¹¹ Об этом соединении Меркурия с Сульфуром говорит Абраксас в гл. VI.

²¹² Относительно числа сорок в алхимии и эзотеризме см. статью A. Reghini, *La quaresima iniziatica // Ignis*, dic. 1925. В 74-й теореме из предисловия к изданию 1548 г. *Del Alchemia Dialogi duo* сказано, что алхимическое *нигрето* продолжается сорок дней.

сорок дней, достань и вместо чешской крышки поставь другой носик, дистиллируй все, удали осадки, находящиеся на дне. Следи, чтобы при дистилляции сосуд не приклеился к алембику и не прохудился: сделав это, расположи его в хорошо закрытом стеклянном кубке в скрытом холодном месте, чтобы духи не испарились и не распростились.

Глава завершается строкой *Hic est donus Dei optimum*²¹³.

Пластинки XXII, XXIII и XXIV содержат следующее.

ОПЕРАЦИЯ III

R.^e веса твоего ♁ согласно качеству твоего ♀, положи в колбу или флакон, над которым утопи в десять раз больше, чем твой ♀²¹⁴ и затем положи сверху другой флакон и поставь его на песок; используй слабый огонь, пока сера не растворится²¹⁵: следи, чтобы флакон, в котором находится материя, был с длинной трубкой, а другой — с короткой трубкой, и короткая трубка входила в длинную, чтобы духи, когда они циркулируют внутри, не рассеялись: это хорошо закрытое растворение послужит для следующей работы.

Внизу пластины находится изречение *Item, in rerum moltitudine ars nostra non consistit*, то есть «Наше искусство не состоит в умножении вещей».

Пластинки XXV и XXVI содержат следующее.

²¹³ Это наилучший подарок от Бога (лат.) — *Прим. перев.*

²¹⁴ Утверждение о пропорциях доз крайне важно. См. в этом отношении то, что говорит Абракасас в гл. III.

²¹⁵ Небольшого огня достаточно, чтобы получить плавление Сульфура без испарения и выкипания Меркурия и взрыва колбы.

ОПЕРАЦИЯ IV

R.° этот раствор серы и положи его в алембик, как в работе II, с крышкой в песке, и в начале сделай слабый огонь, чтобы поднялся дух, который из-за своей чистоты называется молоком девы²¹⁶, потом усиль огонь — так прижмешь ♁ к крышке, и это наш совершенный сульфур: собери его тщательно: и храни его закрытым, как и дух или ♀.

Внизу пластинки следует изречение: *Si fixum solvas faciasque volare solvitur, et solutum ridas, faciat te vivere lietum*²¹⁷.

Пластинки XXVII–XXX содержат следующее.

ОПЕРАЦИЯ V

R.° твой совершенный сульфур, на каковой положи десять частей твоего подготовленного ртути²¹⁸. Положи это все в яйцо ▷ ○²¹⁹, запечатанное печатью Гермеса; вари его над огнем в печи. Сделай тепло не больше, чем тепло, которое мучает больного лихорадкой; тут вещества почернеют.

²¹⁶ См. гл. VI, эссе Абракса. Философское дитя, маленький царь, должен питаться «молоком девы». *Lapis, ut infans, lacte nutriendum est verginali*, — говорит Михаэль Майер (*Simbola Aureae Mensae*, 1617, р. 509); это молоко Девы Марии в розенкрейцерской аллегории. Ср. с молочным океаном, о котором говорит Люче в гл. I.

²¹⁷ Или, точнее: *Si fixum solvas, faciasque volare solutum, et solutum deddas, facit te vivere letum*: если растопишь то, что фиксировано, и заставишь улетучиться раствор, и если восстановишь раствор (в неизменности), это сделает тебя счастливым. Есть еще один вариант этого утверждения: *Si fixum solvas, faciasque volare solutum, Et volucrem figas, facit te vivere letum*. Химически операция подразделяется на три фазы: плавление, улетучивание, восстановление.

²¹⁸ В этот раз Сульфур является совершенным, а Меркурий — подготовленным. В греческом языке слово θεῖον означает как серу, так и божественное.

²¹⁹ Яйцо страуса, герметически закрытое.

Внизу справа на пластинке XXVIII изображен ворон, несущий в клюве дощечку, на которой написано: *nigro nigrium*, что точнее и полнее должно означать *nigrum nigri nigrius*, и символически указывает на первую фазу операции, на *камень в черном*. Текст возобновляется на пластинке XXVIII и говорит:

После почернения делаешься белым.

И здесь снова посередине текста находится рисунок, представляющий карету над облаками, влекомую двумя голубями; в карете сидит женщина с полумесяцем над головой, а ее голову обрамляет лучащийся круг. Она держит в левой руке цветущую ветку, «дерево Дианы»²²⁰. После этого рисунка текст продолжается.

И это наша Диана, которую ты здесь можешь остановить, если хочешь, путем работы в белом²²¹: и желая пройти дальше, следуй огню, и сделаешь верхнюю часть цвета красного, как кровь²²².

²²⁰ Дерево Дианы — это одно из так называемых металлических деревьев. Его первое упоминание встречается в *Clavis philosophorum* Эка де Зульцбаха в конце XV века. См. *Teat. Chemicum IV*. Оно формируется при поливании Меркурия концентрированным раствором нитрата серебра; или также при поливании водой концентрированного раствора нитрата серебра без их перемешивания, а затем нужно погрузить в раствор пластинку серебра до самого дна. Герметически серебро, луна, голубь и дерево Дианы — это многочисленные символы Работы в белом.

²²¹ Диана, или Луна, сверкающая, *lu (c) na* отраженного света, то есть серебро. Серебро (*argento*) этимологически означает нечто блестящее, белое (ср. Арджуна, Арго, аргонавты). Два голубя (*binæ columbae*, два — символ двойственности, пассивности, женственности) отсылают к белизне; они сменяют ворона — как после сорока дней потопа, когда Ковчег нашел сухое место, сначала из него вылетел ворон, а потом голубка.

²²² Или Работа в красном. Относительно Работы в белом и в красном см. эссе Абракса в гл. VI. К заметкам о символизме можно добавить, что зодиакальный символизм Овна ♈, мужской символизм, во время Зосимы был также символом серы. Отсюда следует, что когда посредством *зажжения* или *рубедо* Сульфур ♁ = ♃ погружается в ♀ пассивный и женственный Меркурий, и трансформирует его в ♀ активный и творческий Меркурий, и этот ♀ символически объединяет Сульфур ♁ и Меркурий ♀. Дополняя символизм ворона и голубки, соответствующих черному (Сатурн, Свинец) и белому (Луна, Серебро),

Внизу таблички представлен человек с головой, увенчанной короной. В правой руке он держит скипетр, а в левой — овальную корону с символами семи планет в таком порядке: Луна, Юпитер, Сатурн, Меркурий, Венера, Марс, Солнце: так что Меркурий всегда в середине, как в *Rebis* В. Валентина, на этот раз внизу.

Так мы приходим к эпилогу.

Пластинка XXXI сверху слева содержит изображение чаши с крышкой, которую держит рука, выходящая из облака. Вероятно, это чаша Грааля. Отсюда надпись *Hic est lapis noster: fortuna mediis granis huius est cura omnium morborum incurabilium*, то есть «Это наш камень, половины зерна которого хватит, чтобы исцелить все неизлечимые болезни».

R.° унцию ☉, очищенного ☉ ☿. Расплавь его, оцени его, и когда он полностью закипит, поставь на него частичку твоего лекарства и вскоре увидишь, как ☉ останавливается и больше не течет, а остается камнем, подобным красному, каковой легко толчется, и это — *pietra philosophorum*²²³.

Далее следует пластинка XXXIII, содержащая аллегорический рисунок. Изображенная сверху увенчанная короной человеческая фигура держит в каждой руке по короне, и еще три короны парят в воздухе выше. Еще выше изображены в человеческом образе отмеченные своими алхимическими символами Луна, Меркурий и Сатурн, который протягивают руки к трем коронам, и справа Юпитер, Марс и Венера: эта последняя троица уже коронована. Справа сверху находится солнце, а голова центральной фигуры полностью окружена нимбом из лучей. И здесь, как и в изображении герметической повозки и повозки Дианы, вся сцена разворачивается не на земле, а в облаках.

Внизу находится надпись *Et hoc est domus Dei qui omnia imperfecta metalla in aurum aurum comutat*, то есть «И это дар Бога, который трансмутирует (чистое?) золото все несовершенные металлы». Относительно герметического значения металлов см. то, что говорит Люче в гл. I и II.

Пластинки XXXIV и XXXV содержат следующее напоминание:

Сделай так, чтобы в начале фитиль состоял не больше чем из четырех или пяти нитей, пока не почерне-

скажем, что красному соответствует пурпурный Феникс, восстающий к жизни в пламени.

²²³ Камень философов (лат.) — *Прим. перев.*

ет: это называется гниением; потом из семи нитей, пока не сделается белым: это белизна — дочь философов; а потом из девяти рядов, пока не станет красным. Масло светильника должно быть чистейшим. В середину печи помести пластинку меди, а выше помести пепел дерева омелы с дуба, из которых должна быть извлечена их соль. В них помести философское яйцо: светильник не должен стоять ближе чем на четыре пальца к пластине, то есть к пламени, и так настанет

*Finis. L.D.*²²⁴
*Non plus ultra*²²⁵

Далее следует последняя пластинка, содержащая криптографический алфавитный ключ, которым написана книга, предваренный надписью *Hic est via veritatis* — здесь путь к истине.

И в этой частности два свинцовых кодекса похожи: флорентийский кодекс также написан шифром, и на стр. 18 содержится заметка о символах, которой предшествует заглавие *Hic est via veritatis*.

* * *

Тот факт, что два свинцовых кодекса написаны шифром, немаловажен. Должно быть, обладатель алхимической книги придавал ей большую ценность, и решил, что если она попадет в чужие руки, другой человек в любом случае не сможет легко проникнуть в ее смысл. Большая схожесть двух кодексов заставляет полагать, что один является производным от другого, или оба они происходят от одного тайного ритуала.

Присутствие в алхимической книге Тубалкаина и андрогина Василия Валентина демонстрирует, что она написана не ранее 1615 г. и, вероятно, принадлежит к периоду 1615–1640 гг. — золотому периоду герметизма и розенкрейцеров, после Космополита и до Филалета; пе-

²²⁴ *Laus Deo* — слава Богу (лат.) — *Прим. перев.*

²²⁵ Не дальше (лат.) — *Прим. перев.*

риода, в который, как мы знаем, существовали тайные герметические организации. В этот период герметизм проник и в английское масонство, и его влияние на древний Орден каменщиков обнаруживается на протяжении примерно двух столетий. Следовательно, мы находимся перед ритуалом некоего лица из этих тайных содружеств? Или нужно придавать этому кодексу чисто алхимические смысл и ценность? Нужно ли приписывать грубость рисунка и орфографические и грамматические ошибки в латинском и в итальянском языках лишь исполнителю книги, или же они свидетельствуют о низком культурном уровне ее обладателя? И хватит ли этих недостатков, чтобы исключить символическую, герметическую ценность книги, и чтобы гарантировать, что в ней нельзя видеть иное, кроме изложения правил чисто химического процесса выделения золота?

Современные исследователи алхимии в общем полагают, что каждый алхимический текст всегда связан с химическими операциями, несмотря на явные разъяснения противоположного многими писателями — например, Космополитом и Филалетом. Но нельзя впадать и в противоположную крайность, придавая символическую ценность тому, что ее лишено. Следуя тексту этой алхимической книги, мы попытались в пределах нашей компетенции и имеющегося в нашем распоряжении места пролить свет на ее смысл — как буквально-алхимический, так и духовно-герметический, в общем случае опираясь и отсылая ради краткости к тому, что на этих страницах написано Абракасом и Люче, чтобы не повторять все то, что уже и так отлично сказано. Мы не будем утверждать, что подлинный символический смысл можно приписывать только в силу методичного соответствия, традиционно устанавливаемого герметиками между фазами химической трансмутации и фазами трансмутации внутренней; но мы также не будем утверждать, что смыслом, который автор книги в нее вложил, была внутренняя трансмутация, и он только

постарался скрыть *more philosophico*²²⁶ под одеждами химической трансмутации. Впрочем, можно также считать, что автор полагал возможными обе трансмутации и что он занимался обеими; и что герметический символизм был простым и естественным следствием аналогии этих процессов. Искушенный читатель сам оценит возможность дать ответ на эти вопросы, и решит, какой из них может быть наиболее вероятным.

²²⁶ Философский смысл (лат.) — *Прим. перев.*

ГЛАВА X

ЛЮЧЕ OPUS MAGICUM: ЦЕПИ

Целью магической цепи является создание коллективной флюидической силы, потенциально большей, чем та, которой может располагать какой-либо из ее компонентов, действующий отдельно; и которую способен использовать каждый ее участник.

Эта цепь формируется в силу «синтонии» составляющих ее элементов, когда присутствует как тождественность или соответствие, согласно закону чисел, внутренних способностей или практикуемого многими людьми ритуала, так и то, что они действуют или собравшись вместе, или в разных местах, даже не зная друг друга, но строго соблюдая временной распорядок и ритуальные нормы. Можно создать цепь преднамеренно и церемониально, когда один или несколько человек устанавливают ее цель и определяют соответствующий ритуал согласно традиционным нормам. Также возможно и спонтанное ее формирование, как существует и возможность того, что человек принадлежит к ней по факту, не зная этого²²⁷: для установления связи в таких достаточно соответствия тонких вибраций, безразличного к расстояниям во времени и пространстве.

Коллективная сила цепи составляет подлинную сущность на службе тех, кто ее создал; это свертывание астрального света, которое может проецироваться в пси-

²²⁷ Можно даже представить, что один человек работает вместе с другим, принимающим участие в цепи, и также следует ее ритуалам, при этом не принимая участия в ней самой, несмотря на то, что различные обстоятельства могут заставить верить в обратное. Причина таких «обособлений» почти всегда определяется высшей и нерушимой волей, определяющей фактическое состояние в соответствии с состоянием права или достоинства, предлагая тем не менее средства для дальнейшего возвышения.

хическую «фигуру», и которое тесно связано с символами и формулами, служащими для ее фиксации определенной общностью, школой или инициатической традицией. Из-за этого может случиться так, что простое черчение некоторых традиционных знаков, или простое произнесение имен или инвокаций в соответствующих обстоятельствах, даже произведенное профаном, может вызвать очевидно необъяснимые феномены озарения, проявления или реализации.

В магической цепи, установленной сознательно и при помощи действий, коллективная флюидическая сила — это ♀ (или ♂) по отношению к ⊙ Главы этой цепи. Иерархический порядок между компонентами цепи определяется естественным порядком духовного плана: тот, кто более достоин, находится выше; а тот, кто просто сильнее, находится ниже. «Достоинство» в человеке может быть естественным, или приобретенным, или им можно наделить посредством посвящения или возведения в сан.

Иерархическое признание является сознательным действием отдельного человека. Оно определяет связи, основанные на духовной ценности, независимо от обычного суждения людей. Тот, кто на это способен, немедленно определяет и признает тех, кто выше и кто ниже его; или же высший осознает высшим себя и получает власть над прочими. Если оценка загрязнена суждениями низшего порядка, препятствующими вышеописанному самопризнанию, иерархический порядок формально устанавливается Главой.

Глава может передать свое достоинство другому, а вместе с достоинством — и свои силы; он может также потерять его или изменить его уровень, когда к цепи реально присоединяются другие люди, обладающие более высоким уровнем или приобретающие его. И еще: Глава цепи и все ее члены обладают реальной связью с высшей духовной иерархией.

Сущность цепи, которая продолжается поколениями членов сообщества или инициатической школы, может быть кратко описана как некая традиция, чьи свет и сила

не рассеиваются из-за случайного прерывания передачи на физическом плане, а входят в виртуальное состояние. По этой причине они могут быть вновь вызваны в определенный момент и в определенном месте тем, кто, обладая *правильным* намерением, предпринимает это действие согласно ритуалам, используя знаки и символы этой традиции.

Когда совместно действуют несколько человек, цепь формируется следующим образом:

— если цепь состоит из трех человек, они располагаются треугольником, чья вершина обращена на восток. Там стоит высший из них, и все смотрят на восток;

— если цепь состоит из большего числа, формируется круг, чей центр занимает высший, или, если количество достаточно, в центре стоят он и два других, избранных или назначенных, которые располагаются как сказано выше.

Общее количество участвующих неизменно будет *нечетным*; количество составляющих круг главных операторов будет *четным*.

Существует множество способов сформировать круг: они применяются согласно цели и образу действия отдельных операций, и в некоторых случаях они точно обговариваются. Укажем на некоторые из них.

Если присутствуют участники-женщины, они чередуются с мужчинами.

Те, кто составляют цепь,

— объединяются, держась за руки,

— или кто-то остается свободным, избегая любого контакта с соседом,

все смотрят внутрь круга,

или все смотрят наружу,

или чередуются: один смотрит внутрь, другой наружу,

— остаются неподвижными на все время операции,

— или двигаются в круге

по часовой стрелке

или против нее,

— с вариациями по скорости, или останавливаясь, или вновь начиная двигаться согласно указаниям оператора.

Двойной круг формируется аналогично. Далее о вариантах:

— внешний круг может быть сформирован из мужчин, внутренний — из женщин или наоборот;

— внешний круг вращается вовне, внутренний вовнутрь, или наоборот;

— участники одного круга стоят перед участниками другого, относительно центра, или нет;

— движение кругов:

тождественно,

или противоположно один другому.

Тройной круг формируется аналогично, с другими вариантами как порядка, так и направления.

* * *

Вибрация составляющих цепи является тройной: она осуществляется в физическом, в астральном и в духовном «мире» или «плане», с особыми действиями и реакциями, причинами, средствами, следствиями, практиками и операциями для каждого из них. Синтония вибрации достигается при помощи того, что все составляющие цепи следуют одинаковому режиму, в любом случае ритуально установленному, с дополнением в виде одинаковых практик и фиксации во внутреннем свете одного и того же символа, или внешнего и внутреннего произнесения ритуальных формул посредством голоса, воли, духа, иногда даже следуя данному ритму или пропевая заклинания, соответствующие целям конкретных операций. Каждый должен пытаться вызвать в себе состояние флюидических вибраций, которые позже экзальтируются и усиливаются посредством «симпатии».

Целью церемониально установленной цепи может быть высшее просветление ее составляющих или одного из них, как и практическая и определяемая обстоятельствами реализация, или посвящение неопита, которому

глава цепи сообщает состояние сознания для «призыва» света и силы всей цепи, и т. д.

Для зажжения астрального света (см. эссе Абраксаса в гл. VI), то есть для трансформации ♀ в ☿, некоторые цепи используют формы, связанные с жестокостью (дервиши, флагелланты, и т. д.), другие же используют оргиастичные формы, или те и другие вместе²²⁸. Их процедуры аналогичны процедурам, которые совершает отдельный человек.

ЛЕО

ОБ ОТНОШЕНИИ К ИНИЦИАТИЧЕСКОМУ УЧЕНИЮ

Эти заметки обращены к тем, кто не только *прочитал* то, что я изложил ранее, но, получив это учение, *прочувствовал и возжелал*.

В области эзотерического знания нельзя остаться пассивным после обретения нового — того, что сообщено с целью не просто «информировать», а привести других к тем же самым внутренним завоеваниям. Если переданное получено в правильном расположении духа, оно способно преобразовать сущность получателя. Тот, кто преодолевает препятствие в этой области, делает это не только для себя лично: здесь присутствует тайная связь между человеческими существами, которая позволяет другим общаться к духовной реализации, осуществленной индивидом, даже если он живет уединенно, невидимо, безмолвно. Но когда пройденный путь выражается в мыслях,

²²⁸ Как, например, использование женщин и жертвенных совокуплений в *чакрах* (кругах, цепях) тантрического Путилевой Руки. В Аравии для достижения высшей степени экзальтации и *фиксации* в центре цепей, подготовленных при помощи навязчивого повторения формул и движений головы и тела, достигается флюидическое головокружение, контролируемое действиями Главы, который в состоянии совершенной ясности пронзает себя мечом. Так как он находится в состоянии магического равновесия, уколы меча оставляют его невредимым, без следа раны или капли крови. — *Прим. группы «Ур».*

этот тайный и естественный процесс соучастия выходит на свет сознания и свободной индивидуальности. Поэтому нужно учиться получать знания правильным образом.

На полученное при помощи коммуникации не нужно реагировать при помощи «ума» (это первое препятствие для эзотерического учения, которое может остановить и нейтрализовать всё) — напротив, мысли должны уступить место живым образам, которые нужно *прочувствовать*. Я имею в виду, что описанное состояние нужно представлять как формирующееся в нас — почти как если бы мы сами его «изобрели» — и в то же время иметь и удерживать соответствующее эмоциональное состояние в *сердце*.

Однако здесь речь идет не о том или ином определенном чувстве, которое обычно ощущается в повседневной жизни, а о настоящей способности *ощущения*, восприятия посредством ушей сердца во внутреннем покое — то, что совершенно отлично от инстинктивных и непосредственных эмоциональных реакций, которые заставляют наслаждаться или страдать людей, которые отождествляют себя с ними и в которых они теряются. Это особое поведение, в котором нужно упражняться. Для начала нужно попытаться запомнить и воспроизвести посредством воображения данную эмоцию, испытанную в конкретных обстоятельствах. Нужно попытаться абстрагироваться как от этих обстоятельств и объекта, который ее вызвал, так и от окраски этой эмоции, определенной удовольствием или страданием. Вы обнаружите, что останется что-то особое — интенсивное и спокойное эмоциональное состояние, чистое, сосредоточенное, почти что внутреннее «тепло» в сердце. Это упражнение имеет довольно важно, и оно не такое сложное, как на первый взгляд может показаться.

Это очищенное чувство сохраняет свободу индивида при передаче — оно переносит содержание учения из мозга в более тонкие центры. Там это учение интериорируется и становится нашим, вновь проявляясь в форме,

родственной *воспоминанию*²²⁹. Это послание более не кажется пришедшим извне: оно предстает всплывшим из нашей сути, проливая при этом свет на наш внутренний опыт, чья ценность и чей смысл ускользали от нас.

Кроме того, в то же самое время необходимо обладать *волей*. Но даже воля должна иметь особый смысл — она должна быть независима от всякого стимула и всякой цели. Можно сравнить это с тем, что физически испытывает тот, кто готовится разбить твердую вещь — мышечное напряжение, предшествующее действию. Здесь также можно использовать образ, использованный в отношении ощущения, и абстрагироваться от чувства припомненного волевого действия как причины, определяющей то, что его пробуждает, так и любого его направления. Можно использовать память о состоянии энергии, предшествующей разрядке, в которой эта энергия преобразуется в действие и в материальное движение.

Воля, использованная в этих условиях, переживается как состояние, наполняющее жизнью *руки и нижнюю половину тела*. Посредством соответствующего отношения содержимое учения получают и другие тонкие центры нашего существа. Этот внутренний опыт будет достаточно сильно отличаться от опыта, который ранее характеризовался как «воспоминание». Напротив, это будет похоже на то, как если бы в сильный поток хлынул другой источник и добавился к нашей энергии, умножая ее.

Итак, получение учения как *мышление* должно объединяться с получением как *ощущением* и получением как *волей*, активизируя центры, которые в обычных условиях остаются спящими. Речь идет как об отдельных состояниях, так и об одновременности.

²²⁹ Этот опыт «воспоминания», типичный для нового мира, появляющегося в сознании, может привести к более глубокому и *опытному* смыслу платонической доктрины истины как *anamnesis*, то есть как воспоминания. Впрочем, греческое слово, обозначающее истину — *алетейя* — можно перевести как «уничтожение забвения». — *Прим. гр. «Ур».*

Это может показаться сложным. Но в реальности при помощи определенных упражнений многие могут достичь состояния, в котором они воспринимают, чувствуют и желают в трех областях, отличных от собственного существа; и это является первым освобождением от законов физического мира, первой реализацией нашего единства с тонким телом в состоянии бодрствования.

Все это представляет собой процесс внутреннего развития, который, если следовать ему по-настоящему, ведет к полному пересмотру жизненного поведения и опыта чувственного мира в общем. Появляются иные очевидности, иные системы отсчета. Дисциплина жизни и поведения обретает совершенно новые основы, и, как следствие, в мышлении начинает формироваться ориентация сознания, принимающая ценность учения.

Этот процесс противоположен процессу обычной жизни, где теория предшествует практике и опыту. Здесь, напротив, речь идет о внутреннем действии, свободной инициативе, ведущей не к объектам мышления, предположения или веры, а к *данным в опыте* вещам; и только после этого — к учению, которое оправдано и упорядочено только на основе этого реального и внутреннего опыта. Эзотеризм не требует акта веры никакого рода. Он требует доброй воли и души, свободной от априорности и предрассудков — но именно этого и сложно добиться. Обсуждать то или иное бесполезно, потому что основа обсуждения попросту разная; нулевую ценность имеет в этой области и убеждение, основанное только на дискурсивных аргументах. Нужно попробовать допустить что-то и действовать, и постараться объективно наблюдать за тем, что последует за этим допущением и за этим действием, совершенным в глубине нашего существа. Критерий и знание будут результатом, а не исходной точкой.

В будущем было бы небесполезно увидеть, что именно из этих соображений относительно опыта может привести читателя к определенному мнению относительно эзотерической доктринальной концепции, которая должна

пониматься не как априорное интеллектуальное измышление, а как апостериорная организация полученного знания.

Однако в это области нужно избегать итогов, выражаемых закрытыми формулами. Нужно оставить некоторую границу неопределенности таким образом, чтобы дух мог двигаться и стремиться к определенной творческой и синтезирующей инициативе, активизируя способности, которые понимание простых логических схем оставляет пассивными. Слова должны содержать что-то больше того, что они обычно выражают, а внимание читателя или слушателя должно совершенствоваться таким образом, чтобы почти что «фиксировать» не сколько смысл, сколько тот тайный резонанс в нас самих, что этот смысл постепенно создает. То, что ясно заключено в логической формуле, для жизни духа мертво.

ЗА СВОБОДА, ПРЕДВИДЕНИЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ

*Vir sapiens dominabitur astris*²³⁰

Является ли время способом существования вещей, свойственным бытию законом, без которого нельзя обойтись? Или же это просто случайный и навязанный нам образ представления вещей и событий, которые сами по себе должны считаться свободными от линейных и необратимых законов времени?

Этот вопрос мы не будем здесь ставить ни с философской точки зрения, ни с точки зрения современной физики. Мы обратимся к определенному классу явлений, мало наблюдаемых и преимущественно спорадических, но оттого не менее реальных. Речь идет о явлении *предвидения*.

²³⁰ Разумный муж будет властвовать над звездами (лат.). Выражение, часто встречающееся у средневековых авторов. — *Прим. перев.*

Предвидения можно разделить на три класса:

1) Прежде всего, это более или менее смутные ощущения неизбежных событий, которые ничто не заставляет предполагать. Часто эти ощущения имеют характер *предупреждения*. Например, наш друг решил отправиться в один город северной Италии в конкретный день, и вдруг его охватил непреодолимый и необъяснимый импульс отправиться на день раньше. Он повиновался, и в поездке ощутил отчетливое беспокойство, которое растворилось только после проезда некоторого города, *рядом с которым на следующий день поезд, которым он должен был отправиться, стал участником столкновения, в котором много людей погибли или были ранены.*

2) Во-вторых, предсказания. Так называемые ясновидцы предвещают совершенно невероятные или случайные события, которые позже совершаются на самом деле. Например, таково совершенно точное указание того, кто из толпы зрителей в кинозале будет сидеть на данном месте. Статистический подсчет, со всей строгостью приложенный к преднамеренным предсказаниям этого рода, оказывается неспособным объяснить их, констатируя упрямый и неопровержимый фактор *невероятности*.

3) В-третьих, существуют и настоящие *предвидения*. Речь идет о том же самом событии, свидетелем которого человек стал два раза — в настоящем и в будущем. Например, один из нас, фронтовой офицер (во время Первой мировой войны), видел во сне, что однажды вечером сидит в столовой со своим братом, прикомандированном к штабу в Виченце. В какой-то момент свет погас три раза — это был условный сигнал приближения немецких самолетов, *но тот, кто спал, об этом совсем не знал.* Он побежал в убежище через площадь, *равным образом ему неизвестную.* Кто-то сталкивается с братом, тот падает. В темноте этот человек помогает ему подняться и возобновить бег. Добравшись до убежища, они уже слышат первые взрывы. Наш друг, живо воодушевленный сном, рассказал его своим товарищам, заодно на-

писав в Виченцу своему знакомому, чтобы узнать, произошло ли что-нибудь подобное.

Ничего подобного не произошло, но несколько месяцев спустя он отправился в Виченцу увидеть своего брата, и однажды вечером *произошло то, что ему уже снилось, как при двух просмотрах одного и того же кинофильма.*

Прежде чем рассмотреть, что могут сказать такие явления относительно природы времени, нужно выделить три различные его концепции. Время можно понимать:

а) Творчески: как становление, поток фактов, которые не существовали ранее и не подчиняются никакому закону необходимости; их порядок и есть время.

б) Как порождение последовательных событий, которое, однако, может в полной мере быть объяснено на основе необходимых и достаточных причинных условий.

в) Как простой необратимый и линейный порядок содержимого человеческого опыта.

Очевидно, что вышеописанные явления несовместимы с первым понятием времени: предвидение предполагает предопределение, а предопределение исключает случайность, свойственную свободному становлению. Их несовместимость со вторым пониманием зависит от возможности свести предвидение к *знанию причин*, в которых в зародыше предположительно находится то, что позже произойдет в силу необходимости.

Здесь, однако, нужно иметь в виду, что в предвидении нет знания причин: в этом знании нет ничего логически выведенного и интеллектуального — как происходит, например, в научном предвидении. Напротив, оно дано в форме более или менее непосредственного *ощущения*, и, если брать третью группу рассмотренных феноменов, *видения* будущего факта. Однако можно было бы преодолеть эту трудность, осознав, что событие существует в своей причине таким же образом, как мысль о здании, которое должно быть построено, находится в уме его архитектора: предвидение разворачивается уже в смысле своего рода визуализированного ощущения этой мысли, произошедше-

го из-за контакта в сверхчувственной области — почти как если бы на человеческом плане посредством телепатии можно было воспринимать то, что находится в мыслях у данного человека и что он собирается совершить.

Тем не менее нужно отдавать себе отчет, что, рассматривая вещи таким образом, можно придать времени некоторый характер реальности — но только при том условии, что с самого начала нужно отвергнуть позицию абсолютного детерминизма, не отождествляя возможное с реальным. В самом деле, мысль отличается от реальности только тем, что является «возможностью», то есть тем, что может как реализоваться, так и не реализоваться. В противном случае между образом мысли (речь идет о мысли-видении, воспринимаемой в своих причинах) и образом соответствующего факта не было бы никакой разницы: будущий факт был бы уже виден, то есть присутствовал бы. Интервал «становления», отделяющий будущее от настоящего, был бы чистой иллюзией, чистым человеческим миражом. Ибо будущего не *будет*: оно уже есть. Таковы как минимум были бы последствия, если бы всегда было возможно *абсолютное* и недвусмысленное предвидение.

Человек — это *сознающее* существо, и даже если бы все обстояло именно так, это не сильно бы его смутило; наоборот, он был бы рад, потому что из этого вытекала бы преодолимость законов времени, ограничивающих его взгляд узким пространством настоящего, и возможность взглянуть в прошлое и в будущее, что даровало бы ему почти что всеведение и вневременность, приписываемые божественному взору. Таково волшебство дара или способности *пророческого сознания*, потому что нельзя назвать иначе то, что на инициатическом уровне соответствует спорадическим сверхнормальным способностям, действующим в обычных феноменах предвидения.

Кроме того, помимо того, что человек является существом, которое осознает, он является также (и по преимуществу) существом, *которое действует*. С этой точки зрения все становится сложнее. С реальностью време-

ни тесно связана реальность *свободы* и *ценность* действия. Если любое будущее событие можно узнать и даже *увидеть*, то, как минимум, оно предопределено; но если существует свобода, в будущем должна присутствовать неопределенность, зависящая как раз от свободной способности выбирать и действовать, приносить в существование то, чего иначе не было бы, или не приносить в существование то, что иначе бы в нем оказалось. Если мы уберем это условие, сведя на нет реальность времени и становления, то стремление, действие, борьба, очевидная человеческая способность творения или преобразования были бы только видимостями, связанными с состоянием опьянения и иллюзией по отношению к своего рода *абсолютному пространству*, по отношению к миру вещей и событий, которые не были, не будут и никогда не перестанут быть, но просто ПРЕБЫВАЮТ неизменными.

Всякий видит серьезность этого вопроса и уместность изучить все сведения, которые могут привести к его разрешению. И это не просто. Люди не любят верить в то, что не им нравится, и про природе склонны учитывать в первую очередь свои чувства и предрассудки, а не факты. Из-за этого в разговоре многие «рассуждают» так: «У нас есть *чувство* свободы, *следовательно*, предвидение будущего невозможно»; «Человек должен быть морально ответственным, *поэтому* будущее не может быть предопределено» (читай: это непозволительно). Но реальности нет никакого дела до людских чувств и страстей; поэтому судить о том, что существует, нужно не по личным ощущениям и «должно быть», а по результатам опыта. Только после изучения со спокойным взглядом того, что существует, можно предпринять действия с целью изменить то, что при необходимости может быть изменено.

Исходя из этой предпосылки, мы рассмотрим три класса, в которые мы сгруппировали данные феномены. Легко заметить, что первый класс, касающийся *предупреждений* и правдоподобных *предчувствий*, на самом оставляет большой диапазон для свободных действий. Во мно-

гих случаях эти предостережения, пришедшие к человеку аномальным путем, дают ему возможность сориентироваться перед лицом событий, которые иначе вмешались бы в его жизнь резко и фатально — и процитированный выше рассказ о поездке, пророчески предвиденной при помощи предчувствия, ясно демонстрирует эту возможность.

При переходе к другим двум классам затруднения становится более серьезными. Однако можно выдвинуть общее предварительное суждение. Несомненно, существуют точные предвидения; но есть и другие — и их немало — в итоге не соответствовавшие фактам. Нужно ли интерпретировать их как простую ошибку несовершенной способности предвидения данного человека — следовательно, допуская, что это ошибочно предвиденное состояние в принципе должно было быть предвидено верно? Такая интерпретация возможна; но есть и другая — можно предположить, что многие из «ошибочных» предвидений были «подлинны» в первый момент, то есть соответствующими наиболее возможным причинам (возможно, с предвидением их последствий), которые в нормальном случае определенно произвели бы этот факт; и «ложными» они *стали* только позже из-за вмешательства или непредвиденного пробуждения других причин.

Если мы допускаем эту точку зрения, то здесь вновь присутствует место для свободы. В некоторых случаях это можно было бы проверить даже опытным путем. Даже в предельном случае, когда речь идет не о предсказании, а о предвидении, то есть о будущем событии, не объявленном, а *увиденном* заранее, где я сам действую так или этак, то в момент осуществления этого факта меня должна была бы поразить своего рода тотальная амнезия, заставившая бы меня автоматически следовать ходу вещей. Но если бы я внезапно вспомнил и подумал: «То, что происходит — это именно то, что я видел», во многих случаях можно было бы *вмешаться* и попробовать определить *иной* ход вещей. И если получится продемонстрировать пусть даже слабую возможность *заставить пред-*

видение стать «ложным», это позволит избежать абсолютного фатализма²³¹.

Далее, нужно рассмотреть и другие случаи, в которых событие можно предвидеть не потому, что оно должно обязательно случиться, а наоборот: именно сам факт предвидения определял его, делая истинным само предвидение. В обычных условиях это нередко проверяется просто на основе внушения. Сколько людей, слепо поверив тому, кто, как говорят, предвидит будущее, сделали предвиденные вещи истинными, попросту внушив их себе?

Но это может происходить в намного более широком и важном контексте. В некоторых случаях предвидение, а не видение, является настоящим предопределяющим положение вещей деянием. Это, естественно, далеко от области обычной современной жизни и входит уже в сферу определенной магии. Ограничимся ссылкой на один пример — пример *ауспиций* и *авгуров*, игравших важную роль в жизни Древнего Рима. Из различных свидетельств однозначно вытекает, что практика ауспиций и авгуров часто имела смысл ритуала магического предопределения: речь шла не о предвидении некоторых фатальных событий, а об *определении некоторых фатальных событий заранее*.

Это верно, что во многих других случаях речь шла не об этом; но не нужно забывать об общей цели древнеримского искусства авгуров: она состояла не в том, чтобы заранее, удовлетворяя пустое любопытство, возвещать события, которые в любом случае должны случиться, а в том, чтобы указать на совокупность обстоятельств с целью направить действие самым подходящим, действенным и *удачным* (специфически римский технический

²³¹ Нужно, однако, рассмотреть случаи, в которых то, что делается для предотвращения данного предсказания, может привести к его реализации; мы имеем в виду древние рассказы или легенды, самой известной из которых является легенда об Эдипе. Однако рассмотренный выше случай, предполагающий осознание *в момент* реализации предвиденного факта, имеет иной характер.

термин) образом. Поэтому такое действие считалось возможным и реальным, и только из-за этой практической цели римляне, вплоть до вождей, придавали ауспiciям такую важность²³². Используя современный образ, их ответы были аналогичны информации, которую метеорологическая станция сообщает тому, кто собирается подняться в Альпы: предсказываются благоприятные или неблагоприятные («счастливые» или «несчастливые» в античной терминологии) атмосферные условия объективного характера, независящие от скалолаза, который может их учитывать или не учитывать²³³.

Эти рассуждения ведут к указанию пределов, которыми должен ограничить понятие свободы даже тот, кто утверждает ее реальность. Здесь можно обратиться к тому, что опытным путем установлено различными современными исследователями (например, Желе²³⁴ и Ости²³⁵) — предрассудки подтверждаются настолько точнее, насколько сильнее они связаны с внешними, или коллективными, или связанными со страстями и материальными интересами, или, наконец — используя термин, который на самом деле мало что говорит —

²³² Особенно ясно это видно в китайском искусстве предсказаний, связанном с И-Цзин. Здесь оракул объясняет не факты, а ситуации в движении, зародыши фактов, с целью учитывать их и действовать соответственно, пока эта возможность не стала реальной и не проложила себе дорогу в единственном направлении.

²³³ В итоге ситуация здесь такая же, как и в *астрологии*, относящейся к тому же типу наук и равным образом ставящей вопрос меры, до которой будущее предопределено. Весьма известное в астрологии изречение звучит так: *asta inclinant non determinant* [звезды склоняют, а не предрешают (лат.) — *Прим. перев.*], которое равно тому, чтобы сказать, что предопределены самые вероятные пути происходящего, и в принципе нет никакого запрета на возможность «отклоняющего» влияния.

²³⁴ Гюстав Желе (Gustav Geley, 1868–1924) — французский врач и исследователь паранормальных явлений, директор Международного метапсихического института (Institut Métapsychique International) в 1919–1924 гг. — *Прим. перев.*

²³⁵ Эжен Ости (Eugène Osty, 1878–1938) — французский врач и исследователь паранормальных явлений, директор Международного метапсихического института в 1925–1938 гг. — *Прим. перев.*

на самом деле мало что говорит — «случайными» событиями. Итак, очевидно, что не нужно искать свободу там, где — по меньшей мере пока речь идет о простых людях — нельзя ее обнаружить. Очевидно, существует область, подверженная фатальности или случайности, как это ни назови; область, допускаемая *in toto*²³⁶ каждым существом в тот момент, когда оно принимает человеческое состояние — таким же образом, как допускаются все риски и случайности моря, когда мы решаемся на морское путешествие и уже оказались на корабле. Таким же образом ни один человек не будет отстаивать свободу и способность влиять на возможность умереть существ, подверженных болезни, или при поражении молнией, или пострадавших от землетрясения, или когда начинается война, и так далее. Все эти вещи попадают в область того приключения, что составляет человеческую или, если позволите, земную жизнь. И нет ничего странного, что в этой области можно что-то предвидеть. В этом отношении вопрос о свободе встает на трансцендентальном уровне, как мы объясним ниже.

Во-вторых, в своем подавляющем большинстве люди оказываются до такой степени составлены из привычек, желаний, инстинктов и неизменных реакций, до такой степени являются рабами вещей и самих себя, что удивительна не возможность предвидения их будущего, а скорее его невозможность. Зная так называемый «характер» человека, уже можно приблизительно сказать, что произойдет в конкретных условиях. И поскольку многие обстоятельства мало от них зависят, здесь присутствуют практически все элементы предопределения. На самом деле во многих случаях возможность предвидения — это способность читать душу другого в той глубинной и подземной ее зоне, в которой живут тайные и непризнаваемые страсти и силы, которые могут в полной мере избежать собственного обычного сознания, но которые в точ-

²³⁶ В целом (лат.) — прим. перев.

ный момент вызывают некоторые последствия²³⁷. Снабдить некоторыми знаниями на этот счет может серьезная астрология в одном из своих достоверных аспектов.

Здесь видно, что, прежде чем требовать свободы от событий, которые произойдут или нет в будущем, нужно бы поинтересоваться, свободны ли мы от самих себя, и в какой мере. Также в этом отношении нужно избегать абстрактной постановки вопроса в смысле простой альтернативы и ставить вопрос свободы по отношению к отдельным случаям и на отдельных уровнях и, кроме того, перейти от теоретической области к практической, спрашивая не «Являемся ли мы свободными?», а «Можно ли *стать* свободным, в какой мере и как?».

Вопрос свободы от самого себя, а не от окружающего нас царства природной необходимости, является непростым. При рассмотрении опытных данных из области феноменов предвидения можно сделать вывод, что в том случае, когда предвидения касаются уровня глубинной жизни, области серьезных решений, в которой отражается весь человек, очевиден характер простой вероятности. С человеческой точки зрения это означает некоторую область неопределенности, которая будет насколько более обширной, насколько больше решений этого рода будет приниматься существом, которое господствует над собой.

Но с высшей точки зрения на этом нельзя останавливаться, потому что здесь в игру вступает метафизическая проблема предопределения сама по себе. В самом деле, никто не рождается без каких-то заранее определенных черт, и, согласно эзотерическому учению, они не является ни произвольными, ни ограниченными простыми биологическими и наследственными факторами; не

²³⁷ Так в некоторых современных исследованиях феномены предвидения объясняются на «психоаналитической» основе, то есть при помощи обращения к подсознательному людей, с которыми произошел опыт предвидения. Это было бы иногда оправдано в том случае, если бы психоанализ имел хоть какое-то понятие о том, чем на самом деле является «подсознательное».

является произвольным рождение ни в данном месте, ни в данной расе, ни в данной эпохе, и так далее. Это явным образом связано с учением о предсуществовании души (не стоит путать с заблуждением реинкарнации). Это учение, имеющее инициатический характер и известное как на Востоке, так и на Западе в древности, означает не только то, что Я предшествует человеческой индивидуальности, но что именно оно и определяет природу и общий смысл его земного проявления — то есть, в общем, ту отдельную жизнь, которую оно будет проживать. Как происходит такое определение, в какой мере в ней присутствует свобода в абсолютном смысле — здесь это может остаться нерешенным уже по той причине, что ответ на этот вопрос вновь может быть разным от случая к случаю. Бесспорно, что существует некий момент за пределами времени, в котором Я является *господином рождения*; в этот момент определяется то, что в индийской традиции называется «причинным телом» и что в древности на Западе называлось «демоном» (в особом значении этого термина); в нем концентрировался, так сказать, «фатальный» и предродовой элемент, на основе которого будет разворачиваться конкретное конечное существование. Отсюда исходит новый свет, в котором во многих случаях понятны феномены предвидения.

Итак, если человек живет жизнью, которую в соответствующем месте выбрало или вынуждено было выбрать его Я, очевидно, что концепция свободы может быть оправдана настолько, насколько и концепция необходимости, в зависимости от точки зрения. Если принять человеческую точку зрения, которую можно называть точкой зрения «индивидуализированного Я», в противоположность точке зрения «индивидуализирующего Я», нужно учесть тот факт, что в почти всех случаях сила, так сказать, инструментального характера, определяющая рождение и в качестве глубинного субстрата продолжающая действовать в жизни, которая из нее вырастает, является *желанием*. Желание противоположно «твердо-

му» состоянию *бытия* и сознания (см. гл. III): это влечение к иному, движение, вызванное иным, переход от одного объекта к другому, от одного состояния к другому, привлечение (и отождествление) или отторжение. Таково же происхождение и глубинная основа человеческого опыта *времени*: для существа, которое не желает, не стремится, не обуяно страстями (не только в обычном субъективном, но в более глубоком и метафизическом смысле) опыта времени не существует, или, по меньшей мере, он является иным. Именно в силу погружения в глубинное усилие жизни вещи принимают аспект времени, вещи располагаются во времени, а сам мир предстает становлением: таким же образом, как пассажиру идущего поезда поле кажется бегущим и меняющимся в различных сменяющихся друг друга пейзажах.

Поэтому время, видимо, не является сущностным способом бытия вещей. Оно вмешивается по необходимости и налагает свои законы только на уровне данной формы опыта, определенной «желанием». И когда на основе этого последнего актуализируются различные возможности выбранной Я жизни, ее смысл ускользает, и она протекает как во сне или в сомнамбулическом состоянии. Только в редких случаях это состояние прерывается в моменты *видения* и *воспоминания*, когда Я вновь обретает свою активную функцию центра, который возвышается над «фатальными» элементами своей земной жизни и управляет ими. В связи со способностью некоторых исключительных людей ясно предчувствовать будущие события, точно выбирая реальное направление, которое, так сказать, принесет с собой некую совокупность обстоятельств, Мережковский в своей книге о Наполеоне использовал достаточно удачное выражение, даже не отдавая себе отчета в его смысле: он говорил о *воспоминании будущего*. Нельзя выразить лучше смысл тех моментов пробуждения, когда в Я всплывает на поверхность состояние «господина рождения», субъекта трансцендентальной свободы.

Такая перспектива усиливается на пути инициации и высшей аскезы, который не может не быть путем, на которой производится такое *овечноствление* сознания. Если должным образом устранено составляющее основу «желания» состояние, и, следовательно, после очищения объект из объекта стремления превращается в объект *созерцания*, из этого естественно должно следовать, по меньшей мере в некоторой степени, *превосхождение* связанного со временем состояния, *освобождение себя и объекта* и отсюда возможность воспринимать в общем, в синтезе глубинного смысла то, что обычному сознанию кажется временным рядом простой последовательности «фактов», более или менее внезапных явлений и сумбурных актов «воли».

Состояние, при котором горизонты вышеописанным образом очищаются, а переставшие быть просто человеческими глаза открываются, не является концом жизни и концом действия. Это скорее тот момент, в котором можно быть в высшей степени активным и реализовать собственно человеческий опыт согласно желаемой цели, без смешения роли и играющего ее актера, или того субъекта действия и отдельного Я, которое, не действуя само, управляет действием (*пуруша*, согласно терминологии санкхьи)²³⁸. Опыт времени принимает иное качество — можно сказать, он принимает иное измерение. Речь идет уже не о «хронологическом» времени, о «становлении» или «течении» — а о времени, скажем так, ритмичном, не безразличном к тому, что в нем разворачивается; о времени, развивающемся органически, в котором Я и его опыт связывает глубинная смысловая связь, и отдельные события являются составными частями того целого, что является *смыслом* этой жизни. И здесь после минимальной рефлексии проясняется проблема предвидения того, чего еще нет: будет легко признать, что здесь предвидение не затрагивает свободу,

²³⁸ К этому отсылает легко понятное инициатическое выражение «тот, у кого больше нет демона».

но совсем наоборот²³⁹ — в том смысле, что Я является центром причин того, что произойдет.

Но если посмотреть вглубь этой проблемы, можно спросить — возможно ли, несмотря ни на что, сделать так, чтобы будущее было таким, а не иным? В абсолютном смысле нужно ответить положительно. Но с точки зрения Я, погруженного в земной опыт, это более или менее тождественно противоречию с самим собой — желанию в определенном моменте другой вещи, а не той, которую желаешь: почти как в случае с человеком, который начал плести некую ткань, а потом прекратил или начал плести совершенно другую. Но с абсолютной точки зрения неизвестно, что не дает «отдельному» Я противоречить самому себе, если оно того хочет. Но это теоретический предел, и его не имеет смысла рассматривать на практике. Непоследовательность, которую мы можем встретить (и которая встречается достаточно часто), относится к гораздо более низкому уровню; именно к ней сводится «свобода» в обыденной жизни, используемая для того, чтобы разлагать ее и лишать всякого глубинного смысла в тех пределах, в которых мир необходимости это позволяет²⁴⁰.

Подводя итог, можно сказать, что в высшем сознании не может быть определенного времени. События в нем не «становятся», а ЕСТЬ. Впрочем, речь идет о собы-

²³⁹ У того, кто видит только внешнюю сторону, могло бы иногда возникать впечатление, что верно противоположное, потому что в целостной жизни все то, что является обусловленным, случайным и произвольным и что как таковое могло бы оставить границы свободе, более или менее незначительной и иллюзорной, постепенно уменьшается, и всякая вещь предстает следующей своей логике, подчиняющейся закону, имеющей свой смысл: как в развитии музыкальной композиции, где всякий частный элемент, включая очевидные диссонансы и отклонения, сливается с другими в сложном развитии.

²⁴⁰ Можно сказать, что таково состояние современного человека, не знающего больше ни того, что есть, ни того, чего он хочет, ни смысла того, что он делает, потому что его внутреннее единство растворено в противоречивых и противостоящих друг другу силах: область их деятельности достаточно узка по сравнению с «фатальными» факторами, которые в этом случае действуют как детерминизм, чистая необходимость.

тиях в общем, а не о событиях, касающихся жизни данного действующего субъекта. С этой второй точки зрения они являются простыми возможностями, из которых актуализируются только те, которые Я выбирает и желает в факте принятия данной формы и данной судьбы, и порядок этой актуализации составляет как раз временной ряд, проживаемый активно или пассивно. Как в первом, так и во втором случае время будет всегда иметь относительный характер. Итак, из трех концепций времени, указанных в начале этого текста, как с обычной человеческой точки зрения, так и с исключительной точки зрения того, кто стал активным субъектом собственной судьбы, видится верной третья: время является простой формой земного опыта и не имеет фундамента в мире Реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ К OPUS MAGICUM

Тот, кто уже обладает практическим опытом «отделения», должен отдавать себе отчет в том, что в подавляющем большинстве случаев следует ожидать вмешательства отрицательных промежуточных стадий, характеризующихся временным прекращением «спонтанной» деятельности. Таковы частичные проявления того, что является *черным* герметическим состоянием, и, в общем, критической точкой «инициатической смерти». Но уровень, о котором мы сейчас поговорим, — это уровень индивидуальных способностей.

Возьмем, например, писателя. В большей части случаев сочинение текстов не в полной мере зависит от нас. Все знакомы с такими случаями, когда при отчетливом желании что-то написать в итоге не получается ничего, а также с такими, когда, напротив, сидя за столом с пустой головой, ощущаешь прилив творческой энергии, которая уносит даже за пределы того, что мы намеревались сделать. Эта граница *милости* понемногу встречает-

ся повсюду в обычной жизни, в которой людям *даруется* больше, чем они себе представляют.

Итак, если такой человек предается инициативной практике, его спонтанная способность сочинять может постепенно исчезнуть или стать весьма затруднительной; ее может даже сменить состояние полного оцепенения, в котором будет почти что невозможно что-либо делать. Это мертвая точка. Но если не пугаться, если оставаться спокойным и продолжать практиковать, можно будет увидеть постепенное новое появление потерянной или ослабленной способности. Однако она будет нести иной смысл, и этот человек сможет назвать ее поистине *своей*. Он будет владеть ей и сможет реализовывать ее в любой момент, по своей воле — в отличие от того, что было свойственно предшествующему состоянию. Кроме того, в процессе сочинения не будет никакого ожидания вдохновения, затем отождествления с ним, остановки, стремления в том или этом направлении вплоть до нового «вдохновения» и потока ассоциаций, ведущих неизвестно куда. В противоположность всему этому весь процесс будет направлять активная ясность.

То же самое верно и для других способностей; это временное прекращение и позже новая активация изнутри, из сущности Я. Все это Я, так сказать, получило в дар от «природы» в спонтанной форме, и все это сначала покидает Я, но позже возвращается в качестве принадлежности сущности Я. Аналогичные изменения также могут касаться мышления в общем. Частный случай касается *памяти*. Крайне часто мы проходим ту точку, в которой воспоминание становится почти что невозможным. Но позже проявляется новая форма памяти, уже не механическая и не произвольная, как обычно. Другой весьма типичный случай касается речи. Не думайте, что вы станете немыми; но выражение мыслей затруднится. Но речь, которая восстанет после мертвой точки — это почти что иная речь: это речь, имеющая черты характера *живой* или магической речи. Это верно даже с физической точки

зрения: трактаты по йоге упоминают прояснение и изменение тона и силы голоса в качестве последствий следования дисциплине.

Важно всегда отдавать себе отчет во всем этом, особенно для того, чтобы не оценивать указанные отрицательные состояния в неверном свете, чтобы не тревожиться и не отказываться от практики.

Добавим, что эта феноменология обнаруживается прежде всего при автономной дисциплине, практикуемой при обычной жизни, без вмешательства собственно ритуальных процессов.

ГЛАВА XI

ЯГЛА ЗМЕИНАЯ МУДРОСТЬ

*Они горят в огне — мы в воде;
они умываются водой — мы огнем.*

Ван Гельмонт

У оккультизма²⁴¹ есть одно весьма тонкое, змеиное, существенное «качество».

У людей есть свои *клише*, этические, религиозные или социальные идеалы, свое мнение о Силе, Знании и Величии. Но *оккультизм* по большей части имеет иной характер. Он ускользает, не дает себя измерить. Он происходит оттуда, куда никто не смотрит. Так он проходит незамеченным или, будучи замечен, сбивает с толку; похищает уверенность у людей, считавших свое мнение безошибочным, считавших, что они стоят на твердой земле.

Оккультист — это существо, к которому невозможно применить какие-то мерки. Неизвестно, что он может сделать, неизвестно, каково его действие и как далеко оно пойдет. Его жизнь непроницаема. Вы могли быть его близким другом, его товарищем, его возлюбленной: вы могли думать, что обладаете всем его сердцем, всем его расположением или преданностью. И тем не менее он *иной*, нежели вы думаете. Вы обнаруживаете этого «иного» только тогда, когда сами проникаете в его царство. И

²⁴¹ Мы позволяем автору использовать термин «оккультизм», сами предпочитая его избегать, хорошо зная, что «оккультизм» представляет собой сегодня. Мы не смогли предложить лучший термин, потому что здесь речь идет не о чистом типе Адепта, а, по меньшей мере, только о частных аспектах его действия, для описания которых, как будет видно, Ягла привлекает в первую очередь дальневосточную традицию. — *Прим. гр. «Ур».*

тогда у вас, возможно, возникнет ощущение, что вы стоите на краю пропасти.

Не имеет значения, что Запад сегодня кишит людьми, называющими себя оккультистами, посвященными, учителями и т. п., которые были бы крайне несчастны, если бы их не знали в этом качестве. Напротив, истинный посвященный, если он не имеет конкретных намерений, редко открывается в своем качестве тому, кто не является одним из своих. Его состояние в полной мере *уничтожает* всякую зависимость от мнения людей. То, что о нем говорят или думают, правильно или неправильно, перестало его интересовать. Людей сжигает непреодолимое желание того, чтобы их «знали» такими, какими они являются (и даже хуже: такими, какими они *верят*, что являются); чтобы окружающие знали, что именно *они* произвели то или иное действие. Отсутствие реакции, естественная невозмутимость перед лицом слова или действия им несвойственна. Оккультист же считает все это наивным. Он *не существует*. Пусть ищущие удовольствий пытаются поймать воздух, если считают, что могут это сделать. Он может выбить землю у них из-под ног, и он сделает это, если представится случай — так, чтобы они никак не смогли почувствовать, откуда идет действие и, более того, что оно вообще *происходит*. Хотите ударить его по щеке? Сделайте это. Он готов даже подставить другую: он играет только в те игры, в которых он сам устанавливает *все* условия. Он не находится в чьей-то власти: только ему решать, какие реакции пробудятся в нем из-за слов, действий или качеств других. Его не интересует, говорят ли о нем как о трусе или о герое; он изучает, что следует из этого мышления других людей, какие последствия несет для его игры. Он следит только за тем, чтобы определенные вещи *происходили*: спокойно определяет средства и условия, действует, и только. Он не прикипает к действию как к чему-то *своему*. Он не говорит о нем и не держится за него — это простой инструмент. «Самоутверждение» является манией, ему неизвестной.

Чем дальше оккультист продвигается, тем глубже он возвращается к своему центру, и тем сильнее будет становиться иллюзия свободы тех, на кого он воздействует и среди которых живет. Я не знаю, насколько известна такая характеристика *оккультизма*. Впрочем, то, что известно, *бесполезно*; *полезно* то, что выходит за рамки известного. Однако на Западе оккультизм очень часто искажен чужеродными взглядами и профанными предрассудками. *Знают* мало, а *болтают* много. Найти ошибки и недоразумения очень легко, но не нужно оказывать никакой поддержки тем, кто ничего не знает о принципах и для кого оккультизм служит инструментом продолжения тех игр и маний, которыми наслаждаются люди. На этих страницах мы часто обращаемся к «воле», к «действию» и к «Я». Авторы этой книги хорошо знают, что они хотят сказать; но я не знаю, насколько читатель понимает тот факт, что здесь воля не является волей, действие не является действием, а Я не является Я.

Около двух с половиной тысяч лет назад на Дальнем Востоке была написана небольшая книга, в которой принципы *тонкой* и *герметической* мудрости даны в несравнимо ясной, холодной и сияющей форме. Это «Дао-де-цзин» Лао-цзы. Небесполезно обратиться здесь к главным темам этой жизненной мудрости, не имеющей ни времени, ни отечества. Вне всякого сомнения, эта исходная точка весьма опасна, но совершенна. Я не знаю ничего более совершенного. Это сущностная прозрачность. Никакого отзвука ограничений и маний людей. Здесь можно дышать и *держаться*.

Даже если легендарная, встреча Конфуция с Лао-цзы, описанная Гэ-хуном (Co-Hong) в «Шеньсяньчжуань» (Si-sien-ciuen), полна смысла. Гэ-хун пишет, что Конфуций, пытавшийся обмануть Лао-цзы в своих заботах об обычаях, традиции, морали и прочем, получил такие ответы, что, обращаясь к этой встрече, он не нашел ничего лучше, чем сказать: «Сети и ловушки действуют даже на самых ловких рыб в мутной воде; лесные живот-

ные попадают в силки; даже свободных птиц настигает стрела ловкого охотника — но при помощи чего мы сможем поймать дракона, парящего в эфире выше облаков?».

И вот как речения «Дао-де-цзин» постепенно запечатлевают эту природу Осуществленного — Неоднозначного, Тонкого, Неуловимого.

Жизнь, которая является Жизнью, не является обычной жизнью — так начинается этот текст. Имя, которое является Именем, не является обычным именем²⁴². Люди *обворовывают* жизнь. Они находятся за пределами центра и привлекают за пределы центра те качества, которые должны остаться глубинными и невидимыми. Они создают куклу «личности» вместо того, чтобы *быть*; и они цепляются за нее, привязанные, по-животному упорные: накапливают, впитывают, хватают, «утверждают» *ad infinitum*²⁴³: «Я! Я! Я!». Маска, гримаса становится всем. Они не понимают, что это лихорадка, ошибка, мания. Внутри их раковины находится *смерть*. И она душит их. Это призраки, выброшенные из Большой Игры.

Вот что говорит Осуществленный: подлинное утверждение, совершенная индивидуальность, не является утверждением, не является индивидуальностью, известной людям. Это, напротив, путь разложения и иллюзии. Говорят об обладании, и не знают, что означает обладание. Говорят якобы о «силе», а на самом деле только о баснях. Осуществленный говорит: только потеряв себя, Я *индивидуализируется*; чтобы реально стать *индивидом* и *Господином Я*, прекратите «утверждаться». Нельзя *иметь*, поддерживая, нельзя *напрягаться*, хватая. Осуществленный исчезает — таким образом проявляясь: пустеет, таким образом следуя к абсолютному бытию. Чтобы достичь вершины, он скрывает свое Я. Отдавая, он получает. Он оставляет, растворяется, поднимается. Он не

²⁴² Для этого пересказа «Дао-де-цзин» используется издание под ред. Ю. Эволи (*Il Libro del Principio e della sua azione*, Ceschina, Milano, 1960).

²⁴³ До бесконечности (лат.) — *Прим. перев.*

препятствует лучу падать, упраздняет великолепие, *фиксируется* в невидимом происхождении. Сосредоточенный, достигает — рассеянный, терпит неудачу. Из полноты он переходит в «пустоту»; здесь находится суть полноты, как в пустоте ступицы колеса — его прочность. Из движения он переходит в то, что, как реальная причина движения, находится без движения; из бытия в то, что в своей бестелесности является небытием. «Я», «не-Я», «воля» — все мании! Выигрыш становится проигрышем. Поднимающийся на цыпочки не вырастает, как не идет тот, кто просто забавно перебирает ногами. Тот, кто стоит на свету, остается в темноте; тот, кто держится твердо, оказывается отброшен назад: показываться — значит зависеть, заботиться о себе — значит увядать; напрягаться — это бесполезное, безумное дело, всегда удаляющее от принципа. Чем больше «утверждаешь», тем больше отдаляешься, тем больше утверждаешь ничто.

Если ты не оставишь эту игру сопротивления, обладания, *своей* воли, тобой не перестанут вертеть. Путь — это иное: воля без желания воли, действие без желания действия, достижение без действия, осуществление без бытия действующим, восхождение без господства. Прямой, но гибкий, ясный, но не ослепляющий — вот что говорит Лао-цзы. Тот, кто по-настоящему существует, не *хочет* существовать. Лао-цзы переворачивает все твои «ценности». Он смеется над тобой, как над ребенком — над тобой, твердым и грозным, носящим маску «сверхчеловека», «завоевателя», над тобой, кто «ломается, но не сгибается». Какая наивность! Он говорит тебе: нет ничего в мире, подобного воде, готовой принять любую форму — но в то же время нет ничего, что лучше нее умеет побеждать твердое и жесткое. Она неукротима, потому что ко всему приспособливается: потому что лишена сопротивления, неуловима. Она подражает «добродетели» Неба. Гибкое торжествует над жестким, слабое торжествует над сильным. Сильное и твердое — это образы смерти, тонкое и гибкое — образы жизни: те внизу, эти навер-

ху. Одни управляют другими: бесплотное проникает в непроницаемость материи.

Выставляющий себя напоказ сам создает возможность быть срубленным. Твердое дерево ломается... Неудача возможна из-за «желания», потеря возможна из-за привязанности: нет действия без реакции. Так хороший борец не использует насилие, хороший победитель не сражается, хороший правитель не управляет, хороший путешественник не оставляет следов, хороший хранитель не имеет нужды закрывать, хороший тюремщик не использует веревки. Для истинной победы не нужно «сражаться» — не допускай борьбы, *возможности* борьбы. Почувствуй, как все это озадачивает: ты не встретишь столкновения, сопротивления, но тем не менее почувствуешь силу, с которой ты не можешь сделать ничего, которая отнимает у тебя саму возможность борьбы, потому что меч не может поразить воздух, потому что сеть не может поймать воду. Этой силой обладают «укушенные Драконом»; они управляют ей, при помощи нее совершают действия, невидимы и молчаливы. Для них люди — ничто (как люди — ничто для безличных сил природы): они используют их как инструменты, — говорит Лао-цзы, — не испытывая любви или гнева, зла или добра. Ведет ли строитель себя по-разному с камнями, которые он использует? Бесконечно большой квадрат больше не имеет углов, бесконечно большой сосуд больше не имеет вместимости, бесконечно высокий звук более неслышим, бесконечно большой образ больше не имеет формы, — так говорит Лао-цзы. Отсутствие следа — таков след Совершенного. Кажется, что в своем могуществе духа по сравнению с ограниченным сознанием людей он едва знает, что существует. Под видимостью слабости скрывается истинная сила: могущественное кажется слабым, светлое кажется темным, большое кажется маленьким, посредственным; он притупляет острое, проясняет запутанное, смягчает ослепляющее, внешне отождествляется с обычным. Он идет вперед, не продвигаясь, поглощает,

не завоеывая, обладает, не беря. Став как все, он отличается от всех. Он идет — осторожный, как переходящий через зимнее течение, бдительный, как знающий, что перед ним враг, сдержанный, как чужестранец, ускользящий, как хлопья тающего снега, грубый, как ствол дерева, широкий, как великие долины, непроницаемый, как глубокая вода, недоступный, как одинокие вершины. Он достигает, не путешествуя, он проникает, не обращая внимания, он совершает без желания, он действует, не делая, он исчезает. Без приказания он заставляет повиноваться; без борьбы он побеждает, без зова он привлекает к себе. Как тот, кто является *истинным* мужчиной, *абсолютным* мужчиной, должен озадачивать всех тех, кто имеет *клише* мужественности-мышцы, мужественности-металла! Он по-змеиному впитывает в себя и двусмысленную добродетель женщины. Лао-цзы говорит как раз о невидимой магии женского, которая привлекает и по-кошачьи впитывает действие мужчины: и она сочетается образом темных, скрытых долин, непреодолимо тянущих к себе воды с горных вершин.

«Путь, который является Путем, не является обычным путем». Знаешь ли ты, например, кем является твой «герой», твой «мученик», твой «человек с сильным характером»? Все они порождены тщеславием, и ничем иным. «Я ломаюсь, но не сгибаюсь» — ты хочешь сказать: ради «красивого жеста», ради высокомерного удовлетворения ты приносишь в жертву *реальность*. Какое детство! Лао-цзы не прячется за дымом «героического» и «трагического»: для него, холодного и трезвого, важно только *выполнение*. Ты идешь вперед? Он отходит назад и потом возвращается, как волна: «отойди на шаг назад, вместо того, чтобы продвинуться вперед на дюйм — из двух сражающихся побеждает тот, кто не сражается». Ты ставишь перед ним препятствие, «утверждение»? Он позволяет тебе это делать, ныряет вниз и обрубает твой корень. Он предотвращает то, что еще не проявлено, действует на то, что еще слабо, растворяет кризис до того, как он прорывается.

Он уклоняется: стремится действовать там, где нет условий и нет защиты, там, где нет «причины», то есть там, где нет ничего, что могло бы породить последствия.

Повторяю: люди не знают, что такое *действие*. Сегодня мы являемся свидетелями религии «усилия», «становления», «деяния». Важно не достижение, а «бесконечное стремление», «борьба», «вечное устремление». Действие служит для *ощущения*, а не для *достижения*. Чем больше мы захвачены, чем больше возбуждены и унесены прочь — тем больше довольны: так мы сильнее чувствуем, потому что, естественно, имеем *потребность* «чувствовать»... Какая катастрофа — день, в котором мы больше не испытываем *сопротивления* ! Мы лопнули бы, как мыльные пузыри. *И именно так и происходит смерть*, когда рушится твердая оболочка физического тела, служившая для «отражения» нашего сознания, узел развязывается и растворяется в бесконечном эфире, где нет опоры и нет направлений, где лежит царство Дракона.

Сглаживать, молчать, исчезать; голос без речи; вид без объекта; обладание без контакта; действие без движения. Таков путь Дао. Парадокс? Нонсенс? Слова — это мушки, жужжащие вокруг царственного слона. Но если ты хочешь перейти на другой берег, о котором говорит *тонкий* Лао-цзы, имей в виду: «Как рыба не может жить, оставив мрачные глубины, так обычный человек не знает оружия этой мудрости Повелителя».

ЛЮЧЕ ИНВОКАЦИИ

(дополнения к наставлениям по церемониальной магии, данным в гл. VII)

В совокупности ритуалов и практик, составляющих церемониальную магию, значительное, если не преобладающее место занимают инвокации или молитвы, ибо они сопровождают всякий вид выполняемого действия и часто самостоятельно составляют настоящие ритуальные формы.

Как уже было неоднократно сказано многими авторами (и мы присоединились к этому мнению на этих страницах), молитва состоит не в простом движении губ, произносящих определенные слова, а в действии, иногда просто произвольном и происходящем в уме (когда операция ограничивается действиями на физическом и астральном плане, или же направлена на существ низшей иерархии). Но чаще действие является по своей сути духовным, когда оно обращено к высшим Сущностям с целью получить от них помощь, просветление, высшее достоинство.

В конце этого предварительного ритуала, чьей целью является вывести душу за пределы барьеров и уз физической природы, чтобы добиться прямого контакта с Духами, чье тело составлено из света и сияния, вербальное выражение должно быть проведено в своей максимальной эффективности, в максимальной силе реализации, должно быть оживлено «огнем и духом». Здесь нужно постоянное устремление.

Молитва в общих чертах не определена во времени и пространстве; равным образом нельзя назвать ее неотъемлемые инструменты или знаки, как не является необходимым постоянное использование одной и той же формулы, что могло бы стать механической привычкой, несмотря на то, что такая необходимость существует в совокупности ритуалов и в магических цепях, кроме определенных случаев.

Те инвокации, о которых мы говорим, могут служить схемой для других: на их основе оператор сможет импровизировать в ходе ритуала, или их можно даже повторять, читая — но все же их лучше запомнить при том условии, что внимание при чтении или припоминании не нанесет ущерба духовной интенсивности самой инвокации.

Чаще всего инвокации осуществляются стоя, лицом на восток — иногда с сосредоточением глаз на магическом зеркале.

[для омовения]

Перед купанием согласно ритуалу омовения сосредоточься на духе, возложи руки на воду и скажи:

— *Божество глубокого моря, Божество, своей силой управляющее всеми водами, рассеянными по миру, взываю к тебе и призываю тебя, вызывающего и умиряющего бури, тебя, господина прозрачных источников и чистых родников, тебя, правящего подземными и небесными водами и распределяющему повсюду стихию, которая есть жизнь вселенной и всех творений, которые ее населяют. Тебя я призываю, и призываю вас, Демоны и Гении, посланники твоей силы, дабы вложили вы силу в эту воду, дабы она очистила меня и я был достоин выполнить ритуал возвышения.*

[для трапезы]

Приготовь все нужное для трапезы и разложи все на столе, за которым будешь сидеть в одиночестве. Повернувшись на восток, прежде чем принимать еду, стоя начерти большим пальцем на белом льне знак Отца, данный ранее на рисунке в эссе «Наставления по церемониальной магии», сосредоточься в духе, возложи руки на еду и скажи:

— *Отче, высший земледелец таинственных полей, я посвящаю тебе эту еду — чудесный плод земли, и призываю твое присутствие, дабы оно питало во мне мою сущность, и в трансмутации передало новую силу и величайшую ценность разуму, душе, дабы дух мог быстро подняться и получить совершенное причастие.*

[при облачении]

При надевании платья из льна, которое ты будешь использовать для ритуала, сосредоточившись в духе, скажи:

— *О Высший, я надеваю чистое платье — символ моей чистоты, и призываю тебя: пусть она пребывает во мне и станет с Твоей помощью сверкающим светом.*

[посвящение комнаты]

Когда войдешь в место, выбранное для совершения ритуала, в которой уже находятся все необходимые объекты, повернись на восток, сосредоточься в духе и скажи:

— *Непознанное, я прихожу в это место, отделенное от шума мира, чтобы познать твою тайну; и я посвящаю ее тебе со всем, что в ней находится. И я готов возжечь неугасимую лампаду, и огонь, являющийся символом моего пылающего духа, который возносит к тебе свой аромат, как страстное желание знания возносится к тайне, дабы ты мне явилось.*

[посвящение огня]

Оставаясь сосредоточенным в духе, сперва зажги светильник, а потом угли при помощи его пламени. Скажи:

— *Бесконечная сила, пронизывающая вселенную и все существа, Высший на небесах, Господин глубокой бездны, душа вещей, Гении пламени, Демоны огня, Сущности, блуждающие в пространстве, Умы, порождающие жизнь, к вам взываю и вас призываю: будьте здесь, и да передастся ваша сила огню, который я создаю и который вызываю, дабы она пребывала во мне сейчас и всегда. — Пламя, ПЛАМЯ: гори!*

[посвящение благовоний]

Возьми немного благовоний, положи их на пылающие угли. Подними сосуд с благовониями довольно высоко над углями и скажи:

— *О Высший, тебе посвящаю эти благовония, которые, горя, восходят в воздух, как моя сущность, пы-*

лающая священным пламенем духа и очищенная, ставшая целой в своих стихиях, восходит к Тебе. О Могучий, я призываю Тебя, дабы на меня спустилась Твоя сила, дабы Ты сделал так, чтобы повсюду, где пылает этот огонь и горят эти благовония, была сила освященного духа, а тени противников не смели осаждать его. И Вас, Духи стихий, Гении и Существа, я призываю, Вас, достойных Правителей всевышнего Господа, дабы вы были здесь и превратили этот воздух в материю ваших чувств.

Сказав это, сделай три долгих выдоха на огонь.

[п о с в я щ е н и е з н а к о в]

Начерти предписанные для ритуала знаки. Сделав это, брось в огонь другое благовоние и скажи:

— *Отче, согласно Твоему закону, управляющему вселенной и всеми существами, я начертил эти знаки, Именем Духа, Непознанного, Делания. В них — моя воля, мое устремление. Пусть они, с Твоей помощью, ведут меня к познанию, коего взыскую.*

[и н в о к а ц и я]

Брось в огонь еще благовоний, и всегда будучи сосредоточенным в духе, повернувшись на восток, затем на юг, на запад и север, выдохни четыре раза в этих направлениях, три раза на каждое из них, долго и с силой, почти что шипя, и перед каждым разом вдыхай так глубоко, как сможешь, и каждый раз, выдыхая, призови в уме Гения, тебе еще неизвестного, который управляет каждой стороной. Сделав это, снова повернись на восток и, держа большой палец правой руки к земле, а другие пальцы руки сжатыми, скажи:

— *О Неизвестный, Высший учитель, в мире мне еще невидимый, хранящий тайные судьбы Священного*

Храма, Тебя призываю, дабы Ты был ко мне благосклонен и Твоя твердая рука была мне крепкой поддержкой, дабы Ты покровительствовал мне и защищал от опасностей моей низшей природы, от всех сил, который могут противиться выполнению моих устремлений.

О Бесконечный, вечно сияющий, увенчанный пламенем и живой гармонией, Дух света и Мудрости, который своим Дыханием дает жизнь всем вещам, Дух Духов, вечная душа душ, неизменное дыхание жизни. В Тебе лежит все золотистое великолепие и серебряная белизна противоположностей. Тебя, Невидимого Царя, наполняющего бездны своим всемогуществом, Тебя, Бессмертного и Вечного, Невыразимого, Несотворенного, Отца всех вещей, Господина эфирной безграничности, Господина Земли и Воды, Воздуха и Огня, Духа огня, оживляющего все вещи, Высшую гармонию, трансцендентное Число, подводящее итог бесконечному и его определяющее своим Законом, Тебя, Отца, призываю.

И вас всех, сияющие Духи, несущие в миры печать Его воли, и являющиеся пламенем Его пламени, вас призываю помочь мне, чтобы с вашей помощью я стал достойным высшей мудрости.

Пусть источник моей жизни будет очищен, пусть груз моей материи станет легче, чтобы я стал верным зеркалом Бога Живого и горел священным огнем; пусть одушевляющий и светящийся эфир пронизывает меня, чтобы я мог бодрствовать и работать без передышки. Да буду я упорно искать и уверенно, дабы день, обернутый в ночь сиял вечно; да буду я уверенным и более не потревожен и всегда да пребудет во мне абсолютный мир; да будет земля плодородной, дабы древо жизни распустилось, дабы текущая вода вновь появилась в источнике живых вод.

О Учитель, пусть моя воля будет твердой и постоянной, дабы дух мой смог подняться к Тебе и стать достойным того, чтобы Ты сообщил ему то, что считаешь нужным из Твоей Мудрости.

Сказав это, в тишине сосредоточься на своем духе *надолго*, сконцентрировавшись на просьбе о просветлении тем светом, который идет Свыше, и о проявлении или в видимой форме, или посредством духовного сообщения.

Напомяни:

Как бы ни выполнялся Ритуал, нужно проследить, чтобы с момента принятия пищи прошло по меньшей мере три часа.

Так как ты будешь работать с обнаженными ногами, позаботься о том, чтобы на земле, где будешь стоять, был кусок шерстяной материи, полотняный коврик или другая подходящая вещь.

ОТРЫВКИ ИЗ DE MYSTERIIS

[перевод с греческого (ed. Th. Gale, Osconii, 1678) сделан Тикайпосом]²⁴⁴

Мы публикуем эти отрывки из трактата «О египетских мистериях» — теургического трактата александрийской эпохи, приписываемого Ямвлиху, чтобы представить читателю некоторые состояния, свойственные операциям церемониальной магии.

Небесполезно будет подчеркнуть, что способности, действующие в магии, превосходят способности человеческого существа в узком смысле. Так как такое существо не исключается из области церемониальной магии, в этом и других классических текстах появляются выражения, настаивающие на абсолютной пассивности человека и неважности в операциях человеческого действия и «воли». Но, с другой стороны, также говорится, причем явно, что боги в этих операциях не являются чем-то отличным от глубинной природы ума: есть лишь *единственная* энергия, которая делает из ума и Бога одну вещь, действующая сама по себе, «блистая и вспыхивая, и однозначно оказывая действие на все». Пребывая в ней, ум не «выходит», не впадает в «экстаз», и, более того, связан только со своим собственным совершенством, с тем *действием*, по сравнению с которым его человеческое состояние является всего лишь «возможностью». И это действие тожде-

²⁴⁴ Использован перевод на русский язык Л. Ю. Лукомского. Курсив Тикайпоса. — Прим. перев.

ственно лучающейся субстанции Бога, которая разоблачает человеческий дух от его темных одежд.

Инвокации, молитвы и прочее служат только для того, чтобы посредством тонкой «симпатии» благоприятствовать этим абсолютным состояниям: не нужно думать, что они *привлекают* Бога, как если бы он был субъектом, так или иначе подвергающимся влиянию; и ничто в душе не подвергается воздействию Бога, потому что здесь нет действия Бога — есть отождествление с Богом и *реализация* Бога, из-за чего его действие и приобщение души к состоянию чистого действия, на которое неспособно повлиять действие со стороны, — это одно и то же.

Итак, сперва ты говоришь, что допускаешь существование богов. — Высказанное именно в такой форме, это утверждение неверно. Ведь врожденное *знание* о богах сопутствует самой нашей сущности, оно превышает всякого рассуждения и добровольного решения и существует прежде рассуждения и доказательства. Оно изначально соединено с собственной причиной и наличествует вместе с заложенным в сущности души стремлением к Благу²⁴⁵.

Вернее, соприкосновение с божественным является даже и не *знанием*²⁴⁶. Ведь последнее каким-то образом строится на основании родового различия. По сравнению с ним; познающим иное как иное, опирающаяся на богов единообразная связь является естественной и нерасторжимой... Ибо скорее мы сами объемлемся этой связью, и наполняемся ею, и обладаем в знании о богах тем самым, что мы есть....

Итак, как они сами всегда в равной мере обладают бытием, так пусть и человеческая душа соприкасается с ними в познании, ни в коем случае не исследуя при помощи предположения, мнения или некоего силлогизма,

²⁴⁵ В греческих концепциях идея *Блага* имеет онтологический смысл, а не моральный смысл или даже смысл добродетели. Благо — это совершенство бытия, состояние его *полноты*, противоположное состоянию нужды и «лишения», деятельности недостаточной и связанной. Так у Аристотеля Благо — это чистое действие, естественная цель, в которой стремится исполниться энергия всех несовершенных существ.

²⁴⁶ Потому что в обыденном понятии знания, познанное или объект — это нечто иное по сравнению с познающим, или субъектом.

которые берут начало с некоего времени, ту сущность, которая превыше всего этого, но неразлучно следуя им при помощи чистых и безукоризненных мыслей, которые душа изначально восприняла от богов²⁴⁷.

(1: 3)

Но говорят, что заклинания обращены к богам так, словно те подвержены страстям, и потому не только демоны таковы, но и боги. На самом деле все обстоит не так, как ты полагаешь. Ибо озарение при заклинаниях самоочевидно и самосовершенно, совсем не связано ни с каким привлечением, проявляется через божественную действительность и завершенность и настолько превосходит самопроизвольное движение, насколько божественное стремление к благу превосходит производящую выбор жизнь. Итак, благодаря этому стремлению боги без зависти сияют светом, будучи милостивыми и благосклонными к теургам, призывая к себе их души, управляя их единением с собой и приучая их, пусть даже пребывающих в телах, отделяться от тел и приближаться к своему вечному умопостигаемому началу.

На основании подобных действий ясно, что то, о чем мы сейчас говорим, является для души спасительным. Ведь в созерцании блаженных зрелищ душа меняется к иной жизни, приходит к иной действительности и полагает, что уже не является человеком, причем полагает правильно. Помимо этого, она зачастую, отбросив собственную жизнь, получает взамен наиболее блаженную действительность богов. Так вот, если восхождение в заклинаниях предоставляет жрецам очищение от страстей, отстранение от становления и единение с божественным началом, то какая же, в самом деле, страсть к нему прикоснется? Ведь подобное заклинание отнюдь не низводит

²⁴⁷ В другом месте сказано, что опорами в этом отношении являются символы.

бесстрастных и чистых к страстному и нечистому; напротив, оно делает нас, из-за становления оказавшихся подверженными страстям, чистыми и невозмутимыми.

Но призывы не связывают жрецов с богами *посредством страсти*. Они помогают образованию нерасторжимого соприкосновения при помощи божественной дружбы, связующей все.

При этом они не связаны со склонением ума богов к людям, о чем, по твоему мнению, свидетельствует само употребляемое для их обозначения слово, но в соответствии с тем, чему учит сама истина, делают человеческий дух способным к восприятию богов, возводят его к богам и приводят его в соприкосновение с ними при помощи стройного убеждения. Потому именно священные имена богов и остальные божественные знаки, открывая путь для восхождения к богам, в состоянии соединять с ними.

(1: 12)

Ведь ты, сказав, что чистые умы еще более не склоняемы и не смешиваемы с чувственным, сомневаешься относительно того, стоит ли им молиться. Я же, со своей стороны, полагаю, что не следует молиться никому другому. Ведь в этом случае в молитвах в нас явственно пробуждается божественное, разумное и единое, или, если хочешь называть его так, умопостигаемое в нас. Пробудившись же, оно немедленно устремляется к подобному и соединяется с самосовершенством....

Ибо ощущение собственного ничтожества, возникающее, когда кто-нибудь сравнивает нас с богами, по самой природе заставляет нас обращаться к мольбам. Ведь от просьбы мы постепенно возвышаемся до умоляемого, благодаря тесному общению приобретаем *сходство* с ним и вместо несовершенства незаметно получаем божественное совершенство.

...мы считаем нужным оставить в стороне просьбы, появляющиеся в заклинании, словно речь идет о людях, и приказания, с великим рвением направляемые на успешное окончание дел. Ведь если жреческое действие, для того чтобы ему оказаться поистине божественным и превосходящим всю познаваемую, обычную для людей деятельность, скрепляет общность согласной *дружбы* и некое нерасторжимое сплетение в единстве, то никакое так называемое человеческое дело ему не соответствует: ни зов, каким мы приближаем к себе то, что находится далеко, ни приказание, какое передается отдельным людям, словно то, что мы вручаем одному от других. А вот рассматриваемое действие, обычно добровольное, блистающее от божественного огня, самопроизвольное и самодействующее, совершается одинаково при посредстве всего вместе: и того, что позволяет ему участвовать в себе, и того, что участвует в нем.

Стало быть, значительно правильнее то, что говорится сейчас, а именно что божественные дела совершаются не при посредстве противоречия или различия, как обыкновенно происходит в становлении, и что всякое дело у богов устраивается при помощи тождества, единства и согласия.

Влекомому богами совершенно ясно видится нисходящий и пронизывающий дух и то, сколько его и каков он, и он мистически покоряется и направляется. Кроме того, прежде восприятия воспринимающему видится образ огня. Иногда даже всем созерцающим становится совершенно ясно, когда бог нисходит или удаляется. Именно таким путем знатокам оказывается известным наистиннейшее, наимогущественнейшее и более всего упорядоченное в нем, и то, о чем ему по природе свойственно говорить истину, и какую силу предоставлять или назначать....

Ведь если приближение божественного огня и некий неизреченный образ света охватывают одержимого извне, наполняют его всего, и повелевают им, и содержат его в себе, заключив со всех сторон в кольцо так, что он не может произвести никакого собственного действия, то какое ощущение, или восприятие, или собственное намерение могло бы возникнуть у воспринимающего божественный огонь? А какое в этом случае могло бы быть привнесено человеческое движение, какие могли бы возникнуть человеческое восприятие страсти, экстаза, ошибочность впечатлений или что-либо подобное, что подразумевает большинство?..

Впрочем, недостаточно изучить только это и не мог бы никто достигнуть совершенства в божественной науке, зная лишь об этом, — напротив, нужно познать и то, что такое божественная одержимость, и то, каким образом она возникает. Так вот, ее неправильно полагают движением мышления в сочетании с демоническим вдохновением. Ведь человеческое мышление не движется, если человек на самом деле одержим, и вдохновение возникает не властью демонов, но властью *богов*. Кроме того, оно является *не просто экстазом*, но восхождением и перемещением к лучшему, в то время как помешательство и экстаз предстают как изменение к *худшему*. Далее, тот, кто высказывает свое мнение об этом, говорит, конечно же, о случайно присущих одержимым божеством признаках, но не указывает на главный. Таковым же является их всецелая одержимость божеством, вслед за которой, уже позднее, приходит экстаз.

(3: 6, 7)

ПОСЛАНИЕ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ²⁴⁸

Одиннадцать часов на великих часах Вселенной, Дверь открыта, и избранных приглашают войти.

Ибо меч рассек утробу Жены и Слово изречено в «глубине Утробы».

Греха больше нет, и в новом блистающем городе древо жизни предлагает уже обновленный поцелуями солнца свой первый благоухающий плод.

Князь Мира, Великий Проклятый первого часа купил свою вину и находит свою супругу, умытую с головы до ног.

Блаженны те, чья свеча зажигается от новой зари, блаженны те, кто открыл свои глаза свету, кто триумфально смеется в сердце Ночи, в обещанный час обновления.

Сын занимает место на своем троне и отправляет на четыре стороны света своих верных слуг с обязанностью собрать жатву.

Еще один час оставлен всем созданиям — короткое, но решающее время: имеющий уши и способный слушать еще может поменять направление и взбежать на Путь, оставив Смерть.

Кубок открыт для всех, но вино должно быть выпито добровольно, в соответствии с древней мудростью, чтобы безмолвие сохранилось нетронутым до сего дня.

Теперь рты развязаны и достаточно услышать, чтобы все понять.

Сначала был *знак*, потом был *символ*, сейчас открывается эра *реальности*.

Мир всем и радость всякому праведному существу.

Александрия Египетская, 1927

²⁴⁸ В оригинале текст приведен на французском языке. Автор не указан; по всей видимости, это русско-французская писательница, мистик и оккультист Мария Нагловская (см. Hans Thomas Hakl, *The "Magical" Gruppo di UR in Its Historical and Esoteric Context // Introduction to Magic*. Vol. II, 2019, p. xxvi) — *Прим. перев.*

СИРИУС
ТУМАН И СИМВОЛЫ

Природа говорит при помощи безмолвия, и поэтому лишь те, кто сможет это понять, могут надеяться на познание тайн, хранящихся в ее лоне.

Когда приходишь в этой интерпретации до той точки, где безмолвие природы становится почти что оглушительным, а шум людской совсем не беспокоит — замечаешь, что все бесчисленные образы, в которые одевается вселенная, имеют свой смысл.

Человек ступает по путям земным словно существо, в какой-то момент своей жизни случайно ставшее слепым. Он уже не видит, но иногда вспоминает, что когда-то видел: и воспоминания о прошлом в нем тем живее, чем крепче связь его души с подлинной сутью того, что невидимо предстает перед ним.

Нет ни одного человека, который забыл бы все полностью и не «узнает» ни один аспект мира. Но, по правде говоря, вместо того, чтобы пробуждать свою память и пытаться всеми средствами проникнуть в сердце вещей, человек пытается забыть и свести к визуальным впечатлениям ценность той реальности, присутствие которой он интуитивно чувствует, но которой не может достичь без усилия духа.

Исходя из этой предпосылки, неудивительно, что интерес высшего человека — которого стоило бы назвать просто *человеком* — обращен как раз к тому, чему прочие люди не придают никакого значения. Все, чего он касается, является для него лишь тенью; для прочих же это твердые вещи. Для него видимые вещи — лишь проекции, то есть тени невидимых вещей; для других сами эти тени являются началом и концом: в лучшем случае они ограничатся признанием будущего за порогом смерти, но в то же время отрицают то, что жизни предшествует.

* * *

Если бы мы смогли познать подлинную структуру цветка или растения, мы оказались бы близки к пониманию подлинного устройства самих себя и нашей судьбы. Если бы мы в точности знали закон, которому повинуются бутон розы, когда он распускает свои лепестки, нам бы не пришлось запрокидывать голову, чтобы увидеть звезды — достаточно было бы опустить взор, чтобы увидеть небесный свод.

Если бы нам удалось познать тайну времен года и видеть недра земли так же ясно, как мы видим то, что находится над ней, мы бы ясно видели то, что находится внутри нас самих, и без колебаний осознали бы, что волнение, изменяющее сущность земли, параллельно волнению, изменяющему сущность внутри нас.

Вселенная едина, цельна и сплочена, и нет такого закона, который бы действовал в одной из ее областей, не имея эквивалента в другой. Физика, геометрия, алгебра суть науки нравственные: и сила притяжения, прежде чем стать действующей силой материи, является силой, действующей в области души.

Те, кто, изучая видимые явления, не оставляют дверь открытой для тайн, закрывают ее и для истины: они принимают за голос то, что в действительности является лишь эхом. Те, кто, исследуя солнечный луч, не могут увидеть глаз, взглядом которых он является, никогда не обнаружат единства явлений, и вместо того чтобы работать подобно скульптору, который удар за ударом своим резцом извлекает на свет статую, они действуют словно полицейский агент, который разыскивает преступника, которого вот-вот поймают, но вечно неуловимого, ибо вместо того, чтобы схватить человека, пытаются арестовать его следы.

* * *

Состояние души большинства людей заслуживает сочувствия и жалости, ибо они помещают вселенную в

двух строго определенных областях: первая состоит из явлений, чьи предпосылки, причины и следствия известны, вторая — из явлений совершенно неизвестных. С одной стороны — сияющее солнце, с другой — непроницаемый туман. Опись сотворенных предметов и возможных явлений завершена — люди настолько в этом убеждены, что любой феномен, располагающийся хоть немного за пределами того, что им известно — а точнее того, что они считают известным — относится ими к области чудес, безумия и выдумок. Не имея крыльев, едва не считают оскорблением существование птиц. Даже их понимание божественного наивно: с одной стороны земля, с другой — небеса; с одной стороны естественное, с другой — сверхъестественное; с одной стороны человек, с другой — Бог. И никакого контакта, никакой связи между двумя мирами и двумя сущностями.

И по этой причине человек, все еще верящий, что он знает осязаемую реальность, обладает лишь иллюзией этого знания; и чем более полным оно предстает, тем иллюзорнее оно по сути. На самом деле в своем восприятии физического мира человек не слишком отличается от того, кто, зная лишь один язык, собирается объехать мир, думая, что его поймут везде и считая «немыми» всех, кто говорит на языке, отличном от его собственного. И поэтому человек, считающий, что правит миром, постоянно пребывает во власти мира, который, поддерживая закон, о котором человек не ведает, постоянно опровергает его теории, сокрушает убеждения, разрушает построения.

Будь все иначе, человек каждую секунду знал бы, что он столь же далек от реальности, как путник, который, взирая в вечерний час на туман над рекой, полагает, что может удержать его и, отправившись спать, ждет, что поутру найдет его на прежнем месте. Мудрец, напротив, прекрасно знает, что вечерний туман — лишь видимый итог человеческих будней, которые, полностью истощившись среди призраков, завершаются призраком призраков — туманом, помрачающим взгляд и не имеющим ни веса, ни облика.

ЭА

ОБ ОБЩЕМ УЧЕНИИ О МАНТРАХ

На этих страницах мы часто обращались к термину *мантра*. С практической точки зрения эту тему уже затронул Люче — хотя и косвенно, говоря об «именах Силы» и «Печатах» (гл. III). Но стоит объяснить также и общую теорию мантр, которая в своей наиболее полной форме и в точной метафизической классификации дана в традиционном индуизме²⁴⁹. Однако аналогичную трактовку можно было бы произвести и с точки зрения каббалы, что сделало бы возможными интересные сравнения.

Чтобы понять, что такое *мантра*, нужно обратиться к концепции, рассматривающей все вещи с точки зрения *звука* и *движения*. Все во вселенной является вибрацией, и эта вибрация имеет живой смысл *речи*, выражения невидимого мира: это движения как звучащая речь и Слово откровения.

Но в опыте речи можно различить три элемента: простой звук или «голос» (*вак-шабда* = λόγος), восприятие или слушание (*пратья*), и «смысл» или объект (*артха*), вызываемый в слушателе любым вербальным выражением.

Аналогичным образом распространяя опыт сознательной речи на людей и интерпретируя эти элементы соответствующим образом, данное учение пытается описать процесс проявления. Отсюда прежде всего происходит особая интерпретация традиционной теории *трех миров* — или, лучше сказать, трех главных условий существования, соответствующих таким же формам возможного опыта. Действительно, не нужно забывать, что восточная метафизика рассматривает не «понятия», как современная философия, а *опыты*, которые она просто излагает, опираясь на авторитет «тех, кто увидел» (*пуши*).

²⁴⁹ Наиболее обширная работа на данную тему: J. Woodroffe. *The Garland of Letters (Varnamâlâ)*. Studies in the Mantra-Shâstra; Madras a. London, ed. Luzac&Co., 1922. Из нее взяты основные сведения, использованные в этом эссе.

Основополагающим опытом является высшее состояние — это абсолютное и бесконечное тождество (Брахман). Оно ЕСТЬ, вечное, без возможной вариантности, лишённое имени и формы, неуловимое — и в то же время оно «действует» (*прасарати*), определяет *логос* и *логосы*, звук и звуки; оно развивается в опыте наделенного качествами мира, с двойственностью субъекта (*ахам*) и объекта (*идам*), с различными уровнями света, с различными существами, славными и темными, красивыми и некрасивыми, достойными и недостойными, подверженными порождению, изменению и упадку. Как таковой это *шабда-брахман* (=Брахман в форме Слова).

Итак, на вершину можно поставить опыт этой двойственности-единственности. Прежде всего Речь — это «масса чистого звука», лучистой энергии, составляющая так называемую *ваджра-акаша*, эфир «Алмазной молнии». Смыслом (артха) этой первичной «Речи», этой лишённой формы молнии является высший и тайный Брахман. Но эти двое суть одно. Здесь нет места восприятию (пратьяя): здесь выражение — это непосредственно откровение, и даже самооткровение — дух, вечный смысл. Артха и *шабда* — это одно и то же. Известный слог Ом по аналогии соответствует этому изначальному звуку, ветру, звуку звуков, нарушающему равновесие творящих сил.

Состояние, иерархически следующее за высшим звуком (*парашабда*), называется тонким звуком (*сукумашабда*). Здесь совокупность звуков организуется и производится «по буквам», звучит в *логосах*, запечатлевает рисунки движения однородной массы лучащегося эфира, определяет «установления» (*танматра*). Мир «богов» (*девата*) пробуждается: это силы вещей в еще не материализованных, еще созданных из действия формах, в телах, состоящих из ритмов, которые составляют *звуки* отдельных творческих действий, вибрирующих в пространстве, еще не являющемся физическим, звучащие как слова в ушах не тленных, но вечных. Следовательно, *шабда-брахман*, то есть Брахман как Слово, проявляется в этих живых и нема-

териальных силах — многочисленных вариантах того, что в нем в качестве пара-шабда состояло как в «полноте» (*пурна*). Поэтому все несет в себе степень, аспект, печать высшего «смысла»; и эти «частичные смыслы», хотя еще не разделились, в некотором роде уже отличаются друг от друга, из-за чего у каждого из них есть собственное слово, звук — шабда. Это, так сказать, души, «духи», Я звучащих тел или речей, в которых они произносятся.

Когда говорят о мантрах (в магическом смысле), имеют в виду именно эти «тела»; поэтому это «Голоса», чей смысл не является ни вещью, ни образом Бога — это сам Бог в своей собственной форме, созданной познанием (*чит-рупини*). Здесь голос не отделен от объекта и не находится вовне его: мантра — это Бог, и осуществление, связанное с восприятием или выражением мантры, составляет присутствие, непосредственное бытие ее Бога (артха). Тем не менее, Бог — это неподвижный аспект в форме чистого сияния (*джьотирмайи*), которое испускается из этого *действия*, из этого узла ритма или движения, которое составляет его мантру.

Это произношение «скрытого Звука» на тонком уровне — это Вторые Матери, нетленные и порождающие «Буквы» (*матрика*, лона). Согласно учению, из их сочетаний, вариаций и смешения составлены все вещи и все существа вселенной, но не так, как это кажется в чувственном опыте, а в своих причинах. Таковы их «Имена» — в западной терминологии «отметки» (*signaturae rerum*). Имя является звуком, произведенным тонкой силой, которая порождает или составляет вещь или существо, — но не звучащим в физическом воздухе, а непосредственно уловленным из духа во внутреннем свободном эфире из времени и пространства, в виде не ряда материальных вибраций, а движения-в-себе, чистого звука, «непрерывного» и однородного.

Имена и мантры называются корневыми или семенными (*биджа*), если представляют данную стихию как сущность-обобщение, как «полную»; и вторичными, если фиксируют только ее частное качество. Например,

биджа-мантра Огня — это RAM²⁵⁰; а «вихревой» аспект Огня соответствует AG; аспекту стихии, который очищает или поглощает, соответствует PŪ или HU (или ASH).

От высшего состояния звука мы переходим к состоянию причинному и тонкому²⁵¹, а от него — к последнему состоянию, к материальной форме (*стхула-шабда*). Здесь Слово принимает вид физически слышимой произнесенной речи (*вайкхари-шабда*): вмещивается закон двойственности, свойственный совершенному проявлению. Имена и тонкие звуки произносятся и проецируются в объектах и в живых сознаниях (*джива*). Три элемента речи: смысл, голос и восприятие — становятся независимыми и отделяются друг от друга. Артха — это уже не смысл, не «свет», а объект, чей внешний образ речь может только призывать посредством условленных определений, ментальных ассоциаций, воспоминаний. Его связь с восприятием, с пратьей, больше не является ни сущностной, ни творческой: это уже не «действие», которое схватывает объект в себе, в интеллектуальной прозрачности; она основывается на данных чувств (*анта*), а не исходит из активной и непосредственной интуиции духа (*сакшаткрити*). Если ранее имена составляли *Универсальный Язык*, наделявший вещи уникальным и абсолютным выражением, теперь они выродились в множество

²⁵⁰ Все биджа-мантры заканчиваются буквой М в носовой форме (*чандра-бинду*). Это звук, проходящий через нос, без движения губ, которое, так сказать, заставляет звучать внутри звук начальной буквы или слога. Графически *чандра-бинду* обозначается ☺, где полумесяц представляет *нада* — звук, шакти, динамический элемент, а точка — *бинду*, то есть упорядоченную свыше простоту без движения. Следовательно, исходя из материальной формы, заданной вербальным произношением первой буквы, *чандра-бинду* указывает на интериоризацию, направленную на перенесение звука на другие два плана.

²⁵¹ В этом толковании мы полагаем полезным разделять в этом единстве уровень тонкий и уровень причинный. Строгое разделение было бы четверичным: материальное, тонкое и причинное (отдельно от тонкого и представляющее *шабда-брахман*) состояния и, наконец, высшее состояние как абсолютная трансценденция.

случайных и преходящих выражений, обозначающих их на различных языках.

Такова материальная форма речи, только и известная обычному человеку. В своем неведении он полагает, что речь исчерпывается этой формой, и не знает ничего ни из тонкой формы, ни из причинной и высшей форм, спящих за завесой речи — как и в материальных движениях. Но без них той речи, которая ему известна, не существовало бы, или она была бы просто набором бессвязных звуков.

Согласно описываемому здесь учению тот же звук звуков, ОМ, находясь повсюду, находится и в теле людей в качестве последней тайной глубины силы, которая ими управляет, их одушевляет, дает им действие, речь, свет мышления, силу воли. Здесь подчеркивается магическая доктрина (*майя-вада*) мантры в узком и практическом смысле. Если сформулировать кратко, она направлена на ВОСКРЕШЕНИЕ ЖИВОГО СЛОВА, на пробуждение звуков, которые, освобожденные от своей чувственной, тленной, разделенной и случайной формы, являются «рисунками», созданными из чистого действия, соответствующему тонкому плану. Согласно символической этимологии термин «мантра» происходит от *ман* (*мана-на*) = «думать» и *тра* (*трайяте*) = «сохранять». Это указывает на действие ума, в котором слово «сохраняется» или поддерживается в своем изначальном состоянии.

Никакое человеческое слово как таковое не может быть мантрой; однако оккультные законы гармонии допускают, что некоторые архаичные и сакральные звуки являются своего рода остатками или отзвуками мантр и их аркти. И практика мантра-йоги нацелена как раз на пробуждение от материальной формы (*стхула-рупа*) этих звуков, их тонкой формы, слогов «света», которые им соответствуют.

Однако не нужно строить иллюзий. Тексты ясно говорят, что можно сделать *джану* (то есть повторить мантру) даже миллион раз: но пока она не «познана», она останется простым движением губ. Произнесение мантры — это по сути действие духа, в котором этот момент

просветления и внутренней очевидности, который появляется каждый раз, когда говорится «Я понял», перенесен на высший уровень и очищен от всяких материальных остатков. Именно здесь пробуждается и «действует» мантра. Материальное произношение становится проводником магической или заклинательной силы только при этом условии. По этой причине говорится, что почти что невозможно узнать произношение мантры, если не усвоил ее путем прямой передачи от Учителя.

Повторение (джапу) нужно понимать как «повторяющуюся встряску спящего, пока он не проснется». В некоторых школах до и после джапы семь раз повторяется дополнительная мантра *IM*, чтобы облегчить превращение главной мантры во флюидическое состояние: в комплексе это называется *нидра-бханга* (=уничтожение сна). Более специальные наставления даются в рамках *чакра-вады*, то есть учения о «центрах силы» (чакрах) человеческого тела. Тело, согласно общему эзотерическому учению, содержит все стихии в той своей темной глубине, которая ускользает от обыденного бодрствующего сознания. В корне его жизненной силы, в его тонкой форме находится тот же *OM*, сущность всех мантр; так мантры различных природных стихий звучат в частных качествах этой силы в организме. Земля, вода, огонь, воздух, эфир симпатически объединены с флюидическими течениями (*нади*), которые исходят из пяти «точек жизни», соответствующих священным сплетениям — простатическому, солнечному, сердечному, гортанному. Связанные с ними биджа-мантры — это *LAM*, *VAM*, *RAM*, *YAM*, *NAM*. Произношение одной из этих бидж «затрагивает» соответствующий ей центр и активизирует его в силу симпатии родственного флюидического центра. И наоборот, перенос и сосредоточение ментального огня в одном из этих центров в тот момент, когда сознание пытается принять форму мантры, облегчает пробуждение, или, как еще говорят, раскрытие (*снхота*) мантры.

Мантру оживляет духовная сила оператора (*садха-ка-шакти*). Но качество мантры не основывается только на этом: мантра содержит собственную силу, которая, объединяясь с садхака-шакти, поднимает ее, умножает и помогает совершить «переход на другой уровень».

В одном тексте используется образ жидкости, добавляющейся к жидкости, уже содержащейся в сосуде, и заставляющей ее перелиться через край. В другом тексте садхака-шакти сравнивается с огнем: как порывы ветра, обрушивающиеся на пламя, порождают яркость удвоенной силы, так энергия оператора, когда на нее воздействует *шакти* мантры, быстро растет и делается необычайно действенной. В принципе в момент полной реализации мантры качество отдельного индивида трансформируется в качество управляющего ей бога; так индивид на практике приобщается к божественной силе.

Имена и мантры подвержены двойной опытной проверке: а) если есть вещь, то йогическое сверхчувственное восприятие «звука» ее движения должно соответствовать, приблизительно и аналогично, ее мантре, б) наоборот, правильное, полностью оживленное произношение мантры должно произвести проявление соответствующей вещи или стихии.

Следовательно, если мантра устанавливает связь с тонким планом и если этот план — план действий, управляющих чувственными и материальными проявлениями вещей, считающихся «неодушевленными», то произнесение мантры отразит приказание и вызовет магическую реализацию. Это происходит, естественно, на страх и риск оператора — в том смысле, что нужно учитывать, располагает ли он на самом деле силой, необходимой для того, чтобы превратить *женщину* (♀) в соответствующий флюидический вихрь (вновь отраженный, среди прочего, в тайных течениях его организма), чтобы предстать перед ним и сопутствующими реакциями в качестве ☉. Таково условие для успеха операции в магическом смысле.

В общем, в пробужденной мантре развивается присутствие так называемой «формы света» (*джьотирмайи*), которая называется «освобождением» и которая, как известно, становится ритмическим телом самой мантры как смысла (артха) простой буквы, слова или звука (шабда). Сами эти присутствия не звучат: это «безмолвия», полифонически возникающие из-за сплетения тонких звуков. Они ведут к тому, что в слове находится еще глубже, чем качество. При подобном их познании растворяются все тени, все волны и все обмороки, и человек испытывает опыт ваджра-акаша, обнаженного однородного эфира речи, который является алмазной молнией, чей знак — \bigcirc . «Пустота» (шуньята), содержащаяся в круге, указывает на нечто, к чему состояние ваджры относится как звук к смыслу, телесность к бестелесности. Это Брахман, высшее состояние.

С точки зрения *мантра-вады*, индийского метафизического учения о мантрах, можно сказать, что то, что вещи, обычно называемые «реальностью», являются лишь *символом*. Человек движется среди символов, и он сам — его форма, его речь, все, что он делает — является символом.

В чувственном мире человек как бы находится перед алфавитом, перед системой знаков, чье произношение и смысл ему неизвестны из-за мрачной амнезии, из-за чего его собственная символическая ценность ускользает от него. В тонком мире в сознании просыпается именно «состояние произношения»: из знака возникает воспоминание о слове, о звуке — воспринимаются уже не материальные формы и тела, а ритмы, фигуры действия. Наконец, причинный мир (*карана* — «интеллектуальный мир», *κόσμος νοητός* неоплатонизма, *Sophar* каббалы) — это состояние звука, которое превосходит само себя и понимается как «смысл». *Эти три мира на самом деле являются одним*: это разные «восприятия» тождественности, стадии освещения одного и того же ландшафта. Я знакомо то или иное из них согласно той степени звука и внутреннего пробуждения, которое Я может вызвать в себе.

Тот, кто дошел до *овладения* «смыслом» вещей, обладает ключом к высшей магии. Все находится в достижении состояния знания, смысла вещей. Тот, кто *понял* некую вещь, может равным образом *произнести* ее. Это произношение является «разгадыванием» этой вещи и установлением с ней практически магической связи. Здесь человеческое слово возрождается как Слово, *живое слово*. Слово здесь — это *качество, истина*. Мантры — это сверкающие огни такого его воскрешения, таинственным образом заключенные и спящие в некоторых архаичных иератических изначальных голосах.

ГЛАВА XII

АЛЬБА DE NATURAE SENSU²⁵²

Долог путь, который нужно пройти, чтобы достичь *освобождения*. Сознание постепенно почувствует, овладеет и зафиксирует посредством воспоминания более или менее частые устремления и неожиданные, внезапные призывы. Их палитра бесконечна, разнообразна и чудесна и всегда удивляет новизной: события нашей обычной жизни, вещи, которые нас окружают и вызывают последовательность мыслей и внутренних опытов, таинственные голоса, восстающие из глубины естества и всплывающие в сознании, ощущаемые как шум крыльев, которые пытаются развернуться, чтобы осуществить свой свободный полет к свету.

Две обширнейших области предлагают бесконечную пищу таким призывам: это наша душа и природа.

Посмотрим внутрь себя: мир — это книга человека; однако такого человека, который умеет видеть и слышать голос вещей и способен чувствовать связь своей жизни и их жизни. Жизнь находится в растениях, в воде, в ветре, в огне, в звездах, в бесчисленном множестве видимых и невидимых существ, существующих повсюду; жизнь, дух, находится и в том, что мы не видим и что нас окружает: невидимое, Гадес.

Посмотрим на землю: природа — это плодovitая, неистощимая мать: повсюду, при любых обстоятельствах возможна самая элементарная форма жизни — даже в грязи. На кровлю крыши, на высокие руины башни ветер принес семена, которые нашли горстку земли среди пары камней, *модус* жизни: и вот пучок травы родился и живет.

²⁵² О смысле природы (лат.) — *Прим. перев.*

Земля — это огромное количество материи, которое преобразуется, вращается, расщепляется, объединяется, производя бесчисленные, непрерывные реализации, несчетные жизни — не что иное, как символ нашего тела, нашей плоти. Это легко осознать, если понять аналогию, существующую между нашей физической жизнью и природой, между нашим телом и жизнью дерева, *exempli causa*²⁵³.

Понаблюдайте за деревьями, у которых в земле находятся только части корней, а все прочее открыто взгляду — с виду лишенное питания, но живое из-за жизненного сока, который оно получает из глубинных корней; и *ощутите*, что в этих обнаженных корнях и грубом стволе дерева течет жизненная лимфа, подобная той, что питает наше тело. Растительная жизнь больше не будет мертвым и лишенным смысла понятием. Наклонитесь над зеленым листком, почувствуйте почти что биение сердца его тонких волокон между пальцами; вдохните нежный аромат пылающей розы, осознайте, что, возможно, завтра здесь будет только голый стебель среди редких лепестков; но на короткое время природа улыбнулась в этом цветке, с радостью протянувшись к солнцу, и передала вам свою радость плодovitой и неистощимой, никогда не устающей матери. Вечером некоторые деревья испускают резкий аромат: его можно не видеть, но их аромат — как призыв к путешествию: услышите этот голос, немой язык дружественных *существ*, ощутите близость великих теней в тени, живущей в своей неподвижности, в непосредственном контакте с землей. В дыхании листьев ощущается как раз этот контакт с землей. Снег, покрывающий всякую вещь своей белизной, дает чувство грусти, схожей с той, что исходит от голых деревьев зимой, потому что в это время природа укутана в свой летаргический сон и обособлена в своей концентрации.

Понаблюдайте за непрерывным течением реки, *ощутите*, как вода течет по земле, как кровь по венам —

²⁵³ Например (лат.) — *Прим. перев.*

как солнечное тепло, дающее жизнь и свет, подобно теплу тела. Или на берегу озера, долгое время сосредоточившись на воде, почувствуйте *нечто* живое и реальное — оно поднимается с озера и приближается. Необязательно иметь некое видение или призывать Гения; достаточно понять, что распространенные повсюду массы воды, более или менее известные нам с точки зрения химии и т. п., — это проявления реальных духовных невидимых разумов.

Земля, вода, воздух, огонь — все стихии непрерывно находятся перед глазами в своих проявлениях, но часто ускользают от понимания. Мы редко обращаем внимание на воздух, который мы просто вдыхаем — не думая о нем, не ощущая вокруг себя его флюидическую сущность, которая все окружает и во все проникает.

Чтобы понять глубинный смысл воздуха, выберите весенний вечер и попробуйте ощутить контраст. Идя мимо высоких домов посреди оглушающего шума улицы, почувствуйте многообразную кишашую вокруг массу, окруженную туманом ежедневных возбуждений, изъеденную червями физических и моральных зол — в то время как постепенно спускается вечер и зажигаются первые огни, и в вышине остается ярко-голубое небо, пока еще нежно-светлое. Вы ощутите неожиданное чувство — почти что недомогание, и вместе с ним желание освобождения. Осознайте в глубине чувство тяжести земли, контрастирующее с неосязаемым воздухом. Перейдите к уединению и медитации.

Волна оживляющей чистоты наполняет душу перед лицом света и тепла пламени: эта молитва обладает еще более горячим и высоким характером, если совершается с зажженными свечами. Сейчас почти что утеряна возможность побыть близко к огню: нет больше каминов, освещенных большими пылающими поленьями, нет больше слабых масляных ламп среди обширных теневых зон — есть лишь электрический свет, который неожиданно рассеивает бледные неясные тени.

Почувствуйте солнце ярким летом, как если бы вы стали светильником, источающим светло-розовый свет: «Солнце во мне, его свет, его тепло находится во мне» — подумайте так и доверьтесь чувству светлой радости, в то же время ощущая легкость в несомом вверх теле; почувствуйте рождение в себе восхищения к сияющей звезде, к Свету, и вспомните о древнем культе почитателей огня.

Полностью духовное ощущение света, солнца в нас, выражает желание подняться вверх, а чувство физического благополучия, которое дает тепло солнца, вызывает движение усиления, экспансии физической жизни.

Возможность слышать эти *голоса*, исходящие от вещей, от природы, от нас самих, есть у нас всех, в более или менее латентной или развитой форме. Эти голоса доходят до нас посредством чувств, впечатлений, не созданных и не желаемых нами, но проникающих тогда, когда меньше всего о них думаешь, в момент мысленного отстранения, в момент внутреннего покоя. Это всегда предваряется таинственным чувством удивления, проникнутого ожиданием, когда глаз отвлекается на дерево, цветок, ландшафт... Воля не действует непосредственно на все это; воля или даже стремление к познанию лишь имеет задание организовать и гармонически развивать этот опыт, направляя его на уровни его реализации и дальнейшее приспособление.

Итак, обратившись к познанию этой жизненной силы, подобной нашей, во всем окружающем — от травинки до невидимого атома, от капли росы до светлой силы огня, легко прийти к пониманию глубинного смысла всякой силы: то, что реально и видимо для нас, также является лишь тенью, проецируемой тем, что в равной степени существует, но невидимо. Первое и второе связаны символически. Внешнее находится внутри нас под иным аспектом; и чувство гармонии с жизнью вещей — это реализация этого закона.

Земля — это наша плоть, Вода — это очищающая сила, в которой она нуждается, Воздух — это посредник

между Землей и Небом, между телом и духом, которым является Огонь, все оживляющий и освещающий, рассеивающий тени материи и стремящийся вверх в своем непрерывном дрожании.

Не только наша физическая жизнь символизируется в природе, но и мы сами находим в ее различных аспектах глубинные аналогии с состояниями души: у нас есть гнев, покой, меланхолия, неистовство моря; легкость травы; сухость, плодovitость поля; фантастический вихрь ветра. В алмазном звездном сиянии, таком далеком от земли, лежит уединение, которое иногда присутствует и в нас, в недоступных глубинах Я.

В природе постоянно и отчетливо проявляются законы двойственности, равновесия, находящегося посреди непрерывных контрастов силы и слабости, + и —: посреди циклонов, бурь и бесконечной грации маленького цветка; мох и мелкие травы — и скалистые и нетронутые горы, приют бабочек и орлов, которые, как кажется, возносят свой массивный вес к самым высоким сферам при помощи упорного усилия.

Мужчина предстает как творческая, неистовая и абсолютная сила, а женщина как воспринимающая, принимающая способность, развивающая и отражающая эту силу.

Солнце, ветер: сила и насилие.

Земля, зелень: поглощение и плодородие.

* * *

Для постепенного развития чувства природы прежде всего стоит попытаться заставить звучать в нас ее различные голоса, следуя их развертыванию в ее ежегодном дыхании — от весеннего цветения до полноты, зрелости и упадка, до ее короткой и непосредственно наблюдаемой зимней спячки, являющейся глубинным сосредоточением и подготовкой. Поэтому наблюдайте за средой, в которой вы живете.

Всякий объект в своей форме обладает своим конкретным отпечатком, приданным ему глубинным смыс-

лом, и может вызывать безграничное развитие идей, впечатлений, внутренних опытов, разных для каждого индивида согласно его частным склонностям.

Известно, например, что мы воспринимаем не *цвет* некоторых *цветных* объектов, а их форму: первую идею о бесформенном цвете могут подсказать колебания цветной вуали, хотя этот образ все еще сильно неадекватен трансцендентной реальности цвета.

Уместно вспомнить, насколько влияет на дух различная гамма цветов: чувство покоя, помогающее сосредоточиться, могут дать слабые оттенки синего и зеленого, но не красный и не белый. Различны виды ландшафтов, разные во времена года или в разных областях: ледяной лунный пейзаж, беспредельная степь, бесконечная пустыня вызывают иные впечатления, нежели живописная долина в весенней зелени, плодородная область с побегами, или тихие озера. Можно догадаться, как разнятся нравы обитающих в разных областях людей: поэты часто это чувствуют и переводят в свою поэзию пейзажи, являющиеся настоящими внутренними состояниями.

Известно, что физическая форма людей, их профиль, улыбка могут выдать их характер, качества и пороки. Если мы понаблюдаем за нашей собственной формой, надолго сосредоточившись на зеркале, мы глубоко изумимся тому факту, что посредством именно этого тела, этой внешности, Я является мне и другим. Рука обладает почти таким же глубинным выражением нашей сущности, как и глаза, и свидетельствует о том, является ли человек более или менее духовно близким к нам. Некоторые люди обладают способностью основательно узнавать собеседника лишь после каких-то секунд или нескольких часов разговора. Иногда происходит простое и удивительное событие: где-то среди толпы человека посещает внезапное откровение о сущности другого человека, который об этом совершенно не догадывается; и это впечатление насколько спонтанно, настолько *истинно*. Многое может открыть даже человеческий голос: мы с удо-

вольствием слушаем прекрасную песню, в которой голос разворачивает свои различные тональности и модуляции; но если песня или голос являются нашими, происходит раздвоение на одного — говорящего, делающего, и другого — наблюдающего. Обычно нам недоступен этот опыт, потому что когда люди говорят, они следуют собственной мысли, а не слушают собственный голос.

В особые моменты духа, в абсолютном одиночестве, проявляют себя невидимые нечеловеческие жизни. Дух может почувствовать их, но это происходит не всегда и не у всех. Иногда, находясь дома в одиночестве, мы читаем или пишем; в некий момент мы можем почувствовать, что больше *не одни*. Иногда присутствие приближающейся сущности ощущается так четко, что мы почти что вынуждены посмотреть в том направлении, где мы чувствуем *кого-то* невидимого, наблюдающего за нами. Иногда приходит импульс поклониться, когда мы понимаем, что находимся в присутствии высших Существ — и, к удивлению, за этим следует ощущение мира, глубинного внутреннего покоя, великой стабильности. Кажется, что дух воспарил на невидимых крыльях. Эти присутствия происходят внезапно, независимо от нашей воли, но им почти всегда предшествует период большой чистоты внешней и внутренней жизни.

Иногда мы ощущаем, как нас зовут по имени, причем как в бодрствующем состоянии, так и во сне. Кто же это делает?

Можно даже почувствовать присутствие весьма иных существ — существ, обитающих весьма близко к человеку и способных внушать ему внезапный страх или различные странные, необъяснимыми ощущения. Иногда кажется, что вокруг насмешливо ухмыляются гигантские рты этих существ — не являющихся невидимыми, но не воспринимаемых обычным глазом.

Из невидимого мира может иногда прийти как бы волна внезапного ужаса, головокружение от пропасти, раскрывшейся под ногами, ледяная паника тьмы, чувство оди-

ночества в пустыне, страх внезапных, ужасных видений: все проявления мира Страха, существующие за пределами человеческого сознания — и тут или дух будет достаточно силен, чтобы быть твердым, непоколебимым и победить, рассеивая всякую тень, или Страх, как огонь, подпитываемый стремительным ветром, собьет нас с ног, произведя серьезные в различных отношениях последствия.

Сон — это лишь пауза, тень среди света засыпания и пробуждения. Мы просыпаются отдохнувшими телесно, но часто с ощущением того, что на несколько часов отвлечлись от жизни и не помним ничего, кроме хаотичных изображений сна. В другой раз, напротив, мы пробуждаемся спокойными, изменившимися, и почти что можем рассказать, что не спали, потому что в нас, лежащих с закрытыми глазами, присутствовала *жизнь*. Есть два пути, которых мы лишены в повседневном бодрствовании: в первом тело отдыхает, а дух, заключенный в материю, удобно в ней располагается, и тут при засыпании мы ощущаем упадок, погружение в ничто; во втором, пока тело спит, дух устремляется через бесконечные пространства за пределы, к свету, и тело обретает чувство успокаивающей свежести, несмотря на любую физическую усталость. Именно в этом состоянии сознания, которое не является ни бодрствованием, ни сном в обычном смысле, появляются многочисленные видения — воздушные, светящиеся, обладающие ослепительной красотой или неопределимо чудовищные, обычные люди, занятые весьма странным трудом, которые в какой-то момент прерываются, чтобы взглянуть на нас, заставляя нас почти что *вздрагивать*. Пока вы не достигнете некоторой гармонии при помощи ритма Ритуала, вас могут посещать часто бессвязные и хаотичные видения, которые постепенно будут согласовываться между собой и становиться видимыми проявлениями живого и ясного символизма, чей глубинный смысл, сверкая, проясняет массу «почему» и массу тайн, непонятных человеческому уму.

В таких зонах нетвердый дух борется, иногда проходя в вихре от одного состояния к другому, падает в ужасающие, темные бездны, чтобы по долговому, мучительному пути подняться к свету, который пронизывает его и заключает в себе, и дух внутренне трансформируется в сияющее тело.

В каких-то редких случаях можно увидеть живых людей, близких нам по духу, в совершенно ином облике. Проще стать свидетелем раздвоения: увидеть самого себя, отраженного в зеркале или в тонкой стеклянной пластинке. Иногда это видение весьма ясно, а форма полностью выражена: иногда облик принимает в высшей степени духовное выражение, а иногда *двойник* смотрит на нас глазами, которые кажутся несоразмерно широкими: и здесь наше нутро вздрагивает из-за морозного озноба. Иногда видения и символы объясняет нам Неизвестное, которое нас направляет и которое говорит с нами, будучи невидимым. По мере продвижения вперед становится заметно, что видения и символы разворачиваются гармонически, а взаимосвязь между ними, а часто и с событиями нашей прошлой или будущей жизни, удивительна. Также вы будете видеть множество светлых внешних и внутренних вещей: неисчислимы искры, распространяющийся вокруг свет, сияющие шары, вплоть до видения *астрального* глаза, большого и ослепительно красного — при сосредоточении на нем совершенно теряется восприятие конкретного отдельного существа и достигается наблюдение и ощущение Вселенной в нас самих, за пределами времени, пространства и вещей.

Одними из вышеупомянутых призывов, достойных внимания, являются таинственные голоса, восстающие из глубины в моменты отвлеченности, или когда мы наименее всего их ожидаем, во время беседы или работы. Из глубин нашего существа восстают внезапные проблески, чтобы осветить мир, когда-то известный, но затем затерявшийся в памяти. Они восстают в виде голосов и слов, чей смысл непонятен, но чей звук, кажется, делает нас

лучше и радостнее: душа слышит эту далекую музыку, опьяняется ей, в то время как ум безнадежно теряется в не получающих ответа вопросах «почему» внутри ненарушаемых пределов, которые только дух может превзойти.

При восприятии таких голосов иногда хочется создать абсолютную внутреннюю тишину, заставить замолчать даже биение сердца, чтобы можно было воспринимать мимолетную гармонию космических форм. Можно слушать даже звук собственного сердца.

Иногда, когда больше не слышен никакой шум, в тишине *ощущается* другая Тишина, и сердце трясется, как если бы оно билось из-за звуков воздуха. Это короткие моменты: Тишина, поднимаясь из глубины, в какой-то момент почти что обособила нас от жизни — прекратился всякий внешний звук, всякая мысль, ощущается одиночество, свобода в центре вселенной. И тут мы вновь возвращаемся в себя, вздрагивая, ощущая *течение* времени, поток волны жизни: это сердцебиение вечной жизни в противоположность жизни смертных, которой мы живем.

Иногда обращают на себя внимание ощущения текучие, как волна: *фиксации* мысли, в течение которых что-то легкое, слабое, нежное восстает из глубины, подступая к пределам нашей чувствительности. Это подобно ощущениям человека, лежащего на спине на поверхности воды и ощущающего прохладу спокойного течения, которому он всецело доверился.

Иногда это чувство отделения является еще более ясным: впечатление полета через несоизмеримые пространства, сведение всех ощущений к чувству подъема, подвешенность в воздухе, совершенная свобода от всех телесных уз — облегчение, как глубокий вдох после момента стеснения. Существо, освободившееся от цепей, опутывавших его на земле, свободно в своем царстве, в царстве духа. Неопишимо то состояние светлой радости, которое пронизывает при этом душу.

*Haec ad magicam Mysterii portam aperiendam claves*²⁵⁴.

Иногда кажется, что мы не живем, а спим, как если бы в нас была уничтожена сама сущность жизни, в то время как отдаленное мышление смотрит, как мы живем, наблюдает за нами, как если бы речь шла о ком-то другом. Это часто происходит при неожиданных порывах стремления к освобождению, которые встречаются при внутреннем обособлении. Но нужно быть способным на это внутреннее действие, иначе из-за раздражающего контраста между реальной жизнью и этим чувством сна возникнет напряжение и острое страдание. Вспомним глубокую, невыразимую тоску юности, когда, едва достигнув физического развития, дух кажется пробудившимся: друг за другом следуют кризисы скептицизма, мистицизма и т. п., которые являются настоящими испытаниями и ведут к победе духа, если он сможет поверить в Свет без лица и без имени, сосредоточенный в самом себе.

Мы в общем очень хорошо знаем о жизни, о существовании, но не о *бытии*. Мы сможем подтвердить это при реальном ощущении воспламенения в нас пламени священного огня, оживляющего Космос: мы будем ощущать себя живой светлой точкой во Вселенной. Только тогда мы сможем уверенно преодолеть духовные кризисы, которые неизбежно в нас восстанут, подобно волнам, догоняющим другие волны, всегда более широким и высоким, которым нужно противопоставить более мощную силу активного сопротивления, чтобы не утонуть. На пути нам препятствуют Призраки темной растерянности, безмолвной Пустоты, ледяной Изоляции, совершенного отсутствия ценности. Ужасные и неожиданные, они внезапно возникают, не обращая внимания на чередование дней нашей жизни, равнодушно проскальзывая посреди радости и печали. Научитесь создавать непобедимую из-

²⁵⁴ Вот ключи для открытия магической двери Мистерии (лат.)
— *Прим. перев.*

за собственного качества силу, и всякий призрак улетучится, едва сформировавшись.

Эта сила состоит из постоянной воли к покою и твердости, помогающих отвести всякую тень печальных или злых мыслей, проецируемых более плотной стихией; из способности овладеть своими и чужими нервными волнами; из создания в себе безмятежности, которая иногда может прийти из опыта одиночества, из нахождения в сельской местности, из нашего внутреннего мира, принесся нам сосредоточенность. Над радостью и печалью, над чередованием добра и зла должен непобедимо сиять дух — как над сменой человеческих поколений, не меняясь, холодно сияют звезды.

В этом состоянии духовного покоя в нас будут струиться бесчисленные призывы из природы, из нашего внутреннего мира: голоса, впечатления, ощущения присутствия, видения, состояния души, который могут проявляться с разной ясностью в разных индивидах в любой период жизни, абстракции, созданные из любой жизненной нормы, любого Ритуала. Сообщения, сначала туманные, а позже расшифрованные духом, открывают новый, реальный мир, существующий в нас и вокруг нас. Это знание даст нам двойную жизнь, чье непрерывное и удивительное становление приведет к контакту с другими уровнями существования.

Эти призывы, почти всегда эпизодические и хаотичные, пока Ритуал не гармонизировал их ритм, достигают нас, чтобы мы перестали зависеть от плоти, а стали ее хозяевами, чтобы мы духовно пробудились; чтобы мы в полной мере осознали, что оживляющий нас дух является искрой великого Огня, живущего во вселенной, и что его огненная природа постоянно стремится вверх.

ЛЕО ИЗРЕЧЕНИЯ

Нижеследующие изречения собраны вместе согласно намерению, высказанному мной в моем предыдущем эссе. Каждое из них является темой для размышления, которое может принести результаты в форме *знания*. Они происходят из содержимого моих предшествующих эссе и в то же время будут полезны для понимания и более глубокого проникновения в них.

* * *

Первым шагом к расширению сознания является уверенность в *нереальности* пределов нашего тела и нашей внутренней деятельности.

*

Внутреннюю деятельность совершенствует расширение чувства внешней реальности на все более тонкие изменения сознания.

*

Чувство силы должно быть спроецировано на стремление в будущее. Чувствовать его в настоящем — значит остановиться.

*

Человек продолжается в космосе, а космос в человеке. Невозможно чувствовать реальность самого себя, если не чувствуешь себя распространенным за свои пределы; невозможно духовно проникнуть в мир, не исходя от центра своего существа и продолжения движения к миру.

*

Человек обобщает в себе то, что в мире разворачивается во времени. Синтез событий в нем становится реальным фактом в его сознании — и так побеждает ограничение времени.

*

Человек обладает постоянными связями с миром: в глубине собственного существа он может встретить эти нити, которые доказывают ему непрерывность этих связей и духовную реальность того, что его окружает.

*

Человеческая сущность — это также космическая сущность; абстрагировавшись от чувственного мира и поддерживая полноту сознания, при помощи безмолвия она может достичь сознания космической сути.

*

Космический опыт — это реализация чувства длительности собственного существа в соучастии с космическим становлением *sub specie aeternitatis*²⁵⁵.

*

Во всем том, что движется, восходит, растет, меняется и умирает, должна присутствовать невидимая сила. Никакое природное событие не начинается и не заканчивается по причине, корнящейся в самой природе.

²⁵⁵ С точки зрения вечности (лат.) — Прим. перев.

*

В созерцании природы чувство красоты — это предчувствие, еще объединенное с удивлением и незнанием: позже посредством знания оно станет полным.

*

Ритм является универсальным законом. Гармонизация чувства ритма в человеке и в мире производит пробуждение сознания и открывает тайную сторону жизни.

*

Нельзя равнодушно приближаться к тайному — вся душа должна быть готова колебаться, изумляться, ликовать: знание может расцвести только в полноте.

*

Бесконечное и чувство развития должны стать качествами, присущими нашему сознанию: нельзя приближаться к миру без этого живущего в нас чувства. Без этого чувства роста, восходящего движения, ритма, мы остаемся с нашей нерешенной проблемой. Откровение невидимого может быть получено только вечными существами: тот, кто ощущает себя имеющим начало и конец, никогда не сможет *осознать*.

*

Наши тело и мозг — это «плохие проводники» в духовном опыте. Нужно осознать то, что они являются препятствиями, и победить их посредством внутреннего действия. Когда мозг понимает, он ухватывает и улавливает то, что ему представляется, и мешает ему войти в общение

с тонкими центрами: только то, что повторено и ритмизировано, может пройти в духовное надмозговое сознание.

*

Чувство свободы в теле относительно и иллюзорно: можно испытать свободу только в том сознании, которое забыло о теле, которое не чувствует тело.

*

В нашей области воображение не является самовнушением. Воображать — значит создавать. Когда можно предвидеть или ухватить состояние сознания и зафиксировать его в воображении, это первый шаг реализации — воображение и реальность встречаются и совпадают в центрах тайного сознания.

*

Органы физического тела имеют физиологическую функцию, частично доступную научному исследованию, а также функцию связи с тонким телом, носителем жизни. При его помощи формируется другой порядок связей с третьим телом — телом высшей природы. По этим путям идет чувственное восприятие и двигательное выражение импульсов. Обычное сознание получает и дает ровно столько, сколько мозг может передать. Духовная же деятельность избегает мозга и проходит через другие органы, в которых сознание обычного человека уже не может обосноваться.

*

Когда в обычном человеке утомленное сознание мозга переходит в другие органы, оно затемняется и про-

изводит сон²⁵⁶. Одновременно меняется полярность тела жизни (тонкого тела) и духовного тела.

*

Посвященный может поддерживать сознание в его переходе из мозга в другой орган; здесь он осознает сверхчувственные миры, которые обычный человек видит во снах. Если ему удастся поддерживать полярность тел и препятствовать разделению, он может видеть эти миры и в состоянии бодрствования.

*

Восстановление сил во сне обязано собой не только «отдыху», но и двум другим факторам: первый — это прекращение напряжения бодрствующего сознания перед лицом материального мира; второй — этот контакт с тайными творческими силами, с которыми мы входим в связь во время сна. Это силы, которые сформировали материальное тело и которые способны поддерживать его элементы вместе и восстанавливать его потери.

*

На инициатическом пути рядом с великими тайнами есть малые истины, тайны простых способов внутреннего совершенствования, которые могут увести весьма далеко.

У многих имеется возможность приобрести духовное знание, но ее не замечают, потому что ищут сенсационных путей, удаленных от ежедневной деятельности людей. То, что мы уже сообщили, может помочь в про-

²⁵⁶ Из-за этого многие с началом первых инициатических практик не выдерживают чувства почти что сонливости и уклонения — их сознание не успевает за сдвигом уровня, о котором уже шла речь. Хватает и таких людей, которые из-за ошибочных интерпретаций этого явления не желают идти дальше. — *Прим. гр. «Ур».*

хождении хорошего отрезка пути, ведущего к эзотерической реализации. Это вопрос терпения, настойчивости и остроты наблюдений. Многие проходят рядом с откровениями, способными преобразовать их сущность, но не замечают их, потому что смотрят далеко в поисках сенсационных призраков.

*

Духовное сознание вечно, непрерывно и всегда активно — нужно ощущать затемнение сознания во сне как паузу, обязанную собой временному ограничению.

*

Всякое человеческое действие должно быть подготовкой или движением к высшему осознанию: это основа, на которой человек должен организовывать свою обычную жизнь.

*

Человек — это смесь материального тела, которое он видит, чувствует, воспринимает; жизненного тела, которое поддерживает вместе его компоненты; тонкого тела, при помощи которого он видит, чувствует, воспринимает; и духовной сущности, центра всего его существа. Об этой композиции он должен отдавать себе отчет, когда говорит «Я».

*

Всякий раз, когда человек говорит «Я», подсознательно имея в виду только материальное тело, он заключает себя в тюрьму и погружает внешний мир во тьму.

ПЬЕТРО НЕГРИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ В МАГИИ

Тот, кто озаботится чтением посвященной магии литературы, древней и современной, обнаружит обширное собрание опытов и начинаний, увенчанных блестящими успехами, и довольно скудный урожай поражений, неудач и фиаско. Если оценивать приключения магов по их отчетам, то возникает впечатление, что маги являются близкими родственниками охотников и альпинистов, которые, как известно, в своих рассказах всегда побеждают любого зверя и любую вершину. Конечно, рассказчик не забывает перечислить и возвеличить препятствия и опасности, грозящие отважному исследователю и экспериментатору, но почти всегда все это говорится с целью предостеречь и подготовить читателя-новичка и, отдает автор себе в этом отчет или нет, все это в конечном счете сводится к возвеличиванию своих способностей и своего искусства опытного мага, который, *mirabile visu*²⁵⁷, посреди джунглей затруднений шествует в безопасности и победоносно, как саламандра шествует *per ignes*²⁵⁸.

Поэтому, разнообразия ради, читателю, вероятно, доставит удовольствие и последующие правдивое, честное и скромное описание болезненного поражения нашего друга. Вот рассказ, к которому мы ничего не добавили и от которого ничего не убавили.

²⁵⁷ О чудо (лат.) — Прим. перев.

²⁵⁸ Посреди огня (лат.) — Прим. перев.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О МАГИЧЕСКОЙ ИНВОКАЦИИ, ПРОИЗВЕДЕННОЙ В РИМЕ В РАВНОДЕНСТВИЕ ВЕСНОЙ 1927 ГОДА

Этой ночью, в отличие от принца Конде перед битвой у Рокруа²⁵⁹, я почти не спал. Хотя я завел будильник, поставив его на три часа утра, но не питал излишней веры в это противное смешение пружин и колес. По опыту я знал, что он прекрасно способен наплевать на установленное время, чтобы через двенадцать часов впасть в нескончаемое и неуместное безумие. Поэтому после двух часов сна, многократно прерываемого для консультации с часами, я проснулся сам еще до того, как зазвенел будильник — который, как я признаю, пунктуально выполнил свой долг к моему относительному удовлетворению и, без сомнения, к вящей радости моих соседей. Они, впрочем, не заслуживали излишнего внимания. На самом деле я начал подготовительные операции с последнего полнолуния; и, поскольку я о них не распространялся, мои соседи почувляли что-то странное, и в своем непонимании, естественно, постарались вставить мне в колеса все палки, которые только могли. Сказать по правде, они не только почувляли, но должны были прямо-таки ощутить разнообразные ароматы, которые, несмотря на все мои предосторожности, исходили из моей комнаты из-за окуриваний, произведенных в операциях этого ритуала — особенно из-за окуриваний серой, заставивших профанную толпу протестовать. В один из последующих вечеров через скважину замка, которую я забыл закрыть, они увидели чудака или безумца, который, закутавшись в белое и стоя в плотных облаках дыма и ароматов, делал и говорил непонятные вещи. Их волнение выросло еще больше, когда этот сумасшедший

²⁵⁹ Битва при Рокруа — сражение, состоявшееся 19 мая 1643 года между французами и испанцами в окрестностях французского города Рокруа в ходе Тридцатилетней войны. Окончилось полным поражением испанской армии. — *Прим. перев.*

взял за привычку выходить из дома к трем часам ночи, чтобы вернуться поспать к шести или семи...

Когда адская буря будильника наконец стихла, я погружился в привычные операции обычного ритуала, который сейчас не время описывать. Закончив их, я совершил ритуальное омовение, поспешно выпил кофе, быстро оделся и отправился на заранее выбранное и уже подготовленное место инвокации. В самом деле, с такими соседями нельзя было даже думать о том, чтобы производить операции ритуала в своей комнате. Как бы я смог объяснить и оправдать возможные феномены, движения объектов, шум, голоса, *беседы*, которые нельзя было скрыть? И как смог бы осуществлять задуманное на протяжении целых дней и недель? Лучше — намного лучше! — было прогуляться ночью двадцать минут и войти в подземелье, где, по крайней мере, было безопасно, где меня никто бы не увидел, не почувствовал и не потревожил.

Поистине, вход в мое подземелье не был слишком комфортабельным: нужно было спуститься в подвал и потом нагнуться к земле, чтобы проползти на четвереньках через узкий проход, специально пробитый в древней стене шириной три метра. Но после этого, натерев живот о землю, а спину о стену, вы оказывались в ряду необъятных, высоких и безлюдных подземных помещений. Даже днем там, внизу, господствовала глубинная тьма и торжественная тишина. В глубине и в самой середине широкого помещения, спускавшегося с наклоном несколько метров, находился вход в обширный склеп длиной пятнадцать метров и высотой больше двух, совершенно отделенный от внешнего мира, абсолютно темный и безмолвный, с одним только отверстием — входом.

В глубине склепа еще до этого вечера было подготовлено все необходимое: лампа, полная чистого оливкового масла, уже висела на потолке, жаровня стояла на своем месте, ориентация была определена, на полу были отмечены точки, где будут нарисованы магические знаки, подготовлен и находился под рукой уголь для разжигания

и черчения знаков, а меч был расположен в своем углу. Хотя в склепе не было двери, это было не очень важно, потому что в подземелье никто не мог войти. Впрочем, даже если бы этот гипотетический незванный гость через подземный раз и лабиринт смог добраться до этого обширного помещения, содержащего склеп, он бы однозначно задержался, увидев появившееся на какое-то время отражение загадочного слабого света, который магическая лампа проецировала в темноту зала через вход в крипту: ибо этот слабый свет имел характер почти что спектра и мог произвести впечатление также на того, кто знал его происхождение. И кто осмелился бы идти дальше, заметив, что в глубине склепа в ореоле дыма колеблется белый призрак, вооруженный мечом?

Накануне, чтобы ничего не забыть, я подготовил все, что должен был принести с собой: ключ от подземелья, электрический фонарик, спички, мантию из чистого льна, ритуальные благовония и т. п. Я положил в карман все, что в него поместилось, из оставшегося сделал узел и вышел на улицу. Ночь была свежа и безмятежна; время от времени мой одинокий путь освещала еще высокая луна. По любопытному, редкому и благоприятному стечению обстоятельств полнолуние произошло три дня назад — три дня, необходимых для предварительных операций, так что я мог начать собственно инвокацию, когда солнце вошло в первый градус Овна, чтобы закончить ее в первое полнолуние весны, совпадающее в этот раз с днем Пасхи.

Я шел быстрым шагом: во-первых, это согревало, а во-вторых, я не хотел терять времени, так как все нужно было завершить до рассвета. Окружавший меня Рим молчал — только какой-нибудь автомобиль и крайне редкий шум ночного трамвая нарушал глубокое молчание, властвовавшее над пустынными улицами, Форумом и великими римскими развалинами. Впрочем, меньше людей — меньше беспокойства. Прогулка по римским улицам под лунным светом в три часа ночи с подозрительным узлом в руке могла привлечь внимание. Перспектива задержания

ночным патрулем меня немного тревожила, тем более что у меня не было с собой удостоверения личности. Представьте себе! Я не мог объяснить, куда я иду, что делаю, и почему в этот час несу с собой этот узел со странными инструментами. Это было еще одной причиной, по которой я ускорял шаг: пересек еще одну площадь, вышел на узкую улицу, завернул за угол, и... столкнулся лицом к лицу с двумя полицейскими и комиссаром! Великолепно! К счастью, старая привычка самообладания сработала автоматически: я никак не вздрогнул, не привлек внимания, и, определенно, мысль остановить и допросить меня даже не пришла никому в голову; так я думал, так я хотел и так и случилось.

Две минуты спустя я спустился в подземелье; жалкие препятствия были наконец-то преодолены — по крайней мере, так мне представлялось.

Лампа, жаровня, меч, уголь — все находилось на своих местах в полном порядке. Я не чувствовал холода, но влажность пронизывала до костей. Спички, оставленные предыдущим вечером, пришли в негодность; хорошо, что на всякий случай я принес второй коробок. Фитили носиков магической лампы тоже почувствовали влажность и зажглись с трудом, но в итоге три огонька заработали великолепно: они распространяли теплый, спокойный и достаточный для моей цели свет, и не было и не могло быть струй воздуха, которые бы могли их поколебать.

Я зажег лампу и шагнул к жаровне. Я взял ее и положил за пределами склепа на более подходящее место и приготовился зажечь уголь в свете двух свечей. Дело представлялось довольно серьезным: за несколько часов уголь частично пропитался влагой, что не давало ему загореться; ощутили влажность и раздувала, став мягкими; но я дую снова и снова, при помощи как раздувал, так и легких — и, наконец, это недоразумение с углем разрешается. Уголь загорелся, и специально поддерживать его горение не нужно. Но на это я потратил больше времени, чем рассчитывал.

Я быстро разделся, надел мантию и спустился в склеп, взяв с собой жаровню — время от времени ее нужно было раздувать. Я взял ритуальные благовония и положил немного на раскаленные угли: от жаровни немедленно поднялся густой и ароматный дым, но его было недостаточно, чтобы сильно затемнить свет огней, продолжавших спокойно гореть. И пока аромат от окуривания продолжал распространяться, я взял уголь и с его помощью нарисовал на земле в четырех главных точках магические символы ритуала, а в середине — знак операции. Над этим знаком я поставил жаровню, от которой уже поднималась спираль дыма. Итак, мне осталось только бросить вторую щепоть благовоний на огонь и приступить к инвокации.

Я немного сосредоточился и вскоре в моем уме, еще пропитанном различными материальными заботами и трудностями, о которых я говорил, возникает отчетливая мысль о том, что я намереваюсь сделать. Я не дрожу и не колеблюсь, но не слишком ли велика ли моя смелость — поднимать земной еще взгляд так высоко, к такому высокому могуществу солнечной иерархии? Определенно, смелость велика, но это скорее причина действовать решительно и твердо. И внезапно этот проклятый уголь, видимо, поклялся заставить меня страдать. Если он погаснет, конец окуриванию и конец инвокации; мне не хватало времени, чтобы заново зажечь его, а изменить порядок операций я не мог. Я наклонился к земле, схватил раздувало и подул изо всей силы легких: слава Богам, огонь занялся вновь, высвободив свет и тепло.

Я бросил в огонь вторую горсть благовоний, взял меч так, как предписано ритуалом, надел очки и левой рукой взял сверток бумаги, специально приготовленный так, чтобы его можно было развернуть одной рукой, чтобы прочитывать длинную инвокацию. Я повернулся на восток, направил меч в на знак операции и полностью осознавая, что делаю, медленно и серьезно начал: «Величайшее могущество всякого могущества...». С радостью констатирую, что свет фо-

наря позволяет мне к моему удобству читать слова инвокации и что процесс идет нормально. Но что это? Откуда этот ветер? Почему он проснулся именно сейчас, чтобы волновать огни и мешать чтению? И что такое? Я не вижу! Все боги Олимпа, мои очки помутнели! Я понимаю, что я вспотел из-за этого проклятого угля и из-за испарений: из-за влажности происходит осаждение водяного пара, капельки прилипают к стеклам очков благодаря силе адгезии: физическое объяснение явления оставляет меня равнодушным, и я... больше ничего не вижу. Чтобы протереть очки, нужно их снять, но тогда нужно прервать операцию: к тому же у меня только две руки. С мечом в правой руке — его нельзя бросить, нельзя и поменять направление, на которое он указывает — и со свитком бумаги в левой руке это невозможно. И с другой стороны, как остановить все посередине, когда силы уже призваны? Смотри, смотри, как ветер поднимает спирали дыма и заставляет огни волноваться! О Боги живые, в эти секунды гаснет фонарь!

В мгновение ока из-за жалкого мелкого препятствия события приняли устрашающий оборот. Мне пришла на ум жалоба Мусолино (всезнайки, внимание!): *какая мелочь! какая мелочь!*²⁶⁰ И подумать только, что этот добрый муж по имени Сократ говорил, что глаза души начинают видеть ясно, когда глаза тела начинают видеть плохо! Красивое утешение, нечего сказать; но между тем было бы лучше, если бы очки не помутнели. Ситуация выглядела скверной. Откуда этот внезапный вихрь? Почему я чувствую себя плохо? Внимание, внимание! Спокойствие и внимание! Откуда эта дрожь? Я дрожу от страха? Нервы, плоть, ощущают страх! Какое-то время я ощущаю страх страха, страх не совладать со страхом; смутно угадываю его последствия, вижу себя мертвым, распростертым бездыханным на земле; и сразу же реаги-

²⁶⁰ Джузеппе Мусолино (Giuseppe Musolino, 1876–1956) — известный итальянский преступник, заслуживший славу «народного героя». Автор, вероятно, ссылается на одно из высказываний Мусолино: «То, что не смогла сделать армия, смогла сделать мелочь». — *Прим. перев.*

рую. Я беру себя в руки — ясность возвращается ко мне; я намереваюсь продолжать операцию любой ценой и в любом случае, до самого конца. Между тем запотевание частично прошло, и этого хватило, чтобы понять некоторые слова инвокации и таким образом помочь своей памяти: с некоторым усилием я смог довести все до конца. Но в борьбе с непредвиденными материальными затруднениями и с осложнениями, которые они вызвали, я не смог должным образом сосредоточить свою духовную энергию, и, возможно, по этой причине, инвокация не дала всего, что от нее ожидалось.

Когда в шесть утра я вернулся домой, борясь со сном и усталостью, ноги меня не держали. И я заснул... как принц Конде.

На следующее утро помутнение очков прошло.

РАЗЛИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

«ВОСПОМИНАНИЯ» И «ГОЛОСА»

В гл. X Лео говорил о некоей форме сверхчувственного сознания, заставляющей провести аналогию с *воспоминанием*. Сознание преобразуется и предстает уже не как мысленное представление или понятие, а почти как память, как нечто, восстающее изнутри и принадлежащее нам. Соответствующее духовное отношение можно развивать посредством следующего упражнения: вечером попытайтесь воскресить в памяти все пережитое за день или за его часть, но *в обратном порядке*. Но речь идет не столько о постепенном «представлении» различных отдельных фактов, сколько о *создании ритма, идущего вспять*, активном восприятии идущей вспять *непрерывности*, и сосредоточения больше на действии, которое дух вынужден совершать (пока вы не сможете воспроизводить *без содержания*), чем на вспоминаемых явлениях.

Что касается мантры и внутреннего уха, способного абстрагироваться от материального звука и воспринимать тонкий звук вещей и голосов, здесь нужно начать с дисциплины, которая при помощи *активного внимания* различает послания, связанные с различными качествами звуков. Обычный человек в этом отношении крайне отвлечен: он пассивно и торопливо получает чувственные физические колебания и автоматически переводит их в образы и идеи, то есть отождествляется с эмоциями и реакциями, которые из них следуют. Его слуховое поведение относительно голоса человека, животного или шума почти что такое же: оно притувлено, хотя человек находится посреди мира звуков. Нужно научиться *ощущать* в звуке различные качества, воспринимать тонким образом то, что в звуке происходит от живого существа, человека или животного, или просто от столкновения разных вещей. Нужно сильнее обращать внимание на этот элемент, отождествляться с ним, позволять ему говорить *через* простой звук, исключая все то, что может прийти от нас самих. Это уже означает в какой-то мере *пробуждать* слух — и замечать состояние глухоты, в котором мы находились ранее.

О практической части индийского учения о мантрах можно сказать, что она во многом соответствует использованию *зикра* в исламском эзотеризме — подробности насчет этого последнего можно встретить в текстах аль-Газали. Зикр может состоять просто из «божественного имени», из того же Аллаха, или еще более абстрактной формы «ху» («он»). Для индивидуальной практики рекомендуется ритуальное уединение — можно даже символически надеть головной убор (например, капюшон христианских монахов). Ум, сосредоточенный на зикре, непрерывно повторяет одно и то же (=джапа), пока человек не войдет в состояние, в котором губы и язык останутся неподвижными, а повторение будет осуществляться только «в сердце». Но и этот «звук», несомый в сердце, имеет свою форму, которую нужно превзойти, продолжая и интенсифицируя ритм, пока это же звучание в сердце зикра

не прекратиться, как прекратилось материальное произношение; в этот момент обнаруживается «дух» зикра, его нематериальная сущность (артха индийского учения), которая реализуется как сущностная часть самого оператора.

В исламе во многих случаях практика зикра во многом потеряла свою чистоту чисто внутреннего и интеллектуального метода и приняла форму коллективного процесса, периодического и непрерывного повторения данных формул, имеющую в данном случае цель (более или менее гипногенного характера) нейтрализации обычных умственных способностей и благоприятствования экстранормальным состояниям, качество которых, впрочем, может быть сомнительным, если весь коллективный процесс не контролируется Учителем, квалифицированным *шейхом*.

Впрочем, нужно отметить, что использование литургии (и, более того, злоупотребление ей) в некоторых христианских орденах, которые называются созерцательными (например, у картезианцев и кармелитов) имеет примерно этот второй смысл. Это не процесс повторения мантр в чистом состоянии: он практически неспособен *реализовать* литургические формулы согласно их возможному внутреннему измерению в их различной и непрерывной последовательности. Этот процесс нацелен скорее на то, что, выражаясь индийскими терминами, называется «убийством мысленного» («убийство манаса»), то есть на нейтрализацию ума. Предполагается, что достижение этого состояния приводит к духовному просветлению, что является знаком милости. Практика повторения божественных имен, в некотором смысле родственная практике активного процесса, указанного аль-Газали, имеется и в Восточной церкви. Она, видимо, является неотъемлемой частью так называемого исихазма, в котором (как, впрочем, и в некоторых исламских и индийских школах) она связана с дыхательными практиками. Наконец, указанная практика встречается в каббализме, где она имеет более отчетливый характер и связана с ясными магически-инициатическими целями.

УПАДОК СЛОВА

Говоря о мантрах в их аспекте *универсального языка* и *сущностного языка*, можно было бы развернуть различные соображения относительно происхождения языка в общем — происхождения, которое не может не носить священного и высшего характера. В «Петербургских вечерах» Жозефа де Местра в этом отношении можно прочитать интересные соображения. Пока профанная филология не уступит место священной науке о языке, многие двери к познанию того, что слово означало в изначальной цивилизации и что из него сохранилось в последующие времена в виде смешанных между собой фрагментов во всевозможных обломках, останутся закрытыми. Впрочем, процесс упадка слова относится не только к переходу в состояние, в котором воспринимается только его материальная форма, конкретизированная и духовно мертвая. Его можно искать в области самого слова. Если было бы необходимо обнаружить дополнительное доказательство того факта, что развитие человечества является не «эволюцией», а деградацией, таковое доказательство было бы дано очевидной нищетой, неорганичностью и поверхностностью современных языков в сравнении с древними, в которых еще присутствовала некоторая связь со священными языками. Крайний предел совершенно двумерного, чисто практического стенографического языка, возможно, представлен современным английским языком — как нет сомнений в том, что англосаксонская цивилизация в общем, включая Америку, представляет предел всего западного «прогресса». Среди живых западных языков, видимо, лучше прочих сохранил в своей структуре некоторый несовременный, ритмически-органический характер немецкий язык, который таким образом любопытным образом отличается от других языков того же северного корня. Тем не менее, это та область, на которой здесь неуместно задерживаться.

ЕЩЕ ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ О БЕССМЕРТИИ

Ознакомившись с инициатическим учением о бессмертии (гл. V), некоторые читатели посчитали, что, отрицая то, что в христианской религии соответствует понятию свойственной каждому человеку «бессмертной души», мы «перешли всякие пределы». Нам было сказано, что даже если признать, что бессмертие как реальный опыт не дано человеку, а является лишь возможностью и задачей, это не исключает существования в человеческом существе вечных принципов, которые всегда существовали и всегда действовали в нем, хотя и не выходя на свет сознания.

На это нужно ответить следующее: даже если бы эти принципы существовали на самом деле, но Я не догадывалось бы о них, не говоря уже об их активизации и усвоении, то с *позитивной* и *экспериментальной* точки зрения инициатического пути их существование не играло бы никакой роли для бессмертия Я. Это утешение было бы аналогично утешению, которым нас снабжают материалисты, говоря, что «душа» при смерти угасает, но составляющая человека материя продолжает существовать, ибо неразрушима.

Например, стол может существовать или не существовать, и я знаю, что он есть или его нет. Но насчет Я нельзя сказать то же самое: нет с одной стороны Я, а с другой — его сознания; суть Я — это само сознание; его существо — это и есть осознание. Поэтому нельзя думать о какой-то части Я, что оно существует, когда его сознание угасает, почти как стол существует независимо от того, вижу я его или нет. Когда угасает сознание и ощущение самотождества, угасает также и Я. То, что продолжает существовать, вечно или нет, материальное или духовное, — это уже не то же самое Я.

Мы признали, что с доктринальной точки зрения то Я, чьим отражением является человеческое Я, может соответствовать *атману* Упанишад и *пуруше* санкхьи. Но то, что человек испытывает на своем опыте как свое «я», является не таким Я, а лишь его отражением. Если хоти-

те, при смерти речь идет не о растворении души, а об отражении, которое вновь впитывается в спроецировавший его трансцендентный принцип, что в религиозном или пантеистическом смысле можно было бы также назвать новым поглощением души Богом. Но нужно убедиться, что здесь говорится об одном и том же, потому что между Я-отражением и абсолютным Я нет непрерывности и новое поглощение первого вторым эквивалентно, с точки зрения второго, как раз его растворению. Все может происходить иным образом только тогда, когда осуществлена активная и сознательная интеграция образа или отражения с его источником — что, однако, эквивалентно цели инициации в ее различных степенях.

Что касается других элементов, переживающих смерть, то, оставляя в стороне психические остатки и отпечатки, обреченные на смерть, остается то, что индийская традиция называет кармой, о которой много фантазировали теософы. Но даже то, что связано с кармой, не имеет ничего общего с подлинным бессмертием, потому что здесь речь идет об игре безличных сил, ограниченных сферой обусловленного (сансарического) существования. Иными словами, как человек путем животного рождения может дать существование другому, отдельному от него индивиду, которому передается его биологически-видовая наследственность, так и его действия могут определить силу, которая станет причиной другого существа, характеристики которого будут как-то связаны с этими действиями. Такова его карма, и поэтому в учении говорится, что когда человек растворяется в отдельных компонентах, возвращающихся к своим источникам, его карма остается²⁶¹. Но, как уже было сказано в соответствующем месте, во всем этом процессе, ошибочно интерпретируемом как реинкарнация «бессмертной души», нет никакой основы для непрерывности самотождества, то есть Я — на этом уровне непрерывность просто невозможна. Это может подсказывать известный образ пламени, породившего другое пламя: огонь тот же самый, и

²⁶¹ См. *Брихадараньяка-упанишада*, III, ii, 13.

первое породило второе, но речь всегда идет о *другом* пламени по отношению к первому. В кармической области все происходит именно таким образом. Эти вещи имеют «физический» характер, и это никоим образом не касается судьбы духовной личности.

Более интересны соображения, которые можно было бы развить относительно случая группы существований (и, соответственно, группы «Я»), рассматриваемой по аналогии с многими проявлениями и воплощениями (но не перевоплощениями) одного и того же принципа высшего порядка, который, входя в «течение», в область обусловленной и случайной реальности, стремится к совершенству. В таком случае каждое из этих существований и этих «Я» имеет смысл отдельной попытки, несущей его вперед. Иными словами, это похоже на многосерийный штурм, предпринимаемый одной и той же армией: одна волна штурмующих устремляется вперед, достигает данной точки, рассеивается, за ней следует вторая, за которой следуют другие, которые идут дальше предшествующих, теряя землю или захватывая ее. Так происходит до тех пор, пока одной из этих штурмовых волн *может* удасться осуществление изначальной и общей цели, и вся серия на этом закончится. Следовательно, при рассмотрении этих отдельных отрядов как отражающих отдельные «Я» и отдельные существования ни один из них не является случаем реинкарнации, потому что одна волна не продолжается в другой: если она не достигла цели, она рассеивается и истощается. Единство лежит в другом — в армии как целом, к которому принадлежат все ее части, и в едином намерении, из которого исходят отдельные действия. К этим же идеям может прилагаться ибсеновский символ «мастера пуговиц»²⁶², который переплавляет неудавшиеся пуговицы, чтобы попытаться создать из них пуговицы получше. Подобный образ, с точной отсылкой к инициатическим взглядам, часто встречается в книгах Майринка. Удавшаяся пуговица — это волна, которая

²⁶² Персонаж пьесы норвежского драматурга Г. Ибсена «Пер Гюнт».
— Прим. перев.

наконец достигает цели после всех прочих, оказавшихся уничтоженными; она соответствует существу, в котором реализуется вышеупомянутая инициатическая реинтеграция и которое тождественно Пробужденному.

ИММАНЕНТНОСТЬ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ

Со стороны людей, с интересом приобщающихся к области эзотерических наук, часто слышны вопросы следующего типа:

«Мы во всем согласны с вами в том, что касается практики. Но мы не понимаем в достаточной степени вашу точку зрения на высшие духовные вопросы. Провозглашает ли ваше учение *трансцендентность* или *имманентность*? Признаете ли вы *личного Бога*? Здесь нужно бы прояснить ваши идеи».

Очевидно, что подобные вопросы отдают влиянием философии — однако философии абстрактного рода, в русле которой сегодня обычно представляются духовные вопросы. Как бы то ни было, задающих такие вопросы можно сориентировать.

С опытной инициатической точки зрения дилеммы «или имманентность, или трансцендентность» не существует, потому что имманентность и трансцендентность не соответствуют двум философским системам, которые можно выбирать согласно своим предпочтениям и на основе спекулятивных суждений. Они соответствуют двум точкам зрения, и обе эти точки зрения реальны. То, что для одной является имманентным, для другой может, напротив, считаться трансцендентным, а при изменении перспектив — наоборот.

На космологическом и теологическом уровне всякое истинное инициатическое учение не может не переводиться в трансцендентную доктрину, потому что в той или иной форме оно всегда будет признавать принцип, не исчерпывающийся творением или «проявлением» и находящийся за пределами всякой формы не только природного, но и небесного и божественного существования. Но на практическом

уровне, если говорить о человеке и его возможностях, эта перспектива обладает двойным характером.

Очевидно, что пока человек остается человеком, — если, конечно, его взгляд на мир не является совершенно искаженным и ограниченным, — истинной является трансцендентность: истинная духовность должна обязательно представляться как нечто «иное», обладающее теми же чертами сияющей дали, недоступной и необитаемой, как ледниковые вершины для жителей долин. Но у адепта перспективы меняются местами, потому что высшая точка зрения уже является его собственной: он достиг пребывания в центральном, метафизическом элементе, и поэтому если что-то для него и создает впечатление чуждости и дистанции, то это будет как раз человеческий и чувственный мир.

Следовательно, здесь нужно ставить не «философскую» проблему имманентности или трансцендентности, а спрашивать, *по отношению к кому* говорится об имманентности, а *по отношению к кому* — о трансцендентности. Иными словами, нужно зафиксировать систему отсчета. Тот факт, что в инициатических учениях и на этих страницах некоторые принципы в одном случае считаются имманентными, а в другом — трансцендентными, составляет простую разницу в терминологии, которая никоим образом не волнует понимающего читателя.

Перейдем теперь к вопросу «личного Бога» — иначе говоря, «теистического Бога». Допускает ли его эзотеризм? Определенно, да: но нужно понимать, о чем идет речь. В некоторых религиях, включая христианскую, такой Бог является крайней точкой отсчета. Для инициатического учения это не так. «Личный Бог» — индийский Ишвара — сам принадлежит к универсальному проявлению, и его нельзя отождествлять с безусловным и трансцендентным, которое не может не быть свободным от формы и личности, будучи основой всякой формы и всякой личности, начиная с божественных (Святая Троица, двенадцать олимпийских богов, Тримурти и т. п.). Некоторые мистики в своих устремлениях исходили из того же самого, но их знание имело смутный и эмоциональный характер. Эзотеризм же, напротив, обозначает эту точку зрения ясно и

четко. Поэтому и в этом отношении не существует никакого противоречия или альтернативы. Личный Бог существует и является истинным с данной точки зрения, которая, однако, иерархически находится ниже точки зрения всякого инициатического и метафизически полного учения.

Следовательно, вопрос о противоречиях в этом отношении не может быть поставлен тем, кто защищает инициатическую точку зрения. Он может возникать только из-за деятельности тех, кто хочет абсолютизировать низшую — теистическую — точку зрения, не отдавая себе отчета в случайных и практических соображениях, которые в некоторых традиционных формах сделали возможным такое ограничение познания. Очевидно, что эти противоречия, порожденные неведением, никогда не смогут проникнуть в высшую, инициатическую область. И там, где тенденциозно на них настаивают, возможна даже передача подозрительных влияний, не лишенных связи с «контринициацией». Многим может казаться большим парадоксом то, что некоторые религиозные и «традиционные» (в нынешнем смысле) формы в своем воинствующем, апологетическом и эксклюзивистском поведении воплощают черты, свойственные тем связанным с помехами и инверсией силам, которые они называют «дьявольскими»: но во многих случаях именно так все и происходит, особенно в наши времена...

НЕРЕАЛЬНОСТЬ ТЯЖЕЛЫХ ТЕЛ

Почему же не существует природа тел и материи, в которой они суть, и горы, и камни, и твердая земля? Возможно, кто-нибудь скажет, а почему душа и ум, которые не давят, не испытывают воздействий, не сопротивляются, и даже вообще невидимы, существуют и истинно существуют?

Почему и среди тел в большей мере, чем устойчивая земля, будут существовать более подвижные и менее тяжеловесные тела, те, что вверху? И почему [более других будет существовать] огонь, уже бегущий телесной природы? Я думаю, наиболее самодостаточные тела наи-

менее тяготят другие и причиняют им наименьшую скорбь, и чем более тела тяжелы и земляны, тем более они ущербны и падучи, тем менее они сами могут подняться; они падают из-за своего бессилия, и своим низвержением и вялостью наносят друг другу удары. Наиболее неприятны в столкновении именно мертвые тела, наносящие наиболее сильные раны и причиняющие наибольший вред; одушевленные же тела, причастные существу, чем более они причастны, тем более приятны для своих соседей. Движение подобно некоей жизни в телах, оно есть подражание жизни, и чем более подвижны тела, тем менее они телесны, — так и убывание сущего делает то, в чем оно убывает, все более телом. Это можно увидеть из упомянутых уже страстей: в большей степени тело есть в большей степени претерпевающее: земля более, чем другие, а другие — согласно этому правилу; ибо все тела, кроме земляных, будучи разделены, вновь без помех приходят в единство, земляные же тела, будучи рассечены, так и остаются по отдельности навсегда; земляные тела подобны тем, чья природная мощь истощилась, так что от малейшего удара они распадаются и гибнут; точно так же, чем более они становятся [вообще] телами, тем ближе они к не-сущему и тем бессильнее сами восстановить [однажды утраченное] единство. В своем падении они наносят друг другу тяжелые и сильные удары: бессильный — бессильному, не-сущий — не-сущему, оказываясь в отношении друг к другу [сущими] и сильными.

Это сказано против тех, кто полагает сущих в телах, кто находит свидетельство их существования в получаемых посредством чувств представлениях о взаимоотношении, против тех, кто верит в их истинность; они действуют подобно спящим, которые полагают, что видимое ими есть сущее в действительности, хотя оно есть сущее во сне. Ибо ощущения суть [деятельности] сонной души, душа ведь спит, насколько находится в теле, и истинное пробуждение есть истинное воскресение от тела, не вместе с телом, ибо воскресение вместе с телом есть переселение из одного сна в другой, из одной кровати в другую; истинное же восстановление есть всецелое отделение от

тел, обладающих противоположной душе природой, и противоположной именно в сущности. Об этом свидетельствуют и возникновение их, и течение, и смерть, которые не принадлежат природе сущего.

Плотин, *Эннеады*, III, vi, 6²⁶³

ОШИБОЧНЫЙ ПУТЬ

...Эта любовь [души, чья причина — логос — лежит вне ее] — похожа на овода, мучимого неудовлетворенным желанием, потому что когда он получает удовлетворение, его [сущностная] нищета остается, поскольку совершенство не может являться результатом смешанности [себя и «другого»], но может существовать только в том, что имеет полноту в себе самом по своей природе. Поэтому то, что является желанием, происходящим из нищеты природы, даже если случайно найдет удовлетворение, вновь будет желать, ибо это удовлетворение является лишь уловкой ее собственной недостаточности, в то время как настоящее удовлетворение лежит лишь в [самодостаточной] природе Логоса.

Плотин, *Эннеады*, III, v, 7²⁶⁴

²⁶³ В оригинале ошибочно указано iv, 6. Использован перевод с др.-греч. Т. Г. Сидаша. — *Прим. перев.*

²⁶⁴ Это скорее пересказ оригинального текста. В переводе с др.-греч. (под ред. Г. В. Малеванского и др.): «Как и все смешанное, Эрот никогда не бывает полностью удовлетворен, поскольку истинное удовлетворение может принести лишь приобщенность собственной природе; порой он достигает того, чего страстно желает, но это обладание длится недолго — и вот он снова ни с чем. Любовь, таким образом, наследуя богатства умопостигаемого мира, в то же время, ввиду своей природной недостаточности, бывает и бессильна». — *Прим. перев.*

АВТОРЫ²⁶⁵

Абраксас (Abraха) — Эрколе Квадрелли (Ercole Quadrelli), последователь Джулиано Креммерца. Также использовал псевдоним «Тикайпос» (Tikaipôs).

Альба (Alba) — реальное имя автора неизвестно.

Арво (Arvo) — под этим псевдонимом могли публиковаться Юлиус Эвола (см. ниже) и/или князь Джованни Антонио Колонна ди Чезаро (Giovanni Antonio Colonna di Cesarò, 1878–1940), итальянский политический деятель и издатель.

Аром (Arom) — реальное имя автора неизвестно.

Лео (Leo) — Джованни Колацца (Giovanni Colazza, 1877–1953), итальянский философ и эзотерик, последователь антропософии Рудольфа Штайнера.

Люче (Luce, «Свет») — Джулио Паризе (Giulio Parise, 1902–1969), итальянский ученый и эзотерик, масон и неопифагорец, ученик Артуро Регини (см. ниже).

Осо (Oso, «Медведь») — Артуро Оноффри (Arturo Onofri, 1885–1928), известный итальянский поэт и писатель.

Пьетро Негри (Pietro Negri, дословно «черный камень») — Артуро Регини (Arturo Reghini, 1878–1946) — итальянский философ, математик, масон и неопифагорец, сторонник возрождения Римской империи. Один из руководителей группы «Ур».

²⁶⁵ Согласно Renato del Ponte, *Julius Evola and the UR Group* // Introduction to Magic, Vol. I, 2001, и Hans Thomas Hakl, *The "Magical" Gruppo di UR in Its Historical and Esoteric Context* // Introduction to Magic. Vol. II, 2019.

Сириус (Sirius) — Никола Москарделли (Nicola Moscardelli, 1894–1943), итальянский поэт и писатель.

Эа (Ea) — Юлиус Эвола (Julius Evola, 1898–1974) — известнейший итальянский философ-традиционалист. Один из руководителей группы «Ур».

Ягла (Iagla) — реальное имя автора неизвестно; по крайней мере часть статей автора под этим псевдонимом может принадлежать перу Юлиуса Эволы.